

БЕРИ ДА ПОМНИ

МЕЛЕКЕССКИЕ
ИСТОРИИ

Гордеев В.Л.
Бери да помни: Мелекесские истории. -
Димитровград. «Посад Мелекес», 2000. - 368 с., ил.

Цена договорная. 2000 экз.

Книга писателя и главного редактора журнала «Черемшан» Валерия Гордеева - это литературные истории, новеллы, документальные свидетельства об истории и людях Димитровграда, интересных судьбах димитровградцев, а также об исторических личностях, побывавших в этом городе.

Изд. лицензия: ЛР № 030267 от 27.05.97.
ISBN 5-85658-005-2

Валерий Леонидович Гордеев

Бери да помни

Редактор А.Ефремов.
Технический редактор Т.Царева.
Корректор О.Гордеева.

ПОСАД

"МЕЛЕКЕС"

Сдано в набор 1.11.99. Подписано в печать 31.12.99. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага типографская №2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,6. Учетно-изд. л. 23,2. Тираж 2000 экз. Цена договорная. Заказ № 6943.

Отпечатано в Димитровградской городской типографии. 433510, г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107.

ВАЛЕРИЙ ГОРДЕЕВ

**БЕРИ
ДА ПОМНИ**

МЕЛЕКЕССКИЕ ИСТОРИИ

Издано
по решению и с
помощью Главы
Димитровграда
В.А.Паршина

Валерий ГОРДЕЕВ – член Союза писателей России. Автор нескольких книг. Поэт, переводчик, публицист – впервые выступает как автор прозаических произведений. С его творчеством читатели знакомы по книгам, альманахам, газетным и журнальным публикациям как на территории России, так и в бывших республиках Средней Азии. Произведения русского писателя В.Гордеева переведены на татарский, башкирский, аварский, кумыкский, узбекский, казахский, туркменский, каракалпакский языки...

Он родился, живет и работает в Димитровграде. Сопредседатель Димитровградского писательского отделения Союза писателей России, главный редактор литературно-краеведческого журнала «Черемшан».

СОДЕРЖАНИЕ

Посад Мелекесс.....	7
История без начала и без конца.....	20
К Господу во храм	31
В ГЛУБИНЕ ВРЕМЕН	39
Мелекесский «Робин Гуд»	39
Разбойники	41
В степях кыргызских	43
ДВА МИРА.....	51
Мишулины.....	51
Евгений Аблов и Яков Пискалов.....	53
Иван Акимов.....	56
Василий Тараканов	59
Последняя экспедиция Фритьофа Нансена	66
Валериан Куйбышев	69
Нелегалы	73
Андрей полупанов и Сергей Павлов	76
Василий Чапаев	80
Иван Кутяков.....	84
Михаил Тухачевский	88
Лейба Бронштейн (Лев Троцкий).....	91
Григорий Кульков.....	97
Иван Межевов и Александр Жилкин.....	100
Григорий Хлыстов	104
Воздушные игры Серго Ордженикидзе.....	107
Однажды в Белозерье	109
Выгода.....	114
«МЫ У ГОСПОДА БОГА ПОБЛАЖКИ НЕ ПРОСИМ...».....	116
История русского офицера из посада Мелекесс	116
В МЕЛЕКЕССЕ БЫЛ И ФРОНТ, И ТЫЛ	164
Климент Ворошилов.....	164
Василий Баданов	166
Георгий Захаров и Иван Барсуков.....	169
Симонов	172
Поправка в историю.....	174
Михаил и Екатерина Скрябины.....	176
ПРИЧЕРЕМШАНЬЕ – КРАЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ.....	179
Николай Шелгунов	183
Александр Грин.....	185

Немировичи-Данченко	190
Ярослав Гашек.....	192
Александр Серафимович.....	196
Артем Веселый (Николай Кочкуров).....	198
Виктор Багров	203
Вася Анисси (Анисия Васильевна Княгинина)	206
Дмитрий Лескин.....	208
Владимир Губарев.....	213
Абдулла Гарипов.....	216
Лев Шейнин.....	220
Геннадий Зимняков.....	223

ПОСАД МЕЛЕКЕСС

Говорят, что мы с вами и нашим Мелекессом произошли на том месте, откуда далекие предки наши согнали исторических жителей здешних мест - калмыков...

Но в том у меня большое сомнение. Во-первых, если калмыки и жили здесь до появления казачьих первопоселенцев в Причеремшанских лесах, то куда канула культура их пребывания? Поселки, становища, капища. Если что и осталось - это древние, заросшие земляные валы, историками позднее определенные как «калмыцкие».

Во-вторых, новейшие исторические исследования, выстроенные на стыке летописным и расщеплениям на уровне ядра физических данных по остаткам материальной культуры доледникового периода, позволяют уже сделать вывод о том, что праславянские племена, спасаясь от надвигающегося обледенения, ушли в районы нынешних Ирана, Индии, Ирака, Сирии... Древние, почитаемые мудрецы и учителя нарождающейся в тех районах новой цивилизации звались ариями или арийцами, чья культура скотоводства, земледелия, верований, традиций, языка до сих пор запечатлена в мифах, легендах, фольклоре и даже современных нам языках и философии южных народов. Затем, видимо, было частичное возвращение праславян на места селения их предков. Туда, где шла оттепель, где вновь зазеленели леса. Где уже, может быть, и поселились калмыки. Хотя, сомнительно мне, чтобы нынешний степной этот народ шел на место своего нынешнего обитания тысячи верст, из лесов и болот...

Вполне допускаю, что их полудикие орды двигались вместе с праславянами из той же Индии и оседали дорогой по берегам маленьких речушек на границах лесостепей, исповедуя (не праславянское ли верование) буддизм, ассимилируя столетиями нашими предками.

И последнее. Примечательно, что первые казачьи (приграничные) поселения, особенно в наших краях, заселялись довольно мирно, без эксцессов. О каких-либо боях или стычках с калмыками нет сведений в летописях и воспоминаниях.

Мало того, современные татары, оседлавшие Волгу, среднее и нижнее течение Камы, в последние годы интенсивно воскрешающие свою историю, имеющие претензии к соседним народам, претендующие даже на Симбирск, - никогда не проявляли и не проявляют недружелюбия к населению Причеремшанья. Хотя именно татар и их предков некоторые историки склонны отождествлять с «калмыками».

И совсем уж нелепа легенда новейших времен о том, что наш Мелекесс основан чувашами. Братьями Мелем и Кессом... Всем хочется быть прародителем богатого и развитого ныне края. Выказать свое право первородства. Казаться значимее, древнее, цивилизованнее иных соседей. Всем, - кроме моего рода-племени - русских. Мы не оспариваем первенства, не ищем себе первородства, не возвышаемся над малыми, обидчивыми народами. Мы живем в добрососедстве со всеми, строим наш общий Мелекесс-Димитровград, потокаем во всех исканиях «самости» нацменам, обживаем свой край, заботимся о его благосостоянии...

Эта политика вот уже 300 осознанных нами лет проводится в Мелекесском посаде. Она дает хорошие всходы и плоды. Жаль, что под ее довлеющим значением мы - все вместе - утратили письменные да и устные памятники того, что происходило здесь и с нами 200 лет назад. Оттого моя книга лишь краем захватывает события века XVIII, неполно отражает суть происходившего в XIX-М. И рубеж, на котором я могу оперировать фактами, исторически достоверным знанием, проходит с начала века XX-го.

Итак, что мы можем сказать о нашем Мелекессе тех пока памятных лет? О судьбах и образах наших прапрадедов, их житие?

Через наш заводской поселок ранее проходил тракт на Оренбург, в народе прозванный «барановой дорогой», т.е. скотопрогонный путь. Еще его можно было бы назвать «соляным трактом», ибо оренбуржская соль вывозилась в центр через наше поселение. Или - «каторжанским трактом» - путем в Сибирь. В кандалах. Дорогой преступников.

Оттого долгое время Мелекесс слыл в Поволжье местом разбойничьим. Оттого Емельян Пугачев здесь формировал самые надежные ему ватаги лихие. Оттого так не любили ехать через Мелекесс ямщики-«дальнобойщики». От того чаще чем где-либо полыхали злоумышленно

подпаленные барские усадьбы вокруг Мелекесса. Оттого и по сей день в наших лесах ищут кладоискатели схороны разбойничьи, сундуки с драгоценностями. Оттого в черемшанских старицах и заливах, под сенью лесов, прятались и держали базы волжские пираты - ушкуйники.

Фамилии наши коренные: Царевы, Поповы, Скрябины, Скоробогатовы, Жарковы, Шумаевы, Пивоваровы, Швецовы, Гоголевы, Фадеевы, Понятовы, Морозовы, Солдатовы, Меньшиковы, Петровы, Павловы и даже немного Юдины...

Дела наши - винокуренные и пивоваренные, кожевенные, поташные, пеньковые, извозничьи, огородные, хлеборобные, льняные, мукомольные, пекарские, мясничьи, квашено-соляные, торговые, позднее - механические и суконные, - снискали особую, мастеровую славу мелекесскому люду.

Просвещение пришло в поселок при заводе с первопоселенцами. На дому у древней старухи, а потом отставного солдата учились «сорок учеников и четыре девки»... Потом - школа при первой деревянной церкви. «Профориентация» у поселковых знахарей, лесничество. Жили незатейливо: зимой - праздничные бега санных троек. Летом - коллективные чаепития из самоваров в дубравах...

Но к 1877 году, когда мы были объявлены посадом, у нас был полицейский пристав и 8 городских, Съезд мировых судей, почтово-телеграфная контора, земской начальник, следователь. С 1 по 8 декабря (по старому стилю) проходила Всевожская ярмарка. По вторникам и средам многолюдные базары.

С образованием посадской Думы и Управы, к 1910 году доход в городскую казну составлял более 50 тысяч рублей в год. Деловые люди Мелекесса были известны не только в Самарской губернии, но и по всей Волге, Уралу, Сибири. Они уже успешно осваивали рынки Европы... В чести были имена Марковых, Таратина, Алеевых, Бечина, Богутинского, Маркина, Климушина, Зайцева, Сергеева, Крылова, Владимирцева, Коломина, Жираева, Кичигина, Коробова, Нудина, Кудрявцева, Березина. И это на 8000 жителей!

Так кто же были они - наши предки? Кто же мы - их последователи? Каким был наш Мелекесс, какие судьбы здесь пересекались?

Теперь обо всем, что касается наших улиц, нашей истории и памяти, по порядку.

Городок наш в названиях его улиц как бы поделен надвое: одна часть сохраняет нам историческую данность с момента заселения какой-то части города или сохраняет все то, что указывает на принадлежность к данному поселению, историческим фактам, выдающимся личностям и - напроць аполитична. Другая часть, наоборот - отражает не совсем объективное положение агрессивно-напористого коммуно-советского периода нашей жизни. Как ныне примирить эти несоответствия? Как сохранить две противоположные идеологии, два уклада жизненных и на этой основе создать новое, объективное, неполитизированное историческое лицо города? Естественно, что я и сам сегодня не могу быть беспристрастным советчиком по историко-социальным вопросам, ибо никак не могу взять в толк и согласиться с тем, что три десятка улиц нашего города впрямую отражают суть только коммунистического прошлого, а еще около пятидесяти улиц названы совсем уж чуждыми нам именами. Сердцу моему, например, дороже исконно мелекесские обозначения: Волжская, Черемшанская, Мелекесская, Жигулевская, Театральная, Конная, Самарская, Парковая, Зеленая, Горная, Льнянщиков и т.п. улиц.

Нет возражений против проспекта Ленина - был такой исторический деятель, к тому же, еще и земляк. Коли породнились с братушками болгарскими, видимо, сохранится в истории и проспект Димитрова (хотя его первое название - ЭНТУЗИАСТОВ - более полно и точно отражало историю создания соцгородской части Мелекесса и нашего научного потенциала). Видимо, поскольку с именем первого лица в руководстве красной Самарской губернии тесно переплетена и мелекесская история советского периода, следует согласиться с существованием улицы Куйбышева. Или - с улицей героя гражданской войны, красного комдива, нашего земляка Чапаева...

Однако не переборщили ли мелекесские партийцы, утверждаясь на века в нашем городке, когда оставляли нам в наследство совершенно Мелекессу чуждые названия улиц: Маркса, Энгельса, Пролетарская, III Интернационала, Краснознаменная (хотя цвет госфлага уже иной), Комсомольская, Красноармейская, Дзержинского, Лазо, Щорса, Свердлова, Ленинградская (следует называть Санкт-Петербургской?), Баумана, Крупской, Кирова, Тельмана, Краснофлотская, Котовского, М.Тореза, Калинина, II Пятилетки, Рабочая, Первомайская и даже Лумумбы?

Можно еще согласиться, что улицы у нас носят имена военачальников Фрунзе и Тухачевского - они бывали в Мелекессе и соотносятся с историей города. Или - улица Гайдара. Сегодня это имя уже звучит со- временно, ведь Егор Тимурович, внесший серьезный вклад в историю реформизма в России, выглядит куда заслуженней деда-краскома Аркадия, а лет через тридцать наши потомки так и будут думать, что в городе увековечено имя создателя первой демпартии - Демократический выбор России...

Но кто сегодня мне объяснит, какой целесообразностью или заслугами перед мелекесцами, всем Поволжьем отмечены Маркс, Бауман, Щорс, Ватулин, Космодемьянская, Гастелло, Шевченко, Репин, Тимирязев, Лумумба, М.Торез, Р.Люксембург, Тельман, Киров или Дзержинский?

Опять же, можно оправдать привлечение в названия улиц имен тех, кто так или иначе связан с историей города: Калинина, Прониной, Л.Толстого, Гончарова, Пушкина, Матросова, Неверова, Е.Пугачева, А.Веселого, газеты «Власть труда», Тургенева, Баданова, Наумовой, Потаповой, Эшенбаха, Аблова, Пискалова, Хмельницкого, Шмидта, Тараканова, Кулькова. Можно согласиться, что имена Горького, Гоголя, Лермонтова, Суворова, Кутузова, Чкалова, А.Н.Осгровского, Ст.Разина, Чернышевского, Жуковского венчают наши улицы потому, что их носители жили-были в Симбирской и Самарской губерниях, значит, близки и нашей истории. Согласен, что со спецификой работы НИИАРа могут быть увязаны имена Менделеева, Курчатова, Королева, но чем объяснить и оправдать «подаренные» городу улицы имени Циолковского, Гагарина, Титова, Терешковой, Чехова, Некрасова?

Однобоко выглядит история революционной поры в Мелекессе. Посмотришь на названия улиц и переулков, и времена братоубийственные предстают перед нами только в жертвах белого террора. Здесь патриоты и люди достойные - все коммунистического окраса, вроде бы только они о благе народа думали, их правда была прямее... Масленников, Калугин, Бакаев, Марфин, Лебедев, Ганенков, Парадизов, Андреев, Земин, Черепанов.

Спору нет, жалко их загубленные жизни. Но были ли они столь достойными людьми в том хаосе? Не они ли сами творили террор красный над своими же земляками, только несогласными с их идеологией? Да так, что и имена людей достойных с другой стороны из истории вымарали и, похоже, навсегда. Хотелось бы вчитываться в таблички с именами, дорогими сердцу каждого урожденного мелекесца: Таратин, Климушин, Аржанов, Богутинский, Бечин, Бурков, Зайцевы, Алеевы, Крылов, Сергеев, Яровой, Хайдаров, Владимирцев, Кичигин, Колонин, Кудрявцев, Сосновский, Ананьев (деловые люди); Шулаев, Жарков, Шевцов, Юдин, Пивоваров, Павлов, Морозов (первопоселенцы): Равенские, Сироткины, Калинин, Урядинский, Кухарский, Смагин, Чимбарцев, Анкин, Кочкуров, Яблонский, Сатрапинский, Чоловский, Цель, Мочалов, Конобеевская, Колюбякина, Лепешкина, Ишеевская, Никифиров, Орлов, Федотов, Остабике, Сокольский (интеллигенция): Алашеев, Смирнов, Кабцан, Родников, Пекарский, Михайлин, Мызгалов, Голубев, Акимов, Турза, Гладилин (политические деятели не коммунистической ориентации). А сколько имен уже не воскресить!

Вроде бы, проще с улицами, которые поименованы в честь воинов второй мировой. Да, здесь нам есть чем гордиться: Герои Советского Союза Барышев, Яшнев, Матросов, совершившие ратные подвиги Баданов, Потапова: улицы героев Свири, Гвардейская, Победы, Юнг Северного флота и т.д. Но, скажите мне, какое отношение имел Мелекесс к подвигам Расковой, Осипенко, Чайкиной, Дубинина, Кошевого, Шевцовой, Громовой? Или - к боевым операциям, что отражены у нас в названиях улиц: Черноморская, Крымская, Донская, Партизанская?

Я понимаю, что в день рождения комсомола или в День Победы - ну очень хотелось отличиться, аж зуд шел от горкома КПСС... И брали явные подвиги и имена, самые

распропагандированные и безопасные оттого. А почему же до сей поры не увековечены у нас мелекесские ге-рои Юносов, Шулаев, Шутов, генерал Захаров, военврач Мусорова, полковник-морпех Гордиенко или 244 воина, умерших от ран в госпиталях Мелекесса, 58-я гвардейская дивизия, формировавшаяся у нас? Что, подвиги их - в цене меньшие, или люди это были более свободолюбивые и непредсказуемые по большевистским меркам? Может быть, в городе Париже подвиги военлета и командующего полком «Нормандия-Неман» Захарова виднее и человек ценнее, за что ему дают высшие награды республики и избирают почетным мэром столицы Франции, чем в Димитровграде? Может, фамилия Мусоровой выглядит с пропартийной точки зрения менее благозвучно на уличной табличке, чем фамилия члена комревла Тараканова?

На этом вопросы не исчерпываются, как хотелось бы. Ищу и не могу найти целесообразности в том, что новостройки последних лет по дурному обесцениваются идиотскими названиями. Кто ответит за то, что в поволжском городке вдруг возникли улицы: Московская, Братская, Байкальская, Енисейская, Ангарская, Северная, Сибирская, Алтайская, Невская, Севастопольская, Фестивальная, Печорская, Уральская?.. Не иначе, как от ностальгического настроения пришедших в руководство города людей!

Вот улица Камская (река, с которой пришли на Черемшан наши предки) - понимаю. Самарская и Ульяновская - принимаю. Дорожная, Промышленная, Коммунальная, Строителей, Крестьянская, Трудовая, Федерации, Металлистов, Мостовая, Автостроителей и даже Березовая - могу понять. А вот Кавказская - ну никак! Хоть бы ее лицами данной национальности заселить, чтоб понятней было...

Есть у нас улица Маяковского. Мне, как поэту - приятно. Но совсем не понимаю, почему нет улицы первого из мелекесских поэтов С.Денисова, красного сатирика большевиков - Я.Гашека, репрессированного и сосланного в Мелекесс А.Лебедева, известного татарского писателя Хайдара Салимова-Узе, классиков русской литературы Соллогуба, Григоровича, А.Толстого, очеркиста Никитина, Я.Рогачева?

Удивляюсь, что мы будем помнить композитора Бородина (в связи с чем носит улица его имя?) - и совсем не будем знать своего земляка, всемирно известного музыканта Файзуллу Туишева, много сделавшего для города. Мы обозначили свое «трепетное» отношение к акции декабристов через наименование улицы именем Пестеля, но даже не вспомнили первую из жен сосланных в Сибирь бунтовщиков - легендарную подругу нашего земляка Ивашева француженку Камиллу Ледантю, не раз бывавшую в Мелекессе...

И еще одна «болячка» - в городе 5 улиц названы «линиями». Причем, безымянные, они и собраны невпопад: 1-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я! У нас, как это ни прискорбно, две улицы Кирпичных, Ленина, Базарных; есть улицы и переулки Куйбышева и Тургенева; прерваны на середине и продолжены в другом месте «двойняшки» - Братские и Победы. Мне лично совершенно непонятно, зачем в городе есть улица им. 50-летия Октября? В честь этого преступного и антинародного переворота с вооруженным захватом власти названа улица Октябрьская. Ну есть, есть уже приснопамятный октябрь в памяти и истории нашей! Не было бы ли разумнее вернуть городу добрую старую улицу, превратив ее из 50-летия Октября в исторически обозначенную предками НАБЕРЕЖНУЮ?! Тем более, что идентичное название 50-летия Октября носит совершенно перпендикулярная улочка на берегу Верхнего пруда - туда бы и дорога ей...

И теперь, возвращаясь к исторически обусловленным именам и событиям, к тому, с чего этот материал начат, хотел бы высказать некоторые соображения. Верю, что на пересечении ул. Гагарина (бывшая КООПЕРАТИВНАЯ, а ранее - КОННАЯ) с ул. Т.Потаповой (бывшая ЛЕСНАЯ), Кулькова (бывшая ЛУГОВАЯ), Тухачевского (бывшая СУХОДОЛЬСКАЯ), Аблова (бывшая НИКОЛЬСКАЯ), III Интернационала (бывшая БОЛЬШАЯ, а ранее СКОТОПРОГОННЫЙ ТРАКТ), Хмельницкого (бывшая ПОСАДСКАЯ), Комсомольской (бывшая ПОЧТОВАЯ) - появятся извещающие об этом красивые вывески. Что улица Серебрякова (по утверждению краеведов, это фамилия одного из первопоселенцев посада) наконец зазвучит как ей и положено - СЕРЕБРЯКОВАЯ, т.е. будет отражать то, что на ней раньше предки серебрили сбрую конную, зеркала, монеты и браслеты для посадских барышень. Что на ул. Земина означат бывшую ЛИТЕЙНУЮ, на Куйбышева - СТАРОЗАВОДСКУЮ, на пл. Советов - пл. БАЗАРНУЮ, (или ТОРГОВУЮ), Пушкина - ГОРНУЮ, Дзержинского - ПРОЛОМНУЮ, Баданова -

КУЗНЕЧНУЮ, Калугина - КОЖЕВЕННУЮ, Конной -ЛОМОВУЮ, Марфина - ВЫГОННУЮ, Черемшанской - ПОТАШНУЮ, Козлова - ПЕСОЧНУЮ, Прониной - БОЛЬНИЧНУЮ, Кошечкина - СТ. КИРПИЧНУЮ, Багаева - ВЫСТАВОЧНУЮ, Чапаева - ЧУВАШСКУЮ, а на трех сразу: Краснознаменной, Черноморской и Большевиговской обозначится одна старая, но так дорогая нам ПИВОВАРЕННАЯ!

Хотелось бы, чтоб в город вернулись и другие названия из старого далека: СТАРО-ВОКЗАЛЬНАЯ, ВАСИЛЬЕВСКАЯ, НОВО-СОБОРНАЯ, ФАБРИЧНАЯ, МЕЛЬНИЧНАЯ. А к ним пора бы уже на свежую голову (не забитую комдогмами) обозначить в городе улицы именами Петра Палласа - первооткрывателя земель наших в Причеремшанье, В.Н.Та-тищева - наместника, летописца, естествоиспытателя и устроителя по-селений по Мелекесске, Ст.Дырченкова - первого основательного краеведа, создателя музея истории города.

Было бы разумным ул. III Интернационала переименовать в бульвар Марковых - основателей торгового дела, самого посада, его эффективнейшей Думы и их однофамильца - историка и первого директора музея -Николая Ивановича Маркова. Было бы разумным и на табличке ул.Аблова инициал «Евг.» сменить на имя отца «пламенного убийцы городского Головы КГ.Маркова» - Николая. Этот хоть известен, как основатель типографского дела в посаде. И пользу нам принес реальную.

Да разве мало в Мелекессе-Димитровграде имен, которыми будут гордиться потомки?! Это и герои труда, и кавалеры орденов Славы, генералы и профессора, писатели и артисты, художники, учителя-просветители, ученые мирового уровня, как, например, первый директор НИИАРа Казачковский... Только успевай разворачиваться, перелистывать историю объективную, находить дела, имена, даты великие.

Самым точным инструментом, измеряющим благосостояние общества, его экономику, социальное состояние семьи, была в России традиционно ярмарка Эта своеобразная биржа, где регулировались и устанавливались цены как минимум на полугодие, где исследовалось состояние товарной массы и запасов сырьевых и продуктовых ресурсов, где не только шла распродажа, но и проводились выставки, презентации, заключались сделки, союзы, договоры о поставках. Где, в конце концов, был праздник для души и тела, веселие, похвальба зажиточностью. Почему-то принято вести отсчет с ярмарки в Нижнем Новгороде - самой богатой, средоточия всех путей российских и заморских, вдохновлявшей литераторов и актеров. А ведь на Руси великой полугодичные ярмарки собирались в каждом уезде, посаде, волости. Дело было громкое и выгодное всем.

По воспоминаниям очевидцев в «захолустном» посаде Мелекесс ярмарки бывали «под весну и под зиму». «Захолустье» наше было пересадочным пунктом на старинном и известном государственном тракте - Оренбуржском. Дорога эта проезжими, торговыми, оказными, военными путями соединяла Запад - через сердце России - Московию - с Центральной Азией, степью. А далее - через Синцзянь и Гиндукуш - с остальным азиатским миром материковым и островным. Ну как тут не быть особой ярмарке!

Чем похвалялись наши предки перед миром? Товаром особым и натуральным. Спросом пользовались хлеба с мелекесской нивы (в т. ч. и фураж) и скот, кожи, пенька, лыко, древесина корабельного звания, соленья, варенья из продуктов лесных, огородно-садовых, мясные и молочные продукты, травы духовитые и лечебные, коренья заговорные, подсолнечное масло и жмых, мануфактура, шерсть, сукна, льняные полотна, вина и пиво, бондарные изделия, выпечка, лубяные, глиняные, деревянные поделки и безделицы, кованые узорочья, швейные и тканые коврики, покрывала и полотенца. Да мало ли чего умели и имели домовитые и трудолюбивые мелекессцы.

Это они наладили и пустили новейшие станки лондонской фирмы «Байт, Чайльд, Бэней» и белфастской «Джемс Маки и сын» на льнопрядильной ткацкой мануфактуре и «завалили» Поволжье пряжей, мешками, брезентом. Никто ныне и не поверит, что более 80 лет назад в

Мелекессе варили не одно пресловутое «Жигулевское», как сейчас, а чешское экспортное, черное, пльзеньское, венское, столовое, бархатное, трехсосенское и еще многие другие сорта пива три пивоваренных завода. Славились в округе мелекесские портные, скорняки, печники, сапожники, ювелиры.

Городок насчитывал до 200 торговых заведений - это на восемь-то с небольшим тысяч жителей. При тракте бойко торговали мануфактурщики, кожевники, меховщики, бакалейщики, скобари, кондитеры и булочники, колбасники. Еженедельно собирались волостные базары. Но самым чтимым торговым праздником была Никольская ярмарка (видимо, по названию главного посадского храма на площади - Свято-Никольского, в день Святого Николая-Чудотворца). Мед лился рекой, шум стоял невообразимый от криков тысяч кур, уток, гусей, поросят. Стояли сотни крестьянских возов из окрестных сел, торговцы занимали всю площадь, улицы, выставляя свои товары вдоль палисадников. Дымили передвижные печи, на которых варились пельмени, щи, пекли пирожки, крендели, булочки. Ближе к мосткам через заснеженные берега Мелекесски сновали китайцы, индусы, узбеки. В этих рядах - заморские сласти, дыни, виноград. Разноцветье и грохот хлопушек, трещоток, блеск фонариков, пестрые ленты змеев. По городу носились на рысях разряженные тройки с бубенцами, голосили гармошки. И в центре обязательный атрибут ярмарки - карусель - утеха всей посадской ребятни.

Кстати, эта традиция отмерла не так уж давно. Еще на моей памяти устанавливались карусели и балаганы в Мелекессе по торговым дням в детском сквере по улице Гагарина и на базаре. Мы, ребята 60-х, крутились на них до упаду. Кончились гривенники - лезь на «второй этаж к механизму» - бегом раскручивать балки у барабана карусели. Три запуска бегаешь, катая других, четвертый - сам восседаешь на лошади среди публики. И так - весь световой день.

Но самое таинственное действо ярмарки, которого с замиранием сердца и восторгом ждут и стар, и млад, - это цирковое представление. В начале века самым известным представлением в России было факирство Дмитриуса Лонго. «Отработав» свой коронный номер в Нижнем, он отправлялся по городам и весям российским. И аж дважды был желанным гостем в Мелекессе.

Труппа Лонго - это был целый театр весьма замысловатого действия. Сняв большое помещение (чаще всего магазин), они сооружали в нем эстраду. Стены завешивали плакатами, муляжами наяд с рыбьими хвостами, на высоченной мачте у входа выставлялся красочный громадный щит. На нем - изображенный великан Вакулин в безрукавке, красной рубашке с шелковым кушаком, плисовых шароварах, с гармошкой в руках и в ямщицкой шапке с павлиньим пером на голове, - прикуривал от уличного фонаря, а на его правой ладони сидела лилипутка в красном платье с громадной хризантемой на груди. На такую приманку народ валил валом.

Представления шли два-три дня с 10 утра до 12 ночи. Вход - от двадцати копеек до полтины, самые дорогие места занимали почтенные гости - на стульях в первом ряду.

Лонго обычно заявлял, что в посаде они проездом, по тракту из Нижнего - в Персию. «Коронкой» представления был сам Лонго, именовавшийся единственным в мире факиром-дервишем и спиритом. Успехом пользовались великан Вакулин (высота его была больше четырех аршин) и лилипутка Жозефина Крон (рост - 50 см). Визг восторженного зрителя и азарт потрясали здание, когда на арене возникал театр дрессированных тараканов - невероятное чудо природы!

Ох, наивные и неискушенные наши прадеды и прабабки! Их до глубины души поражали мистификации Лонго вроде сенсационного номера: отрубание головы ассистенту или любому из публики на лобном месте. Потрясал их и двухголовый теленок, демонстрируемый Лонго, искусно крепившим вторую голову (муляж) к туловищу обычного телка. Под аханье и вскрики обморочных баб Лонго ходил босиком по горящим углям, остриям персидских и турецких сабель, ложился на доску, утыканную острыми гвоздями, пил расплавленное олово, глотал шпаги, вызывал духов, вынимал из глазницы собственный глаз и засовывал его обратно...

«Канавинский Шаляпин, придворный артист шала персидского и хана каханского, эмира бухарского, кавалер ордена Звезды «Льва и Сердца», Лонго более 50 лет актерствовал на ярмарках Поволжья. С ним бесполезно пытались соперничать в популярности в Мелекессе шествие шарманщиков и паноптикум-музей чудес, номер «Планета счастья с механической игрушкой» и «Горилла, похищающая женщин». Когда номера Лонго были «обкатаны» по всем поволжским городам и посадам, он «выкидывал» следующую штучку, например, показывал анаконду или

говорящих воронов и попугаев. В нашем посаде во второй свой приезд артист демонстрировал настоящего крокодила длиной в аршин, лежащего в ванне с теплой водой, которому Лонго спокойно совал на представлениях свою руку в пасть. Понятно также, как реагировали мелекесцы, когда ворон пел публике: «Ах, мой милый Августин» или ругался нецензурными словами...

Как и по всей Руси великой, в нашем посаде очень уважали цыганские хоры и ансамбли. На наших ярмарках бывали так называемые «чиндыри» известнейшего в России хора Федора Соколова, правда, не первым составом. Но в своих первых концертах в провинции «составляли» имя и славу известнейшие позже Гольникова, Шишкина, Александра и Мария Масальские, Поляков. Мелекесские толстосумы руки отбивали в овациях и тратили чуть не половину ярмарочного дохода, только бы увидеть коронные цыганские пляски Софьи Лебедевой, колоритной Раи Золотаревой или изощреннейшей Маши Артамоновой. Впоследствии посадские купцы лицеизрели асов цыганского искусства, выросших из ярмарочных гастролей до самых престижных и дорогих в России ресторанов-театров: «Яра», «Вилла Родэ», «Стрельня», просаживая там целые состояния.

В Российской империи даже распоследний старьевщик и нищий - были подданными государевыми, детьми державы. Все основательно понимали: труд каждого - это укрепление мощи государства.

Так вот, самая неприкасаемая каста в России была - бурлацкая. Да и по картине Репина мы видим эти отбросы общества, истязаемые за гроши под бечевой... Действительно, мокр и тяжел был их труд. Но - настолько же почетен и уважаем, ценим. Как бы вопреки Репину, знаменитый волгарь Ф.Шалапин любил в концертах исполнять бурлацкий «шлягер»:

«Мы по бережку идем,
Песни солнышку поем!
Ай-да да ай-да,
Ай-да да ай-да...»

Нужно отметить, что бурлаки-то именовались судорабочими - просто и точно. И категория таковая была и в нашем посаде, ибо баржи- плоскодонки и барки парусные с товарами или сырьём хаживали Черемшаном в Волгу и обратно. А главной тягловой силой их до пристаней Никольской и Ерыклинской были местные артельные люди - бурлаки, передававшие бечеву под Сенгилеем или Новодевичьем своим этапным сотоварищам.

До 300 тысяч человек по России, преимущественно русское население, занималось бурлачеством. Питались бурлаки артельно, всем миром.

В месяц каждый бурлак съедал 3 пуда хлеба, 20 фунтов (8 кг) мяса и еще столько же рыбы, 20 фунтов круп и гороха, по фунту постного и скоромного масла, фунт соли, сотню яиц, лук, толокно, капусту, выпивал ведро молока и т. д. В месяц на харч у каждого уходило около 71 копейки. Суточный рацион судорабочего того времени по калорийности приближался к тому, который сегодня должен получать летчик сверх- звуковых самолетов - около 6000 калорий! За навигацию заработок бурлака составлял до 10 рублей (пуд говядины стоил 45 копеек)...

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что наши современники в отличие от бурлаков не только скудно питаются, но и теряют здоровье из-за вреда, наносимого техническим прогрессом загубленной экологии региона.

Далеко ли мы ушли от бурлацкого времени наших предков? Обживаемся в космосе, создаем невиданные компьютерные программы, а в то же время живем малорадостно. Как говаривали волгари-земляки: голодное брюхо к сказкам глухо...

Меня всегда удивляло, что выпускники провинциальных российских гимназий со знанием дела и предмета могли уже при советской власти работать учителями иностранного языка, математики, словесности, пения, рисования, черчения, естествознания. Им не нужно было переквалифицироваться, дополнительно учиться. С ними считались, консультировались даже их коллеги-педагоги с высшим советским образованием. В дореволюционной России достаточно было получить восьмилетнее образование в земском начальном училище а затем пройти полугодовые курсы, чтобы получить звание земского учителя. А то, что на всю семиклассную школу в деревне было всего 2-3 учителя, преподающих все предметы по всем возрастным группам, говорит о качестве подготовки педагогов многое.

Поэтому никогда и никак не соглашусь с утверждением нашего земляка Владимира Ульянова, что «старая школа заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников».

Обращая эти слова к комсомолу и молодежи, Ульянов хитро утаивал тот факт, что сам он, имея за плечами лишь одно полное образование (Симбирская гимназия), великолепно владел после ее окончания немецким, латинским, французским и древнегреческим языками. Хорошо знал духовную литературу. Мало того, что он мог в подлинниках читать скажем, Гомера или Овидия, он в своих работах свободно пользовался латынью, без проблем общался в эмиграции с немцами и французами, самостоятельно готовился по университетскому курсу, сдавал экзамены в вузе экстерном. Так ли уж плоха была школа «старого образца»?

Только в 1884 году в нашем уезде было уже 50 сельских начальных школ на 13000 детишек от 7 до 16 лет. В самом городе была одна министерская второклассная школа с пятилетним сроком обучения (для детей мещан, купцов, кустарей), две церковно-приходских школы для мальчиков и одна - для девочек, одно ремесленное училище. В 1903 году открылись мужская и женская гимназии, в 1905 году - учительские мужские русская и татарская семинарии. В них к 1902 году уже училось более 600 детей, а всего жителей в посаде было около 8000 человек!

Коллективный снимок последнего выпуска Мелекесской женской гимназии перед революцией.

И это не считая шести училищ при мечетях в уезде. К 1914 году в уезде было уже 47 только земских школ. А число учеников выросло до четырех тысяч человек. С 1911 года был введен в действие план по всеобщему начальному образованию, который внедряли 102 учителя.

Здесь следует отметить, что самоотверженно на ниве образования «старого образца» служили люди, поистине преданные учительскому труду. Такие как дочь царского генерала Вера Исаковна Мираксова, с 1887 по 1919 годы жившая в Хмелевке, где ее жизнь оборвала бандитская пуля. Или выпускник мелекесской учительской семинарии и озерского второклассного училища, будущий писатель Александр Скобелев (Неверов).

Конечно, были и другие примеры. Так, гласные мелекесской посадской думы некие Фишер и Слободчиков яростно выступали против строительства гимназии, считая это «излишеством».

Интересно, что учебный год шел с 15 октября по 1 июля; примерно столько же, сколько и сегодня. Обязательным считалось, чтобы в школах детей обучали пению, ремеслам (плетению корзин, сельскохозяйственному труду на пришкольном участке, вязанию кружев, кройке и шитью). Школьным девизом была фраза: «Бога бойтесь - царя чтите!».

Только для того, чтобы оттенить истинный «старый образец» школ от того, что получили мы после Великого Октября, позволю себе еще чуть повспоминать...

Прикрываясь лозунгом о всеобщей грамотности и культурной революции, большевики, как всегда, извратили то разумное, доброе, вечное, что закладывали в образование их предки. Кто в 1918 году пришел на смену высокообразованным «старорежимным» учителям? Как пример, возьму заведующего отделом образования Рязановской волости Алексея Маврина. Да, преданный боец партии, но... крестьянин села Кондаковки, где два года ходил в ЦПШ (церковная школа), два года в окопах воевал против германцев - вот и вся его педагогическая подготовка.

Мария Пискалова (жена предрика посада) - работница фабрики, заняла сразу две должности: инструктора уездного отдела образования и зав. подотделом УНО по охране детства...

О чем можно говорить, если их идол и вождь В.Ульянов с первых дней советской власти требовал: «...безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке». Без этого не может быть политики? «Азбуку революции» он подозревал не в знаниях, накопленных человечеством, а в том, что сам же и учредил Чрезвычайную комиссию - грамчека для борьбы (!) с безграмотностью. Для вбивания в темные головы ПОЛИТИКИ, какую исповедовал сам!

По воспоминаниям, в те годы в классы новой школы набивали принудительно по 40 детей и 80 взрослых учеников! На все лады они под взмахи партдирижеров скандировали по слогам: «Рабы - не мы! Мы - не бары!» И даже самая святая на Руси книжица «Букварь», который чтили в самых глухих деревеньках, теперь наробразованцы именовали подметчиво «Тары-бары»...

Интересно, как готовили педагогов. Оказывается, для этого стало достаточно полуторамесячных курсов - нет, не учителей, а, по-луначарски, шкрабов - школьных работников. Вы только вслушайтесь в языковую тарабарщину советских времен, когда ребятишек пугали всеми этими грамчека, УНО, волком (волостной комитет), волнаобразом (волостное народное образование), соцвосом (профсоюз социального воспитания)...

Если выше я говорил о том, что к 1914 году у нас было 102 учителя, то к 1926 году на весь подросший город - 8 шкрабов. Не хочу идеализировать прошлое и его систему образования. Просто нам сегодня необходимо лишний раз приостановиться в суматошной гонке по охвату всеобщим средним... оглянуться на «старый образец», вычленив и понять все то ценное, что мы утратили за этот век. Попытаться найти в архивах оставленные труды таких наших предков, как инспектор земских училищ и школ Ставропольского уезда А.Каменецкий, священник и законоучитель Мелекесской учительской семинарии О.Владимир (Сокольский), директор Мелекесской мужской гимназии дворянин Калинин, народная учительница А.Цибисова (выпускница женской гимназии) или преподаватель латинского языка Петр Степанович Урядинский.

В Казани он был любимым учеником университетского профессора Ильнинского, известного деятеля по разработке программы образований инородцев на основе совместного обучения с русскими детьми. Позднее Петр Урядинский опишет своему учителю опыт работы в медресе села Аллагулово, где впервые Исмагил мулла открыл класс для девочек мусульманок (что раньше запрещалось правоверным), учительницей в котором работала жена муллы «остабике». Естественно, что вслед за профессором Ильнинским Петр Степанович радовался тому, что хлопоты его учителя были учтены в монаршем указе: татарских учителей освобождали от воинской повинности.

Всего пять выпусков своих питомцев успели сделать мелекесские гимназии до июня 1917 года. Позже все они полнили ряды советской интеллигенции «старой закваски», многие стали известными людьми, например, А.Мишулин.

По-разному относились они к своему латинисту Урядинскому, но никто из них - от сельского учителя до ректора ВПШ при ЦК КПСС - не мог не признать, что знание этого «мертвого» языка помогло в жизни, подняло уровень их интеллекта.

Таковой была и моя бабушка - Прасковья Федоровна Авдеева - однокашница А.Цибисовой по гимназии. Латынь ей пригодилась в медицинской практике.

Даже ярый враг своего учителя революционный «гаврош» В.Аблов не мог бросить камня в латиниста, описывая его как контрреволюционера в своей книге «Из юношеского далека»:

«...отличный знаток латинского языка. За эту влюбленность в лаконичный, столь привлекательный краткостью и простотой своей латинский язык мы в какой-то мере и ценили Урядинского».

Большевистские идеи просветитель и умница Петр Урядинский никак не мог ни принять, ни приветствовать. Он чуял за ними то злое и темное будущее, которое привелось пройти нам всем. Потому не было в гимназии более рьяного противника «коммунистического анархизма» 16 и ревностного сторонника державного порядка, чем Петр Степанович. А когда он отобрал у Аблова-юнца во время уроков револьвер, хорошо понимая, что эта «штука» передана ученику его старшим братом-смутьяном Евгением, председателем посадского Совдепа, то не только поставил перед директором гимназии вопрос об исключении из учебного заведения вдохновителя и лидера пробольшевистской юношеской организации «Союз шестых классов», но и пошел в Совдеп к старшему Аблову и закатил ему скандал, не думая о последствиях стычки с лидером большевиков.

Осенью 18-го Урядинский, как и все честные люди, открыто и радостно воспринял освобождение города совместными войсками Комуча и Чехословацкого корпуса от красной заразы. К тому времени латинист, бывший член партии кадетов, естественно, как сторонник монархизма, был вычищен из народного образования и остался на иждивении матери-старухи. Кормились огородом. Сугубо гражданский человек, Петр Степанович не мог, да и не хотел, связываться с оружием в руках в боевые действия. Но стоять в стороне от работы на благо посада, общества, тем более партии, в которой он состоял пусть временно, но ставшей правящей в Поволжье на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, он никак не мог. В отличие от большевиков кадеты формировали свои органы управления из людей интеллигентных, профессионалов, образованных. Наверное, потому и ошибок в действиях местного самоуправления во время Комуча было куда меньше, чем за 70 лет советской «науки».

Ученые-ленинцы, злобствуя, описывая те события, так и не смогли бросить сколь-нибудь увесистого «булыжника» (оружия пролетариата) упреков в сторону оппонентов во взглядах на власть в России.

Сильно утрируя действительность, Виктор Аблов в своей книге пишет, что когда он, арестованный на позициях красноармейцев в Симбирске с оружием в руках, был доставлен для разбирательства в событиях 1917-1918 годов, «...суд надо мной поручено было вести «тройке» из учителей гимназии во главе с латинистом Петром Степановичем Урядинским».

Суд - это громко сказано! Во-первых, до суда должно было производиться подробное расследование проступков. И этому правилу неукоснительно следовали законники Комуча - правительства подлинно демократического.

Во-вторых, ни Урядинский, ни его коллеги не могли в силу своего воспитания, уважения к профессионализму, образованности взять на себя судебские функции, ибо в юриспруденции подготовлены не были.

Считаю, что они исполняли в посаде функции гражданской следственной комиссии, определявшей степень виновности задержанных, чтобы потом на настоящем судебном процессе можно было избежать ошибок в определении наказания. Кроме того, все они были коренными жителями посада, хорошо знавшими местные условия, общество, характеры и мотивы поступков земляков.

Аблов намеренно скрывает в воспоминаниях свое участие в подпольной деятельности посадской организации РСДРП (б), вооружение своих сверстников и создание из них молодежного террористического отряда, участие в расстреле членов посадской Думы и городского головы К.Маркова, службу в частях Красной гвардии, помощь старшему брату в экспроприации посадского банка, разбоях и грабежах имущества деловых людей Мелекесса, вывоз ценностей в Казань, нападение на конвоира во время этапирования в посад и нанесение солдату увечий.

Уже одного из этих эпизодов его юной биографии по законам Российской империи, тем более в военной время и в чрезвычайных обстоятельствах, было достаточно, чтобы схлопотать пулю без суда и следствия.

А интеллигентные учителя из его гимназии больше недели опрашивали кривлявшегося и хитрившего на допросах двоечника Аблова, пытаясь сохранить жизнь мальчишке. И это им удалось. Хотя, как бахвалится коммунар, якобы этому решению способствовала угроза расправы над семьей Урядинского, которую подметным письмом дружки Аблова заслали старухе-матери латиниста с подписью: «Ваши ученики». И опять, якобы вняв этой угрозе (в чем сомневается и сам автор), Урядинский, отпустив своих следователей, «сообщил мне: «Отправим тебя в Самару. Там рассудят, что делать с тобой и твоими друзьями по разбою. Я же умываю руки».

«Жалкая душонка буржуазного интеллигента! Тут она проявилась у латиниста во всей своей трусливой и лицемерной наготы», - восклицает обличитель Аблов. К сожалению, даже в 1967 году, когда он писал свою книгу, он так и не осознал, что Урядинский своим поступком спас ему - непутевому - жизнь. Задержи его подольше учитель в родном посаде - стенки бы хулигану не миновать. Мелекесцы могли устроить самосуд над большиевичком. Ведь сам Аблов пишет далее:

«В ее глазах (матери - авт.) была и радость встречи, и смертельная тревога. Исхудавшая и взволнованная, она торопливо рассказывала: отец в Матвеевке... Укрывает его знакомый чуваш. В доме все забрали - и одежду, и продукты. Откопали и оружие. Грозились убить. На базар пойдешь, в тебя - камнями. Ничего не дают. Говорят, твой муж и дети Христа продали, дьяволу служат».

После самарской пересыльной тюрьмы юного Аблова «запаковали» в арестантский вагон и погнали в глубины Сибири, в тыл директории А.Колчака. Потом был концлагерь для политзаключенных - судьба, конечно, не сахар... Но Виктор Николаевич остался жить и служить родной партии, внедряя в нашу жизнь задумки и дела В.Ульянова, а затем И.Джугашвили. А вот его старший брат - Евгений, не попав в руки «тройки» Урядинского, был попросту убит под Казанью. С ним цацкаться не стали. Некому было.

Тяжело переживал крах Комуча и Директории Петр Степанович Урядинский. Понимал он, что в посаде ему оставаться больше нельзя. С 18 наступавшими частями мог появиться в городе мститель Аблов. Да и умница-латинист, узнавший большевистские порядки, осознавал, что для образования на «красный лад» ни дворянину Ульянову, ни его комиссарам латынь не будет нужна никогда! Попрощался с мамой, словно предчувствуя, что видятся они в последний раз, собрал дома узел с вещичками и вместе с отступающими русскими войсками подался на Уфу. Оттуда - на Новониколаевск... в Иркутск.

В холодных глубинах Сибири затерян его след. Мог, как атаман Семенов, оказаться в Харбине, а мог, как его кумир, адмирал русского флота Колчак, кончить свои дни с пулей в груди подо льдом быстрой Ангары...

С его уходом, с уходом из нашей жизни всех его коллег-педагогов, образования «старого образца» и Россия, и все мы, уже третье поколение, потеряли многое. Словно произошла насильственная ампутация нашей памяти, разума.

Хорошо об этом пишет Борис Васильев: «Благодаря деятельности советской власти человек разумный сменился обучаемым, неспособным мыслить в широком диапазоне, привыкшим оперировать набором из нескольких клише, не более... Словом, бескультурие и поверхность - наши основные и очень опасные враги... Пока же отсутствие интеллигенции ведет к тому, что мы топчемся на месте и совершаем одну ошибку за другой».

Нам, мелекесцам, призадуматься бы над тем, какое имя сегодня дано тихому и древнему посаду... Насаждая свою антинародную и наглую идеологию, бывшие руководители СССР, называвшие сами себя коммунистами и поступавшие вопреки сути этого учения, беззастенчиво именовали своими и своих подельщиков именами города и веси российские.

Так осуществлялся идеологический геноцид практически против всех народов СССР, и люди обращались в беспамятство, отвращались от своих традиций, заветов предков, национальной культуры. Так и мы оказались в окружении Куйбышева и Ульяновска, Тольятти и Чапаевска.

Маленькая болгарская деревушка Ковачевицы дала миру одиозную личность - Георгия Димитрова (по отцу Михайлова). Три брата и две сестры его - вечные бунтари - помогли сформироваться и самому «буревестнику болгарской революции». Литература о нем бахвалит: с 12 лет наборщик в типографии, потом его учителем и воспитателем стал Рабочий класс. Сам малограмотный и невежественный, этот класс воспитал себе достойного сына.

«...Кто не хочет быть наковальней, тот должен быть молотом!» - с пафосом восклицал Димитров на Лейпцигском процессе 1933 года. Этот девиз стал его жизненным кредо.

Через год он возглавляет в СССР Коминтерн, способствуя сталинской охране осуществлять разгром этой организации, подписывая смертные приговоры эмигрантам - коммунистам, превращенным им в «наковальни».

Пять послевоенных лет Димитров служил «молотом» в социалистической Болгарии, создавая власть штыками, на которых вплоть до 1999 года держался выстроенный ему мавзолей.

Рухнули идеи, штыки - рухнул и димитровский пантеон...

В принципе, его речь на VII конгрессе Коминтерна «Фашизм и рабочий класс» служит ярчайшей программой деятельности самого вождя болгарского народа, насаждавшего в своей стране именно те методы управления народом, которые сам же именовал фашизмом.

После совершившегося в Болгарии силой Советской Армии социалистического переворота там был насильно насажден авторитет Димитрова как вождя народа, по образу Сталина. Он олицетворял собой центральную власть. Затем - проторенная Иосифом дорога: оформление культа личности в образе героя-освободителя, добренького дедушки.

И здесь идеи социализма оказались персонифицированными. И потому сел на скамью подсудимых за жестокость, коррумпированность, обман народа и авторитаризм верный последователь и ученик вождя Г.Живков, занимая и место учителя, не дожившего до ответа перед своим народом.

После возвышения Димитрова семья его поселилась в резиденции болгарских царей, где стало «королевской» традицией устраивать светские рауты с друзьями по партии, интеллигенцией.

В начале пловдивского шоссе, недалеко от Софии, в большом вековом ухоженном парке-красавце невидимый с дороги и окруженный охраной стоит царский дворец Врана. В бытность Димитрова здесь на автостоянке перед дворцом всегда «яблоку негде было упасть». По дворцовым залам прогуливались подвыпившие пары, дети играли специ- ально оборудованных для них залах.

Эти «детские» были уставлены десятками столиков, стульчиков, маеньких соф. На полу и полках - тысячи красочных импортных игрушек. Футбольное поле, баскетбольная площадка, теннисные корты, железная дорога в парке настолько увлекали детвору, что им было не до родителей.

А «придворные» папы и мамы, уверенные в том, что их чада находятся под присмотром губернаторов и охраны, в эти часы тешили себя в бассейнах, упивались шампанским, поедали балыки, шашлыки, заморские фрукты...

П.Димитров-Рудар, придворный летописец своего вождя и его однофамилец, не без сарказма подчеркивает:

«Сейчас уже другая, новая жизнь, о которой он так долго мечтал и сколько страданий пережил ради нее!».

Как и его старший друг- и советник, а также «хозяин» Сталин, Димитров любил даже в рассказах о себе льстить самому себе, подчеркивая свою значимость:

«Бывший советский дипломат Карахан проездом из Турции через Болгарию встретился с царем Борисом, который настоятельно просил передать мне поздравление и восхищение моей речью на Лейпцигском процессе. Дипломат выслушал его и вежливо ответил: « С удовольствием выполню Вашу просьбу, если мне удастся встретиться с Георгием Михайловичем в Москве». «Почему?» - спросил царь. «Вам, наверное, известно, что он сейчас большой человек - Генеральный секретарь

Коминтерна, и, как у нас говорят, работы у него по горло». «Неужели такой большой человек?» - удивился царь. «Большой, очень большой», - подтвердил дипломат. Смущенный и сбитый с толку, царь Борис еще раз повторил свою просьбу и поспешно попрощался».

По-моему, настоящим политическим мавзолеем Г. Димитрову стали его дневники, а не рухнувший пантеон в Софии. Именно они полнятся цитатами из сталинских выступлений, панегириками в его честь, тропят дорожку к болгарскому пьедесталу сталинского последователя.

Оба «вождя» шли одной бандитской тропой в истории - один другому в затылок, «кистями» гэбэшников убирая с пути своих противников или завистников.

Выставляя - до сих пор! – Г.Димитрова как одного из пламенных борцов-мыслителей и вождей, постсоветская пропаганда не упоминает главного: если был он столь умен, мудр, чистоплотен и велик, то отчего же не только не заметил или не осудил диктат Сталина и страшные репрессии, но даже содействовал им?!

Ведь были же здравомыслящие головы, массы, которые велики уже тем, что в меру своего понимания происходящего противостояли всему этому абсурду. Троцкий - легально создавая альтернативную банду сообщников и идеологию своего коммунизма.

Бухарин, Рыков, Томский и другие, скрытно концентрируя интеллект сторонников, шли организационным; путем внутри партии.

Раскольников, Орлов, открыто встав на противоположную сторону, будоража мировое общественное мнение...

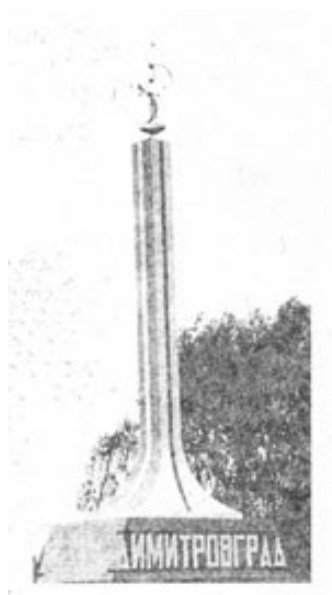
А Димитров?

Он вел свою игру. И пожинал ее результаты.

Стоит в российском Димитровграде памятник «вождю», ни сном, ни духом не ведавшему о нас, о Мелекесе. И до сих пор город носит его имя. Как сохранились Ульяновск с его мемцентром и мавзолеем в Москве с истлевшей мумией учителя прогрессивного человечества...

Нет «вождя» болгарского уже на его исконной родине, а мы радуемся его постыдному имени и образу, затмившим душу и жизнь русской глубинки с ее неповторимой историей...

1992 - 1999гг.

ИСТОРИЯ БЕЗ НАЧАЛА И БЕЗ КОНЦА

Почему эта история без начала и без конца? Да все просто: начало ее лежит уже за пределами нашей памяти и архивов, а конец, видимо, еще не пришел, - пока жив я, мои внуки...

Это просто странички из семейного альбома памяти. Запись того, что мы сумели сохранить, выпытать у наших близких, которых уже нет. Воспоминания эти мне дороги, как история личности, как семейная хроника. Но дорогие еще и тем, что история нашей семьи, судьбы моих предков крепко связаны, неразделимы с историей родного города, края, с судьбами тысяч наших земляков, с историей всего русского народа.

Я думал: если у меня сохранились архивы и воспоминания о старине, - то сколько же их может храниться во многих семьях коренных мелекесцев? И они тоже должны быть обнародованы, опубликованы, отсняты на пленку.

Итак, Россия 1905-1906 годов. Взлет просвещения и смута. Расцвет торгового промысла, восхождение элиты промышленников, тяга народа к знаниям, искусствам, ремеслам. Видимо, здесь прошла первая грань между отселением деревенских людей в города на фабрики и возрастание мощи и авторитета крестьянина-хозяина, будущего «кулака». Этому способствовала отмена в 1906 году выкупных платежей за землю.

Святые праздники в старом Мелекесе справляли так - на Марковских прудах...

Именно этот период нас и будет интересовать, ибо здесь началась концентрация крупного русского торгово-провинциального капитала как в городах, так и на селе.

Наш край издавна славен именами просвещенных людей своего времени, которые деятельно развивали его. В 1648 году был основан Симбирск, в 1698-м, вместе со строительством Закамской укрепленной линии на левобережье Волги - посад Мелекес. Это позволило отстаивать исконно русские земли от набегов из степей орд полудиких кочевников. Огромными земельными территориями вместе с крестьянами здесь владел князь Александр Данилович Меншиков - сподвижник Петра I. Наши предки исправно платили ему подушные сборы и оброки. После его ареста и ссылки земли эти отошли графу Антону Мануйловичу Давиеру - генерал-аншефу, сыну португальского торговца-еврея. В то же время в крае развернул свою деятельность купец Осип Твердышев.

Кроме даров земли, земля мелекесская славилась своим винокурением (Мулловский завод). Кстати, первоначальное имя этого поселка - Рождественское. Потом к его названию было приписано тюркское Мул, а ныне русское название исчезло насовсем.

Вслед за Давиером в истории посада Мелекесс появились имена княгини Трубецкой, помещиков-офицеров Яковлева и Дурасова, лейб-гвардии поручика Преображенского полка Мельгунова, его жены Екатерины, урожденной - Дурасовой. Именно с их именами связано развитие текстильной промышленности: были завезены станы для ткания сукон. Имя внучки А.Дурасовой - тоже Екатерины, только Мельгуновой связано с именем ее мужа князя И.Трубецкого. Здесь же появляется помещик Трегубов.

Но самые крепкие торговые дела возникают в Мелекессе при проявлении здесь представителей семьи Алеевых - симбирских промышленников. Купец второй гильдии Хасан Алеев «прихватил» в Мелекессе всю торговлю скотом и кожами. В 1865 году он арендовал у Трубецкого Мулловскую суконную фабрику. В 1880 году земли мулловской дачи и винокуренный завод приобрел глава «Торгового дома Марковых» купец Г.Марков, с именем которого в нашем городе связано многое...

Ткацкая мануфактура, пивной и винокуренный заводы, хлебные амбары и доходные дома, мельницы и магазины - большая часть рабочих мест в Мелекессе принадлежали Марковым. И как ни старались члены «Торгового дома Алеевых» составить конкуренцию им - Марковы оставались в крае самыми могущественными купцами и промышленниками. Не мог тягаться с ними и владелец мануфактурных магазинов и хлебных амбаров купец Сарезетдин Бахтеев. «Торговый дом Бахтеева с сыновьями», которым управлял его сын Измаил.

Постепенно преобразовали купцы и промышленники городок. На смену избам, крытым соломой, пришли крепкие бревенчатые дома с резными наличниками, центр застраивался казенными домами. Вместо мостков по улицам были проложены булыжные тротуары и дороги. Старожилы помнят еще булыжное покрытие бывшей улицы Кузнечной, почти до 70-х годов служившее горожанам... На берегах прудов и Мелекесски поднимались корпуса фабрик, устраивались ландшафтные парки, целые поместья.

1905-1906 годы - годы первой русской революции и серьезной государственной смуты, организованной завистливым к неудержимому развитию России западным (в основном еврейским) финансовым синдикатом и исполненной руками народовольцев и разночинцев - тоже в основном еврейской, польской, немецкой национальностей, - не слишком круто затронули Мелекесс. Скорее всего потому, что глава местных экономических и политических кругов - Марков - всегда жил мирно со своими работниками, в которых ходило полгорода, заботился об их благосостоянии, был инициатором всех благотворительных дел в городе, не слыл «жмотом и кровопийцей»...

Скорее всего именно эти достоинства русского купца и были решающим фактором в тех взаимоотношениях, которые сложились у моих обоих прадедов с Марковым. Гаврила Никитович Устинов - переселенец из Владимирской губернии, чтобы прокормить большую семью, ходил по селам коробейником. Именно Марков, субсидирующий его товарами, помог ему сначала купить лошадь с подводой, а затем поставить в селе Калмаюр дом и каменный магазин, по льготным ценам снабдив добротным товаром, - что способствовало становлению моего прадеда, как крепкого хозяина лавки, помогало составить немудреный, но стабильный капитал. Это позволило дать его детям (в том числе и моему деду Зиновию) образование. Другой мой прадед - Федор Андреевич Авдеев жил в Тереньге, где работал управляющим конюшнями и выездным кучером у графини Перси-Френч. Известная писательница Наталья Ильина (чья предки эмигрировали из России в 1917 году) в своей автобиографической прозе «Дороги» вспоминает о своей бабушке и о себе в период их жизни в Харбине:

«И одиноко ей было. Все друзья остались в Питере, тут - никого, за исключением одной приятельницы молодости мисс Перси-Френч. (Как я позже узнала, Екатерина Максимилиановна Перси-Френч была дочерью англичанина и симбирской помещицы Киндяковой. Усадьба Киндяковой описана Гончаровым в романе «Обрыв»), Небольшого роста (куда ниже бабушки), полная, безбровая, с маленькими глазками и тройным подбородком, она запомнилась мне главным образом своими необыкновенными шляпками, украшенными цветами и даже птицами.

Так выглядели марковские работники. Мой прадед Ф.А.Авдеев в центре.

Она называла бабушку «Ольга», но на «вы», приезжала за ней в автомобиле, увозила к себе. Шляпки с цветами, автомобиль, шофер, захлопывающий дверцу, все говорило о богатстве мисс Перси-Френч, и я воображала себе прекрасный дом, в котором она живет, и большой сад и очень хотела там побывать, но меня никто туда не звал... Мисс Перси-Френч не могла заменить бабушке ее друзей, Харбин - любимый Питер, а мы с мамой - оставшихся в России других детей и внуков...

Провожаящие бабушку старушки, включая сюда мисс Перси-Френч, не могли уцелеть по возрасту; даже моей матери, тогда молодой, было бы сейчас за девяносто».

Из всех остальных воспоминаний о том периоде службы моего прадеда у графини Перси-Френч у меня хранится чугунная скульптура каслинского литья «Скачка» - из имения графини, второй экземпляр которой выставлен в Ульяновском художественном музее, да семейное предание о том, что в 1906 году, когда шла революционная смута, на дорогах шалили «лихие люди», Федору Андреевичу, которого, видимо, уважали теренгульцы, знакомые мужики посоветовали не выезжать на облучке графского возка: «Иначе ненароком стрельнем, - тебя тоже прибьем».

Поскольку не выезжать главный кучер с графией не мог, прадед считал за лучшее взять расчет у Перси-Френч и переехать в Мелекесс на предложенную ему аналогичную работу у купца Маркова.

Приезд прадеда к Маркову только лишний раз характеризует купца, как человека «не вредного для людей». С ним можно было разъезжать по краю спокойно, не бояться за свою жизнь.

Старозаводская улица как бы делила наш город на две части. И если идти по ней от центра - то и справа, и слева стояли здесь корпуса льнопрядильно-ткацкой мануфактуры, или мешочной фабрики в просторечии, хлебные амбары и крупорушка, кузня, механические мастерские, магазины. Почти все это принадлежало купцу Маркову. Кстати, здесь же - в огромном парке, на берегу пруда (ныне по ул. 50 лет Октября) стоял и двухэтажный особняк с колоннами, мраморной лестницей - летняя резиденция Маркова. Благоустраивались не только сами дома, где жила эта семья, но и многие другие помещения. Ландшафтные садики и палисадники были у нынешней конторы хлебокомбината, в сквере заводу управления «Химмаша», около кожвендиспансера...

Зиму Марковы проводили в здании, которое цело и поныне (бывшее помещение горисполкома). Там и в кожвендиспансере сохранились изразцовые печи - настоящее произведение искусства. Изразцы доставлялись из Москвы, по преданию, они были выполнены по эскизам Врубеля. К сожалению, уже утеряна изразцовая печь в бывшем клубе «Химмаша»...

Примечательны были и ограды, решетки вокруг домов, садики, скверы. Они выполнялись литейным методом нашими предками - кузнечными умельцами и тоже представляют сегодня определенную художественную ценность. Меня радует, что изредка, но появляются ныне в городе уголки и дома, архитектурно вписывающиеся в традиционное градостроительство XIX века. Некоторые здания сохранены. Именно по ним мы можем сегодня установить облик предреволюционного Мелекесса. Так, на улице Куйбышева у площади сохранился дом, где ныне работает фирменный магазин мясокомбината. Был он ранее сложен из красного кирпича, жестяная крыша окрашивалась в зеленый цвет. Перед окнами покачивали вихрастыми разноцветными «головами» георгины... Здесь жила семья моего прадеда, снимая служебную квартиру у Марковых. Федор Андреевич часто бывал в отлучках - Марков любил выезды за город, на природу, по делам... Дом вела прабабушка Анна Елисеевна Авдеева. На ней лежало и воспитание трех дочерей. Думаю, что семья не нуждалась. Купец умел ценить труд своих работников. Было даже престижно, что твои работники живут богаче иных в городе. Это и понятно: если человек меньше озабочен бытом, кредитоспособен, он и работе отдается всецело, держится за свое место, не бунтует, не ворует. Кстати, по воспоминаниям, если Марков или его управляющие ловили кого-то на воровстве, хозяин не только не наказывал провинившегося по нужде, наоборот, велел выдавать таким то, в чем они нуждались.

Прадед вспоминал: кроме зарплаты ему выдавалась так называемая заборная книжка, по которой он получал, а вернее - набирал в марковских магазинах любые нужные продовольственные или промышленные товары. Это отмечалось в книжке приказчиками. В конце года бухгалтерия делала расчет закупкам и представляла на утверждение хозяину. Тот, в зависимости от вклада каждого работника в дело, указывал: кому простить 50% долгов, кому - 80, а многим прощал все.

Я просто хочу привести небольшой пример того, что могло быть записано в этой заборной книжке у моего прадеда и многих других марковских работников. Все сведения строго документальны и лишь свидетельствуют о том, как и чем питались наши предки. Кстати, подобный продукт можно было приобрести в любой лавке даже деревенской, скажем, у второго моего прадеда, Г.Н.Устинова: «Рыба: семга, нельма, голец, омуль, сиг, язь, налим, треска, пикша. Да всякие сельди, о коих мы уже и позабыли: беломорские, соловецкие, печорские трех сортов. И более дешевая рыба - лещ, щука, сазан, судак... Были всякие мяса говяжьи, да и вырезки, да языки, как скотские, так и оленье; чай из Китая; мармелад, конфеты, фрукты, орехи пяти сортов. Чего только не было в купеческой лавке даже на краю света!».

И стоило все копейки, ибо рубль наш российский, благодаря таким, как Марков, хозяевам, был самой твердой валютой в мире и обеспечивался и товаром, и золотым запасом.

На том не кончалась марковская благотворительность. Он вникал даже в мелкие заботы своих работников. Как и все русские люди, Марков был меценатом. Прибыли и сверхприбыли были не самоцелью. Обороты его дела, доходы были настолько велики, что и половинная их трата на благо земляков, видимо, доставляла удовлетворение Маркову. И люди были ему преданы.

Сужу о том на примере жизни прадеда. Прабабушка нище не работала, вела дом. Но летом, когда Марковы переезжали в летнюю резиденцию к пруду, она привлекалась купцом для работ по этому огромному дому, что хорошо оплачивалось. Дети были здесь же под присмотром. Вместе с другими детьми, как работников, так и самого хозяина, - они проводили дни в совместных развлечениях. Жили все здесь же в парке, во флигелях. Купались в пруду, на берегах которого хозяин выстроил купальни. В саду можно было покататься на качелях, посидеть в беседке.

Когда девочки Авдеевых подросли (среди них и моя бабушка Прасковья), хозяин определил их в гимназию за свой счет. Да и сама гимназия (ныне старые корпуса ДИТУДа) во многом жила и работала за счет специальных марковских фондов. Особо купец лично следил за успехами и поведением лучших, талантливых гимназистов. И опять же понятно: он растил кадры из местных жителей, выросших в здешний край, создавал преемственность работников. Так обзаводился «своими» приказчиками, нянями, гувернантками, мастерами, счетоводами. Наиболее одаренных за свой же счет посылал в училища и институты.

Оканчивая их, в городе появлялись «марковские» интеллигенты - учителя, врачи, инженеры, экономисты, преданно служа благодетелю, укрепляя его и свое благосостояние.

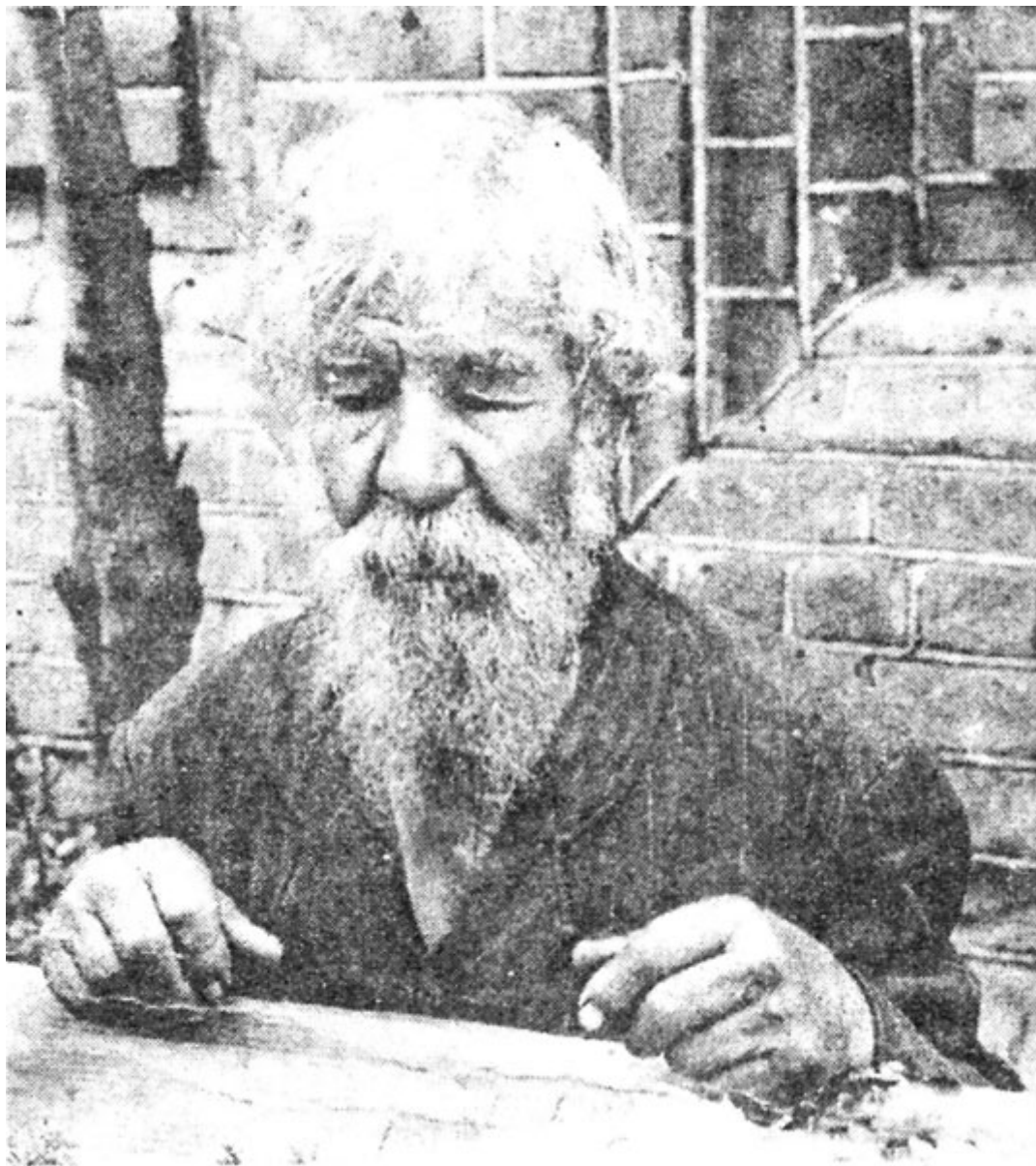
Бабушка Прасковья была одной из лучших в гимназии. И если ее сестры учились на обычную марковскую стипендию (впоследствии они были экономистами на Ульяновском патронном заводе), то бабушка получала повышенное внимание, льготы, заботу. Видимо, еще в детском возрасте она чем-то выделялась среди сверстников, скорее всего, артистическими наклонностями. И это не укрылось от хозяина. Он стал лично следить за судьбой девочки. Перед окончанием гимназии бабушка Прасковья пела сольные партии в операх, ставившихся в городском театре.

Его здание было построено благодаря основным взносам Марковых, много вкладывали они и в развитие труппы. Театр и сегодня находится на том же месте, где был построен. Горожане знают и любят этот дворцовый ансамбль, архитектурно и сегодня придающий городу свой неповторимый облик. Бывая в нем, постоянно ловлю себя на мысли, что здесь пела и моя бабушка. Кажется, прикрой глаза, - и вот она - уже на сцене... Костюмы для сольных партий Прасковье Федоровне Авдеевой заказывали у лучших портных Парижа и Вены, оплачивая все театральные расходы.

Может быть, по-иному сложилась бы судьба Марковых и моих близких да и многих, многих наших земляков, если бы не грянул октябрь 17-го...

В гимназии был предреволюционный выпуск. У молодых людей были большие планы. Видимо, еще большие планы были у Марковых. Их дело тогда шагнуло далеко за пределы Мелекесса. Нижний Новгород и Питер, Москва и Самара, Новониколаевск и Стамбул, Брюссель и Тифлис - пол-Европы уже знали товары и продукцию Марковых. Вместе с ними в орбиту приличных «городков» входил и Мелекесс. На несколько десятилетий революция не ускорила, а, наоборот, остановила бег времени и прогресс просвещения в Мелекессе. Достаточно сказать, что к 1917 году город наш был в огромной Самарской губернии вторым промышленным центром, и только благодаря Марковым и, в первую очередь, мирового (в основном еврейского) финансового капитала. Им не удалось путем переговоров с такими русскими магнатами как Морозов, Шибаетов, Багров, Тихомиров да и тот же Марков, разделить сферы влияния в Европе, не удалось опрокинуть их в соревновании экономическом, не удалось перехитрить.

Тогда-то, используя методы подлые, подкуп, и была задумана интернациональная революция. Подкупы, шантажи, провокации, натравливание русского народа друг на друга, террор, - вот методы, которыми действовали «окопавшиеся» с попустительства Николая II представители пятой колонны заокеанских и европейских воротил в России.

Второй мой прадед Гавриил Никитич Устинов.

Был уничтожен великий русский патриот и политик, прекрасно разобравшийся в этой игре П.Столыпин. Опорочены его планы реформ по укреплению российского капитала. Мало кто знает скрываемый прессой факт, что на убийство Столыпина миллиардер из США Якоб Шифф выделил полтора миллиона долларов. В российской пятой колонне особо выделялся граф С.Ю.Витте. Еще в конце XIX века он проводил тайные совещания с главарями масонской ложи «Б'най Б'рит» Шиффом, Штраусом, Зелигманом, о чем министр финансов России Витте почему-то поспешил уведомить не царя, а... берлинского банкира Мендельсона.

В Думе заседали: Винавер, Якубзон, Герценштейн, Розенбауль, Мейлах, Штефель, Колтловкер, Сруль Френкель, Ицха Френкель...

После известной сенсации о гибели суперсудна «Титаник» русские газеты сообщали о погибших самых состоятельных людях России: Липпмане, Зельмане, Конне, Войцмане, Спекторе, Абельсоне, Гринберге, Канторе, Польпере...

Вот в этой «обложной» обстановке пришла Россия к 1917-му. Кто сегодня поверит, что группка террористов, называющая себя большевиками, смогла бы забулгачить огромную страну, ввергнуть ее народ в пучину междоусобиц без поддержки финансовых кругов Запада, их контрразведки. В своей книге «История большевизма в России, от возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917», изданной в 1922 году в Париже, А.И.Спиридович, ссылаясь на документы охранных отделений, мемуары большевистских лидеров, телеграммы и шифрограммы кайзеровской разведки, рассказывает о тех, кто был на содержании вражеских России сил. Среди них -

соратники В.И.Ленина, лидеры левых партий, находящихся в эмиграции. Автор называет имена Натансона, Чернова, Каца, Зайонца, Диккера, Шаншелевича, Цевина, Балабановой, Стеклова (Овсий Моисеевич Нахамкес), Христиана Раковского, Уншлихта, Мовши Козловского, Гельфинда, ЮЛарина (Михаил Соломонович Лурье), Карла Радека, АЛуначарского...

Кроме того, приводятся документы, из которых явствует, что В Ленин и его партия субсидировались германской разведкой для ведения подрывной деятельности против России. На текущем счету Козловского в 1916 году было свыше 20 миллионов денег, перевезенных из Берлина...

В материалах еженедельника «Русский вестник» (N15, апрель 1992 г.) «Пассажиры запломбированных вагонов» приводятся списки тех, кто вместе с В.И.Лениным в апреле 17-го был отправлен немцами в Россию в опломбированных дипломатических печатях вагонов. Это было не только ядро большевистской организации, но и огромное число примкнувших к Ленину членов еврейской националистической партии «Бунд». Всего в приводимых списках 100 человек...

Естественно, что после победы, при непосредственном содействии денационализированных и деклассированных ландскнехтов - так называемых интернационалистов: чехов, поляков, финнов, китайцев, корейцев, персов и др. - всего 268000 человек к лету 1920 года - и полном бездействии интервентов Антанты, прибывшие из-за границы «управленцы» и послушные сыны мировых финансовых воротил захватили все руководящие посты в государстве.

Но вернемся к нашему уголку на Черемшане, в неприметный внешне Мелекесс. Как я уже говорил, Марков - отец народа - не мог поверить, свыкнуться с мыслью, что грядет поражение русского капитала, русского народа. Да, и обстановка в городе не располагала к страху. Городской комитет большевиков, расположившись в лучших домах центра города, не особо настаивал на национализации имущества купцов, понимая, что они еще могут кормить озлобленный люд до той поры, пока власть не будет способна сама решать вопросы оплаты труда. В городе верховодили Я.Пискалов, В.Тараканов, Б.Аблов, В.Кисин. Обстановка была до того неопределенной, что аж до февраля 1919 года держались своего дома купцы Бахтеевы, ждали падения Советской власти. Уезжая же, они прихватили с собой конторские книги и всю документацию, надеялись вернуться... А в это время только в сырьевых складах Симбирска у Бахтеевых было реквизировано более 23500 пудов шерсти: мытой - 6298, верблюжьей - 3321 пуд, коровьей - 2090. На фабрике был «прихвачен» такой запас произведенного сукна, что его хватило бы для изготовления 90000 шинелей...

Казалось, надежды купцов сбылись, когда 8 июня 1918 года чехословацкие отряды военнопленных захватили Самару. Там было организовано правительство Всероссийского учредительного собрания, единственного законного правительства в России, избранного всенародным голосованием и разогнанного большевиками в октябре 1917 года. В состав Самарского комитета членов учредительного собрания (Комуч) вошли пятеро действительных его членов.

Самарский губревком и члены Совета, комиссары-коммунисты выехали в Мелекесс. 18 июля 1918 город был ими оставлен, и они перебрались в Симбирск. А 22 июля Симбирск пал...

25 сентября красными вновь захвачен Симбирск, бои докатились до Мелекесса.

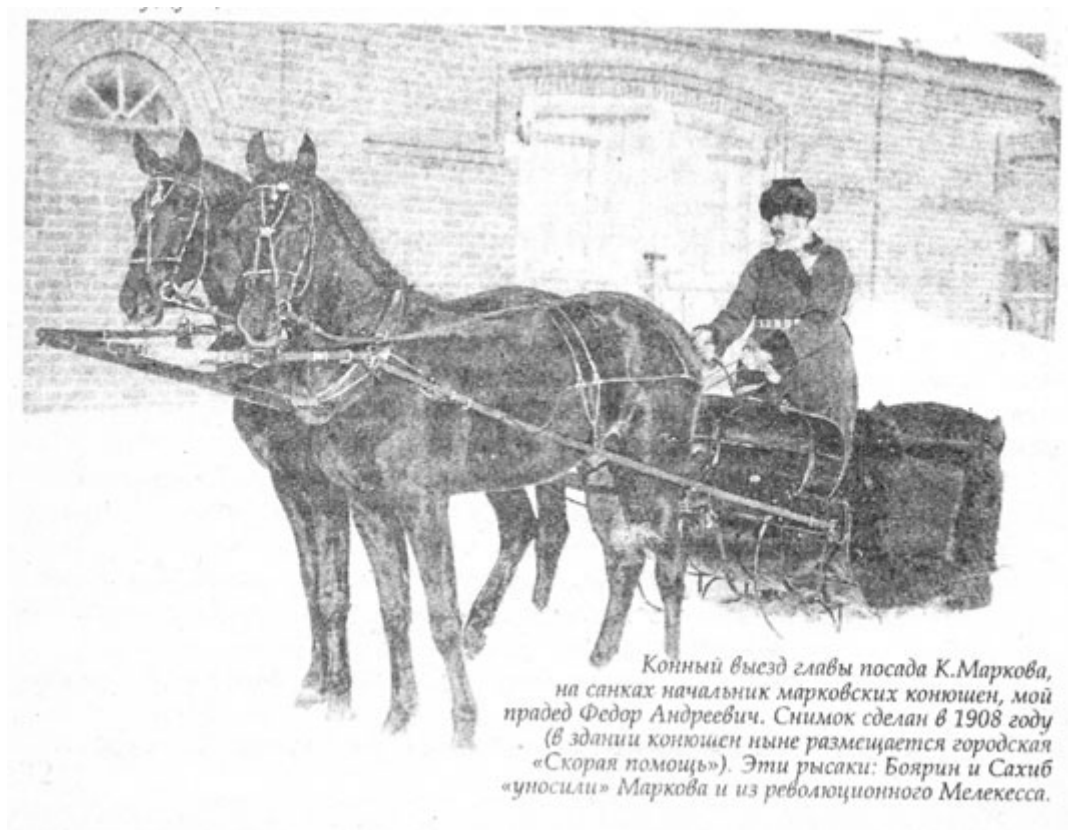
Интересна оценка событий, даваемая большевиками. Вот строки из протокола общего собрания Симбирской организации ВКП(б) от 1 июня 1918 года. Выступающие - Иванов, комиссар труда: «...Чехословацкие банды, спровоцированные правыми эсерами и буржуазией, восстали в Пензе, опрокинув власть Советов. Они стараются присоединиться к дутовцам и семеновцам». Новиков (впоследствии зав. политотделом Алатырского военного комиссариата): «...наблюдения над гражданами Симбирска говорят, что буржуазное общество ждет и приготавливается для сердечного приема банд чехословаков...»

Да, ждали освободителей, надеялись на прежний мир. Видимо, поэтому до последнего не бросал дом и город наш глава К.Марков, верил в силу белого движения.

Дождался, что разворовали все имущество, состояние. Есть сведения о том, что с приходом в город красных был развернут настоящий террор прогив населения, особо против имущих его

слоев. Якобы, Марков был убит выстрелом из толпы собравшихся под балконом его дома... Это не так. Хотя террор действительно был.

Вспоминает мой дед Зиновий Гаврилович Устинов, в 1917 году призванный в ряды красной гвардии, затем, как специалист, освобожденный из действующей армии и с октября 1918-го по март 1919 года работавший сначала в Новочеремшанском, а затем Мелекесском военных комиссариатах. К этому времени он был уже знаком с Ф.А.Авдеевым - своим будущим тестем.

- В день прихода в город красных частей Марков велел Федору Андреевичу запрягать возок. Авдеев отвез хозяина в Самару, посадил его в поезд. Купец, прощаясь с кучером, однозначно сказал, что уезжает за границу. На память о себе подарил и возок, и лошадей Федору Андреевичу. Тот на обратном пути в деревне недалеко от Мелекесса продал их знакомому мужику, налегке вернулся домой. А через три дня по чьему-то доносу был арестован командиром расположившейся в городе части красных. У них там было что-то вроде особого отдела...

Жена Федора Андреевича обратилась ко мне за помощью. Я купил три бутылки вина, пошел к военкому. Выпили. Я пожаловался ему на то, что хватают всех подряд без разбору, арестовывают ни в чем не виноватых мужиков. Да ему и самому уже надоело беспредел, творимый в городе военными. Вечно пьяный командир части вел себя необузданно, как диктатор. На следующий день военком и я заехали в ЧК, взяли с собой одного знакомого сотрудника и отправились в штаб к военным. Крепко поговорили с командиром, я поручился за Федора Андреевича. «Ставь литр», - сказал мне командир и дал приказ отпустить моего тестя...

Из дальнейших рассказов деда Зиновия я знаю, что прадеда допрашивали о том, когда и почему он вывез из города Маркова, куда тот уехал. Затем били и требовали указать, где и какие ценности Марков спрятал перед отъездом, очень уж красным командирам хотелось попользоваться добром купца...

Растление, которое принесли с собой красные отряды и большевистские агитаторы в Мелекесс, поразительны. Дабы не быть голословным, сошлюсь на пример известной личности - Артема

Веселого. Н.И.Кочкуров (Веселый) человек в городе известный и, судя по фактам, порядочный и романтичный. Мало кто знает (Веселый более всего известен как редактор городской газеты), что Кочкуров был еще секретарем Мелекесского укома, работником ЧК. До него доходили слухи о безобразиях, творимых чекистами. Когда он выяснил и факты, то резко выступил против этого на страницах газеты. Губком постановил отдать под суд весь состав Мелекесской чрезвычайной комиссии, а Кочкуров получил права представителя губкома в ЧК с функциями контролера.

Все эти новоявленные и пришлые в городе «управленцы» (а многие из них были представителями и РСДРП (б), и партии Бунда) были далеко не дураками. Они понимали, что бежавшие из богатенького городка богатенькие толстосумы надеялись на возвращение, зарывали немалую долю вещей, ценностей и валюты здесь - на месте, в Мелекессе. Потому, не останавливаясь ни перед чем, большевики вели аресты, допросы, пытали подозреваемых в знаниях о сокрытых кладях. Шла большая нажива.

А Кочкуров, этот идеалист и романтик революции, мешал им. Потому - не прошло и полгода - редактора газеты срочно отправили на фронт.

Думаю, что не Кочкуров тогда помог моему прадеду избежать расстрела в застенках ЧК. Но другой порядочный человек. Однако, подозрения чекистов о том, что Федор Андреевич знал о схороненных марковских кладях были, оказывается, небезосновательными. Прадед выждал пару недель (нет ли слежки) и однажды, пригласив к себе будущего зятя (деда Зиновия) сказал, что хочет с ним расплатиться за помощь.

«Взяли мы две лопаты, - вспоминал дед Зиновий, - пошли в марковский сад на берегу пруда. Походил Федор Андреевич по саду, потом сказал: «Копаем здесь» - и указал место. Выкопали закрытый крышкой ящик. Потом отошел дальше - к берегу - и под деревом велел опять рыть яму. Вскоре выкопали что-то завернутое в пергамент и тряпки. Забрали все с собой - отправились домой к Авдеевым.

Там вскрыли ящик - в нем было 25 бутылок прекрасного французского шампанского! Из тряпок Федор Андреевич извлек конскую сбрую - полный комплект - полностью из серебра.

Сбрую он подарил мне, а шампанское - выпили. Гуляли два дня... Я потом спрашивал тестя - нет ли еще кладов в саду? Он отвечал уклончиво, но, подвыпив, признался, что знает еще две схоронки хозяина, так как помогал ему прятать и зарывать. Но считал, что купец с кем-то еще кроме него производил не менее трех-четырёх тайных захоронений ценностей. Говорил он так, исходя из знания, что имел Марков, что увезли в Самару, что Федор Андреевич после не обнаружил в доме. Некоторые очень ценные вещи, особенно из золота - исчезли. Причем тесть не сомневался, что никто чужой тех вещей взять не смог бы...»

Итак, - перед нами свидетельство очевидцев о зарытых кладях. Но это только марковских и в одном месте. Подобные же схороны, в надежде на возвращение, в нашем городе производили еще десятка три-четыре богатых людей, бежавших от красного террора.

Не покривлю душой, если скажу, что в Мелекессе и спустя много лет после гражданской войны было немало состоятельных людей, но... глубоко законспирированных. Это немногие из тех, кто знал о зарытых кладях и воспользовался отсутствием хозяев, те, кто наткнулся на схороны по чистой случайности. А прятать, судя по всему, было что. Мы уже знаем, что Мелекесс был вторым по концентрации производств промышленным центром Самарской губернии. Немалые капиталы были сконцентрированы у торговых людей города. Не следует забывать и о том, что наш край - место расположения нескольких крупных имений известных российских родов. Например, Рязаново - имение графов Орловых, Вишенки (совхоз «Правда») - Аксаковых, Бригадировка - Толстых, Никольское-на-Черемшане - Григоровича и Соллогуба, Мулловка - Голицыных и Трубецких...

Конечно, чем богаче был человек, тем большая территория ему принадлежала, тем большим был клад и меньшей возможность его отыскать. Многие клады были сделаны деловыми людьми средней руки, просто мещанами и мелкими торговцами. Уверен: и сегодня в старом городе во многих домах - на чердаках, в подвалах, под фундаментом, даже на огородах - можно еще найти клады. Говорю так, потому что был свидетелем, как мой дед Зиновий, купив дом в 1925 году, в районе рынка, спустя много лет, случайно, роя на огороде колодец, нашел металлическую

шкатулку, в которой было тысяч на 20-30 ассигнаций царских времен. Конечно, ценности все эти «петеньки», «катеньки», «коленьки» - уже никакой не представляли. Были уже коллекционными знаками, часть из них хранится у меня до сих пор.

Доподлинно знаю, что один дедов приятель, купив дом на улице III Интернационала, производя ремонт, заодно произвел раскопки в подвале. Видимо, он обладал информацией о бывших его хозяевах, предполагая, что они, уехав, сделали схорон. Усилия его были не напрасны. Были найдены ценные вещи, золотые монеты. Однако, времена были настолько крутыми, что человек этот не только не прожил найденное богатство, не только не понес его сдавать государству и получать положенный процент, но прожил полунищенскую жизнь совслужащего, боясь потратить лишнюю копейку, чтобы не попасть под подозрение.

Один профессиональный кладоискатель и историк признает: «... клад поступает в собственность государства, а лицам, обнаружившим золотые и серебряные монеты, валюту, драгоценные камни и металлы (в слитках, изделия, жемчуг), выплачивается вознаграждение. Вот я и думал вначале: находить клад, честно сдавать, а вознаграждения законного хватило бы мне с лихвой и на комфортную жизнь, и на организацию поисков. Но скоро меня схватили... Это в представлении профанов кладоискательство - занятие одиночек. Здесь нужны совместные усилия архивистов, историков. Требуются не только выносливость, мужество и удача. Это только у посредственных беллетристов кладоискатель обходится ржавым кайлом. Нужны могучая техника, снаряжение, то есть нужно создавать научно-производственное объединение. Когда оно нелегально - это уже организованная преступность».

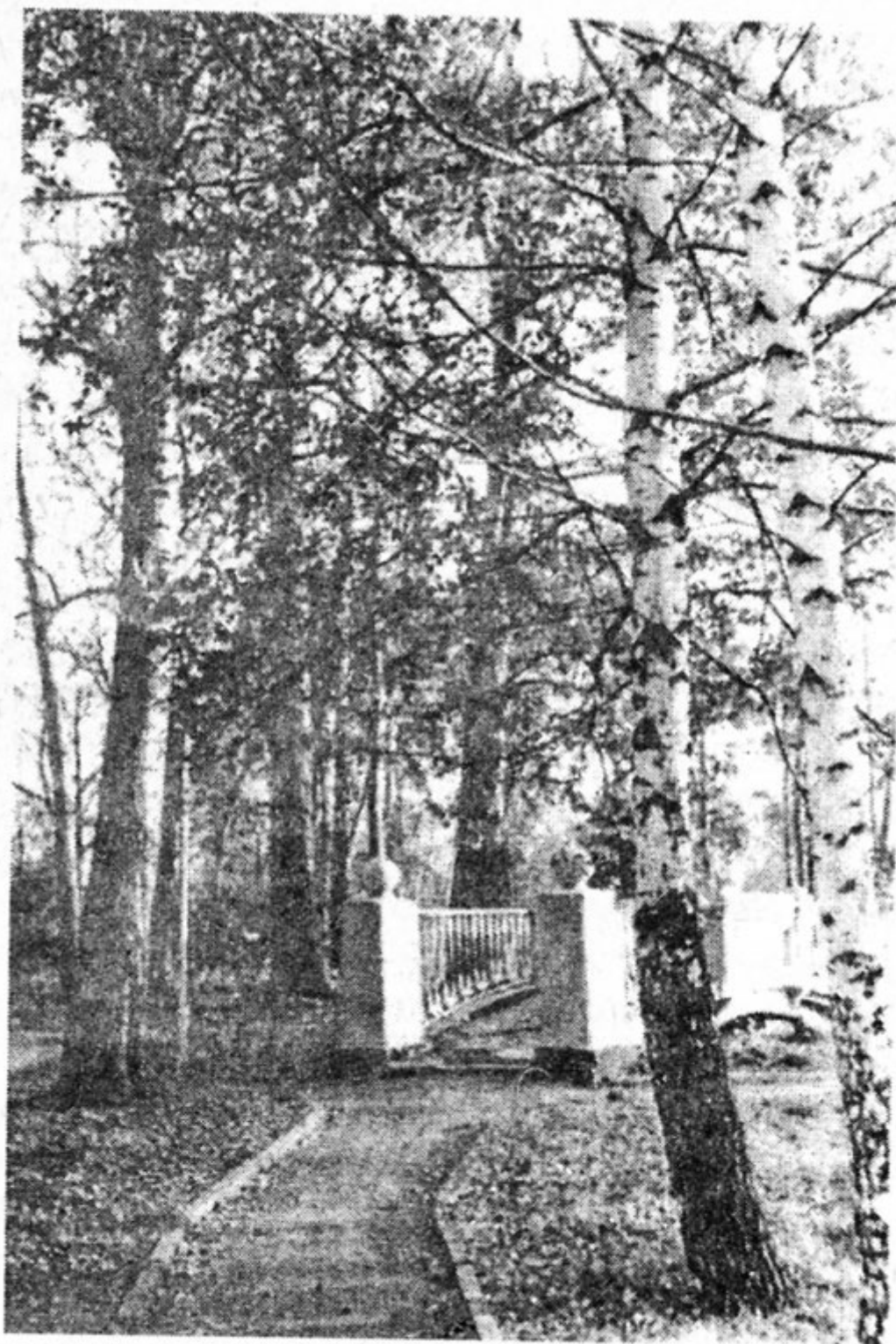
«По мнению специалистов ЮНЕСКО, трехсотая часть от богатства, находящегося в личном пользовании человечества, запрятана в кладах. На территории нашей страны, где войн и социальных потрясений было значительно больше, чем в среднем на земном шаре, этот процент значительно выше. Если верить закрытой статистике, кладоискательство стало у нас основным занятием тысяч людей. Поскольку государство не признает это занятием легальным, оно лишается миллионных, а по некоторым расчетам, и миллиардных доходов. Кладоискатели же отторгнуты в преступный мир со всеми вытекающими отсюда последствиями» - пишет публицист Михаил Гуртовой.

Потому мне и не хотелось бы будоражить смятенные души информацией о кладах. Не могу привести и абсолютно достоверных данных, выскажу лишь предположения и догадки. Та часть кладов, что еще «не дались в руки людские» и по сей день может находиться на территории старого города, т.к. он претерпел мало перестроек и перепланировок.

Есть схороны в мелькомбинатовском парке. Интересен в этом отношении сквер у завода «Химмаш», бывший детский парк. Возможны захоронения в печах и каминах. Даже комплекс зданий, занимаемых ГОВД, представляет в этом отношении определенный интерес...

Но самые богатые клады - это сегодня - людская память. Это воспоминания живых еще очевидцев событий, совершенных до октября 1917-го. Свидетельства современников о времени ином, о людях иных, о нашей старине.

1992 - 1998гг.

На снимке: пока сохранившийся старинный ландшафтный уголок древнего Мелекесса - Марковский садик с мостиком через протекавшую здесь Мелекесску. Район завода АО «Химмаш».

К ГОСПОДУ ВО ХРАМ

Сто лет назад оба мои прадеда - не-зависимо друг от друга - истово осеняли себя крестом на открытии в Мелекессе храма Божьего - Александро-Невской церкви. И сегодня еще при воспоминании о ее величии, губы сами собой вышептывают: «Лепота!»

Вот как незаметно и сошлись в истории российской две даты, касающиеся нашего городка: 780 лет от рождения Святогоравнопрестольного князя Александра Ярославовича по прозванию Невский и 110-летие открытия службы во храме мелекесском, затеянном нашими пращурами во славу его и великомученика императора Александра II, павшего от рук наемных, обезумевших от крамолы убийц.

Каков же был этот князь, в чью честь земляки наши храм тот освятили, уложив в его изножие медную плиту с именем Невского и похвалою ему? Русскому народу и православным есть в чем брать пример с сына князя Ярослава. «Житие Александра» восхваляет через века качества ума и сердца князя редкими словами.

«Мудрость же и остроумие дадеся ему от Бога, яко Соломону. С юных лет вселился в сердце его страх Божий, еже соблюдать заповеди Господни и творити я во всем... Во все же время юности своея смиренномудрие вседушно держаше, воздержася и бдя, чистоту душевную и телесную соблюдаше, кротость же стяжа и от тщеславия отвращася. Во устех же беспрестанно бяху божественные словеса, улаждающа его паче меда и сота. Читал их он со усердием и вниманием и желаше сих речения и делом исполняй.

Беже розрастом велик зело, красота же лица его видети, яко прекраснаго Иосифа, сила же его бе, яко часть от силы Самсоновы; гласъ же его слышати, яко труба в народе, храбрость же его - яко римскаго царя Веспасиана».

Самое интересное то, что отец Александра Ярослав в 1236 году, отправившись из Новгорода походом на Киев, посадил сына княжить в Новгороде. А тому было-то всего 16 годков! Этот шаг мудрого отца лишний раз подтверждает истинность слов летописца - автора «Жития Александра», воспевшего вовсе не красного словца ради достоинства талантливой княжичи.

Уже в 1240 году двадцатилетний Александр «разгорелся сердцем, вниде в церковь святых Софьи (в Новгороде), паде на колени перед алтарем, нача молиться со слезами... и восприим Псаломную песнь рече: суди Господи, обидящим мя, возбрани борющимся со мною, приими оружие и щит, стань в помощь мне. Скончав молитву, вставъ, поклонися архиепископу, архиепископ же Спиридон благослови его и отпусти», ибо шведский ярл Биргер, известный победами и жестокостью воин, побуждаемый Папой на крестовый поход против неверных, высадившись на берегах Невы, предавая огню и мечу землю русскую. Уповав на Бога и святую Троицу, навстречу ему двинул свою дружину юноша-княжич.

15 июля в 6 утра началась сеча великая! Молодой русский предводитель «изби множество безчисленно их» («римлян», то есть шведов-латинян). Самому Биргеру Александр - «взложи печать на лице острым своим мечом».

Очень умело использовала в своей пропаганде эту победу церковь православная. Бой сопровождался чудом: перед ним морской побережный стражник Пелгусий имел видение на рассвете, якобы, в море появилось гребное судно, а посреди него стояли мученики Борис и Глеб в одеждах золотых. И Борис говорил брату быстрее грести, помочь родственнику своему Александру!

Воинская слава Александра, поддерживаемая церковью, вела за собой князя на новые подвиги. 1241-й - взято Копорье, где разбит немецкий гарнизон, 1242-й - взят Псков и ряд земель Чудских - владений Ливонского ордена. В тот же год произошло знаменитое Ледовое побоище.

По возвращении в Псков торжества были ему великие: «Изыдоша во сретение ему весь освященный соборъ съ честными кресты и со святыми иконами и всенародное множество, хвала Богови возсылающе и благодарные песни воспевающие: Пособивый Господи кроткому Давиду победита иноплеменики и благоверному великому князю нашему Александру оружиемъ крестный градъ Псковъ свободита отъ поганыхъ иноплеменикъ».

В 1245-м из ставки Великого хана из Азии вернулся «заложник» - младший брат Александра - Константин. Взамен его туда уехал отец - Ярослав, но в 1246-м он неожиданно заболел и умер. Вот тогда-то взоры и Востока (татаро-монгольского), и Запада (католического) обратились к великому князю - Александру Невскому, перед которым уже в 25 лет стояла задача -сохранить Русь православную, отстоять государство, защитить народ.

И Невский выбрал - он поехал на поклон к Батюю вместе с братом Андреем. Брату был пожалован монголом Владимир на княжение, Александру - Новгород и Киев, - смердящий трупами русских людей и пожарищами с 1240-го года.

Но братья его, возомнив себя тоже «великими», вступили в распри со славным Невским. И тут великий князь с помощью войска татаро-монгольского усмирал непокорных родственников, наказывая их.

В 1262 году его войска под предводительством сына - Дмитрия - осилили и пожгли крепость ливонскую Юрьев. Сам Александр бражничал в Орде с ханом Верке, «отмазывая» земли русские от новых татарских набегов. Странно, но факт, что он, как и отец его, Ярослав, на обратном пути из Орды тяжело заболел и в Городце на Волге (под Нижним Новгородом) умер 14 ноября 1263 года.

Перед смертью призвал он «ся свои князи и бояре и вси чиновники даже и до простыхъ, и от коего ждо ихъ прощение просяще, и всемъ имъ тако же прощение подаваше, и вси горьце плачущиеся о разлучении господина своего».

Во Владимире митрополит Кирилл, выйдя к народу, объявил: «Уже заиде солнце земли Русския. Благоверный великий князь Александръ преставися отъ жития сего». «И бысть во всемъ народе плачь неутешимъ».

Христианский подвиг не есть всегда мученичество внешнее, а иногда наоборот - внутреннее: соблазн побеждающее, душевный подвиг самодисциплины и смирения. Александр Невский выказал себя перед народом своим, государством и потомками Государем настоящим. Он сохранил нам православие как нравственно-политическую силу русского народа. Он взрастил русское православное Царство. Племя его построило Московскую державу.

Мудрость его, самоотверженность, ум и воинские удачи, вкупе с умением возвеличили великого князя Александра Ярославовича в истории, в памяти народа. Он канонизирован православной церковью как один из апостолов Святых, столпов и примеров русской веры. Именно потому с такой любовью и уважением наши предки, основывая храм Божий, нарекли его именами двух великих князей. Обоих Александров, но добавив ко славным именам и прозвание народное - Невский.

Считалось, что имя "это несет в себе не только благочестие, но и сохранит храм на долгие времена, осенит его мудростью, чистотой нравственной, характером гордым.

В 1881 году в столице империи было совершено восьмое покушение террористов на русского монарха, ставшее в истории нашей цивилизации одним из злодейских убийств. Русский царь Александр II был взорван бомбой И.Гриневицкого, который привел в исполнение приговор Исполнительного комитета терроризации «Народная воля». Покушение было совершено за два часа до подписания монархом дарованной народу российскому либеральной конституции.

Как вспоминают современники, все покушения на свою особу Александр Николаевич Романов (Александр II) переносил, как неизбежное, со спокойствием венценосным, с гордо поднятой головой. Канонизируя мученический характер смерти монарха, церковь воздавала должное Александру. Был он любезен и народу. С 16 лет воспитанник просветителей русских - Ушакова и Жуковского, царевич Александр принимал деятельное участие в делах Государственной службы. Он в совершенстве владел четырьмя языками, имел фундаментальные знания по дисциплинам государственным, финансовым, внешнеполитическим. В 26 лет стал «полным генералом», обладая

вполне профессиональными военными знаниями и подготовкой. Он много путешествовал-проехал по России вплоть до Тобольска, побывал во всех странах Европы. Вполне образованный и просвещенный в либеральных традициях, он с полной ответственностью принял богопомазание на трон после смерти своего отца в 1855 году и коронование в августе 1856-го.

С тех пор в России началась просвещенная эра, ознаменованная отменой «лицам еврейской национальности стеснений при поступлении в университеты»; свободной выдачей заграничных паспортов; отменой цензуры; амнистированием политзаключенных (декабристы и поляки); отменой крепостного права.

Идеалистическая натура и политика царя наиболее ярко проявились в 1878 году, когда в рядах его армии 200000 православных солдатских голов было сложено на Балканах за свободу братьев-славян. Интересен и тот факт, что, держа свое монаршее слово, данное Александром II королеве Виктории (великой проходимке и лгунье исторической), выторговавшей за свое посредничество остров Крит в британское владение, русский царь, стоя под стенами Стамбула с войском, не только не вошел в столицу Оттоманов, но и не стал освобождать святой град императора Константина...

После его убийства по всей Руси стали строиться святые храмы, часовни, молельни. В своей статье «Храмы Мелекесса» бывшая хранитель фондов городского краеведческого музея А. Петрова пишет: «На заседании Посадской думы было принято решение - объявить сбор пожертвований на строительство храма в память мученической смерти императора Александра II».

Проект был заказан академику В.О.Шервуду (1833-1895 гг.), известному в России скульптору и архитектору. Он - автор проекта Исторического музея на Красной площади в Москве.

Шервуд в то время работал по заказу Самарской городской думы над памятником Александру II на центральной Алексеевской площади - ныне это площадь Революции, - где на месте памятника монарху стоит ленинский монумент. Свои работы архитектор-академик закончил в дни празднования 300-летия Самары в 1886 году.

В Мелекессе местом под новый храм была выбрана людная площадь на пересечении улиц Большой (III Интернационала) и Щепной (Самарская). К 1889 году на это место свезли и складировали 300000 штук кирпича. Но строительство не начинали.

То ли по несчастью, то ли умышленно в этом же году сгорела старая посадская деревянная церковь. Прихожане все настойчивее требовали от властей строительства нового храма.

В 1890 году был отслужен молебен по закладке нового православного храма. Из окрестных сел сюда везли возами куриные яйца. Они использовались при замешивании на них алебаstra.

Общие работы на строительстве вел самарский епархальный архитектор Хилинский, воздушное отопление делал самарский печник Филатов, иконостас расписывали Федотов и Ефим Орлов, хоры делал плотник Колпаков, штукатурные работы внутри храма Кадушкин.

Взметнулись над посадом краснокирпичные стены под крестовым сводом - все в архитектурно-декоративных элементах украшенные. На своде храма, в его основании, было сложено пять прямоугольных, переходящих в многогранные и шестигранные шатры барабанов. На них покоились купола под белой оцинкованной жстью. Кресты поднимали 20 июня 1893 года в день святых Апостолов Петра и Павла. Главный крест был более 5 метров высотой.

Летом 1894 года храм торжественно освятили в честь святого князя Александра Невского и открыли для богослужения.

Следует уточнить, что имя храма Александро-Невский - дано ему от двух канонизированных князей Александра II и Александра Невского, 700-летие со дня рождения которого тогда отмечалось. Нужно знать, что, конечно же, тех простолудинских копеек, что жертвовались на строительство, было совсем не достаточно. Потому большую долю в общепосадскую «копилку» внесли богатые деловые люди Мелекесса. Особо отличился здесь «Торговый дом Марковых» и сын главы семьи - Федор Григорьевич. Впоследствии он при составлении своего завещания писал «Двум церквам в посаде Мелекесс, одной в селе Мулловке, одной в селе Еремкино Бряндинской волости - завещаю каждой по 1000 рублей наличными для вечного поминовения меня и жены моей.

На похороны - 3000 рублей, на памятник -5000 рублей. Памятник мне поставить в церковной ограде, рядом с памятником покойной жены моей». Умер он в 1911 году. С тех пор много воды утекло, но главное святотатство даже не в том, что давно уже нет ни храма, ни его кладбищенской ограды, ни памятников добрым православным людям. Главное забвение в том, что нарушен основной православный обычай - исполнять последнюю волю усопшего, а именно, в данном случае – вечное поминовение раба Божьего Федора Маркова и его жены в храмах им указанных, на что были даны по тем временам огромные деньги. Но даже нынешний страж и хранитель нашей нравственности и духовности - наша православная церковь - не исполняет святой завет свой... Вернемся же к 1894 году и описанию нового посадского храма: «В зале храма было много колонн. Естественное освещение его было слабым, потому предусмотрели множество настенных и висячих светильников. В центре куполообразного потолка висела люстра с тысячами огней, специальным механизмом ее поднимали или приспускали.

В 1907-м году к храму со стороны фасада пристроили колокольню. Она состояла из 6 ярусов прямоугольных многогранников, с основаниями - одно меньше другого по вертикали вверх. Заканчивалось это шатровым барабаном, куполом с крестом. Общее впечатление было: легкость и устремленность ввысь.

Шпиль колокольни был виден далеко за окрестностями посада. Колокольню украшали выложенные декоративные элементы, полукруглые и фигурные арки, круглые окна, ажурная кладка из кирпича. Колокола для храма по заказу отливались в Ярославле.

Автором проекта и руководителем работ был Платон Васильевич Шаманский. При храме были открыты приходская школа, библиотека, читались правительственные указы и царские манифесты. Был здесь и постоянный хор мальчиков. За каждое пение платилось по 2 рубля человеку (что в то время составляло сумму ежемесячной платы за квартиру).

По великим праздникам, особенно на Пасху, над посадом разливался малиновый колокольный звон. Звонари были как «штатные» виртуозы, что могли работать и руками и ногами, так и любой посадский человек с утра до ночи мог подняться на колокольню, исторгнув в божественном звоне свой восторг и торжество. Были озорники, что исполняли на колоколах «Барыню», «Русского»...

Благолепное и богоугодное дело, свершившееся тогда в Мелекессе, оставило нам и урок высоконравственный, и пример заботы об общине, о потомках, о граде своем. Давайте задумаемся в такие простые вещи, как стоимость подобного сооружения ажурной кирпичной кладки из замесов на сотнях тысяч яиц люстры из хрусталя в тысячи огней; колокола из старой русской меди, отлитые на заказ в Ярославле: доставка всего этого в Мелекесс; школа и библиотека (бесплатные!) при храме...

Ну-ка, сколько это в деревянных по нынешнему курсу!?

А работы! В 1890 году заложили храм. Через три года «под крест» сдали. Еще через год - под службу. За год поставили колокольню. 101 год назад храм освятили, а 40 лет - (словно вчера) - разрушили. Мы и сегодня, при нашей технической оснащенности, не можем так работать, созидать для себя же. А вот уничтожать - нате вам - сколько угодно, враз.

Ну не дикое ли племя возросло от октября 1917-го! Когда же мы преодолеем это зверство в себе?

Это напоминает мне ужасные пляски лишенных разума на могилах своих родителей -великое святотатство. За что же мы так ненавидим себя, своих предков, просвещенный мир? Ведь в том же Александро-Невском храме души наши и наших родных рождались в православном обряде крещения и отлетали, успокоенные, в мир иной после литургий. Здесь, искренне любя ближнего, христосовались, венчались в торжестве продолжения жизни, причащались к церковным дарам святобожьим, каялись, тешили мысли и чувства успокоением и добродетелью, клялись, любили...

И так - четверть века.

Затем грянул январь 1918-го. И земляк наш ужасный, страдающий приступами душевного неравновесия, поклонник и кровный содеятель монархобивцев, лишенный Господом нашим деторождения и во зло муминизированный парасхитами - В.ульянов-Ленин - брякнул о мировую земную юдоль свой шизофренический трактат «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», лишив нас и души, и разума господних. Это с его одобрения, по его требованию только до 1920 года было расстреляно 28 епископов, 1215 священников, а всего - 1755810 православных.

У монахов отрезались половые органы, у монахинь - сосцы. Все они, скопом, зарывались в общую могилу. Под постановление ЦК РКП(б) с 1922 года начинается разграбление церквей. Произведения искусств русского народа - иконы, чаши, диски, лампы, ризы, святые сосуды, подсвечники, - не уничтоженные, были проданы ленинцами за рубеж. В финотделы 48 губерний России до 15 мая 1922 года поступило: золота - 700 пудов, серебра - 9500 пудов, бриллиантов - 8000 штук, жемчуга - 48 фунтов, драгоценных камней - 80000 штук.

Был арестован сам Святейший патриарх Тихон за призыв к сокрытию святых даров церкви. Уже в июне сумма изъятых в церкви ценностей составила 400 миллионов золотых рублей.

В то же время (это чтобы нас не смущали басни ленинцев о тратах их в помощь трудовому народу) в помощь голодающему населению России большевиками истрачен один миллион золотых рублей!

Газеты того времени сообщают о банковских счетах комиссаров за рубежом. Только Зиновьев имел 11 млн. швейцарских франков, а Троцкий - в Америке - 800 млн. золотых рублей.

Я не берусь ничего утверждать, но тот же Троцкий жил на какой-то капитал свыше 10 лет в Америке, содержал семью, дом, огромную охрану, гараж, финансировал свою оппозиционную организацию по всему миру...

Православные соборы и храмы не только уничтожались, они передавались под казармы и комсомольские клубы, вскрывались могилы святых великомучеников. Борясь с церковью и верой, новые власти запрещали обучение детей Закону Божию, удаляли из школы иконы и церковные книги, ликвидировали духовно-учебные заведения, управления; церковный суд, хозяйственные и благотворительные организации, отменили праздники, обложили церкви налогами на право совершения богослужения, запретили служащим исполнять свои религиозные обязанности.

Но этого было мало. Религию православия вытравляли индивидуально: закрыли все домовые церкви, учащимся, под страхом исключения, было запрещено говеть, исповедоваться и причащаться, учителям - иметь иконы и креститься, всем - носить нательные кресты.

Закрыли и религиозную печать. В ходу стали такие издания, как газета «Безбожник» и журнал «Безбожник у станка», подписка на которые велась в принудительном порядке. Самой массовой организацией после профсоюзов стал «Союз воинствующих безбожников».

Не кощунство ли, что Алексеевский монастырь в Москве стал клубом комсомольцев, Троицкое подворье в Питере - театром!

Были уничтожены святые для православных места - Саров и Дивеево. Участь России - стала участью Мелекесса. И здесь ленинцы, следуя заклинанию своего Верховного Антихриста: «Взять в свои руки фонд в несколько миллионов, а может быть и миллиардов золотых рублей мы должны во что бы то ни стало.., мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы не забыли этого в течении нескольких десятилетий... чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...» - кинулись исполнять.

А тут и газета «Правда» подлила масла в огонь, с ее страниц вышло требование реквизиции «всех церковных колоколов на красный воздушный флот».

Президиум ВЦИК уточнил: «...колокольный звон, производимый на всю данную округу церковниками, резким образом противоречит принципу отделения церкви от государства, ибо нарушает бытовые условия и права широких безрелигиозных трудящихся масс... мешает труду и отдыху».

Так, в одночасье Мелекесс лишился малинового звона. Все снятые колокола были складированы на чугуно-литейном заводе, обрастали мхом, зеленели. Не только в посаде, в стране еще не было технологии их переливки. Лишь к 1932 году Совнарком принял решение заменить импортную медь - своей, колокольной, для чеканки медной разменной монеты. У кого ныне хранятся старые мелкие деньги - до пятака включительно - внимательно всмотритесь в них, все они, начиная с 30-х годов до 61-го, даже по степени сохранности отличаются от ранних и поздних монет. Это почти святые деньги, изъятые у Бога, у его служителей, все они из колоколов-правовестников.

Эх, миряне, собрать бы их вновь по кубышкам нашим, да коллекциям, да отлить бы хоть один сгарозыкастый, малиновозвонный колокол!

Еще дальше своего учителя ушел бывший семинарист Иосиф Сталин. Он любил обрубать торчащие концы одним махом. В 1932 году своим декретом он постановил: «К 1 Мая 1937 года имя Бога должно быть забыто на территории страны». В Мелекесском районе, как писала А.Петрова: «Было к тому времени 56 культовых сооружений: 46 православных храмов, 10 мечетей, две старообрядческих молельни. В самом Мелекесе - 3 храма, мечеть, 2 старообрядческих молельных дома». Из полусотни служителей в них оставалось три священника в Свято-Никольском, один - в Александро-Невском храмах, один - в «Таратинской» церкви, один мулла и два старца. А в 1935-м богослужение в городе вообще было запрещено.

Первой рухнула «Таратинская» церковь. Сначала в ней разместили общежитие для юных, неразумных безбожников из ремеслухи. Но когда к ним стали навёдываться души усопших и привидения, церковь разобрали.

В 1939 году разобрали «белую» народную церковь - Свято-Никольскую, предварительно ликвидировав перед ней торговые ряды и ярмарочную площадь. На ее месте ныне - бывший т. н. парк культуры и отдыха, где за более чем полвека совершено столько и такого непристойного, даже убийств, что поневоле приходишь к мысли, что Господь не только лишил разума рабов своих, но и проклял само место это, где на останках храма Божьего мы бесовские игрища творили...

Были в те времена неразумные городские «головы» (предрики) В.И.- Власов и Табачников. Первый отличался тем, что сносил школы, второй - строил грандиознейшее сооружение пятилетки - апофеоз своего разума - танцплощадку на месте «белой» церкви.

Подобная участь постигла и детский парк с кинотеатром «Мир» (последний умудрились построить на фундаменте «красной» церкви). Ничего хорошего от этих мест ждать не приходится. Господом нашим прокляты они. В местах оных, мы, грешники, можем рассчитывать лишь на покаяние, свершая дела богоугодные, благие и только в купе с церковью.

Бог не прощает такого кощунства, которое сотворили ленинцы с храмами святыми в Мелекесе. Отца Никольского, 60-летнего старца, схватили в церкви во время богослужения и заставили открыть рот. И с криком: «Вот святое причастие!» выстрелили ему в рот. Священнику Дмитриевскому, поставив его на колени, отрезали уши, нос, отрубили голову. Отца Золотовского, 80-летнего старика, одели в женское платье и заставили плясать непотребно в церкви...

Итак, к 1939 году в Мелекесе остался единственный православный храм - Александро-Невский. Его относительная молодость, крепость и красота, видимо, спасли его от разрушений тогда. Местные ленинцы приспособили его под комсомольский клуб, построили в алтаре сцену. Но своеобразная акустика храма, его «певучая» сбалансированность и резонансность стен, куполов, его особое, «секретное» строение не могли дарить благодати бесовским спектаклям юных ленинцев. Ну как, скажите, можно слушать уносящийся под своды визг психически расстроенной девицы «Мы - на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!!!», если, отразившись в сотах сферического купола и поглотившись в них же, на зал обрушивалось протяжное, исковерканное, трансформированное стихотворение, каковое можно воспринять и как «В Нагорной Господу пожа-а-луемся... ра-а-аз-думаемся!!!»

Потому храм спешно переделали под зернохранилище. Но за это время люди уже успели и подразорить его. Сорвали белую жесть с крыши перехода от колокольни, задрали листы кровли на куполах. Внутри стали проникать ветер, снег, дождь и грязь. Последнее применение храма было под склад горторга. Благо, в сторожке храмовой - напротив - уже всю работала пивная лавочка. Никто и никогда, даже сами новые владельцы складов, не ремонтировали храм, не следили за его состоянием. Благо, тогда все было всенародное, а значит - не мое.

Была навсегда испорчена система воздушного отопления, создававшая здоровый микроклимат, разбиты или растащены стекла из окон и мозаичное панно, проваливались полы. В дыры и щели

набивалась пыль. Прямо из стен росли десятилетние березки. А главное - стены перехода дали трещины, пошатнулась и треснула колокольня. Храм стоял заколоченный.

К 1944 году И.Сталин, поняв, что война выиграна в немалой степени и с помощью остатков уцелевшей, в основном в изгнании, церкви, снял с повестки дня вопрос о гонениях на православие. В храмы потянулись за утешением, оплакиванием, отпеванием, раскаянием вдовы, матери, калеки, brave вояки, вернувшиеся из смертельных боев.

Острота вопроса с «красной» церковью была снята. Но возникла новая проблема: нужно ли и на какие средства реставрировать храм и для кого? Городские «мудрые» головы посоветовались с «головами» областными. И решили: поскольку на реставрацию нужно не менее миллиона рублей, а в послевоенной разрухе их взять негде, и с государства не сорвешь, ибо храм новый и не представляет из себя памятника архитектуры - дешевле и проще его будет стереть с лица земли.

Сразу же хочу оговориться, что в период с 1953-го по 1956-й годы обкомом партии «управлял» И.Скулков, а комсомолом области - В.Сверкалов (ныне один из «хранителей» ленинского пантеона в Ульяновске).

По их рапортам в вышестоящие... мы можем судить о том, что в области успешно находились средства для направления по комсомольскому набору молодых отрядов ульяновцев на печально известный гулаговский «Дальстрой» (100 особо проверенных комсомолок), в Кустанай на целину, в Караганду строить шахты, в Самару на ГЭС. Да и в самом Ульяновске было организовано целое управление «Ульяновскстрой», которое выпускало блоки из сборного железобетона для создания инженерной защиты Ульяновска, Мелекесса, Сенгилея от подтопления водохранилищем ГЭС.

А из следующего радостного рапорта Сверкалова мы узнаем, что «только от внесенных рацпредложений молодыми рационализаторами и изобретателями экономический эффект составил 5 миллионов рублей». А тут какой-то храм в Мелекессе, куда вбухнуть нужно миллион... Это ведь не сборный железобетон или престижные УАЗы!

Так и подошли «головы» к мысли разрушить храм, чтоб ни о мракобесии не напоминал, ни укором совести на пупе городка не торчал, 1954-й и 1955-й годы стали последними в жизни Александро-Невского храма. Рушили его долго, зло, жестоко. Вопрос о сносе храма на городское обсуждение не выносился (единоначалие же!), писать журналистам об этом не позволили. В среде интеллигенции немного пообсуждали этот вопрос, но единого, мнения не было. Одни были за снос «фрухляди», другие - против.

И вот однажды поутру рухнул оземь пятиметровый крест с купола храма, и вонзился он метра на полтора в почву, как бы негодуя против злой воли...

А.Петрова писала: «Ломали храм иноверцы, свои на такое святотатство не пошли. Из храма не смогли взять ни одного целого кирпича...»

Другой старожил свидетельствует: «Ломала бригада татар. С остервенением. Ведь к тому времени уже была закрыта мечеть. Минарет снесли. В здании ее сделали магазин, а потом - школу...

Я ходил смотреть на это варварство каждый день. В бригаде татар работал один парень знакомый, он потом в горкоме партии работал. Рассказывал, что под алтарем, когда разобрали пол, был найден кованный ящик, под ним - медная плита с отчеканенным текстом, что храм тот освящен в день и в честь памяти святого князя Невского. Да в приходской части под половицами нашли они затерянный когда-то золотой царской чеканки, который всей бригадой и пропили. Медную плиту унес какой-то старик, живший по соседству, по-моему, его безуспешно в свое время искал Николай Иванович Марков.

Весь кирпич, который удавалось целым сохранить - исполком продал людям на хозработы по дому. И я покупал немного. Был он - 10-ти фунтовый, «церковный» - побольше обычного и на каждом - кучка затвердевшего раствора, который соскабливали с великими трудами...»

Старожилы говорят, что основную часть храма разбивали в мелкое крошево и засыпали им дороги и канавы в городе. Какую-то часть использовали для постройки бани в Осиновой роще. Построить-то построили, но оказалось, что нет возможности дать туда воду, подвести канализацию. Так и стоит та баня - хозпостройкой. Так, рассыпанный в прах храм сослужил свою

последнюю службу людям посадским, «впаявшись» в стены их домов, улегшись им под ноги, чтоб ходить не колдобисто было...

Теперь самый непростой вопрос: о «героях» эпопеи уничтожения храма. Конечно, можно было точно установить в архиве имя тогдашнего «головы», при ком конкретно снесли. Но это уже ничего не изменит... Имя нарицательное этому «коллективному разуму, уму, чести и совести эпохи» народ уже давно дал - нелюди!

Так всем ленинским кагалом к предстанут они перед судом Истории и Божеским. С 1950-го по 1957-й годы в городе власти менялись часто. Но каждый из руководителей так или иначе проигнорировавший глас Божий и «вопли» израненного храма, или приложивший руку, перо, совесть к его уничтожению - в равной степени ответственен перед Богом, народом, нами - их потомками - и внуками нашими. Вот их имена, данные (судя по их возрасту) их родителями, видимо, в таких же храмах православных при крещении- секретари партийные - Тюрин, Епанишников, Богатский; «головы» сов.власти исполнительной и советской - Табачников, В.Власов, Т.Крашков, комсомольский вождь - Ф.Балагуров.

Давайте помнить, что у каждого из них были семьи, остались дети, внуки, правнуки. И своим проклятием мы можем нанести им незаслуженное оскорбление, боль. Не лучше ли здесь и сегодня, говоря о судьбе наших храмов православных, помнить нам главную и самую гуманную в нашей цивилизации христианскую заповедь: всепрощение. Прости и ты нас, Огче наш, Господи, за все деяния неразумные, в которых Бес попутал народ каш. Прости и прими наше покаяние за дедов и отцов наших, за нас самих и детей наших. Триединый поклон земной бьем тебе смиренно.

1997 г.

МЕЛЕКЕССКИЙ «РОБИН ГУД»

Прошлое нашего края неразрывно связано с историей России. В созвездии имен, мелькнувших на фоне двух веков, что сложились уже на нашей памяти, есть совсем с виду неприметные, есть же - известные. Но все они - наше прошлое и настоящее, без которых у нас не будет и будущего. Познать их, хоть самую малость, коснуться их судеб, увидеть в них эпоху и самих себя - задача непростая, но выполнимая. В силу своих знаний, умений и возможностей я попытаюсь вам помочь в освоении этого материала, помочь заглянуть в прошлое, увидеть своих предков.

Летоисчисление нашего посада ведется с 1697 года, когда при впадении Мелекески в Черемшан возникло на берегах двух рек первое поселение из участников первого организованного похода крестьян за Камскую засечную черту. А «приложил руку» к этому нашему возникновению в крае Причеремшанья самый яркий патриот Руси, государственный деятель, историк, писатель, просветитель, и радатель об «отечественном благе и гробах» - Василий Татищев.

События же, о которых я поведаю, произошли спустя 76 лет после возникновения Мелекесса. В те годы близ нашего города выделялась своим оснащением, обжитостью, храбростью жителей крепостца Тиинск. Этот ближайший к устью Мелекески населенный пункт располагался на речке Тия, на окраинах мощных пойменных лесных массивов. И особую роль гарнизон крепостицы сыграл во время Пугачевского бунта. Мы знаем, что разбойникам и беглым бандитам-преступникам не удалось взять Мелекесс (в отличие от Симбирска). Наши предки не только не переметнулись на сторону этого лжецаря, но и оказали ожесточенное сопротивление его кровавым бандитским отрядам, держали в Мелекессе крепкую оборону...

В Тиинске же на сторону Пугачева перешла группа жителей, составивших один из отрядов под руководством Ивана Сомова. В его рядах были жители окрестных сел, числом до 1000 человек. Они-то и доставляли множество хлопот своими разбойными и дерзкими действиями посадским мещанам, купцам, предпринимателям. Своими силами предки наши рассеять или разбить «войско» Сомова не могли. Тем более, что очень умело и по-воински грамотно руководил новоявленный Робин Гуд отрядом. Был удачлив в боях...

Иван Андреевич Сомов получил хорошую воинскую выучку и закалку в Его Императорского Величества Преображенском полку. Был взванием фейерверкера в отставке. И около четверти века до описываемых событий провел на рекрутской службе в рядах действующей русской армии.

Его «воинский карьер» пришелся на междувластие на Российском троне. Когда экспедиционные войска генерала Петра Семеновича Салтыкова (одного из немногих прославленных громкими победами военачальников, русского по национальности) по приказу «дщери Петровой» - императрицы Елизаветы - были двинуты в поход на прусские земли императора Фридриха, в рядах солдатских был и Иван Сомов. Сражаться против армии Фридриха - короля солдат и солдатского короля, в те времена в Европе не решался никто, И вот такой армии был противопоставлен русский воинский характер: опыт, отвага, удача наших предков - крестьян и воинов.

В той странной войне русские войска Салтыкова, по прихоти дворцовых политиков, вынуждены были входить в альянс то с австро-вен герскими корпусами, то с французскими дивизиями. А нередко и противостоять так называемым союзникам. Боевые действия были прекращены, когда «молодцы» Салтыкова взяли с боем Берлин. Но преждевременная кончина Елизаветы возвела на трон Российский фанатичного поклонника полководческого таланта Фридриха, бесноватого императора Петра III. Он и повелел войскам в землях германских и прусских отступать, позорно оставляя без боев побежденным фридриховцам все, завоеванное кровью и жизнями русских солдат.

Но виктория не надолго отвернулась от отважных: голштинская принцесса (Екатерина II), оседлав русский трон взамен убиенного ею мужа, оказалась зело способной к политике и баталиям. Твердой характером, ревностной сторонницей русских интересов: страны и народов,

доставшихся ей в правление. Ею из почетной отставки вновь был призван под боевые знамена уже генерал-фельдмаршал Салтыков. И его войска, в рядах которых служил фейерверкер Сомов, вновь совершили беспрецедентный боевой рейд, показав Европе еще один пример мужества, выучки, непобедимости русского оружия. Уже политыми кровью германскими дорогами Салтыков вывел своих «молодцов» к стенам Берлина...

Наиболее отличившиеся в этих походах были жалованы наградами, в том числе медалью «Победителю над пруссаками» был отмечен фейерверкер Иван Сомов (звание это, правда по-русски звучит довольно юмористично). Получил наш земляк вместе со товарищи и сотню рублей серебром, разрешено им было снарядить и обоз из трофейного «добра и рухляди»...

По возвращении в Россию Сомов исхлопотал взятками писарям отставку, осел в Тиинске, где намеревался на льготных наделах земли поставить крепкое хозяйство, по примеру виденного им в Пруссии. Время было беспокойное, земли пришлось осваивать из-под девственных лесов, удобств бытовых было мало, семья требовала кормежки, забот... Наградное да трофейное добро истаяло быстро, видимо, было промотано в шинках на зелье. Потому, как только протрубили «трубы боевые» в войске Пугача, где высшей доблестью были грабеж да анархия, привыкший к оружию и походному мотовству отставной фейерверкер дернул в новый поход - с бунтовщиками. По сердцу ему оказался девиз (идеология бунта), который исповедовал лже-Петр III - Емельян Пугачев: «Не думал к правлению быггь и владеть всем Российским царством... шел, надеясь, если удастся чем поживиться или убиту быть на войне... День мой - век мой!»

Сегодня историки, ссылаясь на документы, сходятся во мнении: Пугачев изначально был преступником (конокрадом); от расплаты бежал с Дона в Польшу, затем к туркам, с которыми тогда жестоко и непримиримо воевала Россия; был признан дезертиром (служил в звании казака в российских частях); видимо, был завербован, получил денежные субсидии на организацию бунта в тылу российских войск... Подкуплены в пользу вражеских интересов были им и его ближайшие сподвижники. А граф Алексей Орлов прямо писал, что в пугачевщине есть и интрига Франции. Это предположение поддержал и Вольтер...

О бессмысленности, анархичности и лютой жестокости пугачевцев я уже писал. Только за год бунта было умерщвлено ими 700 дворян обоего пола, 86 диаконов, 35 купцов, 167 дворовых людей и 108 крестьян. В крепости Нижне-Озерной пугачевцы надругались над сыном и дочерью коменданта Елагина. Сначала сестру насиловали поочередно на глазах младшего брата, потом обоих, начали резать и колоть их, после чего «они в крови доползли, друг к другу, и, обнявшись, испустили дух». С отца их живого содрали кожу, изрубили тело на куски..

При взятии Казани генерал-майор, герой русских баталий, столетний Нефед Никитич Кудрявцев не схотел уходить со всеми под укрытие солдат в крепость, повелел отнести его в Казанский девичий монастырь:

- Хочу изобличить самозванца и его людей! - заявил он.

Этот бесстрашный воин, бывший поручиком лейб-гвардии Преображенского полка еще при Петре I, прошедший Персидскую войну, турецкие баталии, бывший в рядах воинов Салтыкова вместе с Сомовым в Пруссии, заявил ворвавшимся в храм Божий пугачевцам:

- Злодеи! Вы забыли Бога, изменили вере, государыне. Страшитесь суда Божия, невинная кровь, вами пролитая, вопиет к небесам, и вы дерзаете присутствием своим осквернять храм Господень!

Бунтовщики били его, рубили, а генерал продолжал обличать их. Только выстрел в упор оборвал жизнь героя...

Суть Сомова и других храбрых солдат, ушедших по прихоти к Пугачеву, видимо, можно выразить словами злодея, адресованными к его братве: «Даю волю курить, пить вино, владеть всеми угодами и торговать безданно и беспощинно, - будете вы яко звери в поле жить... будут вам за верную службу кафтаны, реки, озера, моря, бороды, кресты...» Потому на службу «Петру III» Сомов и определил всю свою «салтыковскую выучку», опыт боевых действий, организаторские способности. Его отряд отличали хорошая организованность, дисциплина, храбрость, укомплектованность стрелковым оружием, а также батарея легких пушек - гордость их

командира. Знание артиллерийского дела зело помогало ему расправляться с немногочисленными гарнизонами крепостей, редкими отрядами генерала Михельсона, чья одна только фамилия вызывала у Сомова гнев, хотя Иван Карлович Михельсон был уроженцем не Пруссии, а Лифляндии. Но Сомов «крестил» их всех «немцами», памятуя о прусских баталиях и генерале Тотлебене, открыто предававшем русские войска и интересы..

Почти два года водили по окрестным уездам хмельная вольница да барыш сомовскую братву. В июле 1774 года Михельсон дважды бивал пугачевцев всего с восемьюстами кавалеристами, обратив в бегство лжецаря и побив 5000 его человек, захватив у разбойников 9 пушек. Пытавшийся уйти в Персию или вновь к туркам Пугач был окружен под Царицыным, а Сомов с отрядом, вернувшись в мелекесские леса, продолжал терзать своих земляков дерзкими и кровавыми вылазками на дорогах да в деревеньках.

И только зимой «прижал» его к берегу Черемшана карательный батальон капитана Сербулатова, производившего зачистку территории от укrywшихся бандитов. Основной отряд - генерал-майора Мансурова - шел вдоль берегов Волги, усмирять непокорных, сжигать бунтовавшие деревни. Сербулатову же был дан приказ подниматься к верховьям притока - Черемшана. Сомову уходить уже было некуда, бой принял. Бой был жестокий, последний, как похмелье после долгого бражничества. Сербулатов, имевший в активе боевом немало викторий над врагами русскими и порошу прусского нюхнувший, знал, что супротив него встал не менее храбрый и боевой человек, прошедший те же баталии. Вчерашние однополчане сошлись в последней сече, окропив густо причеремшанские снега кровушкой солдатской. Но... сила силу ломит! Пушченки Сомова были разбиты, обоз канул под черемшанский лед вместе с большинством злодеев, а сам фейерверкер, теряя раненых и убитых, с остатками верных друзей ушел за реку, пропал в тогдашних диких лесах под Мелекесом. Говорят, ушел от заслуженной кары. Канул в историю..

1996г.

РАЗБОЙНИКИ

«Пугачев, пользуясь смятением, напал с другой стороны. Крепостные казаки ему предались. Раненый Елагин и сам Биров оборонялись отчаянно. Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Бирову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрал кожу, злодеи вынули из него сало мазал им свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распоряжавшемуся казнью ее родителей. Пугачев поражен был ее красотой и взял несчастную себе в наложницы, пощадив для нее семилетнего ее брата Вдова майора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: ее удавили. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью...»

«...Пугачев, уступив их требованию, передал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны. Раненые, они сползли друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты, оставались долго в том же положении...» Так описывает события тех лет А.Пушкин в своей повести «История Пугачева». Я привел две эти цитаты лишь для того, чтобы наглядно показать «озорничание» беглого вора и разбойника, самозванца Емельки Пугачева, которого и до сей поры постсоветские историки производят в народные герои, скрывая истинные злодеяния бунтовщика.

Сам Емелька в Мелекесе был только в железах, когда генерал-аншеф, граф Суворов привез его к главному войска царских графу Панину в Симбирск на допросы и пытки. А вот сподвижник его, атаман одного из отрядов И.Арапов навел «шорох» в Среднем Поволжье.

В декабре 1773 года он захватил уездный город Ставрополь, затем Самару, где чинил злодейства, ничуть не меньше, чем описанные Пушкиным.

Осенью 1773 года атаман Арапов захватил Никольское и Ерыклинск, но попытки овладеть Мелекесом были безуспешны. Наши предки организовали заводскую дружину и совместно с местным отрядом казаков и отрядом из Тиинского острога отбили нападение. Повстанцы

захватили Бригадировку, Старую и Новую Сахчу, другие села, а Мелекесс и не думал сдаваться. Отважным посадом не без основания гордился сам казанский воевода Брант.

В январе 1774-го Арапов вновь атаковал мелекесский гарнизон. Две битвы выдержали наш земляки на берегу Черемшана и обратили в бегство армию мятежников. А в феврале из Казани к нам прибыл отряд царских карателей. Была организована усмирительная экспедиция по селам. И уже опричники, верные Екатерине, сожгли Бригадировку, Старый и Новый Письмирь, Старую Бесовку и Сабакаево... Насколько серьезно все при дворе принимали восстание, можно судить снова-таки по записям Пушкина: «Зима усугубила затруднения. Степи покрыты были глубоким снегом. Невозможно было двинуться вперед, не запасшись не только хлебом, но и дровами. Селения были пусты, главные города в осаде, другие заняты шайками бунтовщиков, заводы разграблены и выжжены, чернь везде волновалась и злодействовала. Войска, посланные из всех концов государства, подвигались медленно. Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко. От Илецкого городка до Гурьева яицкие казаки бунтовали. Губернии Казанская, Нижегородская и Астраханская были наполнены шайками разбойников: пламя могло ворваться в самую Сибирь: в Перми начинались беспокойства; Екатеринбург был в опасности. Кирги-кайсаки, пользуясь отсутствием войск, начали переходить через открытую границу. Закубанские народы шевелились, возбуждаемые Турцией: даже некоторые из европейских держав думали воспользоваться затруднительным положением, в коем находилась тогда Россия... В Европе принимали Пугачева за орудие турецкой политики.»

При таких обстоятельствах и появился в рядах повстанцев наш земляк Василий Торнов. Вслед за возмущившими тихое село Лебяжье «агитаторами Петра III» 14 октября 1773 года к Оренбургу на подмогу Пугачеву отбыл отряд добровольцев, который возглавил крестьянин этого села Торнов. За что он и был обласкан самим Пугачевым, который поручал ему особо важные дела. Говорят, что Василий Торнов был незаурядным человеком: знал несколько языков (видимо, татарский, чувашский, мордовский), был смел и способен к военному делу (скорее всего, из отставных солдат), без труда занял место среди руководителей восстания. Авторитет и роль его среди приближенных Пугачева были столь велики, что даже Пушкин не преминул упомянуть о нем в своей повести.

«Торнов с шестьюстами человек взбунтовал и ограбил всю Нагайбацкую область...» Торнов был назначен Пугачевым комендантом Нагайбакской крепости. И, видимо, отнюдь не случайно. Село Нагайбак находится в Башкирии, на месте впадения реки Ик в Каму, недалеко от Елабуги, откуда на Черемшан пришли наши предки, основавшие Мелекесс. Само село названо в честь народа, здесь обитавшего - нагайцев, впоследствии ассимилированных родственными по языку татарами и башкирами. Скорее всего, в том районе у Торнова были хорошие родственные связи.

В апреле 74-го отряд Торнова был разгромлен царскими войсками, а сам атаман был пленен, посажен в острог в Казани. Но, прослышав от стражи, что Пугачев уже стоит с войском под Казанью, Торнов сумел организовать арестантов на бунт и побег. А присоединившись к своему вождю, продолжал бесчинствовать. Лучше снова обратиться к Пушкину: «Город стал добычей мятежников. Они бросились грабить дома и купеческие лавки; вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы: резали всех, которые попадались им в немецком платье. Пугачев, поставя свои батареи в трактире Гостиного двора, за церквами, у триумфальных ворот, стрелял по крепости, особенно по Спасскому монастырю. Разбойники, надев на себя женские платья, поповские стихари, с криком бегали по улицам, грабя и зажигая дома. Вдруг Пугачев приказал им отступать и, зажегши еще несколько домов, возвратился в свой лагерь. Огненное море разлилось по всему городу. Из города погнали пленных и повезли добычу. Башкирцы, несмотря на строгие запрещения Пугачева, били нагайками народ и кололи копьями отстающих женщин и детей...»

Между тем войска Панина сжимали кольцо вокруг войска бунтовщиков. Пугачев шел правой стороной Волги на Пензу, Саратов, далее - на Царицын, где, видимо, хотел, оторвавшись от преследователей, уйти в киргизские степи или за Каспий, в Иран. До самого Царицына шел с ним с боями, возродив свой отряд, атаман Торнов. Здесь же, в момент решающей битвы с частями генерала Михельсона, Торнов был пленен. С ним находилось еще более сотни наших земляков. Все они, а затем и «сам царь Петр Федорович», были доставлены в Москву.

Дознание было скорое и мучительное. В январе 1775 года приговор состоялся. «Пугачев и Перфильев приговорены были к четвертованию; Чика - к отсечению головы; Шигаев, Падуров и Торнов - к виселице, осьмнадцать человек - к наказанию кнутом и ссылке на каторжную работу. Казнь Пугачева и его сообщников состоялась в Москве 10 января 1775 года. С утра бесчисленное множество народа столпилось на болоте, где воздвигнут был 'высокий помост. На нем сидели палачи и пили вино в ожидании жертв... Палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп, стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаны. Тогда он сплеснул руками, повалился навзничь, и в миг окровавленная голова уже висела в воздухе... Палач имел тайные повеление сократить мучения преступников. У трупа отрезали руки и ноги, палачи разнесли их по четырем углам эшафота, голову показали уже потом и воткнули ее на высокий кол. Перфильев, перекрестись, простерся ниц и остался недвижим. Палачи его подняли и казнили так же, как и Пугачева. Между тем Шигаев, Падуров и Торнов уже висели в последних содроганиях...»

Остальные наши земляки, на судьбах которых Александр Сергеевич не заострял внимание, были сосланы на каторжные работы в Сибирь или же возвращены в родные места помещикам искалеченными на допросах, с вырванными ноздрями. Так что теперь, если в нашей округе и есть у кого-то уличная кличка Рваный или Ноздря, знайте: это потомкитех, кто пытался добыть призрачную свободу в войсках злодейских, тех, кто шел противу Закона, Бога, Царя и Отечества.

1997г.

В СТЕПЯХ КЫРГЫЗСКИХ

Старым Оренбургским трактом через селцо Мелекесс-завод в любое время года шли обозы со «стратегическим» по тем временам товаром - солью. На Пензу, Симбирск, Казань везли его из крепостицы Илецкая Защита под Оренбургом.

В середине XIX века стоимость соли достигала 30 копеек серебром за пуд. Товар этот доставлялся спекулянтами, имел хрупкую структуру и стеклянный блеск, цвет хрусталя. Из этой соли на приисках, где были заняты 67 царских и 719 вольнонаемных рабочих по штату (в основном из татар) симбирскими умельцами делались коробки, светильники, четки, зажигательные стекла. А в Лондоне на I Всемирной выставке была и модель Александрийского столпа, чей оригинал стоит на площади у Зимнего дворца. Высотой модель была 4-х футов, а изготовлена из цельного куска кристально чистой каменной соли... Добывали соль в основном, конечно, как провиант и консервант и в Поволжских губерниях но открытым способом, работали топорами на длинных топорищах, вырубали борозды в пластах. Адский труд, если учесть, что запасов этого сырья у русских было на 12 тысяч лет.

Только один карьер имел 50-60 сажень в ширину, 100 сажень в длину и 12-15 в глубину! Спускались туда по деревянной лестнице, предварительно откачав дождевые воды. Добывали же из такого карьера ежегодно до 1200 пудов соли. А платили добытчикам в месяц: 7 рублей отбойщику и 5 - носильщику - самые большие работницкие деньги в государстве по тем временам. Но и работать здесь могли люди не более 10 лет. Потом ты - либо инвалид, либо... покойник! С таким вот возом соли весной 1848 года и прибыла в Симбирский край эпидемия холеры, зародившаяся где-то на Каспии-море, поразившая Оренбург, а потом охватившая все Поволжье...

Все меры предосторожности на те времена были просты: «баре» и господа спасались, отправляясь к столице или на крымские дачи, или за границу. Беднота и мещане, а также солдаты регулярных войск, жившие семьями, если могли - откочевывали на природу, в леса, осеяли домашние очаги крестным знаменем, жгли у домов отвратные травы. Госпитали были переполнены более мертвыми, чем больными, готовыми сулему пить, лишь бы выздороветь. К июню горячий степной ветер, перемешанный с пылью, мел обезлюдившие улочки городов и весей. Термометр показывал до 30° по Реомюру. Редкие экипажи в поселениях и на тракте были или похоронными дрогами, или врачебными тарантасами. На кладбищах уже хоронили безо всякого обряда, ибо что могли поделывать 2-3 врача на тысячу больных... Покойников из холерных бараков вывозили уже по ночам без гробов, на телегах - кучей, сбрасывали в ямы, засыпали негашеной

известью. Участились пожары, сметавшие с лика русской земли целые села. Спад болезни начался только к августу.

Афоня Толмачев рано остался сиротой. Сначала его дед, есаул Симбирского казачьего подотдела положил живот свой на алтарь монархии в боях с разбойником Пугачем. Затем отец, открывший в Мелекессе соляное дело и высвобожденный из царской службы за дедовы заслуги, сгинул в Оренбургском крае вместе с тамошними компаньонами, видимо, прибитый разбойничьей шайкой башкира Кенисары, стерегшей у трактов коммерческих людей. Мать гробилась денно и ночью у печей калашника Боярышниковца, чтобы прокормить Афонию и его двух малолетних сестреночек, не дать порушиться хозяйству и подворью Толмачевых, отстроенному на взгорье у запруды.

Когда Афоне минул 14-й годок, решено было его определить тоже к калашнику в подмастерья. Так бы и пристрастился парнишка к выпечному делу, если бы не оказия. Случилось в ту пору проезжать через село ученому-натуралисту Леману. В Симбирске он гостил у своего приятеля Николая Толмачева - дяди отца Афони, имевшего важный чин в военной канцелярии губернатора. Тот, хотя и был в давних распрях с родичем, помнил о том, что в Мелекессе подрастает парнишка, носящий славную толмачевскую фамилию, да после смерти отца - на бескормице. И просил Николай своего ученого друга, ежели Толмачевы при тракте еще живы от холеры, забрать парнишку с собой в экспедицию в качестве казачка. И бумагу от военной канцелярии через Лемана Афоне справил: такой-то и такой-то, сын такого-то, принят в службу Симбирского казачьего подотдела Уральского Войска - казачком, на коштовом довольствии и приписан к экспедиции г-на Лемана...

Форма, которую Афоне справил родственник за свой счет, ладно сидела на развитом мальчишечьем теле. Всплакнула было мамка, да спохватившись, перекрестила первенца в дорогу и казенную службу, добавив на ушко: авось, мол, и следы родительские в кыргизских степях тебе сыщутся...

Леман был господином незлобивым, таской Афонию поучал редко, но пунктуальность его и занудность немецкие доставляли немало хлопот казачку. Хотя, с другой стороны, и к дисциплине приучили, к аккуратности, дотошности в изучении и походного быта, и дела служивого. Через год Афанасий уже как заправский стрелок с кремневым ружьем обращался. Леман же, довольный своей выучкой, доверял ему самостоятельно выходить на охоту по зверью и птице.

Надо добавить, что Леман не только воспитывал казачка Толмачева в пристрастии к труду, воинскому мастерству и дисциплине. Как бы чувствуя свою ответственность за него перед Николаем, он сумел дать Афоне достаточный курс грамотности, привлекая его к своему труду натуралиста, знаниям флоры и фауны, климатологии и топографических профилей. Кроме того, в Оренбурге, бывая в местном светском обществе, Леман всегда брал с собой Толмачева, определяя его то к кухне, то к челяди, убиравшей залы, сервирующей столы, заставляя казачка познавать хорошие манеры, развивать вкус, понимать этикет.

А как был благодарен Афоня своему патрону, когда тот разрешал ему, хоть издали, наслаждаться пением на домашних концертах, замирать от восторга, когда на оренбургских «интимных» сценах единомышленники по духу из местной аристократии разыгрывали сцены из спектаклей «Ревизор», «Параша-сибирячка», «Дама из Сан-Тропеа» или закатывали балльные костюмированные действия... Особо замечал казачок душку-красавицу мадам Ульянову, покорявшую публику и пением, и танцами, и костюмами. А уж после того, как Леман представил мадам своего казачка, ее симбирского земляка, и она радостно и ласково потрепала его за щеку, что-то одобрительно щебеча, Афоня души в ней не чаял.

Собрав богатейшую коллекцию по натуроведению Великой Степи и Приуралья, Леман вместе с профессором Богуславским и небольшим конвоем через год двинулся в обратный путь, чтобы представить в Петербурге отчет о работе экспедиции.

В степном местечке Ташла их отряд гостевал у местного помещика Тимашева, владевшего здесь 120 тысячами десятин земли. В его трехэтажном доме, каменном, с просторными залами, будуарами всегда гостило много проезжих. «Замок» этот ташлинский стоял в окружении флигелей, два из которых заняли люди Лемана. На следующее утро натуралист взял Афонию с собой на представление хозяйке.

Встреча подростка со своей двоюродной теткой - Надеждой Афанасьевной Тимашевой, урожденной Толмачевой, ни разу не виденной им, оказалась радостной. Остальные дни, по ее настоянию, Афоня (в коем она признавала дорогие ей черты отца) проводил подле «тетеньки», забавляя ее рассказами об экспедиции, отвечая на многочисленные вопросы об их семействе в Мелекессе, об отце. О гибели его «тетенька» неподдельно горевала, сквозь слезы попрекая за отречение от родового предназначения - бытъ в казачьей царской службе. «Никому еще из Толмачевых коммерческое дело во благо не шло, - приговаривала она, - отец твой родительский устой поломать захотел да с легкого барыша богатств желал, вот ему и Божий отврат вышел, сердешному... Ты, Афанасий, верный путь избрал, через воинскую службу. Быть тебе, как и всем мужикам Толмачевым, в фаворе у государевых воеправителей. А удача боевая да чины с наградами в том тебе подтверждением станут. На ноги в чинах определишься, маменьке с сестрами помочь сможешь. Ты теперь в семье за главу, отцовские обязанности на тебе, приставай к делу толмачевскому да за немца своего держись, - он тебя наукам надоумит, дело в руки даст, с людьми могущественными сведет...»

При прощаньи «тетенька» пожаловала Афоне червонец золотом, на подводу взгромоздили сундучок с бабским тряпьем, узорочьем, побрякушками - подарки матери и сестрам, а главное - в поводу у парнишки шел жеребчик башкирских мастей под седлом и серебряной сбруей - вклад Надежды Афанасьевны в «воинский карьер» казачка. И Леман был доволен своим решением посетить имение Тимашевых, сводничеству своему мадам с племянником. Теперь у отряда до самого Симбирска был с собой дармовой и отборный провиант: сахар головками, мука пшеничная, бочка солонины, сухари, изюм, перец, рис, особым образом приготовленная конина, несколько пудов вяленой рыбы, два ведра водки, уксус, огурцы...

Через 16 дней Афоня расставался со своим господином. В Мелекессе, через который шел на Симбирск отряд, Леман отпустил казачка на побывку в семью, а через десять дней Афоня должен был догнать отряд в Симбирске, где они думали вновь остановиться у Толмачевых, дядя желал выслушать отчет о службе своего протеже. Но человек предполагает, а судьба располагает...

Прибывший в Симбирск Афоня как раз поспел к «холодным ногам» Лемана, скончавшегося от лихорадки в местном армейском госпитале. Дядя, не желая, чтобы казачок «прохлаждался в путешествии к столице», порекомендовал его на будущее оплакивавшему начальника штабс-капитану Богуславскому и, выправив подорожную Афоне к месту службы - в Оренбургский

казачий округ, велел верхами вновь испеченному уряднику Афанасию Толмачеву убить в свое войско, доложить по команде о прибытии и ждать возвращения Богуславского. К сему казак получил жалованья 25 рублей серебром за месяц. В Оренбурге в то время воз сена стоил рубль сорок копеек (60 копеек серебром), мешок овса - 3 рубля ассигнациями, фунт говядины 3 коп. серебром, баранины 1,5 коп., фунт хлеба - 3/4 коп. (причем только пшеничный, белый калач), повар на коште получал 5 рублей, кучер - 6. Живой верблюд стоил столько же. А снять для постоя дом из шести комнат, с конюшней, амбаром, прачечной, ванной, ледником и кладовой обошлось бы служивому в год - 600 рублей ассигнациями - около 160 рублей серебром.

Так что жалованье Толмачева было не малое. Можно бы и семью в Мелекесе поддержать, но теперь, выйдя к настоящей воинской службе, уряднику Афанасию должно было по уставу казачьему одеться, вооружиться, купить и содержать коня. Афанасий получил еще по завещанию господина Лемана казачку за службу 100 рублей ассигнациями от душеприказчика, натуралиста Богуславского. Именно эти деньги и отдал он матери и сестрам, проезжая через Мелекес в обратный путь.

Увидев сына в боевой казачьей форме, уже служивого, мать горевала-причитала о дитятке неразумном еще (хотя Афоне уже было шестнадцать годков), пристрашенном «драчунами» толмачевскими к походам - разбоям в деле смертном. Она очень боялась, что останется «без мужчинской руки и поруки» в своем доме, опасаясь, что сын может сгинуть в киргизской степи, как и муж... Через два дня с «соленным» обозом Афанасий пошел трактом по «хрустальному» следу за своей судьбой.

Долго ли, коротко ли правил службу Толмачев в казачьих станицах, но в 1850-м вновь попал под начало старших сотоварищей - в конвой штабс-капитана Богуславского, шедшего с топографическим отрядом к древнему морю Аралу. Атаман оренбургских казаков генерал-майор граф Цуккато (итальянец по происхождению) готовил к походу четыре сотни станичников. Особый инструктаж получал урядник Толмачев, знания и казачье воинское умение которого атаман экзаменовал лично. Этому отряду-конвою топографов предстояло действовать как бы самостоятельно, в отрыве от основной колонны войск и маршрута их следования. Оттого и специально наставлял молодого казака Цуккато, поручая ему в группу опытных боевых бородатых казаков из дальних степных станиц, хорошо знавших обычаи киргизов, язык, местность, имевших военный опыт против кочевников...

Сам Богуславский же, наоборот, обучивал Афанасия совершенно «мирным» занятиям: этнографии, топографии, традиционалистике. Он «плясал от печки», создавая у молодого человека полную картину края, в котором действовал отряд.

- Башкиры, - наставлял штабс-капитан и ученый, - живут в Оренбургской, Вятской и Пермской губерниях. Они предпочитают свое происхождение от бурят, хотя по другому их же поверью - идут от ногайских татар. Соседи же зовут их по финно-угорски - истяками. Они не безобразны: круглолицы, глаза карие, большие уши, жидкая борода. Женщин красивых мало среди них. Лики их темные, кожа что твоя медь... Религию имеют мусульманскую. Постоянно враждуют с соседями, что нам надлежит использовать себе в пользу. Ловки и осторожны, хитры и мстительны, но все же - кротки и послушны начальству. Скотоводничают, бортничают, частично на земле орают...

Питаются плохо и грязно. Когда тебе будут предлагать по доброте душевной супру из баранины или курут - овечий сыр, остерегайся и людей остерегай, неровен час животами прослабнете...

В избах у них - неопрятно. На теле даже лохмотья носят. Скотину плохо кормят. И надо знать, женок у них бывает поболее двух - они домовничают за пряжей. А ежели хозяина в избе нет - не заходи! Остерегайся ревности его. Весной кочуют они на природные дачи со скотом и скарбом. Деревни безлюдят настолько, что хозяева даже двери и оконные рамы снимают из проемов изб и прячут подле селения...

Тептери живут невеликими группами. Охотники хорошие, пчеловоды. Живут обособленно от башкир. Почитают Коран...

Чуваши похожи на русских. Да они и в твоих родных местах обитаются... Не выделяются умственными способностями, медлительны, упрямы, недоверчивы, но работники отменные! Избы их вечно закопченные, внутри - татарские нары вместо кроватей. На ночлеге остерегайся живности вредоносной подцепить на этих нарах... Они не религиозны, поста не соблюдают, до сей поры идолопоклонничеством грешат...

Мордва тоже мало набожны. Но прилежны в работе, честны. Правда, за ними пригляд в деле нужен - неуклюжие люди! Живут обособленно. С нами - русскими - более всего схожи.

Калмыки - brave наездники. Здесь они тебе фору дадут! Любят казачью службу, но главное занятие - кочевье. В бою - ловки и проворны.

Сторожки. Послушны приказу. Народец общительный, по-русски говорят хорошо. Услужливы, гостеприимны. Но быт у них грязен и опасен болезнью. Ликом страшны, особенно женки их...

Из всех, кто по ту сторону Урала-реки до Арала в орде кыргызской живет, - племен множество, - но прознаю сам о турахменцах, кыргизах- кайсаках Букеевской орды, каракалпаках с аральских чинков да хивинцах. Все они магометане. По языкам схожи очень. Наши сподвижники - татары - их язык понимают. Живут они кочевьем или аилом - деревенькой. Избы - сырцовые, мазанки.

Если сыты и стада их тучны - миролюбивы и доброжелательны. Но бешара их - голытьба по-нашему - особо опасна. Промышляет разбоем, жестока. Жизни в бою не жалеет, им Аллахом предначертан вечный рай, ежели в бою с неверными - нами - погибнут. Наездники отменные и стрелки - тож! Коварны. Даже на службе у тебя, за выгоду, могут стрелки - тож! Коварны. Даже на службе у тебя, за выгоду, могут предать и обмануть. Скрывают от русских пути верблюжьих караванов, колодцы и женок своих. Могут воду в колодцах отравить, переправы по дну колючим и острым срамом усыпать. Но одно хорошо - неуживчивы друг с другом. Одних побивают - другие в стороне ждут исхода и поживы за счет сородичей...

Наставления эти Афанасию ой как сгодились в жестоком том походе. Колонны полковника Браламберга и майора Рыльцова, выступив из Орской крепости, караванными дорогами шли через киргизскую степь к берегам Арала, Сырта, на Ташкентское ханство, раздвигая российское пограничье. С одной стороны в громадном обозе, за которым пылили стада коров и овец на прокорм, везли жалованье степнякам за сотрудничество, ткани разных расцветок, золотые и серебряные шнуры, табакерки, гребенки, плюш, зеркальца, ножи, булавки, табак и сахар - для подкупа и подарков, с другой - вслед за мортирами, кавалерией, пехотой и топографами с отличным вооружением и боеприпасом везли провианта на год, кибитки и джуламейки, войлок, лопаты, мотыги, ведра и веревки, древесный уголь и кузни, строевой лес и комплект такелажа, основы морских судов, - все для освоения Азии, для постройки русских крепостей в Степи.

На ночевки вставали многоверстовым укрепленным и неприступным лагерем. В 3 часа утра барабанщик оповещал подъем. Войска снимались сразу в поход. Скот гнали на водопой. Офицеры пили чай. Подсобники до 8 утра укладывали заново груз на повозки. К обеду достигали авангардов, которые ждали основные силы, отдыхая. К вечеру вновь ставили лагерь у реки или озера. Весь этот гигантский караван составлялся таким образом: впереди - конный авангард, за ним пехотные шеренги, следом - артиллерия, штаб, походная касса, телеги с личными вещами, санитарные повозки, стада, грузы. По обеим сторонам колонны - в 120 шагах друг от друга - сопровождающие казачьи сотни. Колонны верблюдов с поклажей шли в 10 групп. В полуверсте от колонны в степь уходили конные казачьи разъезды, а в стороне от этой бело-серой пыльной многоверстовой «змеи» действовали топографы, сочиняя карты, запоминая и измеряя предполье будущих боев...

Первые пограничные укрепления начали ставить уже в 500 верстах от Орска. У холма Жар-Молла, где топографы рекомендовали разместить гарнизон, они обнаружили озера, заросли камыша, соль. Бастионы над стенами форта строились полутора тысячами рабочих. Гарнизон только этого укрепрайона составлял 400 человек! Стройку и линии границ окропил святой водой священник. Только провиант составил пирамиду в 3,5 сажени высотой и 12 длиной.

Пока шла стройка, Афанасий со своими «дядьками» - казаками нес караул около топографов, снимавших на карты земли в округе, пригодные, как отмечал Богуславский, для хлебопашества, сенокосов, соледобычи... Но каждый вечер в 9 часов они были уже в крепостице, где играли вечернюю зорю, давали пароль и закрывали входы в лагерь. Караулы могли открывать огонь на поражение по всему, что в темноте двигалось к лагерю, а ночевать в степи даже бывалые «дядьки» Толмачева остерегались.

У берегов Арала опыт строительства фортов был настолько велик, что в короткие сроки здесь, на холме у бухты Камыслыбас, не только собрали шхуну и барки, но и три ветряных мельницы, склад под бочки с дегтем, печи для обжига сырцового кирпича, ограду в урочище Казалы для выпаса коней. Шхуна «Николай» скоро сошла со стапелей на воду, ее принял под свое командование морской офицер лейтенант Митурич. Форт Ра им принял комендант майор Ерофеев. Следующий морской форт уже ставили при впадении в море реки Карабутак. В тот же год форты успешно отразили нападение хивинцев, укрепив их во мнении, что русские пришли сюда всерьез и навсегда и с ними нужно жить в мире.

Первое свое боевое крещение Афанасий принял в 1852 году. Его конвой вошел в состав казачьей сотни, которой надлежало вместе с отделением топографов поручика Голова действовать в самостоятельном походе вдоль правого берега Сырдарьи, вплоть до вражеских укреплений - Кокандской крепости Ак-Мечеть (Белая Церковь). Именно там Браламберг и Богуславский решили ставить форт Кош-Курган. Это место рекомендовал и поручик Романов в своей экспедиции в 1841 году. Но кокандцы часто совершали набеги из Ак-Мечети на русские районы, угоняли скот, грабили подданных России - кыргызов.

Когда до Ак-Мечети оставалось еще 80 верст, отряд встретили посланцы местного хана с требованием повернуть назад и угрозами смерти. Вот тогда и стала понятна прозорливость командиров, пославших «на дело» целую сотню боевых казаков, умевших, к тому же, провести скрытную и эффективную разведку военной мощи противника. Но и кокандцам это было понятно. Голова срочно снарядил разезд за подмогой, и к нему из основного лагеря вышел на выручку отряд поручика Богдановича. Следом готовились к выступлению основные силы: 125 пехотинцев, 200 уральских казаков, 3 пушки (3- и 6-фунтовых) с прислугой, 10 башкирских телег и 125 верблюдов с проводниками, байдарками.

На стороне кокандцев были хорошая разведка, вплоть до соприкосновения с русским лагерем, эффективная эстафета с донесениями, подготовленная к боям за десятилетия местность, родной климат, когда термометр показывал в тени до +40°, естественная водная преграда, крепостные стены и вера в правоту действий.

Афанасий со своими «дядьками» помогал Голову вести топосъемку, двигаясь вдоль Караозека, рукава Сырдарьи, густо поросшего камышом, где водились кабаны и даже тигры. На берегу озера Батистинкуль в зарослях саксаула и тамариска дядьки словили кыргиза, якобы бежавшего из крепости. Дядьки доложили, что перебежчик из рода Жабас по имени Тайпе, угнетаемый вместе со своими сородичами кокандцами, вышел к отряду, чтобы показать броды на реке, тайные тропы под стены крепости...

Поручик готов был довериться хныкающему и причитающему кыргизу, но уроки Богуславского, прочно усвоенные Афанасием, предостерегли казака от поспешных выводов. О чем он поставил в известность командира, посоветовав еще осторожнее осмотреть местность и отступить к основному отряду. Меж тем разболтавшийся перебежчик все восхищался знанием казаками его родного языка. Дядьки расслабились на похвалы и даже удовлетворили Просьбу Тайпе, дав ему курнуть из трубки табаку. Афанасий, хорошо знавший, что мусульмане - народ зело непьющий и некурящий (кроме кальяна с опиумом), сначала поразился такому беспримерному вероотступничеству. Но увидев, что кыргиз, «смакнув» пару раз, выбил тлеющий табак в поваленный на берегу камышовый сушняк, откуда тут же заструился сизый дымок, прыгнул к перебежчику, свалил его наземь, велел одному из дядьков придержать, и стал притаптывать костерок в камыше...

- Вишь, собака, что удумал! - взволнованно говорил он Голову. - Дым - это знак кому-то: где мы, сколько нас... Лазутчик он - не иначе! Полегче, вы, черти! - вскинулся молодой урядник на дядьков, принявшихся мутузить шпиона. Те стыдливо отступили от кыргиза, скулившего на земле.

- Проворонили, дяди, рассупонились, а он вам - рогач в спину готовил, - ярился Афанасий. - Командуйте, ваше благородие, «по коням». Уходить к отряду надо, неровен час, кокандцы навалятся. Пленного-то вяжите да в седло тож, казаки!

Уже в пути их стала настигать сотня нукеров из кокандского войска. От камышей, через которые пробивались верховые, шел затяжной шум. Отправив двоих казаков с топографами к лагерю, Толмачев с девятью дядьками спешил к холму. Рассыпались реденькой цепью, попадали к корневищам пучкастого тамариска, взяли на изготовку ружья. И как только от шебуршащей стены камыша отделились первые нукеры из погони, ударил казачий залп! Следом второй.

- Наводи веером по камышам! Их остановить там нужно, они нас не узреют из-под зелены! - кричал своим подчиненным урядник. И сам садил густо, точно, наповал...

Крики раненых нукеров смешивались со ржаньем пораженных пулями лошадей. Ответный огонь противника был слабым и не прицельным. Казаки не стали дожидаться перегруппировки кокандцев и обхода, вновь вскочили в седла, горячили коней, отрываясь от погони. Но и кокандцы, понеся неожиданные потери, отошли к крепости.

Перед всем строем соединившихся отрядов полковник Браламберг воздал должное смекалке, мужеству и боевому умению молоденького урядника, пообещав по итогам похода представить к почетной награде и просить атамана об очередном звании для казака-молодца.

Загордившиеся своим «недоростком»-командиром дядьки так и прыснули смехом в густые усы, когда полковник сам, налив в парадную чару водки, поднес ее отличившемуся в спасении офицеров-топографистов уряднику...

Густо покраснев, даже через черноту загара видно стало, Толмачев растерянно шепнул барону:

- Ваше превосходительство, освободите от награды... зелья я еще пока рот не брал, обезножу сразу, маме обещал до осьмнадцати годов не принимать хмельного...

Смеющийся Браламберг ласково потрепал урядника по плечу:

- Ничего, ничего. Я не в обиде за такой отказ. Трезвый воин, хоть и летами совсем юн, но в бою зато размышлист, смел, находчив! Хвалю за правду, казак! Помогай тебе Бог в завтрашнем штурме кокандцев...

Вид на древнюю кыргызскую крепость на Сырдарье.

Но Бог ничего не мог, видимо, предпринять, чтобы выправить судьбу казачью перед пулей басурманской. Видимо, на роду у Толмачевых было начертано слагать голову за Веру, Царя, Отечество и Державу. Когда уже все здания, лавки, склады, конюшни в Ак-Мечети были объаты

пламенем от зажигательных ядер русских пушек, и их пламя и жар усугублял полуденный зной степи, а русские воины в третий раз пошли на крепостные, уже битые стены, Толмачев со своими дядьками, заранее заготовившими связки камыша, забросили эти маты между траверсом и стеной и шли на них, через бушующее пламя. Пуля нукера из цитадели крепости сбила с ног урядника. Он знал, что внешняя крепость уже в руках наших войск, что у кокандцев уже нет воды заливать пламя, что впереди уже не фортификации, а груды развалин, он силился не отстать от своих казаков, но кровь, фонтанировавшая из раны в груди и запекавшаяся тут же от жара, ослабляла тело и разум.

Урядник тяжело осел в пыль, хватанул ее горстью, вышептал: «Мама!» и уже не чувствовал, как тянули его через ту же брешь в стене назад дядьки, как бегом несли к лазарету, как плакали-убивались суровые казаки над его телом, когда полевой хирург, осмотрев рану, только горестно махнул рукой...

В избе над запрудой в маленьком Мелекессе отмаливала под образами себя, сына и дочерей Марья Толмачева. Просила Бога сберечь им кормильца и воина. Она не знала еще о его гибели в землях ею неизвестных - кокандских. Ей еще не доставили Афониного малого солдатского скарба с войны, не назначили за него пенсион... Но материнское сердце-вещун говорило о неизбежном. о рабе Божьем Афанасии из рода Толмачевых - воинов царских и державных, не посрамивших ни чести, ни оружия, ни рода своего, ни земли российской малой этой родины - Симбирска - Мелекесса.

1997г.

ДВА МИРА

МИШУЛИНЫ

Наш земляк, автор научно-популярного очерка «Спартак» Александр Васильевич Мишулин, характеризуя историю Древнего Рима, писал: «История Рима - история борьбы двух миров: нищеты и богатства, праздности и непосильного труда, рабов и рабовладельцев». И если отбросить первые два слова, то мы почти получим картину перехода нашего земляка Мишулина из одного сословия общества в другое: из обыкновенного парня родом из провинциального городка в советского «боярина».

Здесь мне не столь интересна жизнь этого, отнюдь не бесталанного ученого, сколько его способность в приспособлении ко времени, к идеологии. Да, мы уже имели пример жизни Якова Пискалова, который из беспризорников-бунтовщиков вознесся до высокочеловеческого специалиста внешней торговли. Как утверждают очевидцы, в тридцатые годы без его знаний лихорадило советское посольство и торгпредство в Италии. Видим в нем также идеологически непреклонного бойца партии, в преданности идеям коммунизма которого руководство страны не сомневалось настолько, что доверило ему руководить чисткой партийных рядов в столице. К 1917 году он уже был состоявшимся политиком и партийным специалистом среднего уровня, посвятившим всю свою жизнь большевистскому переустройству мира. Пискалов был потомственным пролетарием, которому кроме цепей и терять-то нечего было.

Другая судьба была у героя данной новеллы. Родившийся в Мелекесе Александр был сыном известного в посаде пекаря, специалиста из среднего, мещанского сословия. Благопристойный мальчик из очень благополучной семьи с успехом окончил высшее начальное училище, дававшее право без испытаний поступать в мужскую гимназию. Подававший надежды отпрыск обнадеживал своих родителей тем, что в перспективе станет первым из Мишулиных, добившимся каких-то чинов и званий в более высокой иерархии тогдашнего российского истеблишмента. И тогда семья смогла бы перейти в иную категорию кастовости.

Однако, ветры перемен 20-го века были настолько сильны и заразны, что коснулись они и столь благополучного семейного мирка посадских пекарей.

Обратимся к книге Виктора Аблова, как свидетельству того, что же на самом деле происходило в благопристойном полукупеческом мещанском обществе Мелекеса: «Союз этот (объединение учащихся шестых классов мужской и женской гимназий) не был еще коммунистическим. И все же то был первый союз молодежи, помогавший разночинной интеллигенции, точнее, ее новой поросли, высвободиться из мещанского мирка, порывать с психологией мелкого буржуа.

...Многие учащиеся получали произведения марксистской литературы. На одном из собраний «Союза» устроили громкую читку замечательной книги Войнич «Овод» с соответствующими большевистскими комментариями. Речи В.И.Ленина мы особенно бережно доносили до сознания молодежи, стремясь побудить ее стать активным участником нашей борьбы.

...С «Союзом» тесно был связан и Александр Мишулин, мой сосед по парте, ставший впоследствии ректором Высшей партийной школы при ЦК КПСС. С его помощью мы наладили в стенах гимназии выпуск ученического журнала, который печатали на гектографе. В первом номере журнала, к великому смятению учителей, была помещена статья того же Мишулина, рисующая большевиков как «сеятелей разумного, доброго, вечного», как провозвестников «светлого будущего человечества».

Позднее, когда я рекомендовал Мишулина в партию, он, усмехаясь, говорил:

- Тогда, в Мелекесе, я скорее сердцем, чем умом, воспринимал революцию. В ту пору мне мечталось стать историком, издать свою книгу. Но уже тогда, в «Союзе шестых классов», я был твердо убежден, что настоящий ученый не может быть околопартийным...

Вот так зарождались истоки, определившие всю судьбу ученого. Он сначала бессознательно, «скорее сердцем, чем умом, воспринимал революцию», но хорошо «поймав удачу», уже впоследствии и умом, перешел на сторону победившей партии, которая умела оплачивать

преданность ее идеалам, возвышая свои кадры до такой кастовости в советском обществе, о чем не могли даже мечтать карьеристы царской России. Так что октябрьский переворот 17-го года был не только перспективным в судьбах потомственных пролетариев, солдат и крестьян, но, по словам Аблова, и «мелких буржуа», мещан и лавочников, а в первую очередь, их детей, из которых и вырастали ректоры ВПШ при ЦК КПСС...

Вспоминая те грозные дни, когда мелекесские большевики и им сочувствующие вступили в бой с войсками Учредительного комитета и белочехами, который бесславно закончился для посадских коммунистов (многие были убиты и пленены), Виктор Аблов вновь обращается в мемуарах к другу детства: «На другой день привели новенького (в мелекесскую тюрьму, где сидел Аблов, ожидая решения своей участи от председателя следственной «тройки», кадета, его преподавателя латинского языка в гимназии Петра Степановича Урядинского. Виктор был пойман с оружием в руках в Симбирске при отступлении из него мелекесских красногвардейцев в Казань), кажется, рабочего Лукьянова, скрывавшегося в лесу. Он... знал кое-какие новости. Он-то и сообщил историю с письмом, полученным Урядинским от своих учеников.

Вот как это произошло. Латинист жил бобылем со своей мамашей, богобоязненной, сгорбленной старушкой. Вот ей-то, когда она была в церкви, и вручили письмо, в котором говорилось, что если ее возлюбленный сыночек согласится на расстрел Виктора Аблова, то пусть заранее заказывает по себе панихиду, что они поступят тогда с Урядинским так же, как с горбачом - главой посада К.Марковым. («Горбач» был расстрелян за контрреволюционную; деятельность). И подпись - «Ваши ученики»... Вскоре нас, человек двадцать пять, отправили на станцию и погрузили в вагон. Прощай, посад, прощай, Мелекес! Хотелось увидеть маму. Но кто мог предупредить ее? Да если бы и пришла проститься, ее забросали бы камнями».

Зато семь-восемь ребят из «Союза» явились на станцию проводить своего одноклассника.

Конвоиры встретили их площадной бранью, угрожая прикладами. Кто-то, кажется. Мишулин, вступил в спор с солдатами. Офицер, сопровождавший арестованных, грубо толкнул его и предложил убраться восвояси, пока не посадили самого в вагон вместе с одноклассником...

«И все-таки как приятно было видеть этих ребят, освобождающихся от страшных пут мещанства и начавших воспринимать нашу, большевистскую правду».

А эти резвые мальчишки 1917-го, бывшие гимназисты, были ой как не просты. По дневниковым записям их сверстника и современника, которые впервые были преданы гласности в городской газете - все они имели оружие, привлекались большевиками для обучения и несения караульной службы в красногвардейской дружине. И как видим, привлекались они даже к расстрелам контрреволюционеров.

Но вернемся к Мишулину, благообразие судьбы которого просто удивительно. Все в ней было удачно: учеба в университете, педагогическая деятельность. С легкой руки Виктора Аблова войдя в ряды строителей коммунизма/ Александр Васильевич с 1930 года заведует Московским отделением Академии истории материальной культуры. А в 1934-м году сбывается его голубая мечта детства: он не только стал известным ученым-историком, но и основателем исторического факультета МГУ, профессором.

Мишулин - главный вдохновитель и издатель сугубо специального, даже «элитарного» журнала «Вестник древней истории», он первым составил советский учебник для школ по древней истории. Глубокая древность - античный период человечества, взаимоотношения того времени, личности и судьбы, культура - стали его «коньком» в научной работе. Испания и Италия стали предметом не только экскурсионно-туристического взгляда, но и глубочайшего изучения, исследования.

В 1938 году он становится заведующим сектором древней истории Института истории АН СССР. В конце Великой Отечественной войны Мишулин уже работает в аппарате ЦК ВКП(б) и становится ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Я уже не раз говорил о том, что большевики умели воспитывать кадры, приближать наиболее значимых из них, доверять им ответственную работу, пользоваться плодами их разума, щедро одаривали благами особо послушных...

Вернемся к наиболее значимой работе в жизни Мишулина - его научно-популярному очерку «Спартак». Для нашего земляка он был настолько значим, что даже племянник его, впоследствии ставший популярным актером театра и кино, получил при рождении имя римского раба-бунтовщика,

Мне кажется, что в книге этой Александр Васильевич выразил и свое жизненное кредо, свое осознание современников, эпохи и даже себя. Характеризуя отношение к личности Спартака со стороны древних исследователей и философов современности, Мишулин анализирует и отношение к Спартаку Маркса, Ленина, Сталина.

«Спартак, - пишет автор, - самое популярное имя среди народных вождей всех стран». Хотя автор и не отрицает, что «вся долгая и упорная борьба рабов против своих угнетателей в Риме, борьба, которая через ряд отдельных восстаний выросла до массового выступления италийских рабов под предводительством Спартака, была истолкована Моммзеном как разбойничьи мятежи».

И вот сын пекаря, ставший своим в стае большевистских низвергателей традиций, вдруг раздражается в самый опасный период существования власти партии и Советов (1935 - 1945 годы) следующей тирадой «исторического» исследования: «Через некоторое время после восстания Спартака усиливается борьба за восстановление строя рабовладельческой диктатуры. Рабовладельческая диктатура мыслится как ответная форма политики и становится действительной реакцией на происшедшие социальные потрясения в жизни Римского государства. После организации первого триумvirата в Риме к единодержавной власти в результате борьбы приходит Юлий Цезарь. С ним связано установление строя военной диктатуры, кладущей конец старым демократическим порядкам Римской республики. В борьбе с революцией рабов рабовладельческий класс приходит теперь к новой форме своей власти».

Не правда ли, очень прозрачный намек? Попробуйте сами заменить Рим и Римскую республику в контексте на то, что вам хочется... Ну и как?

Ясно одно: и академиком, даже в ранге ректоров Академии общественных наук и работников ЦК, жилось тогда несладко...

Замечательный советский киноактер Спартак Мишулин в одном из своих интервью российской прессе упоминает о том, что он сызмальства воспитывался в семье своего дяди, виднейшего историка Древнего Рима, работника ЦК партии, говорит много лестных слов о том, что дядя сделал из него культурного человека, актера, образованного специалиста. Так что мы можем считать не только Александра Васильевича Мишулина потомком одного из славных родов в посаде Мелекесс, но и гордиться тем, что в семье мелекесских Мишулиных есть и такая знаменитость как актер Спартак.

1994г.

ЕВГЕНИЙ АБЛОВ И ЯКОВ ПИСКАЛОВ

Неизмеримо тяжело писать о том, что во многом опрокидывает уже давно нами принятые и привычные ценности, исторические ориентиры. Я и сам, воспитанный в определенных идеологических обстоятельствах, переживаю, когда, благодаря вновь открывшимся для меня фактам, источникам, возможности по-иному взглянуть на историческую сущность, убеждаюсь в своей наивности, бездумности, слепой вере. Но это так. И потому сегодня расскажу о том, о чем кое-кому слушать не хотелось бы, и буду через неприятие и проклятия следовать праву совести, объективному взгляду на дела минувшие.

На снимке: Я.Пискалов -
особоуполномоченный ЦК партии
по внешней торговле в полпредстве
СССР в Италии. Конец 30-х годов.
Снимок сделан в фотосалоне
Боржелло в Милане.

Даже если придется пройти через чью-то боль, вторгнуться а чью-то судьбу, перешагнуть через уютно устоявшийся мирок прошлого лицемерия... Итак, два имени, наиболее крепко вросшие в историю и образ Мелекесса. Яков Пискалов и Евгений Аблов. До известных обстоятельств - октябрьского переворота 1917 года - у каждого из них была своя жизненная дорога. Затем - один путь, путь большевистских лидеров посадского масштаба. Пискалов - полуграмотный, хулиганистый беспризорник, прошедший низовую ступень большевистских «университетов», мастерской с задатками бунтаря-организатора, вознесенный революцией в ранг местечковых управляющих. Аблов - из семьи полуинтеллигентов, гимназист-нигилист, неудавшийся студент, солдат, большевик-экстремист...

Большевистская ячейка в мелекессе к февралю 17-го была немногочисленной, существовала легально, благодаря либерально настроенным городским управителям, предводимым городским головой К.Г.Марковым. Он же и поплатился за благодушие первым - по настоянию Я.Пискалова, члена исполкома полулегальной организации «Комитет народной власти», был отстранен от власти.

К июню 1917-го Мелекесский посадский комитет РСДРП(б) уже насчитывал 60 человек. Пискалов и Аблов набирали все больше власти и «масти». Однако победное шествие воспитанника бакинского комитета РСДРП(б) Пискалова чуть было не прервалось в июле 17-го. Взобравшись на балкон Народного дома (ныне - городской драмтеатр), он выступал от имени большевистской

организации, призывал к прекращению войны с немцами. Этого, естественно, не могли простить ему находившиеся в Мелекессе офицеры-патриоты, вставшие под знамена главкома русской армии Лавра Георгиевича Корнилова.

По одним источникам, они в Мелекессе вели набор в женский «ударный батальон смерти». Я же склонен думать, что это были мелекессы-фронтовики, собиравшие патриотов в корниловские войска. Позже (дважды) они пытались в посаде поднять восстание, но были подавлены в виду малочисленности. Конечно, сегодня очень хотелось бы знать имена этих бесстрашных русских патриотов, а также имена тех женщин, наших землячек, которые вошли в состав взвода или роты корниповок, ибо, по утверждению коммунистических историков, батальон набрать не удалось... Пискалова схватили корниловцы и пытались «запустить в полет» с балкона, как немецкого шпиона, но его отстояли товарищи партийцы. Теперь можно представить отношение Пискалова к корниловцам, комучевцам, «черносотенцам» и прочим патриотам Руси после того, как он едва избежал смерти...

27 октября 1917-го года Яков избирается Председателем посадского Совета. Как наш предпосадовец ответил на «любовь» к нему патриотов, видно из его дальнейшей деятельности: посадский банк и содержащиеся там капиталы, а также все имущество мелекесских деловых людей были объявлены им «народным достоянием»: опасаясь захвата Мелекесса войсками Комуча и чехами, он приказал держать на станции пассажирский Состав о награбленном добром и семьями коммунистов, который вовремя успел вывезти под Казань; зимой 1919-го, после отказа губисполкома объявить в Мелекессе осадное положение (в уезде - крестьянский мятеж), организовал из своих товарищей - рабочих льнокомбината - два вооруженных отряда, послав их безжалостно убивать своих земляков, бывших односельчан и родственников; за особую активность в истреблении крестьянства и грабеже хлебных запасов у своих земляков (уезд по хлебозаготовкам, естественно, принудительным, занимал первое место в губернии и был обречен на голод) был жалован должностью уполномоченного губернского гуопродсовещания, своеобразной ЧК для крестьянства; на фронте был обласкан лично М.Фрунзе - тогда командующим южной группой Восточного фронта. Видимо, за особые заслуги в борьбе с собственным народом получил особую должность: особо- уполномоченного Реввоенсовета 6-й

армии, по сути - начальника особого отдела ВЧК, а значит, имел обширнейшую возможность лично казнить и миловать «врагов революции». Сколько безвинных жизней было загублено тогда мелекесцем Пискаловым, неизвестно, историки советского периода об этом молчат. Хорошо бы «тряхнуть» и чекистские архивы тех лет...

На том партийные милости не прекратились сыпаться на голову Пискалова. В 1929 году он был председателем Московской комиссии по чистке партийных рядов, а этот высокий партийный пост кому попало не доверяли - только людям перепроверенным и заслуженным, истым во рвении, жестоким, безжалостным. И напомним: 1929 год - год восшествия на партийный престол И.Сталина, начало репрессий...

Делом заслужив доверие, Яков Егорович, будучи малограмотным, был отправлен учиться в институт Народного хозяйства имени Плеханова, затем в Московское высшее техническое училище. После окончания их работал в Италии в посольстве, в руководстве наркомата внешней торговли.

В отличие от Пискалова, Аблов обладал системными знаниями, полученными в Симбирской, а затем в Мелекесской гимназии, затем в Межевом институте в Петрограде. Дезертировавший с фронта «солдат» доблестной русской армии, Евгений Аблов быстро нашел общий язык с Пискаловым. Ибо, как и Пискалов, воспитан был в традициях нелегальной борьбы с режимом, только, в отличие от Якова, не подпольной ячейкой, а в семье своего отца.

Старший Аблов держал в Симбирске типографию, доходную статью в коей составляли нелегальные деньги марксистов за издание нелегальной литературы. Но жандармское управление «прихлопнуло» сей бизнес и выслало главу семьи в Мелекесс. Вместо того, чтобы радоваться этакому либеральному решению (не посадили, даже не в Сибирь отправили!) папаша Аблов затаил злобу на режим и, судя по воспоминаниям своего младшего сына Виктора, даже не прекратил незаконной деятельности, сетуя только на то, что в посаде мало заказчиков...

Хотя Евгений Аблов жил в семье полуинтеллигентной, имевшей неплохую библиотеку, закончил гимназию, к своим учителям, знаниям, полученным им, особой благодарности не питал. Товарищей по гимназии величал не иначе как «ублюдки купеческие». Такую же ненависть питал и к монархически настроенным согражданам. На том памятном Пискалову митинге с балкона Народного дома хотели выбросить и Евгения Аблова...

Особую злобу таил член большевистской фракции Совета к тем мелекесцам, которые в ответ на создание пробольшевистской вооруженной рабочей дружины объединились в свою дружину «Черная сотня» - русское патриотическое формирование. Видимо, с подачи старшего брата Виктор Аблов до конца был уверен в том, что в Мелекессе вершили дела торговые люди, купцы первой гильдии, ревниво оберегавшие традиции и повадки своих именитых, жалованных царской грамотой дедов и прадедов. К самым домам подступал непроходимый, дремучий лес. Это зеленый заслон как бы символизировал недоступность посада для «тлетворного» влияния времени... Но забывает упомянуть Виктор о том, что и Евгений, и сам он получали в гимназии кроме бесплатного обучения и стипендию, как малоимущие мелекесцы, из благотворительного фонда, созданного этими «воротилами торговых дел» для своих земляков. Зато с каким восторгом пишет он о том, как бойкотировал уроки Закона Божьего, как брат строгой запиской на имя директора гимназии дворянина Калинина «предупредил» «ретрограда», потребовал прекратить репрессии против

Виктора, и тому, вместе с тремя евреями из класса, было официально разрешено не ходить на этот урок...

С жуткой иронией пишет о «труссе», кадете, учителе латинского языка в гимназии - Урядинском, который самого Виктора, взятого в плен при обороне Симбирска с оружием в руках и обвиненного в расстреле членов городской думы и разгроме марковских магазинов, сумел спасти от расстрела, отправив в Самарскую тюрьму. Помнит Виктор и крик купца Спиридонова, задержавшего его в Симбирске: «...его брат мелекесский банк ограбил, увез наши денежки...» И не от симпатий к семье мелекесцы в мать Абловых «...камнями на базаре кидают. Ничего не подают. Говорят: твой муж и дети Христа продали, дьяволу служат!» Да и какими могли быть дети у отца, который, выйдя из каталажки, в сердцах кричал сыновьям: «Большевики вы, как я погляжу, книжные,

больно тихенькие... Чего вы медлите, чего в книжки уткнули носы? Книжки книжками, а надо дело делать!...»

Несмотря на то, что братья Абловы славились исполнением на скрипках произведений Баха, Бетховена, Чайковского, дел они успели «наделать» немзыкальных немало. И нам сейчас стыдно, что Евгений Аблов - первый редактор первой посадской газеты, одухотворенная личность, шел вместе с отрядом анархистов, чьим девизом было: «душить буржуев и белоручек» - громить магазины и погребки купцов Марковых. Или когда орал «грубые мужицкие слова» помещице из Бригадировки, родственнице русского драматурга Вл.Немировича-Данченко, женщине пожилой, считавшейся в мелекесском высшем обществе «представительницей лучшей части интеллигенции, здравомыслящим и культурным человеком», лишь за то, что она, отдавая крестьянам добровольно всю землю, униженно просила Евгения Аблова сохранить за ней «по фамильному праву» усадьбу, жаловалась на бесчинства представителей местного комбеда.

И словно сторицей воздалось братьям Абловым. Виктор попал из Самарской тюрьмы в «эшелон смертников», а Евгений схлопотал-таки белогвардейскую пулю при обороне Казани. Больше повезло Пискалову. Под прикрытием бронепоезда Полупанова (разбитого затем артиллерией войск Комуча, но это отдельная история) он вместе со своим эшелоном бежал в Казань, но там подхватил «испанку» и был с семьей эвакуирован в Саратовскую область на лечение. А когда он заново вступал в Мелекес с Правобережной группой войск 5-й армии П.Славена, переброшенной пароходами по Волге из-под Казани, и Курским полком Железной дивизии Г.Гая, должность предревкома уже ждала его, зарезервированная товарищами. Большевики умели оберегать и сохранять свои «неистовые» кадры, действующие без сомнений, не по праву совести и закона, а по праву «революционной необходимости», «во имя народа». Только вот какого?

1994г.

ИВАН АКИМОВ

У советских историков принято считать, что так называемое «Чапанное» восстание, или крестьянский бунт против Советской власти, происходило в Поволжье в локальные сроки - весной 1919 года. Факты же упрямо говорят о другом.

Большевики уже в ноябре 1917 года поняли, что хлеб или голод -это главные инструменты в политике. В деревню ринулись для «оказания помощи» рабочие дружины из промышленных центров России. Почти сразу же, как только коммунисты «прихватили» Советы депутатов, ими была сформирована продовольственная милиция, в том числе и в Мелекессе. Возглавил ее наш земляк Иван Акимов. Он выходец из небогатой посадской мещанской семьи. Благодаря своему упорству он получил образование. А в 1914 году Иван закончил офицерские курсы, показал себя мужественным командиром на Западном фронте: сначала в войсках Брусилова, затем у главкома Лавра Корнилова.

В 1917 году Акимов с группой боевых офицеров прибыл в Мелекес с фронта по заданию любимца русской армии генерала Корнилова, чтобы сформировать батальон воинов, способных вступить в борьбу как с внешними, так и с внутренними врагами России. И хотя большевики, любители навешивать ярлыки, именовали эту группу «черносотенцами», патриотизма и истинной любви к родине от этого у фронтовиков не поубавилось.

Так вот и стал штабс-капитан Акимов начальником посадской продовольственной милиции, благо, что члены первого Советатогда принимали во внимание не политическую ориентацию человека, а его профессионализм, создавая истинно коалиционное управление государством.

Будучи человеком честным и прямым, штабс-капитан не скрывал своей симпатии к партии конституционных демократов (кадетам), он нашел общий язык и с эсерами, которые имели большое влияние в деревне, разделял их взгляды. Потому вскоре, когда власть стали прибирать к рукам большевики (кстати заметить, вопросы продовольствия курировали люди, которые совсем не знали жизни русской деревни), Акимов стал открыто выступать против подобной политики. Да и как он мог терпеть такой произвол, если ему в роли начальника продмилиции приходилось

производить поголовную реквизицию хлеба в деревне. Как мог он работать под лозунгом собрания комбедов: «Кулакам и всем собственникам объявить беспощадную борьбу до тех пор, пока не почувствуют смирительную рубашку комитетов бедноты»...

Уже в июле 1918 года крестьянские мятежи охватили всю Пензенскую губернию. На что великий кормчий и гуманист В.ульянов заявил: «Необходимо с величайшей энергией, быстротой и беспощадностью подавить восстание..., конфискуя все имущество восставших... и весь их хлеб».

Лишь благодаря честным людям, душой страдающим за русского человека, таким, как Акимов, воспротивившимся поголовному ограблению крестьян, члены неуважаемого мною Учредительного комитета в Самаре смогли в кратчайшие сроки при помощи чешских штыков оккупировать Поволжье, а большевики потерпели поражение и, в первую очередь, в деревне.

Малочисленный отряд Акимова не выдержал боя с хорошо вооруженной дружиной большевиков из Мелекесса и Самары и отступил на Бугульму. Недаром же в декабре 1917 года мелекесские посланцы В.Кисин и В.Тараканов побывали в Московском ЦК, выбили наряд и завезли из Казани в посад 500 винтовок, 350000 патронов, два пулемета «Кольт».

Но следы нашего земляка Акимова на том не теряются. После отступления Колчака, Учредиловки и чехов из губернии он со своими сторонниками объявился в Ставропольском уезде. И начал новую борьбу за права русских крестьян. Успеху их движения способствовали «мудрые» решения большевиков в их «деревенской политике». Посудите сами.

В регионе идут постоянные боевые действия, и то одна, то другая противоборствующие стороны выгребают хлеб из амбаров, уводят скот, грабят имущество, насилюют женщин, в принудительном порядке мобилизуют на войну мужиков. А как чуть передышка - тут выходит указ губпродкома о заданиях уездам по новым заготовкам и вывозу хлеба: 60 миллионов пудов - губернии, восемь - уезду!

Недаром на губернском совещании представителей партий политику большевиков в деревне однозначно поддерживали только сомкнувшиеся с ними и в благодарность за это получившие посты управленцев хозяйством национал-сионистские партии Поалей-Цион и Бунд. А меньшевики, эсеры, эсдеки и интернационалисты заявили о необходимости немедленного изменения политики в деревне, отмены твердых цен на хлеб по продразверстке и отказались от голосования.

В октябре 1918 года только в Симбирской губернии действовали 33 продовольственно-реквизиционно-уборочных отряда численностью в 4945 человек. А из протокола общего собрания Симбирской городской организации РКП(б) мы узнаем, что «Тов. Фрейман говорит... У нас отсутствует губернская продовольственная диктатура... Тов. Варейкис указывает на бездеятельность прибывших продовольственных отрядов, они только получают жалование, дело не делают... Предлагает создать особую агентуру для проведения диктатуры». Потому, видимо, большевики и постановили, что «на семью в числе до 17 человек - оставляется молодая нерабочая лошадь или жеребенок и один подтелок или теленок/одна свинья, а при наличии детей или чахоточно больных в крестьянской семье - разрешается иметь козу...»

873 вагона ненормированного продукта было вывезено из Симбирской губернии и предполагалось еще вывезти более 1000, 115 вагонов - из Самарской. А вот как наводили справедливость комбеды: «... конфисковал у богатеев: лошадь - у Волкова, корову - у Панфила Малышева, квартиру - у Черезовой. На этом же заседании комбед снабдил бедняка А.В.Бакулина лошадью, отобранной у Степана Волкова. Анна Барсукова получила новую квартиру, отобранную у кулака А.Попова.

На деньги кулака Шарапова была куплена лошадь Ефиму Шишкину, приобретена корова и лошадь Р.Т.Патрикееву. Кроме того, комбед обеспечил домашними животными П.М.Гладышеву, С.А.Букрееву, И.Е.Широкова, М.К.Саморукова, Е.А.Чугунова, И.Г.Воеводина и других.

25 ноября был обеспечен домом, лошадью, одеждой и обувью член коммуны Иван Воеводин. Лошадь для него была отобрана у Сидора Шарапова, обувь и одежда - у Панфила Малышева, а у В.Барсукова - второй дом...

Кулачество подавлено, инвентарь взят на учет и излишки реквизированы...».

Ну мог ли после этого русский крестьянин-хозяин, горбом своим добывавший благополучие семье, терпеть надругательства такой власти? Малые мятежи в Поволжье переросли во всеобщее

крестьянское восстание. Была даже сформирована крестьянская армия в тылу большевистских фронтов, которая нанесла ощутимый урон режиму.

Восстание охватило Самарскую губернию, ряд уездов Симбирской, Пензенской, Саратовской. Но нас интересует конкретный человек - наш земляк и правдолюбец, штабс-капитан русской армии, человек офицерской чести И.Акимов. Он появляется в это время среди организаторов войска. И хотя он понимает, что плохо вооруженная, необученная, анархистская армия мужиков с дубинками обречена на поражение, он не оставляет свой народ в трудный для него час, всячески стараясь ослабить грядущее возмездие.

Распропагандированный земляками - односельчанами особый добровольческий полк почти в полном составе оставляет окопы и обращает против большевиков свое оружие. Этот полк был гордостью Мелекесского укома РКП(б), а сформирован он был в нашем посаде. Впоследствии историки-интерпретаторы, скрывая! факт о мятежном полке, признают, что «в его состав, к сожалению, просочились враги Советской власти, кулацкие сынки, подкулачники, лавочники, анархисты...»

Стараниями команды Акимова в Сызрани восстал против большевистского произвола 174-й пехотный полк. Пали Мусорка, Бинарадка, Никольское-на-Черемшане, Чердаклы, Новая Майна, Ерыкла... Крестьянской армией был захвачен уездный Ставрополь, Здесь были организованы штаб армии, комендатура. Комендантом был избран житель села Ягодное А.В.Долинин. Одним из его заместителей стал И.Акимов.

Естественно, бои с красными отрядами и местными коммунистами велись насмерть. Чинились и необоснованные расправы над пленными как с той, так и с другой стороны. Но тем и страшны были бунты на Руси. Здесь интересно другое. Временный исполком мятежников объявил: «Мы стоим на платформе защиты Советской власти, но всеми силами протестуем против засилья коммунистов». Иными словами, у них не было понятия, что незаконно свергнутая власть в России сначала Учредительным собранием и Временным правительством, затем - большевиками, не может быть более правовой и законной без восстановления того строя и режима, который был изначально. Это и стало бедой чапанных воинов земли русской.

И несмотря на то, что в Самаре были разоружены 175-й пехотный полк и артдивизион как неблагонадежные для коммунистов силами снятых с фронта частей - 1-го Самарского рабочего полка и Тверского полка бедноты - начался разгром мятежа.

Долго еще реяло в Поволжье знамя восставших, на котором было начертано: «Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции! Допой коммунистов и коммуны! Долой жидов!» И это писали, по словам «историков», кулаки да лавочники.

Снова был взят Ставрополь. В леса за Черемшан теснил группу войск Акимова Мелекесский красногвардейский отряд Берко. И уже наводила революционный порядок ЧК: велись аресты анархистов, были закрыты их клубы, проведены «неделя ловли дезертиров» и подневольная мобилизация 7000 человек в возрасте от 17 до 19 и 26-43 лет в Красную Армию, произведены аресты заложников по селам. И хотя максималистам было отказано в формировании своего батальона, 50 процентов всех служащих губернии в возрасте от 18 до 40 лет тоже были мобилизованы на фронт под началом особистов и комиссаров.

Нескончаемым потоком хлебушек шел из мелекесских сел в Москву и Питер. Тем самым продолжался еще более безжалостный грабеж деревни, приведший наш край в 1922-24 годах к вымиранию от голода. Как и предсказывал штабс-капитан и русский патриот Иван Акимов, канувший в лихолетье гражданской войны, неизвестно где сложивший головушку на алтарь Отечества, к 1924 году в Руси Православной было уже уничтожено режимом более 30 миллионов человек. И только боевых офицеров русской армии, не запятнавших чести Белого знамени - 650000! Вот и весь сказ.

1994г.

ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ

Среди делегатов II Всероссийского съезда Советов (25-26 октября 1917г.), «благословивших» питерских рабочих и матросов Балтфлота на военный переворот в России и штурм Зимнего дворца и незаконный захват власти большевиками, был и наш мелекесец - Василий Тараканов.

На снимке: слева направо - Я.Пискалов, Е.Наумова, В.Тараканов - идейные вдохновители и организаторы большевистского переворота и коммунистического режима в Мелекесе.

Сегодня, анализируя события 80-летней давности, переосмысливая события, факты, поступки и характеры тех лет, прихожу к мысли, что среди кучки «безголовых» и властолюбивых большевистских лидеров той поры в Мелекесе встречаются и люди иного сорта. Это искренне сочувствовавшие народу, совестливые, деловые партийцы, поверившие в идеалы ленинизма и горько переживавшие разочарование впоследствии. Среди них, может быть, единственно достойный человек, чьим именем названа городская улица - Василий Алексеевич Тараканов.

Он был близким другом моего деда - З.Устинова. А сошлись они впервые в начале 1917 года в доме моего прадеда - Ф.Авдеева, который, как и Тараканов, был уроженцем Тереньгульского района, знал Василия Алексеевича еще до приезда в Мелекес. Да и здесь Тараканова (тогда приказчика мануфактурного магазина Климушина) знал хорошо второй мой прадед Г.Устинов, закупавший у Климушина товар для своей деревенской лавочки...

Естественно, что сверстники - Тараканов и мой дед - нашли общие интересы. Дед, еще мальчишкой, принимал участие в событиях 1905-1907 годов, впоследствии поддерживал связи с Симбирским комитетом партии эсеров, в революцию принял сторону большевиков. Потому Тараканов, ставший членом РКРП (б) весной 17-го, активно работавший в фабрично-заводских ячейках, всячески привлекал своего нового товарища к подпольной, а позднее и легальной работе в посаде.

Еще до 25 октября 1917 года Василий Тараканов стал заместителем Е.Аблова в посадском Совете депутатов от рабочих и солдат. Потому он от имени Советов Мелекесса и Бугульмы был послан полномочным делегатом на II Всероссийский съезд Советов, давший партии Ленина карт-бланш на свержение Временного Правительства России вооруженным путем. И только партийная дисциплина удержала Тараканова от искушения самому с оружием во главе матросского отряда ворваться в Зимний дворец.

Зато он в числе самых активных делегатов съезда «очищал» зал от контрреволюции: «В начале съезда эсеры и меньшевики устроили обструкцию - они обвиняли большевиков в узурпации власти, - вспоминал Тараканов. - Но потом они сбежали со съезда...» Так что и к октябрьскому путчу, и взятию Зимнего - наш земляк имел самое непосредственное отношение. Вернувшись со съезда, окрыленный Василий пытается установить диктатуру пролетариата в Мелекессе. Однако традиционный уклад жизни в посаде, а главное - полное доверие и одобрение работы посадской думы и управы со стороны населения не позволяли легально перехватить бразды правления.

Потому уже в ноябре 17-го Тараканов вместе с Кисиным отправились в Москву за оружием. А Пискалов, Аблов и Шмидт лихорадочно формировали в посаде рабочую дружину, чтобы, вооруженная, она могла противостоять милицеским органам управы, отряду из «Союза фронтовиков» и «Михаила Архангела», поддерживавшим эту власть в нашем уезде.

Не случайно Тараканов был послан с такой ответственной миссией. Он принимал участие с 1914 года в боевых действиях на Юго-Западном фронте в рядах действующей армии - солдатом. В 1916-м был тяжело ранен, вернулся в Мелекесс, здесь долечивался в госпитале. Боевой опыт у него был богатый, знание оружия - достаточное.

В Москве ордер на получение оружия выдали незамедлительно. В Казани Тараканов получил и успешно переправил в Мелекесс из арсенала 500 винтовок кавалерийского образца (укороченные), два пулемета системы «Кольт» и 350 тысяч патронов. По тем временам вооружение мощное.

В это время в посаде шла большая смута. По воспоминаниям старого большевика В.Ларина: «Весть о свержении самодержавия была болезненно воспринята местным населением. Буржуазия, чиновники, опираясь на мещан, торговцев - организовали свои силы. Была сохранена конная и пешая милиция во главе с приставом Алашеевым. Полицейские остались те же, только понацепляли на одежду красные бантики... Их хотели разоружить насильно, но Пискалов провел это разоружение решением Комитета народной власти, где был депутатом».

Решить - не сделать! Вооруженная сила была пока не на стороне большевиков. Потому посадским парткомом было принято решение действовать «разлагающе», используя своих сторонников во всех слоях населения. Среди сочувствующих большевикам были даже интеллигенты - члены марксистского кружка Пискалова - фельдшер ткацкой фабрики Глухов и учитель Чимбарцев.

В противовес им деловые круги города, тоже имевшие свое влияние в рабочих коллективах через своеобразную профсоюзную кассу взаимопомощи «Трудовая копейка» - вели контрпропаганду. На большевистские сходы и митинги отвечали своими собраниями, торжествами к датам, молебнами посадского масштаба. «Трудовую копейку» возглавлял бывший земский начальник Родников. Черновую работу агитаторов проводили меньшевики Кабцан, Смирнов, Кочкуров (депутаты Совета), кадет, врач земской больницы Сироткин, учитель химии Аникин...

Обстановка накалялась с каждым днем. Все понимали, что перевес получают те силы, что будут лучше и массово вооружены. И здесь из Казани является Тараканов с «имуществом» для рабочей дружины. Я не могу в подробностях сегодня восстановить события тех дней. По разрозненным воспоминаниям знаю: были стычки. Наши предки, уже вооружившись, пошли стенка на стенку. В посаде прогремели первые выстрелы. Но сила была теперь на стороне большевиков. Из Ставрополя к ним на помощь тоже подошел вооруженный отряд. В результате чего дума и управа в посаде были разогнаны. Городской глава К.Марков - расстрелян.

Имена тех, кто обагрил руки кровью своих земляков, родственников, - до сей поры увековечены в названиях наших улиц. Председатель Совдепа Пискалов. Секретарь Совдепа Эшенбах. Командир рабочей дружины Шмидт. Секретарь укома Наумова. Партийные деятели и литераторы посадского масштаба Кошечкин и Хмельницкий. Члены ревкома Тараканов, Кисин, Матвеев, Лампеев...

Я уже писал, что именно Тараканову передал сведения о месте сбора и фамилии офицеров-патриотов прапорщик Баданов (впоследствии генерал, чье имя тоже есть в названии улицы). И мой дед, по протекции Тараканова, был устроен на работу сначала в военкомат, а затем в

уземотдел, которые возглавлял тогда Арыкоузов - третий их приятель в застольных беседах. Арыкоузов даже своего сына назвал в честь друга - Василием...

Из этого можно сделать вывод, что Тараканов был очень коммуникабельным человеком, обладал добрыми качествами, которые доверительно притягивали к нему людей.

Потому неудивительно, что бывший приказчик, солдат, рабочий и партийный деятель нашел себя в революции. Как и всякая катастрофа - революция жестоко бьет прежде всего по детям - самому незащищенному слою населения. Василий Алексеевич не только стал им родителем, воспитателем и кормильцем. Он развернул огромную организаторскую работу такого «Макаренко» из посада Мелекесс. Под его началом работала комиссия по борьбе с беспризорностью, он открывал в посаде детские дома, в голодное время занимался эвакуацией детей в Сибирь, на Украину, в Белоруссию.

3 декабря 1918 года в Самаре состоялась губернская партконференция. По ее окончании в специально изданном бюллетене-листочке была опубликована речь делегата от Мелекесса В.Тараканова. Настолько значимую тему он затронул. Рассказав о том, как устанавливает советскую власть в уезде ревком, Тараканов перешел к анализу политико-воспитательной работы среди населения. Он сетовал, что в уезде хронически не хватает учебников для детей, агитационной литературы, периодических изданий. Помощь в этом деле скоро подоспела из Самары, а 29 декабря 1918 года в Мелекессе была открыта газета «Знамя труда». И самым активным ее участником стал Тараканов...

Сегодня, благодаря сохранившимся экземплярам этой газеты, мы многое можем восстановить из событий тех лет. Например, «рабоче-крестьянская правда» (газета не раз меняла свое название, вплоть до нынешней «Димитровград-панорамы») от 6 ноября 1922 года устами корреспондента под инициалами «М.П.» воспроизводит страницы 1917 -го: «Большевики пытались проникнуть в Совет и распустить Думу, - но на это не было сил и указаний центра. Тогда создали комиссии рабочего контроля. Рабочие мельницы Маркова предъявили предпринимателю свои требования по улучшению экономического положения, сокращению рабочего времени. Он отказал. Тогда они посадили Маркова на тачку, повезли в расположенный рядом пруд топить. Но встретившиеся по дороге горожане не дали этого сделать. Хозяин мельницы остался живым...

В день перехода власти в руки большевистского Совета из Ставрополя приехал вооруженный отряд с командиром Буяновым. В тот же день Мелекесс был окружен этой контрреволюционной бандой с целью развала Совета. Но рабочие посада сумели дать отпор, и через несколько часов вооруженные рабочие фабрики ликвидировали контрреволюционную войну, а наступавшие бандиты были разоружены... Вскоре в Мелекессе началась национализация банков...

Советские и партийные руководители посада хорошо понимали, что пока они не сумеют повести за собой мещанское население края, победы и спокойствия не будет. Поэтому уже в 1918 году в посаде была сформирована воинская часть. Указом РКП(б) всех коммунистов распределили по значимости работы: в оргбюро, президиум, пленум организации.

Член оргбюро В.Тараканов возглавил работу по организации коммунистической учебы и «тройку» по приему в партию и исключению из нее... А после того, как на посад начали наступление превосходящие силы белочехов и Колчака, а в городе восстали патриоты под командованием штабс-капитана Акимова, Тараканов с товарищами исполнил приказ командующего красным фронтом: отступать без боя! Однако, видя, что губернские большевистские руководители и штаб Подвойского драпают уже из Симбирска в Казань, именно Тараканов возглавил отряд мелекесцев в Бряндино, и они снова выдвинулись к посаду на боевые позиции, приняв призыв члена ревкома: «Лучше умереть в бою, чем отдать врагу город без боя!» Умирать, правда, не пришлось, после первой вооруженной стычки отряд красноармейцев был рассеян, и они бежали в леса.

Следующая встреча и новые деловые отношения моего деда и В.Тараканова состоялись уже в конце 19-го. Василий Алексеевич только освободился от обязанностей организатора мелекесского рабочего полка, когда на фронт под Бугульму было направлено 1200 наших земляков. Сам же он комиссарил на Южном фронте против Деникина. Теперь его направили на мирный фронт - возглавить Мелекесское отделение общества «Губмука».

Да, большевики хорошо понимали, что их власть может удержаться и верховодить, только если в свои руки полностью сумеет забрать дело учета и распределения продовольствия. И на эти ключевые посты были направлены самые доверенные ленинцы.

Я так понимаю, да и дед мой не раз говорил об этих фактах, что политику монополизации хлебного дела решали комиссары, поставленные к руководству сельским хозяйством и переработкой хлебопродуктов в уезде, понимал всю пагубность политики «перевоспитания народа голодом». Видимо, не раз об этом было говорено меж друзьями. Они, как могли, пытались смягчить эти разрушительные по отношению к людям действия. Мой дед и его начальник Арыкоузов день и ночь не слезали с подвод, колеся по окрестным селам: обустроивали первые коммуны на месте бывших помещичьих усадеб; перераспределяли земли, организовывали ТОЗы - первые колхозы; орали на учет производимое в деревне продовольствие, перераспределяли его; занимались хлебосдачей и вывозкой. И хотя не раз и не два за их активность на них совершались покушения (крестьяне настороженно относились к специалистам от новой власти), Арыкоузов всегда брал с собой в поездки сына Василия. Дома не с кем было оставить, жена его умерла от тифа...

Когда съезжались из командировок в Мелекесс, обязательно шли к Тарakanову. Он как руководитель исполкомовского масштаба направлял работу по хлебозаготовкам и переработке. Наступало самое страшное время - голод в Поволжье. И они пытались хоть как-то упредить эту явно организованную акцию, сберечь продзапасы в Мелекессе, оградить людей от смерти. Именно в этот период, как мне кажется, и «заколебалась» коммунистическая убежденность В.Тараканова. Он пытался получить объяснения в уюме партии, в губернских инстанциях, в центре. И только поняв бесплодность «борьбы одиночки» - делал то, пусть малое, на что он был на своем месте способен. Реконструировал и расширял элеваторы, мельницы, содействовал открытию все новых общественных пунктов питания, по привычке и доброте своей возился с детдомовцами, отправлял их десятками на учебу в благополучные области, переводил в детдома центра России и Сибири, занимался сбором продовольствия, медикаментов и одежды для маленьких мелекесцев.

На встрече с друзьями он всю свою нерастрченную любовь к ребятишкам направлял на Ваську Арыкоузова, играл с ним, брал к себе с ночевкой и все пытался накормить побольше, повкуснее. Очень огорчался, когда старшего Арыкоузова перевели в Самару, потом в Москву, часто писал им грустные письма...

Человечность его и преданность дружбе проявлялись во многом. Он, как и мой дед, владел несколькими языками местного населения. Общался с людьми на мордовском, чувашском, татарском. Когда деда «вычистили» из партии за отказ порвать все родственные связи с его отцом-лавочником, Тараканов настоял, чтобы его друг остался на работе, доверял ему по-прежнему.

Я представляю, как было больно этому совестливому человеку увидеть весь кошмар 20-23 годов! Тогда даже его «детище» - городская газета сообщала совершенно невероятные вещи: в Старой Малыкле секретарь сельсовета Любимов, сданные ему на хранение изъятые самогонные аппараты, возвращает гражданам для дальнейшей выгонки самогона, сообщает корреспондент «Бутылка»... Или - почему это глубокий старик М.Федоров прислал в редакцию для публикации свое раскаяние: «С 1909 и до конца 1917 г. я состоял членом партии кадетов, в которой, однако, ввиду моих преклонных лет и болезни, никакой активной роли не играл.

Кроме того, находя, что партия кадетов для пролетариата ничего не могла дать, и что существующий строй является правильным руководителем переустройства страны и улучшения нашей жизни, раскаиваюсь в своих убеждениях и прошу не считать меня в рядах партии кадетов, а считать верным сторонником существующего государственного строя».

А вот и фармацевта аптеки N 21 - Липмана - обвинили в присвоении из кассы 11 копеек и перерасходе фармацевтических материалов. Аптекарь доказал, что обвинения ему сфабрикованы управляющим аптекой - коммунистом Портным, требует сатисфакции ...А пятно на всю парторганизацию. И это накануне 1-й городской партконференции...

Отрадно, что в городке на углу улиц Конная и Хмельницкого открылась контора Губторга, которой поставлен заведовать Т.Петров, проверенный товарищ, успешно выполняет обязанности уполномоченного Самарской товарной биржи. Вот и Мелекесская многолапка «Новая жизнь» извещает о выдаче дивидендов, закупках продуктов... Плохо, что эти «красные» госторгточки

напрочь вытесняют из города частные лавки, рынок, где товары получше, а цены пониже. Но государство почти в принудительном порядке заставляет крестьян идти к перекупщикам с твердой ценой из «Новой жизни» и биржи... Какая уж тут новая жизнь, скоро есть будет нечего!

И, словно подтверждая мысли Тараканова, газета сообщает, что в первичных партячейках коммунисты «выступают с критикой новой власти, допускающей товарный голод, жилищный кризис, зависимость страны от капиталистических стран, где все еще производится закупка машин, агрегатов, в обмен на золото, хлеб...» I

Василий Алексеевич читает о том, что в Мелекессе, Кошках, Никольском-на-Черемшане и в Старой Майне проведены сельскохозяйственные выставки. Но он-то хорошо знает, что закупленный там племенной скот - породистые бычки, бараны, свиньи и даже куры - все нероссийского происхождения. Как-то они здесь акклиматизируются, переживут суровую зиму, малокормицу?..

«В Шанталинском отделении Zubовского ЕПО за неимением достаточного количества товаров первой необходимости их отпускают только членам кооперации», - и подпись ядовитейшая на полосе: «Член». Внимательно Тараканов вчитывается и в заметку депутатов уездного Совета Матвеева и Сидорова. Они с возмущением пишут: «В столовой «Труд» служащий Сергеев, во время работы был пьян.

Так, во время уездного съезда Советов в таком виде он подавал делегатам вместо ужина чай. Депутаты съезда возмущены этим...» А уж если городские власти не могут накормить даже депутатов на съезде, то дело в уезде принимает нешуточный характер!

И, как первый тревожный звонок о грядущем неблагополучии, сообщение: «Бр.Лангер продает магазинную обстановку, шкафы, витрины в связи с ликвидацией своего дела!» Уж если старожил посада в третьем поколении колбасник Лангер бежит из городка, - совсем плохи дела у Советской власти. У этих частников - нюх на катастрофы, как у собак...

И вот она грянула - катастрофа. Все еще малограмотные земляки наши не понимали, откуда исходит угроза. Но - не Тараканов! Во время своих хождений по губернским инстанциям, в Москве в командировках, - он все пытается дознаться до народной правды. Ленин же объявил нашу власть народной, а она...

Но на его вопросы и требования цитировали того же Ленина: «Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц», - из обращения к трудящимся Пензенской губернии. «... Точно определить, что владельцы хлеба, и имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются врагами народа и подвергаются заключению в тюрьме на срок не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины...» - из основных положений «Декрета о продовольственной диктатуре». «...Крестьяне далеко не все понимают, что свободная торговля хлебом есть государственное преступление: «Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать», - так рассуждает крестьянин по привычке, по старине. А мы говорим, что это государственное преступление. Свободная торговля хлебом означает обогащение благодаря этому хлебу, - это и есть возврат к старому капитализму, этого мы не допустим, тут мы будем вести борьбу во что бы то ни стало...» - из письма уральцу Г. Мясникову.

И еще «Тараканову намекали товарищи по партии, чтобы не зарывался», ведь Ильич требовал под эти свои приказы: «Найдите людей потверже», т.е. тех, кто бы их исполнял, не задумываясь о последствиях...

Зимой 1921-22 годов сильную вспышку заболеваемости дал сыпной тиф. Ослабленные от недоедания организмы людей не могли перебороть болезнь. Губерния не имела уже даже ни одного пуда семенного хлеба! 254 пуда семенной ржи, поступившей из Швеции, использовали на продовольствие. Тараканов хорошо понимал, что такое - засеять 50% довоенных площадей под хлеб. Крестьяне, давно подъявшие лошадей и коров, сами впрягались в плуг, выходили в поле с лопатами... Василий Алексеевич на заседании укома партии уже открыто говорил, что те, кто из центра пытается распоряжаться хозяйством - теоретики. Они ничего не смыслят в этом хозяйстве. Потому нужно, не дожидаясь указаний и помощи, самим планировать хозяйственную политику на селе и в Мелекессе...

В местной типографии выпускались листовки-памятки, где людям разъяснялось: «В год недорода - не до жиру, а быть бы живу!» Советовалось не резать скотину, а заготавливать грубые веточные корма, силос, - как возможность отвести угрозу бескормицы и сохранять скот.

Из губземотдела привозили специально заказанные брошюры типа: «Партия помогает крестьянству в борьбе с засухой». Написаны они были рядовыми агрономами, мелиораторами, журналистами, обобщавшими опыт лучших крестьянских хозяйств. Язык брошюр был максимально «окрестьянен», и сегодня такие советы читаются, как сказки: «Дядя Федосей говорит про дядю Митрия:

- Хозяйственный мужик: с дерьма пенки сымает!

Действительно у дяди Дмитрия ничего не пропадает

- Все в пользу произведет: хозяйственный, что и говорить!» - и это о пользе использования отбросов, заквашивания кормов...

Да, в основном своими силами одолели в уезде беду. А когда пошли победные рапорты, уже не поминали о том, кто «колотился» прежде всего за народ и дело (коммунисты всегда были забывчивы на хорошее). А вот резкие выступления Тараканова, его критика властей, видимо, подвинули губернское начальство на адекватные меры.

Не обязательно принародно человека наказывать, могут ведь сказать: какая это власть, если они своих не щадят, тех, кто революцию в самом Питере с Лениным совершал... Потому был у коммунистов всегда в запасе такой метод - убрать неугодного им товарища, вроде как бы награждая его. Особенно в ходу эта «пытка» была в сталинскую эпоху, когда партийца могли возвысить аж до министерского поста, а потом он исчезал бесследно. И никто уж о нем более не беспокоился, ясно, не оправдал парень надежд, не потянул, вот и передвинули его дальше, по горизонтали...

Так вышло и с Таракановым. Взяли в область руководить Текстильторгом (и это мукомола-то!) Оттуда - в Москву, в институт Красной профессуры на учебу послали. Доверили возглавлять представительство Средне-Волжского края в правительстве РСФСР. А когда открылась Всесоюзная сельхозвыставка - стал Василий директором павильона «Поволжье». Дважды там встречался с ним мой дед, премированный поездкой на выставку. Говорил он потом, что Василий все мечтал на стендах павильона отразить 1921-й, как предостережение о голоде.

Думаю, что в 1933-36 годах Тараканов вновь ходил по цеховским кабинетам, критикуя за допущенный голод в Казахстане, на Украине, требуя немедленных мер. Не мог он и тогда смолчать... Много позднее в Мелекесс погостить приезжал сын Арыкоузова Василий. Был он тогда чекистом, служил в кремлевской охране, и, по рассказам деда, - много и страшно пил. Вот в таком полухмельном состоянии однажды и прорвало его на исповедь. Оказывается, его «друганы» по службе «брали» В.Тараканова в приемной И.Сталина. Отвезли на Лубянку, где выяснилось, что этот участник штурма Зимнего - мелекесец.

Рассказали о том коллеги Василию. Тот, помня дружбу отца с Таракановым (старший Арыкоузов к тому времени уже умер), помня отцовское отношение «дяди Васи» к нему в мелекесский период их жизни, добился свидания с «правдолюбцем». Глотая слезы и матерясь, чекист рассказывал деду, что на лице и теле Василия Алексеевича не было живого места. Он харкал кровью («в нашей «конторе» это умеют делать, выбивая признание», - уверял Арыкоузов). Василий-младший уговаривал Тараканова во всем сознаться и брать на себя любую «дурь», ибо хорошо знал, что только так можно еще сохранить жизнь, пусть и в лагерях. Но старый большевик стоял непреклонно: «Никогда!»

Как мог, Арыкоузов пытался смягчить участь Тараканова. Писал рапорты по команде. Носил передачи, просил свидания, ходил по «большим людям» - бывшим друзьям отца. Все было тщетно. Мало того, начальство устроило ему разгон за политическую «близорукость», пригрозило запустить самого «в конвейер», пообещав, что его назначат «исполнителем» по делу Тараканова... Так чекист объявился в Мелекессе, взяв отпуск, пытаясь поднять на защиту «творца Советской власти в посаде» его товарищей по революции, старых большевиков. Но и здесь он не нашел понимания.

Уезжая, просил моего деда - «...в случае чего, присмотреть за семьей - женой и дочкой, которых из Москвы отправил в Калужскую область к родственникам».

Есть воспоминания Клары Васильевны Бадановой - дочери нашего земляка-генерала. Она пишет о Тараканове: «Какой это был человек, я знаю прекрасно, так как он был лучшим другом папы, я бы сказала - братом, хоть и не по крови!»

Коллективный снимок 30-х годов, на котором работники «Губмуки» (позже - «Главмука», мелькомбинат), коммерческий директор В.Тараканов в центре снимка в белом пиджаке.

С Таракановыми в первые годы жила в б. Комсомольском переулке Анастасия Герасимовна Снежкина... Потом Анастасия Герасимовна получила свою комнату, а дядя Вася - двухкомнатную квартиру. Это было где-то в 1937 году, в ней он и пожить-то как следует не успел.

...Тетя Катя мне рассказывала (жена Тараканова - авт.) об аресте дяди Баси... Обе комнаты опечатали, разрешив ей взять кое-какие личные вещи. И так она жила вплоть до 1944 года, когда ей после долгих хлопот открыли маленькую комнату.

Папа много писал в различные инстанции, узнавая о судьбе Василия Алексеевича. Мне известно, что дядя Вася умер в ульяновской тюрьме. Сообщили: от заражения крови».

Я смею оспорить этот вывод. Хотя у меня, как и у Бадановой, нет документальных доказательств, знаю, что дед выезжал в Калугу к семье Арыкоузова. Жена чекиста рассказала, что ее муж ЗНАЛ - Василий Тараканов был расстрелян. Именно после этого Василий-младший стал пить запойно, даже на работе. Жене приказал в Москву не возвращаться. Но ее вызвали в день, когда у Арыкоузова сдали нервы, «надорвалась душа», ибо он считал себя причастным к гибели Тараканова. Переживания, разочарование чекиста в своей «конторе» и партии, стали причиной того, что воспитанник Тараканова поднес заряженный револьвер ко рту, спустил курок...

Так или иначе, но Советская власть и большевистская партия рассчитались сполна еще с одним из своих преданных бойцов - В.А.Таракановым. Он был одним из активных участников октябрьского переворота, вместе с товарищами вложив в руки Ленину и его ЦК власть в России. Он стал им мешать, когда они власть эту узурпировали, обратили против своего народа. Против всех таракановых...

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ФРИТЬОФА НАНСЕНА

Закончив знаменитые северные походы, Фритьоф Нансен совершил свое последнее, не столь известное, но, быть может, самое трудное путешествие в Мелекесс, где к тому времени уже доедали последних кошек и собак...

Жутчайшая трагедия - голод 1921 года в Поволжье - по моему убеждению, была организована большевиками искусственно. Если развитие событий с 1918-го по 21-й год рассматривать только на примере нашего Мелекесса, можно сделать несколько неожиданных выводов.

Нонсенс! Голод свирепствовал на территории, где до революции 17-го оборот только нашего посада составлял более 3 млн рублей. Здесь работало 18 крупных предприятий, десятки хлебоперерабатывающих цехов и мельниц, наши купцы имели оптовые склады по всей Волге и на Урале, владели пароходами, доставляя хлеб во многие регионы России. К 1918 году в районе железнодорожной станции Мелекесс было складировано 1,5 миллиона пудов хлеба!

Но уже к весне 1919 года (весеннее наступление войск Верховного главнокомандующего А.В.Колчака), когда части Белой Армии вновь находились всего в 60 верстах от Самары и в 100 - от Симбирска, Владимир Ульянов лично следил за вывозкой этого хлебного запаса из Мелекесса. Его уполномоченный замнаркомпрода Н.Брюханов обеспечивал тогда прохождение от Бугульмы до Симбирска 60 вагонов в сутки.

Считалось и пропагандировалось, что это помощь мелекесцев Красной Армии и крупным промышленным центрам России. На самом же деле в этот период было вывезено более 1 млн. пудов хлеба из нашего района - центра потенциально возможного для взятия Колчаком. И эта акция носила характер обречения не только белых войск, но и всего населения региона на голод! Уже после стабилизации фронта большевистское руководство и не подумало пополнить выметенные до зернышка мелекесские склады и амбары.

К 1921 году в Самарской и Симбирской губерниях сложилось тяжелое положение. Территория была поражена засухой. И смысл деятельности большевиков в тот период заключается в том, что крестьянские поселения Поволжья, обескровленные, обезлюдившие, охваченные восстаниями против политики Ленина-Троцкого, были сознательно преданы пытке голодом.

Почти все трудоспособное мужское население было «добровольно» отправлено на фронт в сформированные коммунистические и комсомольские отряды. М.Фрунзе требовал кадры для поднятия промышленного потенциала Туркестана. И Мелекесс тогда мобилизовал самое большое количество квалифицированных специалистов и рабочих в Туркестан.

В деревнях забили весь скот, ибо животные погибали от бескормицы и болезней. В связи с мобилизацией в Красную Армию число рабочих лошадей у крестьян уменьшилось вдвое, молодняка - втрое. В пищу пошли солома, лебеда, желуди, опилки, даже выветрившиеся кости... За пуд ржи платили более 3 миллионов рублей. За фунт пшеничного - около 150000 рублей!

По привычке к демагогии комиссары двинули в массы лозунг: «Не унынием, а смелой кипучей деятельностью можно преодолеть ужасы голода!» К 1922 году в Сибирь, на Украину, в Среднюю Азию было отправлено до 60 процентов детей из Самарской губернии. Политика марксистов была твердой и перспективной. Из всего нелояльного к большевикам населения Поволжья большая часть была мобилизована на фронт и подверглась тотальной пропагандистской обработке под видом «пролетарского строительства общества благоденствия и интернационализма». Дети, как наиболее поддающийся перевоспитанию материал, отходили к ведомствам Дзержинского, Луначарского, Емельянова, где из них «ковалось» будущее советское общество республики. Все остальные: больные, старики, дезертиры, восставшие, «останки» состоятельных семей, бабы-солдатки - были подвергнуты эксперименту на выживание, устрашению, покорению.

Мне совсем не хочется приводить факты и цитаты, которые показывают высшую степень деградации всего этого «уложенного» под голод населения, когда массово поедалась кора с деревьев когда в нашем посаде не стало вдруг кошек и собак, птиц, пущенных в пищу, когда обыденным стало людоедство... Все приведенное выше - характеристика обстановки, приведшей к

массовому умерщвлению людей. Только в Самарской губернии каждый месяц из жизни уходило около 5000 человек!

Скрывать такое от мировой общественности было уже нельзя. И большевистское правительство умело обращало трагедию народа в пропагандистский фарс. Вл. Ульянов обратился к международному пролетариату с призывом о помощи. В Поволжье зачастили агитпоезда во главе с руководителями ЦК коммунистов, журналисты и т.д. Борьбу с голодом возглавил Антонов-Овсенко (командовавший «штурмом» Зимнего дворца в октябре 17-го). Казалось, делалось все, чтобы помочь людям в беде.

Однако, вопреки сложившемуся историческому стереотипу советской пропаганды, сегодня нужно отметить, что правительство! Ульянова делалось все, чтобы зарубежная помощь не дошла до адресатов. К Поволжью допустили АРА (американскую рабочую ассоциацию) и не допустили сотни других организаций, готовых помочь России. Большинство из них обвиняли в шпионских намерениях. Капиталистическим странам пришлось переводить свою финансовую помощь через АРА, германский Межрабпром, Лигу Наций.»

Странно, но вызванный в Москву на доклад в ЦК партии о положении в голодающем Поволжье Антонов-Овсенко доложил прежде всего о принятых мерах по борьбе с бандитизмом (?!). Им же был подготовлен декрет о всеобщем изъятии церковных ценностей для помощи голодающим. Десятки тонн золотой, платиновой, серебряной церковной утвари, художественные ценности, иконы, картины, драгоценные камни были срочно переправлены большевиками на биржи Берлина и Нью-Йорка. Взамен несметного, неподдающегося оценке национального достояния русского народа и мирового православия марксисты-ленинцы довольствовались 32-мя вагонами с зерном. Остальная часть вырученного от аукционов осела на американских и швейцарских счетах комиссаров...

Но какие бы препоны большевики ни ставили гуманитарным начинаниям Запада, им пришлось считаться с авторитетнейшим общественным комитетом помощи голодающим при Лиге Наций

А него вошли самые знаменитые люди XX века: Анри Барбюс, Мартин Андерсен-Нексе, Альберт Эйнштейн, Бернард Шоу, Теодор Драйзер, Анатоль Франс, Фритьоф Нансен... Последний был делегирован в свое самое жуткое и последнее путешествие в жизни - по Самарской губернии.

Нансен - великий норвежский путешественник, ученый, исследователь Севера, - известен в мире как один из первопроходцев в исследовании Севера. Его корабль «Фрам» («Вперед») сегодня стал самым известным музеем в мире.

«Интересно, что живший в Мелекессе крупный советский писатель, основатель городского литературного объединения «Черемшан» Петр Лебеденко, сам участвовавший в походах к Северному полюсу вместе с Амундсеном и Нобиле на кораблях и дирижабле, в своих очерках об исследовании Севера «На полюс по воздуху» опубликовал и главы, посвященные его встречам в Норвегии с Нансеном. В этой книге есть и такие факты: когда Нансен, пробираясь в торосах пешком к отдрейфовавшему «Фраму», потеряв лодки, съестные припасы, находился на грани гибели от голода, он встретился с «английским полярным исследователем Джексоном, который уже провел на Севере две зимы и собирался остаться на третью.

Джексон поделился с Нансеном продуктами и указал ему правильную дорогу, благодаря чему экспедиция Нансена была спасена...»

И вот именно этот человек, как никто умеющий ценить помощь, взаимовыручку, жизнь, знающий голод, продубленный Севером и испытаниями, закаленный смертельной схваткой с дикой природой, глубокой осенью 1921 года приехал на помощь Поволжью. Возглавив крупнейшую международную общественную организацию помощи голодающим, Нансен получил субсидии от правительств западных стран на эту страшную экспедицию. То, что смогли с собой привезти его коллеги, было каплей в море того, в чем нуждались наши земляки. Главное же - Нансен хотел убедиться воочию в страшной трагедии русского народа, понять, от кого требовать действенной помощи.

После посещения Саратова, где экспедиции был выделен дряхлый автомобиль, «нансенцы» прибыли в Самару, где их встречал Антонов-Овсенко. Нансен, по воспоминаниям современников, был уже стар, сед, костляв и удручен увиденным в дороге. Узнав, что его именем

в Самаре названа детская больница, которой переданы медикаменты, привезенные экспедицией, Нансен «как-то посветлел, его ясные глаза потеплели, сошла суровость с лица и появилась хорошая улыбка».

В поездку по губернии, на которой Нансен настаивал, отрядили сопровождающего - зав. губоно Дмитрия Романовского. Все свидетельства того периода и той поездки говорят об одном: на пути следования - вымершие деревни, тысячи трупов, больные и опухшие от голода люди, дети. По лицу мужественного путешественника текли слезы... Он ничем пока не мог помочь тянущим к нему руки за хлебом живым скелетам, обреченным на смерть большевиками.

При расставании Антонов-Овсеенко лицемерно вручил Нансену два альбома с фотографиями, запечатлевшими норвежца на фоне умирающих людей. Надпись гласила: «Другу страждущего человечества и Советской России доктору Фритьофу Нансену. Антонов-Овсеенко».

Нет сомнений, что в деревеньках нашего уезда и в самом Мелекессе Нансен увидел ничуть не более радостную картину голода. Жаль, что последнее путешествие великого человека в наш город пришлось не на самые его лучшие времена. Переполненные больницы, опустелые улицы, забытые дома, жестокие морозы, очереди за пайкой хлеба - это Мелекесс.

В сохранившихся у нашего «патриарха» мелекесской литературы Евгения Ларина вырезках из райгазеты «Знамя труда» есть интересные факты. Чувашский поэт Стихван Шавлы в заметке «Отзовитесь, друзья!» сообщает об известном украинском поэте Павло Усенко - одном из первых комсомольцев на Украине. В 1921 году Усенко работал в уездном комитете комсомола недалеко от Полтавы. Вот, что он рассказал Шавлы:

«На наш железнодорожный тупик в 1921 году поставили два утепленных вагона, а в вагонах, сказали мне в комитете комсомола, были голодные дети из города Мелекесса Самарской губернии - дети чуваш, татар, мордвы и русских.

Детские дома уже были переполнены, не хватало и продуктов питания, но через некоторое время дети из Мелекесса были устроены в детские дома...

В тот голодный 1921 год Мелекесс и близлежащие села посетил знаменитый норвежский ученый-полярник, борец за мир, друг Советской России Фритьоф Нансен. Потрясенный увиденным, Нансен обратился к международной общественности и рабочему классу мира. Неутомимая деятельность ученого по борьбе с голодом ощутимо помогла молодому Советскому правительству. В начале 1922 года Поволжье стало получать хлеб от Ассоциации рабочих Америки. И, надо полагать, что два вагона с детьми из Мелекесса прибыли на Украину не без усилий норвежского ученого-гуманиста».

А теперь следует обратиться к цитате из книги Г.Кублицкого «Фритьоф Нансен». Описывая жизнь великого норвежца, Кублицкий в главе «В голодающем Поволжье» напоминает, что в Москве Нансен имел встречу с М.Калининым, который, вернувшись из агитпоездки в Поволжье, настоятельно рекомендовал Нансену именно там набираться впечатлений. Нансен побывал с доктором Феррером в Саратове, затем в зимнюю стужу на стареньком автомобиле двинулся в Самару. Из Самары же он вновь совершил поездку по деревням. Далее Кублицкий указывает:

«В декабрьскую злую пургу его автомобиль пробивался по заснеженным дорогам Мелекесского уезда. Стояла лютая стужа. У деревенской околицы ждала голодная толпа...»

Нансен был потрясен не тем, в каких, почти северных, условиях он преодолел Поволжье в страшной экспедиции. К этому он был готов всю жизнь. В своем докладе на заседании Лиги Наций он ужасался увиденному эксперименту над людьми в Поволжье. Буквально умолял спасти народы от гибели, невзирая на то, что это свершается в стране коммунистического режима...

1925-й, уже «благополучный», год. На хлебозаготовку из Москвы присланы продкомиссары П.Столяров и Ф.Жигулин (сидят в центре), стоят - работники Новомайнского сельхозучастка Бородачев, А.Улитин, Иванова и мой дед З.Устинов, слева за столом сидит мой прадед Ф.Авдеев. Даже только что выкопавший людей в Поволжье голод не остановил большевиков перед очередными хлебовывозками из Мелекесского уезда...

Слава Богу, что эта речь Нансена дошла до сердец власть имущих. Помощь нашим дедам и бабкам, наконец, прорвав фронты и идеологические кордоны, была послана... Несмотря на то, что Лига Наций уличила правительство Ленина в регулярной и тысячетонной уплате Германии «контрибуции» зерном в то же самое время. Зерном, вывезенным из Мелекесса в 1919 году.

1998г.

ВАЛЕРИАН КУЙБЫШЕВ

Две недели - со 2 по 17 июля 1918 года - наш Мелекесс был центром Самарской губернии, откуда осуществлялось тогда организационное, экономическое, политическое и военное руководство. После падения (или освобождения?) Самары под натиском белочешских частей Самарский губернский революционный комитет, члены Совета, комиссары и коммунисты, которым удалось спастись, переехали в Мелекесс, а после его падения 16 июля - в Симбирск.

Планы защитников Самары были опрокинуты внезапной и жесткой атакой противника, захватившего мост через Самарку и вошедшего в город. В бой с большевистскими боевыми дружинами также вступили отряды самарских офицеров, эсеров, кадетов, члены русской организации «Народная армия», губернского комитета партии «Народной свободы», Союза георгиевских кавалеров, казачьего войска, кадетско-монархического студенческого клуба. Поэтому совершенно растерянный председатель губернского ревкома Валериан Куйбышев в своей объяснительной записке в ЦК писал: «Мне едва удалось уйти из Самары, меня пулеметами обстреливали... хотели схватить разъяренные против большевиков обыватели. Рядом со мной рвались снаряды чехов. Уйти все-таки удалось. Я ушел не один, ушел с руководящей группой большевиков».

В.Куйбышев и М.Фрунзе в Мелекесе.

В Мелекесе губревком во главе с В.Куйбышевым расположился в летней резиденции промышленника Маркова, на берегу пруда в парке. После поражения нервы большевистских лидеров были напряжены и им требовалась передышка. Подступы к парку были перекрыты мелекесской красногвардейской дружиной, состоящей из рабочих-большевиков и бывших солдат-фронтовиков с боевым опытом. Руководил ею большевик Шмидт. Поэтому здесь губернское начальство могло чувствовать себя в безопасности.

Тогдашнего председателя Высшей военной инспекции, члена Наркомата по военным делам и Высшего Военного Совета республики Н.Подвойского самарские события застали врасплох в инспекционной поездке. Организованных военных отрядов не было. А красногвардейские отряды, посланные в Самару из центра, и те, которые сформировали на месте под командованием А.Вороновича, М.Кадомцева, Г.Гая, Е.Картукова, В.Дубянского, Н.Юникова, В.Паршина, были или расстреляны, или пленены, или разбиты.

В.Куйбышев начал спешно формировать новые отряды. Он выехал в Симбирск, где, видимо, пытался соединить два губревкома. Но симбирские большевики сами занимались быстрой подготовкой губернии к обороне, добивались от Ленина перевода из Казани штаба фронта. Единственное, что удалось Куйбышеву сделать - это провести организационное заседание военно-оперативного штаба волжских отрядов, на котором было решено просить от Москвы: «Из Петрограда и Кронштадта три быстроходных катера с морской артиллерией... два отряда воздушной разведки... из Баку - три канонерских лодки... из Нижнего Новгорода - 10 броневинов». А также для посылки связных в эти пункты: «...просить Симбирский революционный штаб отпустить 100 штук бесплатных литеров «А». Куйбышеву же поручили вести переговоры с Симбирским революционным штабом.

Вот после этих событий и обосновались в нашем Мелекесе губернские власти. Отсюда последовало обращение к крестьянам Самарской губернии с призывом выполнить священный долг перед республикой. В обращении говорилось: «Встаньте под ружье, как один... дружно бейтесь в рядах вашей рабоче-крестьянской армии против врагов рабоче-крестьянской республики... Дайте хлеб голодающим крестьянам и рабочим 20 губерний центральной России». Были организованы заготовка и вывоз хлеба в Симбирск-Москву. Методы сбора были жестокими. На селе зверствовали комбеды.

Власти Самары во главе с Куйбышевым уже осуществили подобную заготовку хлеба в своей губернии. Это было сделано силой оружия, сажанием в тюрьмы, расстрелами возмущенных крестьян. Продотряды подчистую выгребали хлеб из крестьянских амбаров. И именно эта политика привела к тому, что к маю 1918 года крестьяне на выборах отдали свои голоса за партию эсеров. Самарский Совет и губисполком на две трети состоял из представителей этой партии и

анархистов, которые и вступили в союз с чешским командованием, штабом казачьих частей Дутова, чтобы окончательно закрепить свое превосходство над коммунистами Поволжья.

В их поддержку выступили рабочие разоренных предприятий железнодорожники. На сторону чехов перешли даже члены продотрядов, занимавшиеся грабежом на селе подневольно.

В этой обстановке Куйбышев мог рассчитывать только на остатки боевых красных дружин или на поголовную мобилизацию коммунистов. Самарская губернская организация большевиков насчитывала более 6500 членов, из них около 3500 жили в Самаре, большинство из которых после падения города были или убиты или арестованы.

Поэтому поголовная мобилизация была объявлена именно в Мелекессе - втором после Самары в губернии промышленном центре. Историки до сей поры упорно обходят точные цифры этой мобилизации. Пишут и говорят о 60 процентах или двух третях мобилизованных членов партии. Факты же свидетельствуют о другом. В городе на этот период было 118 предприятий с мощностью двигателей и машин в 2747 лошадиных сил, ткацкая фабрика, две крупные мельницы, 10 лесопильных заводов, 79 мельниц, два винокуренных завода...

Уком под нажимом Куйбышева организует призыв коммунистов в Мелекесский рабочий батальон. В уездной организации - 200 коммунистов, из них 110 - в самом городе. Батальон составил 450 человек, в числе которых было 174 коммуниста, а это практически вся городская организация большевиков.

Под удар белочехов были подставлены многие молодые люди города. В рытье окопов принимало участие все трудоспособное население. Ряд семей после ухода красных войск остались без кормильцев, осиротели навсегда. В.Парадизов, Е.Наумова, А.Хмельницкий, десятки мелекесцев, связавших так или иначе свою судьбу с большевиками, были замучены в «поездах смерти».

Забегая вперед, хочу заметить, что установленное в июне 1918 года в Самарской и Симбирской губерниях правительство из членов Комитета Учредительного собрания возвратило собственникам национализированное у них имущество, возместило все убытки людям, упразднило хлебную монополию, твердые цены на хлеб, ввело свободную торговлю.

К этому факту можно относиться по-разному. Но никак нельзя принять бывшую официальную точку зрения на то, что продразверстка и продналог были единственно верными мерами в то время. Это подтвердило и «Чапанное восстание» в крестьянских районах Самарской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской губерний в августе-октябре 1918 года. Именно крестьяне не согласились с возвратом большевистской политики на селе. Это также было бунтом против того, что Куйбышев после нового прихода Советов под страхом расстрела обязывал служащих всех учреждений оставаться на своих рабочих местах и представить письменные отчеты о своей деятельности во время отсутствия большевиков. Домовладельцам было предписано сохранять в целостности свое имущество. А губерния была объявлена трудовой коммуной, живущей по принципу: «Кто не трудится, тот не ест».

Все это достигалось «путем планомерной, но беспощадной национализации и конфискации частной собственности...» Вновь хлебопашец становился бесправным перед монополией государства, гнулся под гнетом продразверстки. Была также введена жесткая контрибуция на поставки в Красную Армию. Только с населения Мелекеса в январе-феврале 1919 года было собрано для фронта: 27000 саней, 1500 коек, 500 комплектов сбруи, 700 полушубков, 600 пар сапог.

Всякая нейтральность граждан к участию в гражданской войне или ее пропаганда были объявлены «либо лицемерным прикрытием контрреволюционности, либо проявлением полной бессознательности», что подлежало в лучшем случае суду ревтрибунала...

В августе 1919 года представитель Мелекесского у исполкома Василий Тараканов, чьим именем по сей день названа улица города, доставил в Москву и сдал Совету защиты детей 497 пудов пшеничной муки и 65 пудов сухарей, отобранных у детей крестьян в Мелекесском уезде силой. Не за это ли Тараканов и был уничтожен большевистской властью в 1938 году?

Но это все будет позже, а пока В.Куйбышев, управляя потерянной губернией из Мелекесса, пытается оправдаться перед центром за оставление Самары и упрочить свое влияние в Симбирске.

Его подстегивало и то, что в Самаре начал действовать подпольный губком, правда, вскоре разгромленный Комучем.

И здесь, как бы на руку Куйбышеву, происходит «Муравьевский» мятеж в Симбирске. С 10 июля события развиваются стремительно. В лидерах подавления мятежа оказываются М.Тухачевский и И.Варейкис. Ленину нужно срочно укреплять руководство родным городом и расположившейся в губернии армией. Потому уже 18 июля Куйбышев вместе со своими сторонниками покидает Мелекесс, выехав в Симбирск. Естественно, что город наш захватывают белочехи. Но В. Куйбышеву до этого нет дела, ибо он находит общий язык с Тухачевским и получает звание политкомарма в Первой армии.

Вот так войска под предводительством Михаила Фрунзе и Валериана Куйбышева дошли от самарских берегов Волги до порта на Каспии Каспийского моря. На снимке: передовые отряды Туркфронта на побережье. Сзади вид Каспийского моря.

Примечательно, что на новом поприще Куйбышев выпускает обращение, в котором определяет свою новую роль так: «Новый род оружия -политическая часть-должна занять в армии такое же место, как часть пехотная, артиллерийская и другие...»- по сути это уже начало рождения политорганов в Красной Армии, которые так бесславно рухнули в августе 1991 года.

Мелекесс же в жизни вновь испеченного полководца мелькнет еще дважды. В марте 1919 года на заседании губисполкома он доложит о мерах, принятых им после однодневной инспекционной поездки к нам, чтобы на месте разобраться и задавить контрреволюционные волнения крестьян в уезде. Чуть позже этими рекомендациями, а также применением химического и газового оружия воспользуется его дружок командарм М.Тухачевский, подавляя крестьянское восстание в Тамбовской и Воронежской губерниях.

А в сентябре 1918 года Куйбышев и Тухачевский проезжали через Мелекесс в сторону Бугульмы вслед за наступающими красными частями. Но это уже другая история...

1996г.

НЕЛЕГАЛЫ

В разделе о Великой Отечественной войне я подробно останавлиюсь на судьбе мелекесского генерала Василия Михайловича Баданова, которому в гражданскую войну пришлось выполнять на территории Мелекесского уезда нелегальную разведывательно - пропагандистскую работу. Действовал он по поручению укома партии в тот период, когда территория Самарской и Симбирской губерний контролировалась чешскими повстанцами - военнопленными и народным

правительством Комуча. В данной же главе я воспользовался воспоминаниями и помощью почетного гражданина Димитровграда и старейшего писателя Ульяновской области Евгения Ларина, который также является родственником генерала Баданова

В 1916 году В.Баданов заканчивает Чугуевское военное училище и отправляется на германский фронт в чине прапорщика. В период революционной службы распропагандированный большевиками прапорщик оказывается в гуще всеармейского бунта. Баданова даже избирают зам. председателя военно-революционного комитета полка. А уже в декабре 17-го он, как и тысячи оставивших фронт немцам русских солдат, возвращается на родину в Мелекесс. Здесь быстро сходится со своими товарищами по юности, местными большевиками Таракановым и Любимовым. Его примечают и привлекают Аблов и Пискалов.

Видимо, попав в военную секцию ВРК, Баданов начинает как опытный офицер-фронтовик заниматься специальной работой. Так, весной 18-го он, принятый «своим» в посадских офицерских кругах, узнает, что мелекесские фронтовики затевают тайный сговор в помещении женской гимназии. Инициаторами заговора против коммунистов выступили офицеры Белой армии: мелекесцы Поляков и Курносенков. Баданов информировал ревком о тайных собраниях, вследствие чего его коллеги-фронтовики были арестованы.

Летом Баданов не уходит из города вместе с отступающими красными частями. Он оставлен на нелегальную разведывательную работу. Естественно, не избегает мобилизации в войска

Комуча, входит в доверие к руководителям новой посадской власти как офицер-порученец. Баданов имеет возможность курсировать по территории уезда, где формируется полк для борьбы с большевизмом. Налаживает связь с руководителями красных штабов за линией фронта. Разведчику ставится задача: вести контрпропагандистскую деятельность среди фронтовиков формирующемся полку Комуча.

Полевой лагерь полка располагался под Новой Майной. Там чаще всего и появляется порученец Баданов. После его переговоров в ротах многие палатки пустеют, а офицеры с оружием а руках дезертируют из полка. Видимо, работу свою прапорщик делал хорошо, ибо вскоре полк был расформирован и отправлен на перекомплектование.

Войска генерала Каппеля несли значительные потери, еще не выйдя на передовую. Так, целиком на сторону красных перешли 44-й и 46-й полки. Именно в этот период была проведена Бадановым главная операция, поставившая под угрозу его нелегальное положение. Подпольщикам стало известно, что члены Самарского Комуча Вольский и Климушкин собираются на юг к Деникину, подбирают себе единомышленников из состава 3-го Ставропольского полка. Для агитации туда прибыл мелекесский эсер Кочкуров, знавший лично многих солдат-мелекесцев. Баданову же было поручено прибыть в этот полк с предложением перейти на сторону Красной Армии. Однако Климушкин и его товарищи предложения не приняли. Далее находиться в полку стало опасно и Баданов со своей ротой перешел через линию фронта. С тех пор он к нелегальной работе уже не возвращался...

Именно в тот же период на территории нашего уезда действует другой красный нелегал Вячеслав Тимофеев. В своей книге «На незримом посту» в 1981 году он приоткрывает некоторые факты о порядке и масштабах формирования разведорганов в Красной Армии. Это формирование проходило под личным контролем В.Куйбышева. Случайная встреча автора книги с резидентом разведотдела красных в Бугульме Я.Кожевниковым привела его на работу в контрразведку. В очередной совместной поездке Тимофеев получил от него задание пробраться в Симбирск к Куйбышеву, а сам Кожевников выпрыгнул после этого у семафора на станции Мелекесс.

«Валериан Владимирович в косоворотке, с расстегнутым воротом сидел на небольшом диванчике. Рядом с ним сидел Шверник

- А, Тимофеев! Проходи, проходи, - приветливо улыбаясь, Куйбышев поднялся и, откинув упавшую на лоб длинную прядь волос, шагнул мне навстречу. Шверник тоже тепло, по-дружески пожал мне руку...

- Паршина Федю помните? - вдруг спросил Куйбышев. - Губком поручил ему организовать большевистскую группу в Самаре, и он отлично справился с этим заданием. Действует группа смело, решительно. Мне рассказывали о замечательном семействе Болдыревых: трех сестрах - Анне, Ксении, Анастасии и двух братьях - Иване и Петре. Все они-активные члены группы Паршина, которая делает большое и нужное дело...

Позже я понял, что этот разговор Валериан Владимирович и Николай Михайлович затеяли неспроста. На живых примерах они знакомили меня с работой подпольщиков, нередко связанной с опасностью для жизни».

Немного позднее станет известно, что самарский резидент куйбышевской разведки Ф.Паршин попадет «под колпак» контрразведчиков Комуча. Будет арестован, замучен и убит. Группа его - разбита... Давая наглядные уроки разведработы, В.Куйбышев давал и характеристику сложившегося положения: «Мы только-только начинаем формировать регулярные, подчиненные строгой дисциплине части». Или: «... нас интересуют настроения солдат мятежного корпуса, их численность и прежде всего между Самаро-Златоустовской и Волго-Бугульминской железными дорогами».

«Создавая свою регулярную армию, мы должны создать и свою разведку, сделать так, чтобы у нас были собственные надежные глаза и уши за линией фронта...»

Оценивая противника, комиссары отдавали должное тому, что «у белогвардейцев там своя контрразведка, а у чехословаков - своя. И хотя находятся они в разных местах, но работают согласованно. Белогвардейцы сохранили кадры опытных разведчиков царской армии и засылают их в наш тыл. А мы ничего не знаем...»

Хорошо Тимофеев описывает и краткосрочные курсы по нелегальной работе, которые он закончил в Симбирске. Штаб контрразведки располагался «в тупичке под раскидистыми вязами. Это был небольшой деревянный особняк - заурядное жилье какой-то дворянской или чиновничьей семьи. Двор зарос бурьяном». Домик этот цел и сегодня в центре Ульяновска. Руководитель красной сети нелегалов Семенов наставлял новичка недолго. Да и наставления эти были просты и предельно жестоки:

- А что станешь делать, если провалишься на задании?

- Застрелюсь...

- Контрразведку формирует сам Куйбышев, знать об этом не должен никто! Даже во сне не имеешь права об этом проговориться..

- За сон человек не может отвечать!

- Бабка на печи не отвечает... Но у разведчика и во сне рот должен быть на замке, а глаза и уши - настороже. Пьешь?

- Не пью и не курю.
- А умеешь?
- Что тут хитрого?
- Правильно. Разведчик должен уметь все...
- А тебя как зовут, товарищ?
- Вячеслав.
- Хорошее имя, но ты его должен забыть. Сегодня будем крестить тебя заново.

Итак, несколько дней кряду репетиция. Затем - самостоятельный «полет» по тылам противника.

В.Тимофеев прожил долгую, сложную, интересную жизнь. Закончил службу в Советской армии полковником. Но те первые уроки и первые самостоятельные шаги в качестве нелегала считал главными в своей биографии. Так любовно описывает он их в своих мемуарах. Нас не будет интересовать его работа в Самаре и Бугульме, Сергаче или Бугуруслане. Нам важны те страницы, которые приоткрывают зримо, глазами разведчика, - картины Мелекесса и события в нем тех лет.

Однажды Тимофееву сообщил чехословацкий солдат, что сегодня утром войска в обход левого фланга красных двинутся на Мелекесс. Снаряжен бронепоезд с десантом пехоты, чтобы внезапно овладеть городом. Связаться с Мелекессом уже не удавалось. И Тимофеев, понимая, как важно спасти находящийся в Мелекессе губком, решает любым путем прорваться в город, через фронт, спасти Куйбышева.

«Станция Мелекесс. На площади, где раньше обычно стояли легковые извозчики, - ни одной пролетки. Расстояние от вокзала до ревкома - две версты - я преодолел по-марафонски, бегом. Но в ревкоме не оказалось ни руководителей, ни служащих, хотя был полдень.

- Что случилось? - спрашиваю уборщицу. - Куда девались люди?
- Да ничего не произошло, - отвечает старуха, подслеповато глядя на меня. - А ты, часом, не Кузьмичев?
- Нет, не Кузьмичев, а что?
- Коли не Кузьмичев, так и не спрашивай.
- Так где же начальство, мать?
- Знамо дело, где - на митине. Это у них так заведено: утром митин, в обед тоже митин.
- А где сейчас этот «митин»? - подражая ей, допытывался я.
- Поди, в биоскопе аль на церковной площади.

...Зал кинотеатра был переполнен. Дым, духота. Кому не хватило стульев, стояли в проходах, сидели на полу перед авансценой, на подоконниках.

Пробиваясь к трибуне, за которой стоял Валериан Владимирович Куйбышев, я подумал, что легче перейти линию фронта, чем попасть на сцену. Однако это мне все же удалось, хотя и пришлось поработать локтями. Добравшись до президиума, я шепотом, чтобы не мешать докладчику, сказал председателю собрания, что безотлагательно нужно сообщить Куйбышеву важные сведения.

- Нельзя! Закончит доклад, тогда ваяй сколько угодно, - не глядя на меня, ответил председатель. - Послушай и ты. Полезно.
- Очень срочное дело, - пытался я уговорить его. Но председатель был неумолим.
- ...Седьмого марта этого года отделение Национального совета Чехословакии, - говорил в это время Куйбышев, - получило первый взнос от французского консула в сумме трех миллионов рублей, а всего по четвертое апреля - одиннадцать миллионов сто восемьдесят тысяч фунтов стерлингов. Вот за эти деньги и продан чехословацкий корпус французским и английским империалистам!..

Куйбышев говорил о том, что самолеты белых, на крыльях которых намалеван череп с перекрещенными костями, разбрасывают листовки с призывом убивать коммунистов, что распространяются провокационные слухи, будто убит не Муравьев, а его двойник, что контрразведка белых наглет с каждым днем. Отравление питьевой воды и пищи красноармейцев, организация террористических групп в нашем тылу, пуск паровозов навстречу нацистским бронепоездам, убийства из-за угла - все это стало каждодневным явлением. Но упоенная

временным успехом белогвардейщина не замечает, подчеркнул Валериан Владимирович, что в ее организме уже развивается микроб: из районов, захваченных белочехами, доносится ропот народа, испытавшего произвол карателей. Революция расщепила мир, чтобы соединить народы земли!

Куйбышев закончил призывом встать на защиту революции. И тут я коснулся его плеча:

- Неотложное дело, Валериан Владимирович!
- Что случилось? Куйбышев недовольно посмотрел на меня: дескать, нашел время...
- В любую минуту чехословацкие войска могут ворваться в город!
- Каким это образом? От Мелекесса до линии фронта...
- Они обошли наш левый фланг и идут на Мелекесс, - тороплюсь я.
- Откуда такие сведения?

Куйбышев явно озадачен

- Я только что приехал с передовой, разговаривал там с перебежчиками.

Куйбышев оглядел зал, подумал, поправил шевелюру и повернулся к президиуму:

- Предлагаю перерыв минут на пяток.

Председатель поднялся, стукнул карандашом по графину, спросил:

- Возражений не будет? - И, получив согласие зала, предупредил:
- В таком разе с местов не сходить!
- Как это случилось? - отойдя в глубину сцены, спросил Куйбышев.

Выслушав меня, подошел к председателю собрания:

- Чтобы не оказаться в ловушке, придется собрание закрыть и всем разойтись.

Когда я вышел из кинотеатра, меня догнал связной Якова Кожевникова бородач Дубинин и повел в домик с вывеской «Бакалейные товары». Это была одна из наших конспиративных квартир.

- Тебе предстоит новое задание, - огорошил меня Дубинин.
- Что это за задание?

- Срочно нужны новые данные о численности войск противника на Волго-Бугульминской железной дороге. - Дубинин критически оглядел меня с головы до ног. - Поэтому тебе прежде всего надо сменить одежду. В этой куртке ты уже появлялся у белых. Чтобы не искушать их контрразведку, облачайся в солдатскую рвань...

Со станции Мелекесс я ушел незадолго до ее захвата белыми. Сустились люди, пыхтели готовые к отправлению паровозы с прицепленными вагонами, где-то вдалеке бухала пушка...

На этом воспоминании Тимофеева можно было бы поставить точку. Конечно, он еще не раз возвращался на конспиративную квартиру в Мелекессе, но не придавал тогда этим фактам особого значения - это работа разведки. Ее будни. Единственное, что волнует меня и сокрыто за скупыми строками мемуаров: не было ли встречи двух разведчиков Баданова и Тимофеева в то время в Мелекессе? А ведь вполне могли они и знать друг друга. Одна работа. Одна партия. Одна выучка.

...Вполне могли они сойтись в зале биоскопа на митинге. А вероятнее всего в доме, где вместо бакалейных товаров конспиративно получали свои тридцать сребреников с ликом Ленина на малиновом фоне. Увы.

1997г.

АНДРЕЙ ПОЛУПАНОВ И СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

В истории октябрьского переворота в России вписаны имена, имеющие непосредственное отношение к флоту. Адмиралы, офицеры, мичманы и матросы, как с одной, так и с другой противоборствующих сторон, оставили разный след в истории России. В моем рассказе речь пойдет о тех, кто выступал на стороне большевиков. И таких было немало. Достаточно вспомнить имена Ф.Раскольников, Н.Маркина, П.Дыбенко, А.Жезлезнякова, впоследствии ставших писателями - Б.Лавреница, С.Колбасева... Они сразу и однозначно поддержали большевиков,

даже те из «братишек», которые выступали с анархистских позиций. В этой партии опирались в основном на хорошо обученные и умелые в военном отношении флотские кадры. Видимо, стихия моря и необузданность матросов - были сродни анархическому характеру российской революции.

В истории Мелекесса тоже были свои герои в бескозырках, ибо какая же без них настоящая революция!

Сергей Павлов и Андрей Полупанов - вот «герои» очередной новеллы.

Если в чувашском народе все еще жива легенда о военачальнике гражданской войны Василии Чапаеве, чья судьба описана яркими красками писателя Д.Фурмана, бок о бок воевавшего с ним, то рядом с этой легендарной фигурой чуваша упоминают не менее достойную. Среди флотских героев гражданской войны есть еще один, биография и судьба которого неразрывно связаны с Чувашией. Это Сергей Павлов. До революции он работал в столичном управлении конезаводства в Петрограде. Отсюда был призван на военную службу. Закончил в Москве школу прапорщиков, а с ноября 1917-го находился уже в подчинении у Антонова-Овсеенко. Возглавлял отряд матросов из Второго флотского экипажа, который и штурмовал Зимний дворец. Во главе сводного матросского отряда Павлов дрался с частями генерала Краснова у Гатчины. Вместе с еще одним флотским - Н.Крыленко, мичман Павлов производил арест работников штаба главкома

российских войск генерала Духонина.

Во главе сводного летучего особого морского революционного отряда участвовал в экспедиционном рейде-налете на северные губернии России, помогал Блюхеру формировать его дивизию. В январе 1918-го Сергей Павлов был избран командующим Оренбуржским фронтом. В июле-августе Павлов же возглавил отряд моряков-анархистов, входивший в Левобережную группу войск 5-й армии Восточного фронта.

От Казани до Бугульмы вела наступление данная левобережная группа, сходу опрокидывая части войск Комуча. Начальником штаба левобережной группы и был назначен мичман красного флота Павлов. В первый раз со своими анархистами-братишками и со своим штабом С.Павлов прошел через Мелекесс после высадки десанта в районе Старой Майны. Глубокой осенью его, уже в ранге командующего группой войск, которые откатывались под ударами каппелевских частей, отзывают в Симбирск. И он вновь побывал в нашем городе. После ряда ожесточенных боев здоровье мичмана сдало, и командующий 5-й армии Блюмберг вынужден был отправить «героя» на лечение.

Мичман Павлов почти не оставил о себе воспоминаний в нашем Мелекессе, ибо городок наш был для него только проходным пунктом в этих военных операциях. Но вот флотских «братишек» свой летучий отряд Павлов на этом пути навербовал немало, в том числе и в Мелекессе...

Общество анархистов в посаде к 1918 году было сложно и противоречиво. В него входили не только бывшие фронтовики-моряки, но и представители от мелких лавочников, крестьян. Хотя сотрудничали они с большевиками тесно, но, как вспоминает в своей книге В.Аблов: «...их несчастье было в том, что крайне однобоко и упрощенно воспринимали они суть борьбы».

Несмотря на то, что анархисты в Мелекессе были наиболее боеспособной организацией, большевики сторонились братания с ними. Анархистов не было и в красногвардейской дружине. Не стали они выступать и против белоказачьих рейдовых частей генерала Дутова, «работавших» в нашем уезде. Однако к июлю 1918-го, когда над Мелекессом нависла реальная угроза захвата посада чешскими повстанцами, анархисты тоже «встали под ружье» на стороне большевиков. Но вера в то, что «вместе со старой армией умерли и все ее атрибуты: воинский устав, строгая дисциплина...», без чего немыслима никакая армия, резко снижала боеспособность отряда анархистов. Они могли стать серьезной боеединицей только в своей среде, под водительством признанного ими авторитета. Таким кумиром и организатором стал Андрей Полупанов - матрос-фронтвик, большевик с 1912 года.

На снимке: Андрей Полупанов.

С одной стороны, ему доверяло руководство партии и армии, с другой - он был яр и малоуправляем, как и все флотские дети революции, настоящий анархист. Но те, кто был посмекалистей да поближе к ЦК терся, должности в октябре получили «почище»: Николай Маркин заведовал аж Наркоминделом, Павел Дыбенко - Центробалтом, Федор Раскольников (Ильин) - сначала комиссар Морского генштаба, затем особоуполномоченный Ленина на Черноморском флоте и ответственный за его бесславное потопление, командующий Волжско - Камской, Каспийской флотилиями, полпред РСФСР в Афганистане... Несколько особняком в этом ряду стоит член партии анархистов Анатолий Железняков. Вот его-то биография, даже в деталях, подобна полупановской.

В «Энциклопедии гражданской войны» о Полупанове скупые строки: «Андрей Васильевич (1888-1956), командир Красной Армии. Из рабочих. В янв. 1918 ком. отряда моряков, направленного в Киев для борьбы с Центр, радой. 6 янв. 1918 комендант Киева, затем ком. бронепоезда в районе Одессы и Мелитополя...» Чтобы потерять место коменданта Киева (облеченного особыми полномочиями ЦК), большевику в то время нужно было совершить значительный проступок. По воспоминаниям моего деда, в 1917-18 годах работавшего в большевистских организациях Мелекесса, Полупанов, пользуясь поставленной под его команду военной силой, фактически узурпировал власть в городе, производил самоличные аресты, подписывал приговоры. Особо дед, сталкивавшийся с ним по ряду вопросов, подчеркивал: «Они от пьянства не просыхали». Практически за литр-два вина можно было решить с Полупановым любой вопрос, выкупить из его «чрезвычайки» чью-то жизнь.

Итак, наш герой из комендантов Киева становится командиром бронепоезда. Должность не великая, но и не последняя на Фронте. Может быть, и опустили бы Полупанова ниже, да сам факт, что перед «увольнением» его из комендантов бронепоезд тот он с группой «братишек»-собутельников отбил в бою у гайдамаков, удержал его в командном ранге. Символично имя того бронепоезда, который позднее стоял и на железнодорожных путях в Мелекессе - «Свобода или смерть»... (Вспомним, что анархист Железняков, после разгона его командой Учредительного собрания и знаменитой фразы: «Караул устал, предлагаю собранию разойтись по домам...», тоже был облечен особым доверием большевистского руководства - ему вручен пост комиссара-организатора СНК по русско-румынским делам на юге России).

Полупанов на своем трофейном бронепоезде был в подчинении у командующего Бирзульским тылом (укрепрайоном) Румынского фронта Железнякова. Я.Ядов вспоминает:

«На перроне Полупанова встретил Анатолий Железняков. Тро гательной была встреча двух матросов революции.

Поговорив с Железняковым о положении на фронте, Полупанов предложил зайти к нему в «кают-компанию», чтобы продолжить разговор...

Никакой «кают-компании», конечно, не было - речь шла о штабном вагоне Полупанова, но морской лексикон жил у моряков и на суше. Артиллеристы здесь назывались, например, только «командорами».

Когда Железняков вошел в штабной вагон Полупанова, там уже собралось 15 командиров и бойцов. Мы услышали из уст Железнякова интересные соображения о тактике ведения боевых действий во время гражданской войны...»

Железняков, видимо, воспользовался опытом «братишки» Полупанова и с группой моряков и портовиков захватил французский бронепоезд. И пал смертью храброй, но безрассудной.

А в начале июня 1918-го бронепоезд Полупанова был переброшен на Восточный фронт против белочехов, продвигавшихся эшелонами по железной дороге. Бои под Сызранью, затем Бугульмой и - «отстойник» в Мелекессе. 7 июля командарм Тухачевский, как всегда, тоном, не терпящим возражения, приказывает Полупанову: «Немедленно займите Бугульму поездом и имеющимися

частями. Во что бы то ни стало держитесь до прихода подкреплений!» А уже 11 июля комфронта Муравьев поднимает мятеж в Симбирске, и Тухачевский сам попадает под арест, бронепоезд оттягивается к Мелекессу, открывая фронт чехам по приказу Муравьева.

На снимке: бронепоезд
Полупанова перед выходом
на фронт под Бугульму.
(1918г.)

На снимке: еще один полупановский
«братишка», воевавший на его бронепоезде
- Анатолий Пискунов. Снимок сделан в
1926 году в Амударьинском отделе
Закаспия, где полупановец уже
отстреливал басмачей.

Видя все эти авантюрные действия «верховных» командиров, Полупанов, пользуясь безвременьем на фронте, решает увеличить свою боевую мощь. Внушив Куйбышеву мысль, что «Самарскому ревкому нужно приложить все усилия, чтобы помимо Бугульмы создать второй опорный пункт по Волго-Бугульминской железной дороге, каковым может быть с успехом посад Мелекесс... с большим количеством рабочих... хорошей партийной организацией», - Полупанов добивается строительства в Мелекессе блиндированного поезда. Новый бронепоезд он доукомплектовывает рабочими льнопрядильной мануфактуры, матросами-фронтовиками из мелекесских анархистов, добавляя им в состав только командиров и специалистов.

Итак, Полупанов уже «бронированный командарм» Восточного фронта. Используя этот бронепоезд, Полупанов жестоко подавил по просьбе Пискалова вспыхнувший 12 июля мятеж в

Мелекессе, организованный офицерами-корниловцами и местными предпринимателями. Мещане посада сумели обезоружить милицию, разогнали чекистов и освободили заложников из тюрьмы. Под тревожный церковный набат двинулись к Совдепу, банку, вокзалу. Залпы из орудий полупановского бронепоезда и винтовок красногвардейцев у Совдепа охладили пыл толпы. Пользуясь этим замешательством, под прикрытием блиндированного поезда, Пискалов и Полупанов вывезли из города семьи большевиков, городскую казну.

А 17 июля оба бронепоезда, на которые очень рассчитывали в обороне города местные партийцы, оставили Мелекесс. Видимо, Полупанов тоже рассчитывал сохранить свою мини-армию до лучших времен.

Но «недолго музыка играла...» В результате боя под Бряндино войсковые части Комуча обошли красный заслон, сумели подорвать блиндированный поезд мелекесцев - видимо, у наших не хватило боевого опыта и «динамики отхода», которую до автоматизма отработал на своем «Свобода или смерть» Полупанов. 22 июля в 9 утра губернский город был занят войсками белых, диверсионные группы которых рвали железнодорожные пути на маршруте отхода бронепоезда. Полупановцы отступили к вокзалу - на Киндяковку, выслав оттуда отряд пехоты и бригаду ремонтников, чтобы держать путь в надлежащем состоянии. Пытались прорваться к Инзе, вслед за штабом армии, но диверсанты дело свое знали туго, путь был перебит основательно. Полупанов принял решение пустить свою бронированную «игрушку» с насыпи у моста через Волгу...

Захватив один из последних пароходов, команда бронепоезда уходила по реке на Казань. Но река - не море, потому в районе Старой Майны их пароход был перехвачен белыми, почти все «братишки» были уничтожены, а с ними и отряд венгров-интернационалистов. Остается загадкой, как из этой заварухи удалось вырваться самому Полупанову и коменданту бронепоезда Н.Гиммельштейну и уйти лесами на Казань...

Видимо, за особую живучесть и заслуги Полупанову доверили после командование Днепровской военной флотилией, затем - быть комиссаром для особых поручений при командующем Волжско-о-Каспийской флотилией Федоре Раскольникове. Потом поручили группу бронепоездов, отдельную огневую бригаду под Каховкой, орончасти 6-й армии. В дальнейшем - «хлебные» должности на партийных и хозяйственных работах. О мелекесской и симбирской эпопеях Полупанову не напоминали. А зря.

1995г.

ВАСИЛИЙ ЧАПАЕВ

Почти на окраине Мелекесса в маленьком домишке за три года до начала Первой мировой войны поселилась семья, приехавшая из Чувашии. Это была семья Василия Ивановича Чапаева, жизнь которого немного связана с нашим городом. Здесь же 12 августа 1914 года в их семье родился сын Аркадий. Во многих местах России, где когда-то жил или воевал Василий Иванович, будь то деревня Будаика, Чебоксары, Самара, Оренбуржье или Саратовщина - везде чтят память о легендарном военачальнике гражданской войны, ставшем прославленным скорее всего не за свои военные подвиги, а лишь благодаря бессмертной книге Дм. Фурмана да художественному фильму.

Как же формировался характер этого человека-легенды? Начнем с детства. В Балакове, куда приехала семья Чапаевых, Васе удалось закончить три класса в четырехклассной церковно-приходской школе. Затем он был отдан «в люди», так как семья жила очень бедно.

Мастер И.Зудин слыл в городе «неблагонадежным», поэтому обучал он мальчика не только мастерству плотника, но и привлекал его к нелегальной марксистской деятельности. Так что к моменту призыва Василия на службу в армий он имел уже опыт политической деятельности в 1905-1907 годах.

Служба у Чапаева не заладилась. Сначала он был переведен в разряд ратников ополчения (что-то вроде стройбата), а затем был демобилизован по болезни. Вернувшись в Балаково, «больной» ратник соблазнил дочь мещан Метлиных Пелагею, после чего родители были вынуждены согласиться на их женитьбу. И тогда мастеровой Чапаев с молодой женой начал разъезжать по Поволжью с плотницкой артелью. Попытались они осесть в Симбирске, но остановили свой выбор на Мелекесе. Здесь он недолгое время работал приказчиком на лесном складе. Но долго он тут не задержался. По воспоминаниям старшего сына Александра, отец «...вставал рано утром, брал деревянный ящик с плотницким инструментом и уходил на работу».

В начале войны Чапаевы вновь уехали в Балаково, откуда ратника вновь призвали в армию. Воевал Чапаев на Юго-Западном фронте, проявляя рвение в службе. За что и был произведен в унтер-офицеры, затем - в фельдфебели. Через год службы Чапаев был уже прапорщиком. За это время он был отмечен четырьмя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью.

К февралю 1917 года он уже командовал ротой, постоянно конфликтуя с кадровыми офицерами, которые в Чапаеве видели только «кухаркиного сына». Тогда эти офицеры и подумать не могли о последствиях своих насмешек. Дезертировав из деморализованной армии, Василий продолжил службу в Саратовском гарнизоне. Вместе со своей ротой, по воспоминаниям сына, они «размещались в здании теперешней филармонии. На балконе в театре были сделаны нары, построения солдат происходили в партере, со сцены иногда о чем-то митинговали, иногда собирались там попеть, устраивали под гармошку пляски...»

Летом 1917 года Чапаев с двумя ротами солдат перешел на сторону большевиков. Тогда у будущего военачальника зародилась мысль о создании собственной народной армии. Позднее Чапаеву удалось вывести из-под контроля Временного правительства 138-й запасной пехотный полк в Николаевске (ныне Пугачев). В сентябре 1917 года он становится членом партии большевиков. Еще в декабре 17-го-январе 18-го года В.И.Чапаев руководит полком, участвуя в боях внутригородского масштаба. Чуть позже он начинает «чистить» губернию от контрреволюционных элементов. А к февралю 1918 года сформировал 1-й Николаевский батальон РККА, впоследствии выросший до 1-й Николаевской дивизии. С этого времени Чапаев со своими войсками воевал против Уральского казачьего войска. Так что его победы над противником, имевшим регулярные армии, которые хорошо обучены, вооружены, не вызывают ни малейшего сомнения.

Следуя задуманному плану, я не собираюсь в этой новелле пересказывать наиболее известные и уже достаточно освещенные события в биографии. Я хочу остановиться на тех фактах или событиях жизни героя, которые дают повод иначе или поближе взглянуть на уже известные моменты.

Например, очень интересен тот факт, что войсками Красной армии руководили прапорщики, поручики, мичманы и даже солдаты. «...Можно бы и заключить, что их упорство в достижении побед над боевыми, кадровыми старшими офицерами из русской армии были, как бы своеобразным способом самоутверждения большевистских военачальников, доказательства, что они «кухаркины дети» или незаслуженно обойденные чинами - могут громить белых генералов, правда, ценой неимоверных потерь, безжалостного отношения к человеческим жизням того народа, от имени которого они выступали...» Это слова из ставшей уже библиографической редкостью книги Николая Щербакова, бывшего командующего Амударьинской группой войск, «Таким было начало», которая была издана тиражом всего в 700 экземпляров в Ташкенте в 1964 году. В книге, вышедшей в свет через восемь лет после смерти Сталина, есть немало удивительных фактов. Некоторые из них я и использую в этой новелле.

Мы уже говорили о низком уровне образования В.И. Чапаева, которого было явно недостаточно для военачальника его ранга. Видимо, поэтому и пошло гулять по свету огромное количество анекдотов, подчеркивающих казуальность ситуаций, в которые попадают их малограмотные герои - Василий Иванович, Анка, Петька и Фурманов. Так вот, в ноябре 1918 года Щербаков, ставший слушателем первого набора Красной академии Генштаба, вспоминает: «...Василий Иванович прибыл в академию значительно позже нас и сбежал от науки гораздо раньше. Не мог он заставить себя засесть за книги: тянуло на фронт. Видеть Чапаева мне пришлось немного, но и короткие встречи навсегда оставили в памяти его образ».

В академии Чапаев жил в общежитии, во дворе, в холодном помещении. (И это-то после Саратовской филармонии и Николаевского барского особняка).

«Помню одну встречу, достаточно характеризующую Василия Ивановича. Мне понадобилось найти одного товарища, жившего в одной комнате с Чапаевым. Поднялся я в общежитие. В комнате человек восемь, часть коек пуста. Товарищ которого я искал, - спит. На кровати, заложив руки за голову, с открытыми глазами лежал Чапаев: он был в гимнастерке без поясного ремня... Недалеко от Чапаева молча стоял слушатель Янсон, держа здоровенный портфель. Товарища я разбудил, и он, начав одеваться, бросил: «А и холодно же у нас!» И вдруг Василий Иванович, услышав, что остальные товарищи стали жаловаться на холод - одним рывком сел на постели и сказал: «А вы, чем язык тут чесать и охать, пошли бы лучше на Москву-реку и баржу дров разгрузили, ведь на заводах топлива нет, да и себе принесли бы!» Все замолчали. Янсон вдруг открыл портфель, вытащил оттуда большое полено и с мягким латышским акцентом произнес: «А я уже запасса!» Так вспоминает Щербаков.

И другой эпизод: «...кто-то из снабженцев замешкался с доставкой боеприпасов, а бой был в разгаре. С трудом связавшись со снабженцем по телефону, выслушав его путанные объяснения, Чапаев спросил его в упор: "Когда?" Перетрусивший снабженец ответил Василию Ивановичу, что меры приняты и указал время, когда боеприпасы будут доставлены. И снова задержался. Взбешенный Чапаев снова вызвал его к телефону и зловеще пообещал, что тот сейчас узнает, какие меры будут, на этот раз, приняты им, Чапаевым. Василий Иванович вызвал двух ординарцев, приказал им найти снабженца и при них срочно грузить все что есть и на то что есть, и пусть они всю дорогу вплоть до штаба дивизии для быстроты движения хлещут нагайками лошадей и снабженца. Груз был доставлен быстро...»

Чапаев прибыл вновь на фронт в марте 1918 года. Конечно, быть в роли неграмотного «мальчика для битья» в академических аудиториях претило успешному вкусить высшей военной власти Чапаеву. Поэтому он так рвался в бой. В это время в командование армией вступил М. Фрунзе. Первая их встреча, от которой зависела вся карьера Чапаева, состоялась в Самаре. Фрунзе подозревал в Чапаеве замашки этакого партизана с разухабистыми манерами. Однако, портретная характеристика, данная свидетелями их встречи, говорит об ином: «...медленно и очень почтительно вошел человек лет тридцати, среднего роста, худощавый, гладко выбритый, с закругленными тонкими черными усами и с аккуратной прической. Одет Чапаев был не только опрятно, но и изысканно: великолепно сшитая шинель из добротного материала, серая мерлушковая папаха с золотым позументом поверху, щегольские оленьи сапоги-бурки, мехом наружу, на нем была кавказского образца шашка, богато отделанная серебром, и аккуратно пригнанный сбоку пистолет-маузер...»

Видимо, еще присматриваясь к этому человеку, Фрунзе пока поручил ему командование только Александров-Гайской группой (отрядом). Ах, как не вяжется этот портрет щеголя Чапаева с образом, созданным для простого народа Фурманом и артистом Бабочкиным, у которых Чапай этакий мужиковатый, без стеснений, пролетарий, ходит в нательной рубаше солдатской да то и дело развешивает для просушки свои портянки... Так создавался фальшивый образ народного героя.

Уже с началом наступления Колчака Фрунзе выделил из состава армии 25-ю стрелковую дивизию, поручив командование В.И. Чапаеву. Мне кажется, здесь и была заключена негласная сделка между ними. Получая в командование дивизию, Чапаев должен был примириться с назначением к нему соглядатаем личного друга Фрунзе, неопытного и юного комиссара Фурмана, который за свою преданность «патрону» получал не только высокую номенлатурную должность в большевистской партии и армии, но и возможность учиться полководческому искусству у удачливого Чапаева. Кроме того, Фрунзе знал, что чапаевские победы, красиво описанные небесталанным Фурманом в реляциях о них, сыграют хорошую службу и оставят приятное впечатление и о Фрунзе, и о юном Фурмане в верхах, особенно - в штабе главкома войск Л.Троцкого, который и сам был краснобаем.

В подтверждение своих выводов я опять-таки сошлюсь на воспоминания современников: «Бывали отдельные, весьма редкие случаи, когда какое-либо распоряжение, получавшееся свыше, казалось Чапаеву не совсем целесообразным, но, как только узнавал, что это требование Фрунзе, он беспрекословно исполнял приказ...»

Интересно, как интерпретировал появление Чапаева на фронте сам Фрунзе: «Вы ведь, наверное, знаете, что Чапаева посылали учиться в Москву, в академию Генерального штаба? Ну и не вышло. Стал чахнуть Василий Иванович и наконец написал письмо Линдову, члену Реввоенсовета: просил отозвать на любую должность, только в часть. «Томиться, - говорит, - понапрасну в стенах не согласен. Это мне как тюрьма. А если не отзовете, пойду к доктору, который меня освободит...»

Командующий приезжал к Чапаеву улаживать конфликт между ним и комиссаром. Сметливый Чапаев в своем оправдании «простодушно» изложил свое видение ситуации, напоминая Фрунзе, «что он все просчитал и играет в их «игру». «Ну, Василий Иванович, доволен своим военкомом? - в упор, без всякой дипломатической подготовки, спрашивает Фрунзе. - Дали тебе из наших, из ивановцев... Но... городской, студент». Чапаев затягивает с ответом. «Сказать по совести, Михаил Васильевич?»

Пауза и та же хитроватая усмешка, потом обрывисто:

- Доволен. Главное - избавили меня от разных лишних соглядатаев. А то, бывало, приедут, вынюхивают, высматривают... А над ними бойцы смеются. Нашего положения не понимают, а вмешиваются. А насчет боев - ну, совсем жидкий народ: чуть пошагал - мозоль у него, подводу ему подавай... А сейчас чуть - политика! «Пожалуйте к военкому», и вся недолга... Нашим делом военком интересуется, хотя иной раз и чересчур: не спец же он. Опять - и посоветоваться можно...

Бойцы его признали. Вот, к примеру, сейчас все под Уфой возится. Я, пожалуй, его бы там и начальником боевого участка назначил, да не подчинен он мне...»

Гибель В.И. Чапаева - не «грех» Фурмана, к тому времени уже переведенного рангом повыше. А вот комбриг Кутяков, запоздавший на выручку штабу дивизии, ее и принял в командование. Не по годам сметлив был? А ведь своей дальнейшей судьбой как бы прошел путь, предназначенный Чапаеву... Хотя это уже другая любопытная история...

1995г.

КИРЮШКИН Иван Федорович. Родился в 1901 г. в селе Кирилловка Мелекесского района Ульяновской области. Член КПСС с 1918 г. Красногвардеец, после окончания в 1919г. школы инструкторов в Самаре - командир взвода 217-го Пугачевского и 220-го Иваново-Вознесенского полков. После гражданской войны на партийной работе, а с 1928г. в советской печати - мелекесской, самарской газетах, затем зав.отделом редакции газеты «Правда». Награжден орденом Красного Знамени. Был персональным пенсионером союзного значения. Последние годы жил в Москве.

На снимке: мой дед - УСТИНОВ Зинобий Гаврилович в 1918 году - орудийный наводчик в дивизионе тяжелой артиллерии Чапаевской дивизии (полк Кутякова), который прикрывал Самару от наступающих чехословацких частей и отрядов Комуца. Затем, как специалист и студент Петровско-Разумоской сельскохозяйственной академии, по приказу Совнаркома он был демобилизован из армии и отправлен для подъема народного хозяйства. С того же 1918 года работал в Мелекесском прифронтовом военном комиссариате, уездных и волостных земотделах агрономом. Несмотря на это, и он, подверженный большевистской идеологии, всю жизнь продолжал считать себя «чапаевцем»...

ИВАН КУТЯКОВ

Он не жил в Мелекессе. Он был-то у нас в городке один - единственный раз по своим «чапаевским делам». Он - проживший судьбу своего сгинувшего в водах Урала комдива - Иван Кутяков, принявший 25-ю дивизию после гибели Чапаева... В 1936 году в честь 18-й годовщины РККА состоялся лыжный пробег по местам боев Чапаевской дивизии. Воинов Куйбышевского гарнизона, соратников Василия Ивановича провожали жители областного центра, командующий войсками Приволжского военного округа, командарм второго ранга П.Дыбенко, член РВС, армейский комиссар А. Мезис, заместитель командующего округа КОМКОР И.Кутяков.

Спустя два дня комкора И.Кутякова и заведующего отделом газеты «Правда», бывшего чапаевца и нашего земляка Ивана Кирюшкина встречала мелекесская партийная и советская элита.

Гости кроме хлебосольного застолья посетили» памятные места гибели мелекесских большевиков, съездили в родное село Кирюшкина - Кирилловку, провели собрание городского актива, на котором рассматривались вопросы политического воспитания трудящихся, подготовка в рамках всеобуча территориальных частей в городе. Затем гости убыли в Ульяновск, где проходила инспекция бронетанкового и технического училищ, пехотной школы, выпускник которой Скоров в то время установил всесоюзный рекорд по стрельбе из револьвера системы «наган».

На снимке: слева направо И.К.Бубенцев, И.С.Кутяков, В.И.Чапаев.

И никто из мелекесцев не подозревал тогда о грядущих событиях, перевернувших судьбы многих людей страны. В Приволжском округе во время летних войсковых маневров был выявлен ряд недочетов в области оперативно-тактической подготовки, в вопросах управления войсками. И как следствие, пишет маршал А.Василевский: «...последовал памятный, по-видимому, для всех нас, старых работников Советских Вооруженных сил, приказ Народного комиссара с соответствующими оценками, указаниями по результатам этих маневров и с организационными выводами по Ним».

Уже после инспекционной поездки Кутякова в Ульяновск, весной 1937 года там работала «авторитетная» комиссия из центра по сигналу из пехотной школы, начальник которой комбриг Тихон Каргополов по ложному обвинению был исключен из партии, но затем восстановлен в ее рядах по прямому вмешательству Дыбенко. А уже в мае сам Дыбенко был переброшен в Ленинградский округ. Дела у него принял Кутяков.

Но вернемся немного назад в историю этого поистине героического, но ловкого человека. Известный красный командир был родом из села Красная речка, что в Саратовской области. В компартии состоял с мая 1917 года. Во время первой мировой войны дослужился до звания унтер-офицера. Затем становится председателем полкового комитета, командиром полка. Организатор красногвардейских отрядов на Саратовщине, начальник разведки, комполка в войсках Чапаева - вот часть его военной биографии. Друг, сподвижник, поклонник и последователь Василия Ивановича.

Но что интересно. Когда Чапаева громили свои же штабы и назначенцы Троцкого, лишали войск и доверия, Кутяков же рос от должности к должности. Но был случай, когда при наступлении дивизии на Бузулук в войсках его вспыхнул мятеж. И «любимец» солдат Кутяков был арестован и почти приговорен к расстрелу. Находчивый комполка сумел-таки вымолить у бунтовщиков пощады, обещал исполнить их требование - повернуть фронт к дому, освобождая родные районы от белоказаков, но... дойдя до Самары, сдал своих подчиненных под пулеметы комдива Захарова, разоружил полк, устроил трибунал.

Комбригу Кутякову, а после гибели Чапаева комдиву, был в то время только 21 год. И кроме наград носил он, бесстрашный в бою воин, на теле своем 12 ран!

В июне 1920 года, во время бесславного побоища с польскими войсками армии Тухачевского, Кутяков по ранению лишился своей дивизии и выбыл из строя, затем были три года учебы в Военной академии РККА и затем год в должности командующего Хорезмской группой войск Туркестанского фронта.

Борьба с басмачеством - так тогда называлась работа Кутякова по уничтожению невооруженного, фанатичного, безграмотного населения в Приаралье, в чужой ему стране, захваченной большевиками, экспортировавшими сюда революцию. Эти темные, но гордые люди отстаивали свою свободу, чего не мог им позволить истый чапеец.

Методы этой борьбы хорошо преподавал Кутякову славный красный рубака Семен Буденный, официально прибывший в Туркестан по заданию ЦК как его представитель с полномочиями принять «нужные меры», а неофициально - с миссией мщения за своего брата, павшего от басмаческой пули на севере Туркмении.

Исторически операции Буденного проводились, так: «Перед началом операции в г.Термез прибыл т. Буденный. Проинспектировав части и ознакомившись с оперативной обстановкой, т. Буденный дал ясные и четкие указания. И сразу же, с первых дней улучшили действие наши части, что сделало операцию целеустремленной», - писали в журнале «Красная конница».

На деле же все было по-другому. Красные эскадроны преследуют басмачей, которые скрываются в ауле, где их уже трудно отличить от мирных декхан. Буденный командует окружить аул, вызывает артиллерию и ставит ультиматум - час на выдачу басмачей. Через час аул из пушек сравнивают с землей, не выпуская оттуда ни женщин, ни стариков, ни детей... До сего дня в Туркмении проклинают русского генерала М.Скобелева да красного маршала Буденного, жестокостью снискавших себе славу карателей.

Боевой опыт Ивана Кутякова использовался не только в борьбе с басмачеством, за что он был отмечен орденом Красного Знамени Хорезмской НСР (был и такой орден, причем, именно такой орден принял за №1 В.Ленин, имевший в своей жизни всего одну награду). И.Кутяков был в должностях заместителя командующего Туркфронтом и заместителя командующего Приволжским военным округом.

В заключение новеллы об этом удивительном и неоднозначном человеке хотелось бы только привести эпизод из книги Льва Эммануиловича Разгона «Непридуманное»:

«На 2-м лагпункте Устьвымлага пожилой «доходяга» рассказал мне про арест Кутякова. В тридцать седьмом Кутяков командовал Приволжским округом, а доходяга был военным комендантом на маленькой станции, где и поезда-то останавливались лишь на две-три минуты. Получив телеграмму о том, что с таким-то поездом едет в Москву командующий округом, комендант посмотрел расписание и увидел, что поезд приходит в час ночи и стоит три минуты. Но мало ли что! Вдруг командующий посмотрит в окно, выйдет на платформу? Старый служака вздохнул и решил остаться на ночь в своей конторке, окна которой выходили на перрон.

В поздний ночной час подошел поезд, комендант с удовольствием удостоверился, что в последнем - полубронированном - вагоне командующего темно, все спят и можно спокойно возвращаться. И в это время увидел, как к вагону подошла группа людей и сцепщик стал отцеплять последний вагон.

- Что, командующий здесь остается? - оторопело спросил комендант, подойдя к этим людям.

- А ну, пошел ты отсюда туда и туда, - вразумительно ответили ему.

И комендант сразу же понял, что происходит, ибо это было лето 1937 года, и первичные основы грамотности уже спускались ниже наркомов, членов ЦК, командармов и комкоров. Военный комендант убежал... и стал из окна смотреть на дальнейшее.

Вагон отцепили, поезд тихонько свистнул и ушел. Группа людей, обвитых портупеями, обвешанных кобурами, поднялась по вагонной лесенке и начала стучаться. В вагоне зажегся свет, дверь открылась, и они зашли. Через некоторое время из вагона раздались общеупотребляемые крики гнева и возмущения, затем дверь открылась, и ночные гости стали один за другим выпадать из вагона, подгоняемые пинками босой ноги. После того, как мордой о перрон шлепнулся последний энкавэдэшник, в освещенном проеме показался командующий округом в подштанниках, с шашкой в руке. Потом дверь вагона захлопнулась.

«Проводившие операцию» отряхнулись и побежали на вокзал. Освещенный вагон стоял на главном пути, загораживая движение. Через какое-то время маневровый паровозик стал подходить к вагону, явно для того, чтобы увезти его на дальние пристанционные пути. Но не успел он приблизиться к преступному вагону, как оттуда раздалась пулеметная очередь. Вагон командующего изготавливался для поездок на фронт, его площадки были полностью бронированы и имели пулеметы с боевым запасом. Не удалась попытка приблизиться к отстреливавшемуся вагону и с другой стороны. Уже шел второй час неудачной «операции», движение по важной железнодорожной магистрали приостановилось.

Комендант увидел новую попытку. Теперь к вагону шел только один человек. На нем отсутствовали кобура и ремни, в поднятой руке он нес белый платок - не было сомнений, что это парламентар. В вагон он был пущен. Через десять минут он вышел из вагона и почти бегом

направился к своим сотоварищам, ожидавшим его у входа в вокзал. Дальше случилось нечто совершенно неожиданное для военного коменданта: «они» все бросились в его конторку.

- Давай, иди к командующему!

- Да я, да разве они меня...

- Давай, тебе говорят! Он тебя требует. Иди как положено!

Спорить не приходилось. Оцепеневший от страха комендант поправил гимнастерку и фуражку, принял уставно-молодцеватый вид и пошел к вагону. Дверь открылась, и он увидел Кутякова. Уже одетого, с прицепленной шашкой, с маузером в руке.

- Товарищ комкор, военный комендант станции по вашему приказанию прибыл. Докладываю...

- Ладно, ладно, давай без этих. Ты военный или же из этих?..

- Я с восемнадцатого, года, товарищ комкор...

- Где служил? В каких частях? В каких сражениях участвовал? Кто был командиром вашей армии и дивизии?

После того, как Кутяков уверился, что комендант «не из этих», он велел пойти на телеграф и по прямому проводу вызвать к аппарату Ворошилова. И задать ему сначала три вопроса. А затем доложить ситуацию и просить дальнейших указаний. Еще Кутяков устало сказал:

- Иди, иди, это они все сделают, вызовут. Твое дело задать вопросы и получить ответ. Ленту принесешь сюда.

В три или четыре часа ночи к аппарату подошел народный комиссар и маршал. Не помню все три вопроса, которые мне пересказал бывший комендант. Помню только один: «Кто жена, тетки?» Очевидно, Кутяков дружил с Ворошиловым, у них были общие друзья со своими домашними кличками, и на вопросы Кутякова мог ответить только Ворошилов. Друг Кутякова ответил на все три вопроса и дальше передал: «Приказываю сдаваться и ехать в Москву, где я во всем сам разберусь и с ним поговорю».

На снимке: командующий Хорезмской группой войск И.Кутяков (второй ряд, второй справа) среди своих однополчан.

- Пришел в вагон, отдал ему ленту, он одним духом ее прочитал и аж глаза закрыл... Тут я повернулся и убежал, не получилось даже как положено по уставу... - закончил свой рассказ бывший комендант, немолодой, с дистрофическим пухлым лицом, заросшим грязной седой

шерстью. Смерть уже витала над ним, и я ничем не мог помочь этому бедному Человеку, он сам ничем не мог помочь командующему, помощнику Чапаева, «легендарному» Кутякову...»

1994г.

МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ

Сентябрь в Поволжье не лучшее время для ведения боевых действий, особенно наступательных. 1918 год не был исключением. Вот строки из донесения политкомарму Куйбышеву, рвавшемуся вместе с Тухачевским «отыграть» назад Самару: «...грязь непролазная, поэтому трудно передвигать артиллерию, лошади выбиваются из сил... Нужного количества подвод для пехоты не имеется, люди должны пешком пройти 20 верст и затем измученными вступать в бой».

За счет какой же силы вели красные части (имевшие лишь небольшое численное превосходство) наступление? Уж не за счет ли жестокого и безжалостного характера командарма Тухачевского, шедшего к власти и своей воинской славе буквально по трупам? Ведь только в Симбирске, после взятия его красными, он расстрелял сто своих бойцов, пытавшихся «утеплить» обмундирование за счет реквизиций у обывателя...

И хотя основной удар части первой и четвертой армий наносили в направлении Самары-Бузулука, бои под Мелекесом были не менее ожесточенными, так как открывали железнодорожный путь от Симбирска на Бугульму-Уфу... Воодушевленные проходом через город своего лидера Б.Куйбышева и его друга командарма М.Тухачевского, мелекесские большевики принимают резолюцию: «Мы, рабочие, после пережитого кровавого кошмара и гнусных насилий, после тех испытаний единогласно решили встать все, как один человек, в защиту советской власти и дать решительный отпор белогвардейским и чехословацким бандам».

Конечно, с высоты сегодняшнего дня легко быть беспристрастным оценщиком истории родного города. Но и тем, кто принимал эту резолюцию за счет благополучия и жизни своих сограждан, было не очень опасно за штыками красногвардейских отрядов Тухачевского.

Мы помним, что около 500 бойцов коммунисты и им сочувствующие поставили из своих рядов в первый мелекесский красногвардейский батальон в июле. Теперь же, по указанию командарма и политкомарма требовалось поставить на фронт целый полк. И если учесть, что из 200 большевиков уезд уже выставил 178, то тысяча новых мобилизованных, ясно, уж набиралась за счет населения вовсе не коммунизированного.

Хотя это мало заботит «красного Наполеона» Тухачевского, пришего распоряжаться человеческими жизнями, как мусором. Перед нами свидетельства бывшего офицера, белогвардейца эмшфанта В.Посторонкина, хранившиеся в государственном архиве Октябрьской революции. Вот о чем поминает 15 июня 1928 года в Праге Чешской бывший сослуживец Михаила Тухачевского по Александровскому юнкерскому училищу:

«Отличаясь большими способностями, призванием к военному делу, рвением к несению службы, он очень скоро выделяется из среды прочих юнкеров...

Дисциплинированный и преданный требованиям службы, Тухачевский был скоро замечен своим начальством, но, к сожалению, не пользуется любовью своих товарищей, чему виной является он сам, сторонится сослуживцев и ни с кем не сближается, ограничиваясь лишь служебными, чисто официальными отношениями. Сразу, с первых шагов, Тухачевский занимает положение, которое изобличает его страстное стремление быть фельдфебелем роты или старшим портупей-юнкером...

Великолепный строевик, стрелок и инструктор, Тухачевский тянулся к «карьере», он с течением времени становится слепо преданным службе, фанатиком в достижении одной цели, поставленной им себе как руководящий принцип, достигнуть максимума служебной карьеры, хотя бы для этого принципа пришлось рискнуть, поставить максимум-ставку.

По службе у него не было ни близких, ни жалости к другим... В 1913 году, уже на старшем курсе, Тухачевский был назначен фельдфебелем своей второй роты. Учился он очень хорошо, в среде же своих однокурсников он не пользовался ни симпатиями, ни сочувствиями; все сторонились его, боялись и твердо знали, что в случае какой-либо оплошности ждать пощады нельзя, фельдфебель не покроет поступка провинившегося. С младшим курсом фельдфебель Тухачевский обращался совершенно деспотически... По докладу фельдфебеля два юнкера второй роты были переведены в Алексеевское военное училище: Немчинов Евгений за то, что позволил себе заметить фельдфебелю его излишнюю придирчивость, выразившуюся в ряде мелких замечаний, которые наконец вывели из терпения упомянутого юнкера, отчислен из училища, Маслов Георгий (впоследствии был убит в бою с немцами) за то, что не в силах выдержать режима в роте, создавшегося под Действием Тухачевского... Эти два конфликта, в результате имевшие лишь перевод из училища в училище, закончились благополучно.

Трое же юнкеров: Красовский, Яновский и Авдеев - по докладу фельдфебеля были переведены начальником училища генерал-майором Геништой в третий разряд по поведению; несчастные юноши, самолюбивые и решительные, один за другим поочередно в короткий срок (в течение двух месяцев) покончили с собой»

Далее Посторонкин указывает, что Тухачевский, произведенный в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка, показал блестящие действия в первых же боях на фронте первой мировой войны, был награжден за отвагу орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Но, попав после боя 5 ноября 1914 года под посадом Скала раненным в госпиталь в Москве, он, восторженно отзываясь о своих подвигах и известности, с досадой сетовал товарищам, что не был награжден, как мечтал, орденом Св.Георгия 4-й степени...

Основная же жизненная драма для честолюбивого, эгоистичного Тухачевского (определившая, видимо, впоследствии крах его офицерской карьеры и переход на сторону красных, посуливших этому «Наполеону» целые армии) произошла в ночь с 20 на 21-е февраля 1915года. Именно тогда, скрывшись за метелью, немцы с тыла напали на шестую роту и в штыковом бою перебили большинство солдат. Тухачевский в то время спал в легком наносном окопчике, затем пытался возглавить оборону, но был ранен и взят в плен. А это, вкупе с «бесславным» сном, естественно, ставило крест на его карьере, превращало судьбу офицера русской армии в армейский анекдот...

Как командарм Тухачевский отличался особой жестокостью к противнику, своим бывшим коллегам особенно. И в этом он был вполне созвучен своему патрону и кумиру Лейбе Бронштейн (Троцкому). Комиссары этого красного наркомвоенмора расстреливают, через десятого, дрогнувшие полки из мобилизованных крестьян; а перед бежавшими с фронта мобилизованными казанскими татарами ставят пулеметы - расстреливая полки целиком. Он обвиняет в бездарности и бездействии всех командармов и командующих фронтами, ставя им в пример только «славное имя товарища Тухачевского».

Если В.Куйбышеву в то время было 30 лет, то Тухачевскому всего 25! «Белый» историк и публицист Роман Гуль пишет: «...барин с мальчишеским красивым лицом, слава богу, несентиментален, и гражданская война для него как хорошая ванна. Непреклонности, решимости, жестокости и спокойствию его дивились даже издавшие виды партийцы-пролетарии».

И даже жестокое поражение в 1920-1921 годах от Пилсудского под Варшавой не затмило славы «красного молодца» - выражение Ленина - не умалило в глазах его товарищей по партии авторитет подавателя крестьян в Тамбове и матросов в Кронштадте. Правда, конец этого маршала столь же известен, сколь и закономерен.

А победное шествие его начиналось в Симбирске, под Мелекесом и Бугульмой. Именно в наших краях красные оракулы и гуслеры сложили сладкую и лживую легенду о славе Тухачевского. И никто не поминал ему июль 1918-го, когда он, проделывая напряженную работу по организации Первой армии», объявил поголовную регистрацию в Симбирске и Мелекесе всех демобилизованных офицеров бывшей царской армии. Лично принимал их клятвы в верности

Советам, а тех, кто не хотел участвовать в братоубийственной войне, не дрогнувшей рукой подписывал в...

«Кровавым узлом крепко-накрепко связал судьбу с судьбой Кремля Тухачевский: или виселица, или слава. Белые не щадят, не милуют. Командующий Сengiлеевским красным фронтом прапорщик Мельников перебежал к ним - расстрелян. Захваченный белыми в плен ротмистр Брусилов, сын знаменитого генерала, - висит на осине. Но если бы даже этого и не было, разве мог бы офицер Бонапарт ходить по приказам принца Кондэ в его белом корпусе?» - вопрошает Р.Гуль. И потому, благодарный за возврат ему власти, авторитета и Самары, Куйбышев, вернувшись из бывшей «губернской столицы» Мелекесса, шлет в Кремль блестящие аттестации командарма Тухачевского с «холодным расчетом, огненной страстью сопротивляющегося Наступающим чехам...» И подпись! «Все-таки председатель Ревкома В.Куйбышев».

1915г. Будущие однополчане поручика Тухачевского из Инзенской стрелковой дивизии перед отправкой на германский фронт. Возможно, спустя три года кого-то из них тот же поручик расстреляет, признав контрреволюционером.

«Друзей» в трудную минуту поддержал ни кто иной как Янкель Свердлов. Уже решалась в Кремле судьба всей Самарской губернии - быть ли ей самостоятельным административным образованием либо присоединить ее вновь к Симбирску или Саратову... И даже наш Мелекесс тогда волей Ленина или случая мог стать губернским центром. Но Свердлов телеграфирует: «Самарский ревком должен существовать отдельно с прежними функциями». История большевизма на Средней Волге продолжалась.

1994г.

ЛЕЙБА БРОНШТЕЙН (ЛЕВ ТРОЦКИЙ)

«Будет расстрелян всякий негодяй, который окажет сопротивление заградотрядам бронепоезда, укроет виновного. А их дома будут подвержены сожжению».
Из приказа N 65 Наркомвоена Л.Троцкого от 24.11.1918 г.

Я уже писал о том голодном 1921 году в нашем уезде, где до 1917 года почти весь доход наших предков-промышленников строился на хлебном деле, от нашего «каравая» кормилось пол-России... Куда же девались эти миллионы пудов складированного на станции Мелекесс хлеба? Я уже ответил на него в своей новелле о Ф.Нансене. А вот о том, кто именно руководил вывозом стратегического запаса зерна в Германию - стоит поговорить особо.

В ночь с 7 на 8 августа 1918 года на Московско-Казанской железной дороге был организован и отправлен на Восточный фронт (под Казань) спецпоезд Наркомвоена.

С сентября в этот поезд вселился и сам Наркомвоен, Председатель Реввоенсовета Республики Лейба Давидович Бронштейн (Лев Троцкий) - правая рука Вл.Ульянова.

В этом поезде было «прописано» 232 человека: латышские стрелки, морской боевой отряд, кавалеристы с лошадьми, пулеметчики, телефонистки, телеграфистки, представители аппарата Викжедора, Окрвоенкомата, Главначснабжа, Воензакониздата, московские деповцы, шоферы, самокатчики, мотоциклисты, агитаторы, связисты, медики, кулины и кондитеры... Начальник поезда тов. Чикколини следовал в салоне вагона № 431, а в 432-м ехал сам Троцкий.

Поезд был непрост еще и тем, что в нем выплачивалось денежное довольствие его обитателями по спецведомостям. Скажем, если начальник поезда получал оклад в 2450 рублей в месяц (что равнялось окладу командира дивизии на фронте), то секретарь Троцкого - 1950 рублей (в то время как на фронте командир полка - всего 700). В этом поезде был оборудован и гараж для перевозки и обслуживания двух «Локомобилей», двух «Паккардов», «Лянча», «Непира», «Фиата», грузового «Паккарда», автомобиля-цистерны, автомобиля-мастерской, «Пирса-Прау», покрытых во время движения поезда меховыми чехлами.

Следует отметить и то, что в составе команды Троцкого в качестве агитаторов числились поэт Д.Бедный и художник А.Апсит. И нравы, царившие в этом передвижном штабе Наркомвоена, были особые.

Троцкий, чтобы выделить своих людей из серой солдатской фронтовой массы, ввел отличительный нашивной знак, на нем надпись: «предреввоенсовета Л.Троцкий». Знаки выполнял Монетный двор по особым номерам.

За несколько часов до прибытия поезда в любой город на станции высаживался духовой оркестр из 30 музыкантов Московского городского военкомата, «обрамляя» приезд Наркомвоена бравурными маршами. В «арсенале» развлечений были футбольные мячи, киноустановка, театральные костюмы...

В то же время Троцкий жестоко карал своих помощников за любоеслушание. Суду военного трибунала предавались машинисты - «за опоздание поезда», электрики - «за халатное отношение к службе», караульные - «за допущение скопления людей у поезда» и т.д.

Однажды Троцкого очень удивило отсутствие потерь в личном составе бронепоезда во время прикрытия его от прорвавшейся белой кавалерии. И, хотя он прекрасно знал, что в случае опасности с фронта для его прикрытия снимались боевые части, издал любопытнейший приказ No 13: «В 10 часов вечера 10-го сего августа явился ко мне в поезд для доклада комендант бронированного поезда Прпов Алексей, который на мой вопрос, при каких условиях

бронированный поезд покинул Казань, ответил: «Слава Богу, ни одного убитого, ни одного раненого».

Это значит, что поезд покинул атакованный врагами революции город без боев или почти без боя. Всякий честный солдат Красной Армии должен стыдиться того, что бронированный поезд покидает позицию, не имея ни одного раненого. Комендант, который не понимает этого, негодный солдат и не может занимать ответственного поста...»

Что же говорить об отношении Троцкого к тем «серым русским массам», которые держали фронт против Белой армии?.. Достаточно сослаться только на один приказ Наркомвоена № 65 от 24.11.18 г., где говорится, что «будет расстрелян всякий негодяй, который... подговаривает к дезертирству или отступлению... самовольно покинет свой пост... бросит винтовку или продаст часть обмундирования... окажет сопротивление заградотрядам бронепоезда... укроет виновного... А их дома будут подвержены сожжению. Смерть шкурникам и предателям!»

29 августа 1918 г. под Свияжском с позиций, атакованных войсками Каппеля, отступил слабо обученный и ни разу не побывавший в боях питерский рабочий полк - 600 человек. По приказу Троцкого, прямо на месте боя, под волжским обрывом состоялся суд, приговоривший к расстрелу каждого десятого питерца... К весне 1919 года части адмирала Колчака занимали Сибирь, Урал, Башкирию, большую часть Поволжья. Вновь казачьи разведотряды появились у Самары, Казани, Симбирска, Мелекесса. Самарская область была объявлена фронтовой территорией. Создалась угроза повторного захвата нашего края, как в июне 1918-го. В одном из номеров «Военно-исторического журнала», где публиковались материалы и документы о деятельности Троцкого в ту пору, читаю строки: «Поезд Предреввоенсовета Республики Троцкого не раз выезжал на Восточный фронт. В документах за март - начало мая 1919 года упоминаются города, в которых находился поезд: Симбирск, Сарапул, Мелекесс, Казань и т.д.»

Не следует забывать, что бронепоезд не только возил агитационно-развлекательную программу, выставлял заградотряды позади колеблющихся фронтовых частей. Его «обитатели» - помощники Троцкого - по приказу Наркомвоена часто на время меняли спецов в армейских штабах, возглавляли ударные группировки и даже армии.

В марте 1919 года бронепоезд доставил Восточному фронту под Симбирск (предположительно, на станцию Мелекесс) «6 пулеметов «Максим», 300 шашек простых, 80 шашек офицерских, 100 револьверов типа «Наган», 20000 красноармейских значков, 6 пулеметных станков системы Соколова, 453 русские винтовки с принадлежностями, 45300 штук русских патронов, 9000 штук японских патронов, 30 пулеметов типа «Кольт», 35000 штук французских пулеметных патронов».

Естественно, что Л.Троцкий не мог оставить без внимания и те 1,5 млн. пудов хлеба, что были накоплены на складах и в пакгаузах Мелекесса. Он не менее В.Ульянова был обеспокоен тем, чтобы эти горы продуктов не только не попали в руки колчаковцам, но и были скорейшим образом отправлены по договору в Германию.

К апрелю 1919 года Мелекесский уездный ревком формирует к отправке на фронт два рабочих батальона, почти полк. Председателем уездного ревкома избран 10 апреля большевик В.И.Матвеев. Именно на его плечи тогда легли задачи по созданию полка и эвакуации из города хлеба. Однажды (много позднее) в беседе с местными журналистами Матвеев рассказал, что именно в тот период - в апреле 1919 года - он едва уцелел, получив нагоняй «за работу по вывозке хлеба». Этот почти смертельный для него выговор он получил в стоявшем на путях в Мелекессе бронепоезде лично от Л.Троцкого. Наркомвоен очень ругал Матвеева за неразворотливость, за плохое исполнение приказов из центра, недостаточные темпы вывозки хлебопродуктов. И предупредил, что если хоть один пуд хлеба достанется наступающим колчаковцам, то он - Троцкий - лично расстреляет его - Матвеева...

Итак, факт пребывания в нашем городе Наркомвоена Л.Троцкого получает свое подтверждение. Для меня же как писателя важнее установить и представить это время, этих людей. Где стоял бронепоезд, как он выглядел, что тогда происходило, как Троцкий общался с людьми, где побывал, как выглядел. Каким был тогда город, как реагировали на приезд Наркомвоена наши земляки?..

Во-первых, сама фигура Лейбы Давидовича, сына зажиточного по местечковым понятиям торговца.

Юношей очертя голову кинувшийся в революционную работу, Троцкий не подавал особых надежд на лидерство в партии. Был арестован, осужден и сослан за Урал. Выкуп позволил ему бежать и эмигрировать. Некоторое время работал в Америке, в США. Прошел хорошую эмигрантскую школу революционного образования. Перед событиями 1917-го года вернулся в Россию. Вместе со Сталиным (Джугашвили), Каменевым (Розенфельдом) и Зиновьевым (Радомысльским) возглавлял Российское бюро ЦК большевиков до возвращения Ульянова. В июне 17-го, пользуясь иммунитетом члена Петросовета, всячески «подставлялся» под охранку Временного правительства, отвлекая ее от поисков Ульянова, как бы «затеняя» роль лидера готовящегося военного переворота. Потому, наверное, Ильич и простил Троцкому предательство - выдачу сроков начала переворота.

С 12 октября 1917-го Троцкий вместе с Наумом Анцеловичем, И.Блайхманом, Э.Бурштейном, Гавриилом Вейнбергом, Исаем Голощекиным, Яковом Драбкиным, Давидовичем, Г.Заксом, Адольфом Иоффе, Львом Караханом, Эфраимом Скланским, Иосифом Уншлихтом, Яковом Фишманом, Григорием Чудновским, Я.Шейнкманом создал Военно-революционный комитет Петроградского Совета.

Уже 2 октября 1918 года Троцкий становится бессменным военным руководителем партии большевиков. Его заместителями и помощниками в рангах только членов РВС фронтов, командующих армиями и начальниками их штабов становятся все те же «соратники по борьбе»: Эфраим Скланский, Аркадий Розенгольц, Яков Драбкин, Михаил Лашевич, Роберт Римм, Евгений Пятницкий, Иосиф Уншлихт, Лев Глезаров, Лев Печерский, Иосиф Славин, Моисей Лисовский, Исаак Зеленский, Герман Биткер, Моисей Рухимович, Бела Кун, Григорий Сокольников-Бриллиант, Иосиф Ходоровский, Владимир Шиловский, Александр Митин, Борис Фельдман, Арий Мирский, Григорий Брейдо, Илья Шелепе, Григорий Каминский, Филипп Толощекин, Яков Аскольдов, Борис Молдавский, Гавриил Линдов-Лейтейзен, Борис Зуль, Евгений Вечер, Исаак Кизельштейн, Борис Шумяцкий, Лев Мехлис Михаил Розен, Самуил Восков, Моисей Харитонов, Григорий Зиновьев, Яков Весник, Адольф Лиде, Михаил Штейман, Оскар Лещинский, Михаил Ланда, Ян Гамарник, Иосиф Бик, Розалия Землячка-Самойлова, Ян Ленцман, Александр Эстрин, Моисей Губельман, Р.Пикель, М.Вольфович, П.Кушнер, Б.Гольдберг, Г.Зусманович...

Такой вот вождь, человек-полководец, и его соратники выгрузились весной 1919-го из бронепоезда на платформу станции Мелекес. Наркомвоен, знакомясь с положением в прифронтной полосе, укрепрайоном на которой, прикрывая Самарское и Симбирское направления, стоял наш городок, с итогами формирования Мелекесского рабочего полка, графиком отгрузки и вывоза хлеба, - с ходу предупредил председателя уездного ревкома В.Матвеева о его личной ответственности за это дело. И пообещал, что в случае срыва задания Матвеев будет расстрелян беспощадно на месте, как и остальные члены ревкома...

Матвеев же, зная о пристрастии Троцкого к публичным речам на митингах и «общению» с народом, предложил «Давидычу» «осчастливить» и «озадачить» мелекесцев лично и публично. И такой митинг состоялся.

По свидетельству очевидцев, он проходил почему-то недалеко от линии железной дороги и кладбища, приблизительно в том месте, где сегодня автовокзал. Скорее всего, это обуславливалось близостью стоянки бронепоезда и возможностью драпануть на нем в Симбирск в случае возникновения угрозы прорыва белых войск к городу...

Мелекес того периода можно представить из описания газет за 20-е годы.

«Рабоче-крестьянская правда» от 1922 года, характеризуя голодное время, наступившее в нашем крае сразу же за «эвакуацией» нашего зерна большевикам напрямую в Германию, писала: «В целях водворения революционного порядка был создан уездный ревком. Несознательное крестьянство толпою хлынуло в город с требованиями хлеба. Этот прием стал повторяться чаще и чаще. Требовались решительные меры против этой провокации контрреволюции... В самом начале были приняты меры к использованию суррогатов... было положено начало товарообмену, и одна рабочая организация за другой начали отправляться за хлебом извне. Получались громадные очереди у отдела пропусков и на станции железной дороги. Отправка населения, а также и

эвакуация такового на работы в другие губернии, затянулись на очень долгое время. Около станции Мелекесс образовался целый лагерь людей, желающих выехать. К тому же времени начинается бегство населения из уезда всевозможными путями - и пешком, и на лошадях со всем домашним скарбом. Многие села в значительной степени опустели.

...В ноябре АРА развернула 194 столовых на 40071 ребенка. Взрослое население вынуждено было питаться суррогатами. Появились болезни. Собравшиеся на 6-й уездный съезд Советов делегаты выразили всю скорбь, всю нужду крестьян. Уездным отделом народного образования эвакуировано за год 9000 детей. Больных детей была масса, детской больницы не было, и часто больные дети находились вместе со здоровыми. Скоро в общественных столовых питалось до 75000 человек детей.

Статистика говорит, что в уезде от голода и других болезней умерло в 1921-22 годах 30609 человек и выехало из уезда 55280 человек. Что равняется приблизительно 1/5 населения уезда...

Но тогда, в апреле 19-го, не было еще этих голодных и озверевших от болезней толп на станции Мелекесс. Не было в лесочке за путями землянок и таборов с беженцами, не было штабелей трупов взрослых и детей. И от платформ у пакгаузов отходили еще не эшелоны с пассажирами-скелетами в теплушках, а пульманы, доверху забитые зерном. Но даже если б тогда мелекессцы попытались взбунтоваться и перекрыть дорогу хлебозавозке, вооруженные до зубов заградотряды «гвардии Троцкого» из бронепоезда отбили бы эти атаки безоружного населения...

Правда, заградотрядовцам и тогда работы хватало. За железнодорожным мостом на разъезде Обамза был сооружен блок-пост. И мост на случай прорыва белых был бы взорван. Вдоль железнодорожного полотна было выставлено оцепление, чтобы контрреволюционеры не смогли заложить динамит на путях. Были оцеплены и бывшие «обжорные» ряды и скотный двор около нынешнего автовокзала, где соорудили трибуну для Наркомвоена и готовили митинг. По городским улицам ходили чернявые, нерусские военные «в коже» с нарукавными знаками «Предреввоенсовета Л.Троцкий» и, поигрывая наганами, «приглашали» мелекессцев на митинг.

У трибуны был выстроен почетный караул под руководством начальника поезда товарища Ухенберга. Все были облачены в долгополые шинели черного цвета. Наяривал оркестр, по округе разносился стрекот мотоциклов, на которых связными развозились приказы и донесения. В передвижной типографии бронепоезда срочно выпускался очередной номер агитационной личной газеты Наркомвоена «В пути!» У салона Троцкого сновали симпатичные девочки-фельдшерицы, картографы, письмоводители из главного штаба РкКА, капельмейстер. В самом салоне до начала митинга собрались члены Ревтрибунала Смидович и Гусев (Драбкин). уж не знаю, о чем советовался с красными и скорыми на расправу судьями Троцкий, но могу предположить, что здесь решалась судьба В.Матвеева.

Подрагивая капотом, у салона притормозил красный «Паккард», на котором Наркомвоен должен был ехать на митинг, у платформы «гвардейцы Троцкого» грузились на бортовой «Фиат» сопровождения.

Мне хочется хоть на мгновение заглянуть в салон-вагон, чтобы представить себе обстановку, в которой обитал в 1919 году «Давидыч» - путешественник, в отличие от кремлевского «сидельца» Ильича. А для этого следует обратиться к воспоминаниям очевидцев.

Художник Юрий Анненков, с которым был заключен договор написать портреты главнейших руководителей Реввоенсовета, и в первую очередь, Троцкого, вспоминает: «По рассказам, чаще всего - злобным и язвительным, Троцкий был щупленький человек, маленького роста («меньшевик») - острили про него). С меньшевиками Троцкий был в своей молодости действительно близок, но к его внешнему облику это не имело никакого отношения: он был хорошего роста, коренаст, плечист и прекрасно сложен. Его глаза сквозь стекла пенсне блестели энергией...

Ставка его в 1923 году помещалась в богатейшем национализированном имении князей Юсуповых -Архангельском... Еще в пути одна вещь меня удивила: по краям дороги, почти на всем

расстоянии между Москвой и ставкой - заржавленные каркасы броневых машин и разбитых орудий, воспоминания о гражданской войне... Прошло уже полных три года со времени боев (да и были ли они в этом Подмосковье?) Иностранные дипломаты и военные представители часто ездили в ставку к Троцкому. Какое впечатление мог произвести на них подобный пейзаж? Как-то в одну из наших бесед я выразил Троцкому мое удивление по поводу столь мрачного и так легко упразднимого обрамления дороги.

- Стратегическая маскировка, - ответил Троцкий, - пусть пока капиталистам кажется, что у нас - полный бедлам, что наша революция - не более, чем временный местный кризис, вызванный военными неудачами, и что иностранным капиталистам беспокоиться нечего. Вот и все. Тактика, товарищ!

...Я бывал в ставке раз пять, если не больше, и два раза там ночевал. В роскошно обставленных комнатах я любовался произведениями Тьеполо, Буше, Фрагонара и других мастеров той же эпохи... Троцкий был интеллигентом в подлинном смысле этого слова. Он интересовался и был всегда в курсе художественной и литературной жизни не только в России, но и в мировом масштабе... Если из междоусобной гражданской войны с прежним режимом Троцкий вышел победителем, то лишь потому, что это была война за идейную, идеологическую победу. Но когда наступила борьба за практическую демагогию, он как интеллигент неминуемо должен был проиграть...

В дальнейшем я часто встречался с Троцким в здании Реввоенсовета и... в национализированном доме Льва Толстого, в Хамовническом переулке... Я должен был исполнить монументальный портрет Л. Троцкого (около четырех аршин в высоту и трех - в ширину). Это происходило в эпоху, когда сорванные революцией погоны и эполеты считались символом свергнутого строя. Между прочим, художник, автор первой красноармейской беспогонной формы с суконным шлемом былинного стиля с красной звездой был почему-то довольно скоро после этого расстрелян... - А как же мне нарядиться для портрета? Позировать в военной форме мне бы не хотелось. Могли бы вы набросать что-нибудь соответствующее для нашего портного?

Я набросал карандашом темную непромокаемую шинель с большим карманом на середине груди и фуражку из черной кожи, снабженную защитными очками. Мужичьи сапоги, широкий черный кушак и перчатки, тоже из черной кожи, с обшлагами, прикрывавшими руки почти до локтей, дополняли этот костюм. Троцкий улыбнулся:

- Но в этом есть что-то трагическое...»

Из других более отрывочных воспоминаний можно отметить следующее: «Дежурными адъютантами у Троцкого служили бывшие Ђоручики-конногвардейцы (к этим высоким, лощеным, непроницаемо-вежливым молодым людям он испытывал откровенную слабость. Видимо, ему хотелось, чтобы именно так выглядели и так себя вели граждане будущей всемирной коммунистической республики)».

«Вагон раньше принадлежал бывшему Главковерху Великому князю Николаю Николаевичу. Второй - самому (тоже бывшему) императору Николаю Александровичу, где тот любил отдыхать от государственных дел, где подписывал отречение в марте 17-го».

«В поездках Троцкий неизменно носил кожанку под ремень, галифе, сапоги. Хотя любил помечтать о белом френче, голубых бриджах, коричневых лакированных сапогах, голубом кепи с рубиновой звездой. На ремне - кортик. Таким Наркомвоен представлялся себя во главе армии интернационалистов...

В еде Троцкий в поездках был неприхотлив. Хотя, вместо чая и галет - обычного провианта аскетов-вождей РККА, любил съесть несколько бутербродов с икрой, густо посоленный помидор, пару Маслин без косточек. Запить это коньяком...

Мягкие, в бархатной обивке и бахrome диваны в его салоне, овальные зеркала в позолоте на стенах, удобные стулья с вензелями на спинках, - более располагали к отдыху, нежели фронтовым будням наркома».

Троцкий любил получать подарки, коих от его восторженных поклонников был целый склад, но и сам одаривал своих подчиненных с охотой. Для этого в бронепоезде была создана спецкомиссия «Красный подарок», которая собирала, хранила и распределяла под присмотром Троцкого подарки среди тех, кто по мнению вождя, отличился на фронте.

В число «красных подарков», например, входили: золотые мужские закрытые часы с боем, золотые мужские закрытые часы с золотой цепочкой и брелоком, золотой мужской с камнями перстень, золотое обручальное кольцо тяжеловесное, золотая дамская шейная для муфты цепь, инкрустированные ножны с булатными клинками, оружие и т.д...

В Мелекессе Наркомвоен подарков не раздавал. Не заслужили пока! Когда он вышел из автомобиля к трибуне, оркестр грянул туш, охрана взяла на караул, Троцкий вслед за адъютантом шагнул к дощатым перилам, взбежал на помост...

Естественно, что текст того его выступления не сохранился. Да и кто мог тогда на свежаке весеннем стенографировать любимые импровизации большевистского «Цицерона»! Хотя, заглянув в печатные речи и статьи Наркомвоена, зная обстановку в то время, можно скомпилировать близкое к оригиналу его митинговых текстов. Ну, скажем вот так:

«Мировая война всех на свете приблизила к вопросам милитаризма. Сегодня, как никогда остро стоят перед молодой Красной Армией организационные и технические проблемы. У нас дело идет к тому, чтобы смести начисто остатки старой армии и на ее месте строить под огнем новую, схемы которой нельзя было пока еще найти. Я согласился на эту работу только потому, что некому было нынче за нее взяться. Я формирую нашу Красную Армию, а армия формирует Троцкого!

Наш бронепоезд отправляется по военным делам только исключительный важности. И то, что он стоит сегодня у перрона красного Мелекесса, подчеркивает всю важность и исключительность того, чем мы здесь занимаемся. Колчаковские войска вновь у стен Бугульмы. Они рвутся в Симбирск и Самару, но я верю, что на их пути, как преграда этой черной волне контрреволюции, воздвигнет свои бастионы рабочий и военный Мелекесс!

Но я требую абсолютной мобилизации от жителей вашего уезда. Требую жертвенности от большевиков. От рабочих. Путьцев. Совслужащих. Нам нужно вывезти из-под удара в тыл стратегические хлебные запасы, хранящиеся в вашем городе. Ни зерна - нашим врагам! Мы можем пожелать им только лютой голодной смерти, товарищи мелекесцы!

Малейшее отступление от правил боевого порядка будет караться на месте. По законам военного времени и чрезвычайной ситуации. Попустительство со стороны вашего уездного ревкома или командного состава полка будет подлежать разбирательству в суде революционного трибунала. Комиссары в первую очередь должны помнить, что они отвечают за жизнь, за дух частей и за добросовестность командного состава. Комиссар, скрепляющий своей подписью обманные донесения, отвечает за обман своей кровью!

Я не потерплю в войсках и тылу паники, разгильдяйства, смятения, тем более, дезертирства. Вся ответственность за это ложится на комсостав и комиссаров. Наш долг, долг большевиков - добиваться в Ревтрибунале только расстрела негодяев. Железной, не дрогнувшей рукой поднимем оружие пролетариата против изменников и трусов, товарищи! Нашей Красной Армии поставлена столь высокая цель, что никакие жертвы не могут оказаться слишком высокими для ее достижения. Если это потребует мировой революции, угнетенным народам, я не задумываясь принесу им в жертву во имя великой идеи половину мещанского сословия в Мелекессе. И такой властью, такими полномочиями меня наделила грядущая эра всеобщего блага и процветания, грядущие поколения коммунистов, пламенем своих сердец разогнавших мрак на планете!»

Мне остается только добавить, что поезда были любимым средством передвижения Наркомвоена. Даже в 1928 году, когда его отправили в почетную большевистскую ссылку в Алма-Ату, Троцкий выторговал для себя еще один спецэшелон с салон-вагонами. Через станцию Мелекесс (по запасной дороге на Казахстан, ибо этот «агитпоезд» боялись пустить через Пензу и Самару, где были еще очень сильны ряды организаций сторонников Троцкого, т.н. «троцкистов») вторично прокатил со своим «штабом» и «гвардией» вальяжный вождь.

В эшелоне ехали семьями, вывозили и свой скарб. Троцкий загрузил свою мебель, реквизированную в усадьбе князей Юсуповых, библиотеку, собрание живописных полотен-

подлинников, охотничью свору собак, коллекцию ружей... Шел в эшелоне и вагон-ресторан с прислужкой. И только хмурые чекисты с «винтарами», стоявшие охраной на тормозных площадках и в тамбурных вагонах, свидетельствовали: «красный, жестокий Наполеон из Советской России» больше никого не замучит, не расстреляет. Да в Мелекессе после боев, разрухи, политических ликбезов по перевоспитанию мещан, голодных годов и стрелять-то уже было некого. Все, что осталось от древнего домостроевского посада, - яростно «краснело». Наливалось на долгие годы советизации лицемерием, страхом, ненавистью.

1997г.

ГРИГОРИЙ КУЛЬКОВ

К 1903 году в России сложилось непростое положение. В «Святой Руси» издревле основной верховной властью было религиозное сознание народа. Но к началу XX века новые идеи и взаимоотношения цивилизаций начали пускать свои корни в бесконечной, глухотной и непросвещенной России. Русская православная церковь являлась типичным учреждением дореформенной России, не изменив за 200 лет ни своего содержания, ни даже внешнего облика. К началу русско- японской войны церковь распалась как бы на два лагеря: официальный (Синод и Обер-Прокурорство с их реформаторскими идеями), с другой - неофициальный (монастыри, старцы, подвижники, средоточие Церковной Правды). В таком вот противостоянии служители богу постепенно теряли свою власть и влияние не только над людскими умами но и душами. Духовный вакуум, как известно, моментально заполняется новыми идеологиями. Главный вопрос: должны ли были россияне оставаться такими, какими родились, или должны были переделывать себя согласно требованиям окружающей их действительности, решался в пользу второго, без участия

Самое же страшное происходило в душах людей. Рушилось подлинное Царствие Божие внутри нас, в сердцах наших. Опрокидывалась Праотеческая вера, уклад жизни предков, все, чем жили, мыслили, чему поклонялись, - словно под влиянием массового гипноза. Словно процесс сатанизации пошел по Руси. Главенствующей в народе стала светская власть, несшая в извращенных умах и устах атеизм, разврат, ложь. И как следствие распада - японское вторжение в Порт-Артур, на Сахалин. Здесь произошла главная церква. Монаршая власть помазанников божьих также теряла свою силу.

Потеря нации - потеря боевого духа, веры в праведность и непобедимость русского воина, русского оружия. Солдаты рвались в бой, Россия имела неисчерпаемые армейские резервы, но продажное правительство Витте и генеральный штаб с подачи зарубежного руководства популярных в ту пору в России масонских лож, пугавших аристократические верхи, и вследствие посреднических усилий президента Рузвельта, сдавали Россию врагу. Смута охватила наше Отечество. Это была кара Божья, поражение за грехи.

Богослов Д.Боголюбов в 3-4 номерах «Миссионерского сборника» (изд. Братства св.Василия, еп.Рязанского), так «выплеснул» обиду на прихожан: «Многое у нас, православных, есть и хранится, как дорогая платина в горах Уральских. Нет только умения воспользоваться данными нам от Бога дарами, - нет организованности и истинно-просвещенной заботы озарить родную жизнь во всех направлениях светом православно-христианского «богоразумия». Оттого в массе и пребываем мы в непробудном духовном сне, а в церковно-общественной жизни нашей нередко орудуют «случайные» деятели, - даже сомнительной деловитости, подозрительного-религиозного настроения и спорной «чистоты своих служебных намерений...»

Потрясения в духовной и светской жизни России не могли не сотрясти основы самодержавия. Свободолюбцы, разночинцы, нигилисты всех сортов, пород и вероисповеданий заколыхали

разочарованные народные массы. Любой мало-мальский конфликт в любой общественной среде грозил вылиться в революцию.

В России, на Украине, в Прибалтике, Польше изгоняются помещики. Бастуют промышленные рабочие центры. Бастуют на железной дороге. После позора в японской кампании восстают армейские гарнизоны. Армия впервые после событий 1825 года выходила из повиновения. Хаос, обрушившийся на страну, умело подогревался лидерами левых политических партий. Бушевала вся Российская империя. События развивались столь стремительно, что в 1905 году сведения, получаемые по телеграфу утром, к вечеру безнадежно устаревали. Даже вездесущие организации РСДРП - большевиков - и то еле-еле успели встать на баррикады в Москве, примкнув к организованным рабочим дружинам.

В принципе, события 1903-1906 годов, определенные как революционные, имеют свои исторические вехи, венчающие яркими примерами это непростое время: «Кровавое воскресенье», «Бои на Красной Пресне», «Восстание «Очакова», «Мятеж на броненосце «Потемкин»... Именно к последнему событию имеет отношение и наш посад Мелекес.

Событие это хорошо освещено в плане историческом, а также в художественных произведениях. Достаточно вспомнить известную всем книгу «Белеет парус одинокий» В. Катаева или классическую киноленту С. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин», чтобы представить себе трагедию одного из лучших кораблей Российского флота, повлекшую за собой целый ком исторических событий, ломку судеб людских. Озлобленные матросы, гибель русских офицеров, бегство в Румынию мятежной команды, эмиграция... - все это вроде бы из-за найденных в пище корабельной опарышей на тухлом мясе (Эйзенштейн применил в фильме нечестный кинематографический прием - в кадре опарыш напоминает по размерам и мерзости жирных навозных червей). На самом же деле события на броненосце - лишь звено в череде страшных исторических событий.

Неповиновение охватило всю Российскую империю. Во многом чувствовалась «рука» социал-демократов. Их агитаторы проникали во флот, пытались раскачать самую вооруженную и опасную «лодку» русского народа. В среде всколыхнувшейся матросской массы находился и уроженец села Старая Бесовка Новомалыклинского района, а тогда Мелекесской волости, Григорий Кульков.

Неграмотные, истомленные службой и дисциплиной матросы клюнули на агитки ставленников Ленина, который прямо указывал своим эмиссарам: «Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город надо захватить в наши руки...»

Полумиллионная Одесса расположена очень компактно, кучно. Город как бы прижался к береговой портовой полосе. Можно себе представить тот кошмар и трагедию, которые случились бы в домах горожан и на улицах Одессы, если бы башенные орудия, рассчитанные на дальноточную стрельбу, изрыгнули бы огонь, хотя бы на правительственные учреждения, встроенные в жилые кварталы Одессы!.. Трагедию тех дней в мягких тонах еще в сталинскую эпоху описал Валентин Катаев в своем романе «Белеет парус одинокий». И ведь в первую очередь гибли дети, женщины, старики...

О том, что и император, и правительство России хорошо понимали опасность «морской заразы» и жесточайшие ее последствия для населения, потрясенного событиями 1903-1905 годов, говорит хотя бы телеграмма военного министра командующему Одесским военным округом генералу А. Каульоарсу:

«Адмирал Чухнин опасается нового общего бунта флота. Увольте гарнизон, сколько можете. Телеграфируйте о распоряжениях! Увольте возможно больше запасных, особенно в Севастополе. Генерал-лейтенант А. Ф. Редигер».

На взбунтовавшемся корабле был и наш земляк Кульков, говоривший по-русски с мордовским акцентом, ничего в своей жизни не знавший и не умевший, образованный только кочегарной судовой лопатой да зуботычинами боцманов, слепо уверовавший в красные бредни сладкоголосых агитаторов. Он и сам не понимал, как они своим поступком пошатнули устои могущественной державы. Державы, которая своим экономическим приростом год от года теснила на мировом

рынке евро-американские корпорации, увеличивая доходы всех своих граждан, подданных монарха.

После того, как взбунтовавшийся броненосец, управляемый безграмотной командой, «дохилил» по морю до Румынии, все его матросы, как чумные крысы, бежали с корабля, попрятались в прибрежных зарослях, осознавая расправу за бунт и убийство офицеров. Там же отсиживался полуголодный Гриша Кульков, переживая о не состоявшемся всеобщем благе, обещанном интернационалистами. А в это время в России гасили пламя, раздутое на крейсере «Очаков» Петром Шмидтом; несли в госпиталь умирающего от матросской пули адмирала Писаревского; начались беспорядки в пехотных дивизиях; боевые роты отказывались стрелять в бунтовщиков: матросский совдеп готовил под диктовку социал-революционеров и эсеров ультиматум с требованием распустить флот... на радость Турции, Японии, Германии.

И только жестокие и самоотверженные решения жандармского ротмистра Н.Васильева, адмирала Г.Чухнина, коменданта Севастополя и командира 7-го армейского корпуса Н.Семенова, объявивших на побережье осадное положение и отдавших приказ об уничтожении мятежных команд боевых кораблей, помогли навести порядок на флоте. Примечательно, что власти (в отличие от сменивших их большевиков) даже к такому бунту отнеслись либерально: никто не требовал выдачи бежавших за рубеж «потемкинцев», а тех, что посадили в казематы, выпустили после усмирения, им разрешали открыто писать о событиях в газеты, заказывать панихиды по убиенным матросам-шмидтовцам. Одним словом, это было истинное христианское сострадание.

Меня занимает один вопрос: понимал ли, осознавал темной своей головушкой все содеянное им «потемкинец» Кульков, когда получал пайковые селетки в подачках советской власти революционному матросу, когда увидел весь ужас большевистской кабалы и репрессий, уродование России и ее народов?!

Сам он десяток лет скитался на чужбине, вполне уверенный, что расплата его ждет только в России, а пока он находится за границами империи, ему гарантированы права и свободы, соблюдаемые властями свято... А вот Лейбу Бронштейна (Троцкого) достали большевики и в Мехико, раскроив ему череп. А писателя Анатолия Кузнецова «хлопнули» в Лондоне. Ведь если бы было чем призадуматься Кулькову, он просто мог взять прогнозы аналитиков начала века, где утверждалось, что к 1985 году в Российской империи должно быть 400 млн. человек (250 млн. - русских). Однако уже на памяти Григория Кулькова к 1926 году (к концу гражданской войны) большевики уменьшили наше «поголовье» на несколько десятков миллионов человек, пустив в расход «контрреволюцию». Уменьшали и далее. А в год бунта на «Потемкине» на Черноморском побережье погибло от репрессий властей менее 500 человек:

Гриша Кульков в 17-м, вернувшись в Россию с оружием в руках, как опытный боец партии насаждал по деревням и уездам выпестовавшую его советскую власть. Это было для него как игра, лихое революционное бражничество. Расправы над «буржуями и беляцкой контрой, во время его карьеры в органах ЧК были прелюдией к «новой» жизни, платой за «потемкинское» прошлое, индულгенцией на правление людьми, страной.

Помотало лихого морячка по деникинским и врангелевским фронтам, отрезвило, когда направили «верного товарища Кулькова» в политуправление Черноморского флота, где малограмотный матрос, естественно, мог противопоставить знаниям и масштабу работы только свое революционное «чутье», да маузер. Потому и пришлось партийной верхушке придумать для него новую должность: направить на административно-хозяйственную работу в его же зачуханный Мелекесс, убрав с черноморского рубежа.

В родном ему городе Григорий обрел свою стихию: командовал банно-прачечными делами, транспортом, овощезаготовками. А главное - геройствовал перед малолетними земляками на встречах в ремеслухах, школах, детсадах, где упоенно расписывал, как геройски они опрокинули Николашку, пугнули адмиралов и врангелевцев, отстаивают свою власть, умалчивая о румынских временах, о роли изгоя страны богатой и именитой, которую те перь разорили дотла...

Бог судья этим людям! Ведь память людская, подстраховывая наше сознание, способна стереть информацию о том, что человеку богопротивно, фальшиво, страшно. И остаются еще только древние, тихие, ласковые, обжитые и неприкаянные улочки - как, к примеру, бывшая Луговая (!),

и сегодня покрытая теплым мягким травяным покровом просвирника, но все еще хранящая в имени своем память о Кулькове...

1997г.

ИВАН МЕЖЕВОВ И АЛЕКСАНДР ЖИЛКИН

Сколько их, встреч и судеб прошло за долгую журналистскую жизнь передо мной... Об одних уже написано, другие стали прототипами героев книг, третьи - так и «отлеживаются» в блокнотах. Не сразу, не о каждом и не все можно было рассказывать в годы былые.

Потому и вышел я на этаким мемуарный жанр, когда речь пойдет о людях, многих из которых уже нет в живых, Но дела их в истории должны быть сохранены так, как они вершились, должны правдиво дойти до потомков. Одно время в Мелекессе Советской властью руководил человек удивительной судьбы - Иван Межевов. Пяти лет отроду остался он безотцовщиной, жили они тогда в селе Головкино, ныне Старомайнского района. Подростком Иван упросил мать отдать его на выучку в мастерские Масленниковых. Так и стал мастером по ремонту ходовых частей паровозов, паровозов, автомобилей. Попытал за эти годы и шального счастья, это когда ездил за «длинной» деньгой в Архангельск, нанимался на ледоколы, «ходил» тралить треску. Но к 1914 году вернулся в родные края и в Мелекессе, куда переехала мать, стал слесарить. Ремесло, видимо переданное по наследству отцом, спорилось в руках Ивана.

Мелекесский промышленник Таратин не мог нахвалиться своим механиком, юным Иваном Межевовым, и когда тот уходил на льнопрядильную мануфактурную фабрику, - был очень расстроен. Тогда нынешний льнокомбинат назывался: льнопрядильная, ткацкая мануфактура Мелекесского и Казанского общества «Товарищество». Отсюда в 1916-м и ушел на фронты первой мировой войны Иван Межевов.

В конце 17-го Иван Наумович вернулся в Мелекесс, домой. Пойти вновь работать на мануфактуру не пришлось. Там уже царила разруха, да и друзья позвали в сформированную фабричную дружину, где красногвардейцы, в основном бывшие фронтовики, вновь взяли в руки оружие, чтобы, как они думали, «охранить от нападок» свой Совет рабочих и солдатских «депутатов. Командовал дружиной большевик Шмидт. Там служили Виктор и Александр Бакаевы, Кузьма и Филипп Барановы, уже вступившие в большевистскую партию.

Но самым боевым для дружины оказался 18-й, когда, почуввав приближение к городу чехословацких отрядов, активизировались офицерские организации в городе. Под набат со Святоニコльской церкви на Торговой площади стали концентрироваться самые смелые представители русского офицерства с оружием в руках. Но они были рассеяны пулеметным огнем Межевова... К сожалению, тогда мало задумывались русские люди над тем, почему и с чьей подачи они били единоплеменников из винта, пулемета, гранатой. Вешали, жгли, рубили без сожаления братьев своих в развязанном в их психологическом сознании озверении, «купались в кровушке», как любили писать литераторы того поколения.

Но в том же восемнадцатом пришлось Ивану испытать и горечь потерь, поражений. Когда дружинники отступали из атакованного белочехами Мелекесса на Ерыклинск и Чердаклы, прикрывая драпанувший совдеп, они были обстреляны под набатный гул крестьянами окрестных сел, влившихся в ряды народной армии Комуча. До Симбирска дошли уже с потерями, оттуда на Казань. Но плыть не удалось, пристань в Киндяковке под вечер была отрезана цепью учащих

Симбирского кадетского корпуса. Срочно стали формировать боеспособную группу для прорыва. Когда Межевову вручили пулемет-кольт, установленный на автомобиле, и послали на захват казарм уланов-артиллеристов, в город уже вошли чехи. Завязались локальные бои. Межевов и еще десятка два красногвардейцев блокировали подступ к казармам, приняли первый бой. Знали: в казармах есть два орудия, которые нужно было спасти и вывезти из города. Потому бились упорно, ожесточенно. Кроме того, понимали, в плен брать их, взявших в руки оружие, не будут. Смертники. Перед рассветом стрельба стихла. Симбиряне из их отряда по одному бежали до дома попрощаться, взять кое-что из еды, одежды. Не все, правда, возвращались назад. Ну да Бог им судья! Уже засветло чехи открыли плотный огонь, подтянули пулеметы. Подоспевший из Симбирского губкома командир отдал приказ: снять оружейные затворы, отступать! Межевов с товарищами был уже в приволжских лесах, когда около 12 часов дня в Симбирске загомонили колокола на церквах - торжественно горожане встречали своих освободителей от большевизма...

Догонявшие их разрозненные группы красногвардейцев, их рассказы позволяли представить обстановку в Симбирске. По всем улицам жителями были устроены облавы на большевиков, прямо здесь творили самосуды. Пробиваться приходилось под пулеметным огнем...

По дороге сломался автомобиль. Иван остался его починять, товарищи ушли дальше. Позже, бросив технику, пешком добрался до Тетюш, там красногвардеец с пулеметом, увешанный наганом, гранатами и саблей, вечером сумел сесть на пароход до Казани. Перед татарской столицей специально выставленные заслоны обезоружили его. Дружина была распущена, а Межевов с Кисиным решили пешком через фронт пробираться обратно в Мелекесс. До Спасского затона - пешими добрались, а там у Кисина оказалась знакомая зазноба - ткачиха. У нее и собирались друзья переждать бои. Ждали две недели, быстро прокутили выданные в Казани две тысячи керенками, а потом отрабатывали еду на поле ржи у бывшей ткачихи, в поле же, в шалаше, и жили. Сжали около трех десятин хлеба, а здесь подоспело время двигаться дальше. Попутной подводой до Большой Кандалы добрались, спешили у местного пивоваренного заводика, уговорились с местным мужиком, что подвезет их к Мелекессу. В город не пошли, остерегались. Жили у знакомых Межевова в поселке у «железки». В поселке собралось с десятков бывших дружинников, депутатов Совета. Кисин скоро сумел передать весточку домой, его мать с отцом пришли на встречу к муловскому лесу. С другом был и Межевов. Когда возвращались назад, их засек местный староста, сообщил в милицию. Тут субчиков и прихватили ребята, называвшие себя милиционерами, служившие новому режиму. Но поскольку весь народ и выборное начальство гуляли, отмечая праздник урожая, задержали до выяснения обстоятельств. Утром отчим Межевова приходил просить за парней, доказывал: «Они же, как и вы - фронтовики, мобилизованные, в чем их вина перед земляками? Это ж, время такое...»

Ему ответили, что отпустят пасынка, если улица, где они живут, возьмет его на поруки. А пока - отправят разбираться к коменданту города. Когда вели поселком, подошел, выдавший их староста: «Что, голубчики, достукались?» - видно думал, что на расстрел повели.

Допрашивать вели поодиночке. Когда Иван был в кабинете коменданта, туда неожиданно вошел бывший прапорщик Бочкарев, призывавшийся в армию вместе с Межевовым на мануфактуру. Теперь он был чин! Уполномоченный от Учредительного собрания Самарской губернии. Увидел однополчанина, обрадовался:

- Здоров, Иван! Ты чего здесь?

Комендант удивился:

- Знакомцы, что ли?

А когда Бочкарев ему поручился за Ивана, велел арестованному идти домой. С Кисиным он увиделся уже только в сентябре, когда ушли чехи от города. До весны 19-го вновь «дружинили» в восстановленном совдепе, а потом их объявили мобилизованными в Красную Армию, отправили на фронт против Колчака. Со- гласия тогда никто не спрашивал, считалось, что люди они сверхсознательные и готовы головы сложить за революцию. А заартачишься - шлёпнут, даром, что «свои» называются. Время на расправу было скорое...

Пермь и Екатеринбург, Омск и Ялуторовск - туда, вместе с красноармейцами 29-й стрелковой дивизии с боями дотопал Иван Межевов. К моменту переброски их части под Воронеж - на

Деникина, он был уже не только отмобилизованный, но и воспитанный, идеологизированный революцией человек, принявший ее всем сердцем, сознанием.

Бои на юге России были недолгими для Межевого, вновь эшелон - на Запад - на Пилсудского.

В знакомых уже белорусских местах, где воевал в первую мировую, под Оршей и на Березине Иван был одним из лучших агитаторов в полку, освоил специальность связиста. Работа «непыльная» - между штабами и линией фронта, оттого, наверное, и уцелел в боях под Гродно и Лидой. А потом и вообще был назначен старшим смены на телефонной станции.

К весне 1923 года демобилизовали Межевого. Вернулся в Мелекесс - вновь на родную фабрику в мастеровые пошел. И лишь в 1924 году, после смерти В.Ленина, когда шел почти ПОГОЛОВНЫЙ набор в партию, стал «беспартийный большевик-красногвардеец» коммунистом. И секретарь партячейки Шмидт, и председатель фабкома Бакаев - старые друзья по дружине - настояли в своих рекомендациях ему. А через год Шмидта выдвинули на партработу в Самару. Так межевов стал секретарем парторганизации на фабрике, а в 1926-м Иван Наумович стал председателем уездной страховой кассы. А в 1927-28 годах уже избирается председателем горсовета. Однако в годы восстановления разрухи после гражданской войны особо требовались руководители-коммунисты, знающие технику, производство (отошло в прошлое время «кухарок, управляющих государством»). Потому Межевого партия направляет на Мулловскую суконную фабрику - зам. директора, одновременно обучая его на директорских курсах при Ленинградском текстильном институте. До 1934 года он руководит текстильными предприятиями в Барыше, Измайловке, Гурьевке. Повышение его одновременно являлось и падением. Сталинский метод кадровой передвижки и регулярного «очищения» партийных кадров посредством лагерей, сработал безотказно. Иван Межевов исключается из партии, становится «совзком». Его «переплавка» длилась до 1939 года, когда (вот повезло!) бывший боец революции и красный директор получает освобождение и вновь оказывается дома - в Мелекессе, на льнокомбинате сменным мастером ткацкого производства.

И новый рост заново вступившего в ВКП(б) Межевого - пред.фабкома, а в 40-м уже секретарь парткома льнокомбината. Уже в сентябре 1941-го, как военный человек, видя нависшую опасность над страной, Иван Наумович подает заявление с просьбой отпустить его в действующую армию, он знает, что на фронте нужен его опыт армейский, но... следует отказ. Присвоив ему звание старшего политрука, отправляют на оборонные работы в Майну. До 44-го ст. политрук используется на трудовом фронте: от директора стахановской школы до начальника ОРСа. В 1944-м по решению обкома партии он направлен секретарем парткома в Хмелевскую МТС. И так - до 1957 года, когда И.Н.Межевов вышел на пенсию. Далее - дорога обычного совслужащего на пенсии: ветеранская общественная нагрузка, выступления перед молодежью с мемуарами о революционной борьбе...

Александр Федорович Жилкин - родом из села Старо-Рождественно. В Мелекесс его привезли в 1906 году десятилетним пацаном. И отдали в «мальчики» в кондитерскую Боргребера. Получив необходимые профессиональные навыки, он становится кондитером в заведении Комарова в Симбирске. В 1916-м кондитеру приходится брать в руки трехлинейку и «топать» на фронт. К тому времени кроме высоких профессиональных знаний Александр обладал уже и опытом революционной борьбы. Он был в числе зачинщиков забастовки кондитеров в Симбирске, был арестован «за бунт», но скоро отпущен жандармами, ибо некому стало печь даже хлеб... И вновь пекли уже из муки из мешков, подмоченных во время забастовки, а вот замешанное с гвоздями тесто пришлось хозяину выбросить, понеся убытки...

Видимо, испробовав на себе жандармских плеток, Александр стал известным агитатором за социализм во всем Туркестанском корпусе, где он служил наводчиком орудия. Даже сам командующий корпусом генерал Шейдеман прослышал про члена солдатского комитета Жилкина. Но приказа на арест политизированного солдата не отдавал, тот своей храбростью, меткостью стрельбы отличился в боях под Ровно, Луцком, Ковно...

А Жилкин сдружился с прапорщиком Больвинским, который, проводя линию большевиков, вел пропаганду среди солдат, учил их грамоте и «азбуке революции». От него и получил артиллерист «Манифест» Маркса, которым зачитывался в землянке...

Видимо, хулиганистый характер Жилкина, вкупе с идеями «Манифеста», послужили толчком к поступку, который он совершил во время солдатских волнений в феврале 1917-го: на сходе солдатском он сорвал погоны с поручика Юловича и обмазал ему лысину кашей из солдатского котелка. После этого проступка ничего другого артиллеристу не оставалось, как дезертировать из армии. Так революционизированный кондитер стал добровольцем в красногвардейском отряде батька Бажана. В партизанском соединении Щорса били они петлюровцев и гайдамаков, с грабежами шли по украинским селам. В январе 18-го, раненый в боях под Киевом, на который наступали войска генерала Л.Г.Корнилова, очухался от кровавого азарта Жилкин, да подался долечиваться в родной Мелекесс. Явился в уком партии к Е.Аблову, доложил, что все партийные документы во время боев и ранения - утеряны, попросился направить его на советскую работу. Так очутился вновь в Старо-Рождественно с наказом помогать там организовывать советскую власть. Тамошний председатель волисполкома Арсентий Львов поручил ему работу секретаря комбеда, вместе с председателем Андреем Сидориным организовать неимущих крестьян в Дееспособную организацию, а проще - подобрать надежных людей в отряд - экспроприировать добро у крепких в хозяйстве мужиков. В июне 5-го Жилкина отозвали в Мелекесс, где спешно формировалась боевая дружина из фронтовиков и рабочих льнопрядильной фабрики для выступления против белочехов.

Но вместо фронта пришлось нести службу в городе и уезде, оберегая губернские власти, которые вместе с В.Куйбышевым обосновались в Мелекессе.

- Помню, - рассказывал мне Александр Федорович, - преследовали мы банду прапорщика Львова (он тоже наш, мелекесский, из фронтовиков, но выбился в офицеры, стал «белой костью»). Прижали его возле Тинарки, открыли огонь, они оврагами ушли на Хмелевку, а там, сволочи, расстреляли учительницу-большевичку, затем ушли в сторону татарских сел...

Позже в Мелекесс прибыл А.П.Галактионов, он был назначен В.Куйбышевым начальником охранного отряда, куда вошла и наша дружина, тогда у нас было уже 4 орудия - так что я опять стал при своей специальности - наводчиком...

Но боя с чехами тогда красногвардейцы не приняли. Губком в полном составе утек в Симбирск, а дружина в беспорядке отступала, кто за Куйбышевым за Волгу, кто, как Жилкин, - в леса... Затем пробрался аж до Самары и там поступил на работу на патронный завод, откуда не было мобилизации в белую армию. Из тех скитаний помнилось Александру Федоровичу, как вместе с Иваном Пекарским уходили они из марковского сада от зданий губкома и укома, как поймали их офицеры из белой дружины и повели на расстрел, но бежать им удалось дорогой, хотя Пекарский при побеге и был ранен... Несколько дней отсиживался на чердаке одного дома, видел, как чехи и белогвардейцы сагитировали человек 200 мелекесцев на работу в свою армию, увезли их в сторону Лебяжьего. Затем в городе велась «чистка» от коммуны. Патруль по домам большевиков водили старик Волков да Василий Кирюхин, но до Жилкина они не добрались...

В мае 1919-го Александр вновь вступает в партию большевиков. Что дало ему возможность до 1920 года служить в должности военно-политического комиссара в особой группе при политотделе 4-й армии, которой командовал М.В.Фрунзе. Вместе с прославленным военачальником и его войсками шел Жилкин уже на юг в составе Туркестанской армии, куда попал, как бывший военнотружущий царского Туркестанского корпуса. Пути фронтовые довели нашего земляка аж до Бухары, где он в молниеносной войне был участником свержения красными частями эмира этой крохотной страны. И только тиф остановил его «победоносное» шествие. Два месяца самарских госпиталей вновь охладили воинский пыл бывшего кондитера... Тем более, что его в тяжелом состоянии в Самаре бросили в мертвецкую, откуда он и еще двое живых «туркестанцев» выбрались чудом. Случай этот стал поводом к расстрелу начальника госпиталя. Но смерть, дохнувшая ему в лицо, заставила вновь вернуться в Мелекесс. Служил в военкомате, где опять его прихватил тиф, после излечения уком направил работать фронтовика в ОГПУ под начало большевика Пьязанкова. Много чего было за годы работы в ОГПУ у Жилкина, но об этом он предпочитал не распространяться, видимо, продолжалась боевая жизнь на фронте борьбы с

контрреволюцией, такой, как уличный шут мелекесский горбатенький Филька, которого оперуполномоченные Жилкин и Грушевский загребли однажды за пение антисоветских частушек...

В 1927 году Александр Федорович стал зав. фин.органами в уюме партии. По партийной линии, на которую он мечтал выйти с 1918 года, и продолжал свою карьеру. Зав. финотделом в Чердаклах, где сменил на этом посту, как ни странно, бывшего станового пристава Мелешина. Возглавлял финотдел, а затем и райисполком в Клявлино, откуда перешел в финотдел облисполкома, а в 1935-м был отправлен прямым этапом в Сиблаг под Красноярск. Но ему повезло и на «переплавке». уже «перевоспитанному» по сталинскому образцу Жилкину доверили в 1939-м должность начальника транспортного отдела райавтобазы.

И лишь в 1941-м вернулся он к армейской жизни. Был политруком-порученцем при штабе ПриВО, а с 1943-го, по болезни, переведен в Мелекесский госпиталь. И всю оставшуюся жизнь берег, как самую памятную реликвию, воспоминание о том, как в Мелекесе встречал в составе делегации военных руководителей и партработников города заезжавшего к нам с инспекцией К.Е. Ворошилова. Видимо, потому уже «сверхпроверенному» большевику Жилкину доверили и особо серьезный участок работы - возглавить парторганизацию хлебной базы...

До самой пенсии, в 1957 году, заведовал он финотделом в горисполкоме. И долго еще А.Ф.Жилкин не расставался с партийной работой, являясь внештатным членом парткомиссии в Мелекесском районе. Жизнь и здоровье этого человека были безраздельно отданы делу революции, делу партии, социализму. Он сам считал, что судьба его была счастлива и не желал большего, надеясь, что дети и внуки его продолжат путь большевика. Надеюсь...

1994г.

ГРИГОРИЙ ХЛЫСТОВ

Иногда самым, до обидного, обычным способом попадают люди в историю. Так и в нашем случае. Жил да был себе обычный паренек в Мелекесе Гриша Хлыстов. В 1935 году ушел он по мобилизационному предписанию служить в доблестную Красную Армию в кавалерийские части. А затем произошла с ним почти детективная история. Части-то эти оказались не простыми, а особыми. И в 1937 году по приказу вождя Сталина совершили они сверхсекретный рейд, выполняя особое задание на территории Китая.

Рядовой Хлыстов по завершении этой тайной войны неожиданно-негаданно был представлен к награждению орденом Красной Звезды. Следует отметить, что вручение боевого ордена было редким случаем в то мирное время. А по нынешним - цена ему пять долларов на московской «барахолке»...

Самое необычное в этой истории было то, что послали нашего земляка получать награду в Москву. Награжденным красноармейцам, которых набралось больше сотни, устроили экскурсии по музеям и театрам. А затем пригласили в Кремль.

Толпа в Георгиевском зале собралась разношерстная: красноармейцы и погранцы, рабочие и крестьяне - и все в очередь за орденами. И грянул Гимн, и раскрылись золоченые ворота, и явились перед онемевшим от восторга залом сам Всесоюзный староста да его «красный подьячий» Горкин. И как ни предупреждали лакеи до этого мелекесского парня не сжимать от избытка чувств сухую ручонку престарелого Михал Иваныча Калинина, тот не сдержался и, сияя ярче ордена за номером 5284 на его груди, так приложился к калининской ладошке, что тот аж крикнул...

Больше добавить здесь нечего. Особых подвигов за Хлыстовым далее замечено не было, если не считать комсомольского порыва на фронт в 1941 году. Но железнодорожники, а он именно там работал, имели тогда бронь от фронта. Так что на войну он попал лишь в 1942 году под Сталинград.

Удалого бойца сразу же заметили «покупатели» из полковой разведки. И пришлось нашему герою вдоволь напластаться по заволжским, калмыцким, терским степям во вражеском тылу, прежде чем вернули его к «мирной» специальности - железнодорожной связи. .

От Воронежа через Белгород, Орел, Курск, Кировоград, Яссы Бухарест, Будапешт, Вену и до Праги шел солдатской тропой, исполняя свой долг, воин. Но выше ордена он более не получил. Лишь медалями солдатскими был отмечен его ратный труд. А закончил он свой жизненный путь в родном Мелекессе, работая на стройке в СМУ-1, строя НИИАР.

Хлыстовых. Много же и тогда в разговоре утаил хозяин, лишь намеком говоря о том - особом - задании в 1937 году. И дивился я тогда: это какую же особую работу нужно было выполнить, чтоб оценил ее сам Калинин орденом, если потом четыре года в разведке и роте связи, четыре пройденных года по Европе - не были почти никак оценены правительством?

А совершал в 1937 году наш земляк не совсем богоугодное дело.]/[потому сегодня мы ведем рассказ о еще одной тайной странице в истории Страны Советов. Вот как оценивало ситуацию в 1919-м году агитационное ведомство в директории адмирала А.Колчака: «Бесчисленными жертвами своих сынов, умом и мужеством лучших людей камень за камнем возводилось здание русской государственности, и из маленького племени Русь выросла Великая державная Россия.

В блеске ее славы, под сенью ее державной мощи крепло народное благосостояние, и близок был час, когда первая по силе Россия должна была стать первой по богатству и счастью страной.

Но отравленный ядом большевистского безумия великий народ пошел за своими лжеучителями и, как библейский Самсон, был ослеплен и потерял свою силу.

Ужасами небывалого лихолетья покарал Господь Русскую землю.

Потерявши разум, веру и совесть, ослепленные русские люди с легким сердцем подменили суровую государственную мудрость дешевой большевистских б... Животные инстинкты разнузданной черни признали за волю народа и в два года дотла разрушили тысячелетнюю державу...

На троне Великого Петра - подъячий Ленин, фельдмаршальский жезл старика Суворова в руках Лейбы Бронштейна». Текст этой листовки я привел только потому, чтобы мы могли увидеть «новый мир» с иной, ранее скрывавшейся от нас стороны. Чтобы точнее понять идеи, идеалы и поступки русских патриотов, последние из которых сошлись в этих секретных и «особых» боях на территории Китая почти врукопашную с красными особистами в 1937 году.

Их вел один из лучших (наверное, после Каппеля) командиров армии адмирала Колчака - Борис Владимирович Анненков. О нем не любит вспоминать большевистская историография не только из-за особой жестокости его частей или многих славных его побед, но и потому, что он потомок славного рода декабристов, демократ по натуре, русский патриот по сущности. Потомственный Дворянин, он блестяще окончил Одесский кадетский корпус, кстати, на пять лет раньше М.Тухачевского он завершил обучение в Александровском военном училище. Воевал он на русско-германском фронте, отказался выполнять приказ Советской власти о демобилизации. Во главе своего казачьего полка прибыл в Омск. К сентябрю 1918 года его дивизия уже насчитывала несколько тысяч человек. Б.Анненков от Колчака получил звание генерал-майора и бригаду под командованием, которая именовалась «Партизанский отряд имени атамана Анненкова». После падения директории он возглавил Семиреченскую армию. Отступая, в 1920 году увел на территорию Китая свыше 4000 хорошо вооруженных воинов.

На чужбине Анненков и его войско оказались в крайне тяжелом положении после шести лет фронтовой жизни. Сам командир на три года был изолирован от армии в Урумчинской тюрьме. После освобождения он получил ряд очень неплохих предложений от белоэмигрантских организаций, в том числе от представителя Великого князя Николая Николаевича - возглавить священное дело борьбы с Советами. Но он принял под командование отряд русских фронтовиков в армии маршала Фын Юйсяна, хотя тот и считался сторонником большевиков.

Неожиданно для всех атаман обратился через газеты к ВЦИК России с раскаяниями за потерю Родины, за свои заблуждения, с просьбой дать ему возможность искупить вину перед народом. Белая эмиграция по-разному оценила этот шаг Анненкова: от обвинения в предательстве до такой оценки: «Доблестный атаман Анненков, блестящее прошлое которого принадлежит золотым

страницам русской истории и не может быть отнято, вместо блестящей в будущем роли освободителя Родины от третьего Интернационала... Сдали нервы у атамана. Иди, атаман, той дорогой, которую ты избрал сам. За те победы, которые ты вынес в германской войне, мы, низко опустив головы, только скажем: иди, атаман, с миром - ни один камень от истинных патриотов не будет брошен в твою голову. Там далеко, в стране диких масок, ГПУ, Чека и Чонов защитай Россию в дни тяжелых испытаний, как это сделал и генерал Брусилов.

Ты, далекий, непонятный атаман, зачем, зачем взглянул ты на струпья эмиграции, а не в ее светлую душу под наносным злым недугом. Мы желаем избежать тебе страшных пыток и страданий. Мы готовим тебе лавры. Пусть бог пощадит тебя и сохранит твою голову». Лучше, пожалуй, и не скажешь!

Однако в печать просочились и другие факты о том, что Фын Юйсян приказал арестовать Анненкова под давлением со стороны Советского правительства и предложил ему перейти к красным. Анненков на это ответил: «Лучше расстреляйте меня здесь». Во всяком случае, были версии, что Анненков и его начальник штаба - полковник Денисов - в китайской тюрьме.

Затем некоторые историки стали утверждать, что атаман был принят в Росси и расстрелян по суду. Позднее говорили, что он прощен, живет в селе, занимается выращиванием овощей...

Г.Хлыстов избежал рассказа о том, кто же в действительности командовал белогвардейским формированием в 1937 году в Китае: сам Анненков или Денисов? Но он уверенно называл анненковцами те формирования полуразутых и оборванных, почти без боеприпасов и без тяжелого вооружения людей, которые встали в свой последний бой за святую Русь среди китайских сопок и безводных долин против ударных дивизий Красной Армии, которая совершила беспримерный, секретный и особый рейд на территорию другого государства по разрешению Урумчинского дубаня Шень Ши-цая, строившего свое государство по образцу Советов. Ему не следовало ссориться со Сталиным и нужны были оружие, техника. И он сдал анненковцев вторгнувшимся частям армии коммунистов. Это же подтверждает генерал Куц в своей очерке «С путевкой товарища Берзина...» Каким же был этот бой русских против русских, можно судить по тому, что рядовой получал боевой орден в Кремле. Вот как были оценены эти заслуги. Те же, кто были ими пленены, доживали свои дни в лагерях, в застенках НКВД.

А в Кремле улыбался лукавый, благообразный старичок Калинин, подавая сиятельную ладошку оманкуртенным русским парням...

1995г.

ВОЗДУШНЫЕ ИГРЫ СЕРГО ОРДЖЕНИКИДЗЕ

В начале XIX века появился управляемый аэростат, названный Серго Ордженикидзе дирижаблем, он имел удлиненную форму, гребной винт. Были идеи создания аэростата с реактивным двигателем, т.н. газолеты, паролеты, воздухолеты. Воздушные шары, поднимавшиеся по вертикали в стратосферу называли стратостатами. Позднее появились летательные аппараты тяжелее воздуха - аэропланы.

Вот с этой точки отсчета в воздухоплавании и начался бурный старт России в поднебесье. Особая, героическая страница нашей истории в воздухоплавании связана как с научно-техническими открытиями, так и с освоением аэропланов. Скажите, кому и сегодня незнакомы имена первых российских авианавигаторов Нестерова, Уточкина, Кузнецова, Нагурского, Ефимова, Белоусова, Соколова, Славороссова, Мариновича, Федорова, Башко, Добржанского, Ткачева, Казакова, Томсона?! А как они начинали: без средств, в цирковых представлениях, самоучками осваивая лета- тельную технику «на грани фантастики...»

Уже в 30-е годы XX века в самолетных классах СССР все еще начинали лекции словами: «Самолет у-2 состоит из палочек и дырочек. Палочки для усиления, дырочки для облегчения...» Сегодня можно только удивляться, как все эти «дырочки и палочки» еще и летали. Как на трясущейся в воздухе перкалевой раме и плоскостях русские герои еще показывали фигуры высшего пилотажа, ходили в бои и на разведку, а с 1915 года стали истинны- ми героями французского военно-воздушного флота, определив победу союзника над Германией!

В период гражданской войны летчики с обеих сторон фронтов «довоевывали» на остатках авиатехники. Зато уже с 1920 года вопросы подготовки летных кадров Советской России, создания отечественных аппаратов и моторной базы вышли на первый план.

Интересная деталь в советской истории России: каждый ленинский нарком, любой из властей предержащих имел свое хобби - занятие по душе. Сам Ленин любил сушить сухарики (хотя его нельзя никак отнести к бедствующим людям), а потом одаривать сухарями детдомовцев, беспризорников, солдатиков-часовых у кремлевских кабинетов. Подобных воспоминаний о подарках вождя - сухих горбушках или пирожках - много в умильной лениниане.

Троцкий коллекционировал женщин, каждую из которых желал бы назвать женой... Сталин - курительные трубки... А вот наркомтяжпром Серго Орджоникидзе лично курировал воздушный флот республики, поддерживая любую, даже бредовую, идею воздухоплавания. В книге В.Казакова «Сотвори себя» о жизни и деятельности авиаконструктора О.Антонова есть немало примеров того, как Серго выделял средства на строительство газолетов, стратостатов, планеров, самолето-парашютов и прочего.

В специально созданном Особом конструкторском бюро Павел Гроховский создавал на потеху Орджоникидзе картонные бомбы, массовый парашют, авиабус - гондолу с людьми-пассажирами, сбрасываемую с самолета без парашюта, лыжный вариант авиабуса, амфибии на «воздушной подушке», торпедоносец, экранолет, жидкостные реактивные двигатели, бомбардировщик «Гигант» для перевозки танков, невидимый самолет, люльки для кучного сбрасывания десанта, автоматический прибор для раскрытия парашюта, пушки с дистанционным управлением стрельбой с самолета, беспарашютные клетки для выброски в них животных, сырых яиц, печенья...

Автор вспоминает, как в 1934 году Серго с группой командиров и инженеров прибыл на полигон к Гроховскому. Там наркому демонстрировали электролампочки, оставшиеся целыми

после их «десантирования» из поднебесья в клетях. Затем был показан «фокус» установления проводной связи при помощи самолета. Машина взлетела, взяв на борт барабан с намотанными на него 60 километрами провода и парашютиста-телефониста. Через 22 минуты последний доложил Серго в телефонную трубку: «Докладывает телефонист Терещенко. Нахожусь в населенном пункте Матвейково Истринского района. С Вами будет говорить председатель сельсовета Коновалов».

Особенно понравилось наркому, когда под восторженный рев его команды на аэродром приземлилась клеть с надписью «Буфет», а с ней два парашютиста-повара. Перед гостями развернули прибывшую из-под облаков скатерть-самобранку, на которой уместились лимонад, горячие щи, бутерброды, пожарские котлеты. Обед удался на славу...

Все бы ничего. Да вот как-то забывалось Орджоникидзе, что за этими воздушными играми в его «колоде» развлечений не оловянные солдатики, а реальные люди, судьбами которых играть богопротивно... Анисимов, Чкалов, Степанченко, Каминский, Афанасьев... Имена тех, кому воздушные игры наркома стоили жизни.

В чем в чем, а вот в авиации наш Мелекесс ну никак в историческом плане не отличался. Да, в конце 30-х годов сажались на неровное поле нашего ипподрома «кукурузники», возили местное начальство по вызову в Самару, и - не более того...

И все же к воздушным играм Орджоникидзе наш край имеет отношение непосредственное. Передо мной местная городская газета «Рабоче-крестьянская правда» N 76 за вторник 20 июля 1926 года. На четвертой полосе заметка «Полет на аэростате - из Ленинграда» и подзаголовок «Из беседы с воздухоплавателями». Стоит привести ее дословно.

«16 июля прямо с жел. дор. ст. «Мелекесс» посетили местную редакцию три воздухоплавателя из Ленинградской Военной Воздухоплавательной Школы: командир учебного отряда школы т. Кондратьев и воздухоплаватели т.т. Воробьев и Краснов.

На ст. «Мелекесс» они прибыли с границы Татарской Республики и Самарской губернии в пределах Мелекесского уезда. Туда они попали из Ленинграда на аэростате (воздушный шар).

Из Ленинграда они вылетели 13-го июля в 6 час. 30 мин. вечера. Пролетев 19 1/2 часов и сделав расстояние 1400 километров (более 70 верст в час), при спуске аэростат был подхвачен сильной бурей. Он ударился о землю на Боровском поле (Самарской губ.). Из аэростата выпали приборы, что и заставило прекратить дальнейший полет, который должен был быть продолжен на Уфу на 250 километров.

После этого аэростат был подхвачен ветром, и его понесло на протяжении трех верст по полю и над лесом. Окончательно остановился аэростат на Мокром Апаковском лугу в час дня 14 июля.

Крестьяне ближайших селений Боровка и Апаково в большом числе сбежались к аэростату и с большим участием, дружно, с интересом стали помогать воздухоплавателям убирать аэростат.

Из аэростата был выпущен газ, и с помощью крестьян он был собран и перевезен в дер. Апаково, где в течение дня крестьянами он был сложен и упакован.

Крестьяне оказали воздухоплавателям замечательно радушный прием и предоставили им отдых.

15 июля к ночи аэростат был перевезен в г. Мелекесс и 16-го июля сдан для срочной отправки в Ленинград для подготовки к следующему полету.

Высота полета достигала четырех с половиной километров, а высота во время большей части полета была 1500-2500 метров.

14-го июля в пути над Тверской губернией между г.г. Бежецком и Вологдой аэростат попал в шквал (порывистый ветер), ко-орым был прибит к земле, при чем аэростат три раза ударился о землю. Из этого шквала выбрались благополучно и полетели на большой высоте.

После перелета Вологды около 10 ч. утра аэростат попал в облака и летел над облаками, ничего не видя под собой. Между двумя слоями облаков шел сильный снег, температура была ниже 0 °С.

Когда стали спускаться, выбираясь из облаков, чтобы посмотреть где находится аэростат, последний был подхвачен бурей, которая и заставила опуститься в вышеуказанном месте. !

Интересно отметить два момента из полета.

Пролетая ночью над местом, где пасся скот, воздухоплаватели увидели горящие костры и хотели узнать от сидящих у костров, где находится аэростат. Снизившись метров до 300 от земли, они в рупор закричали, спрашивая: «Какая это губерния?» Вместо ответа испуганные крестьяне тут же потушили костры.

Второй случай. Увидев проезжавшего крестьянина, они с помощью рупора стали кричать ему, надеясь от него узнать название губернии, где находился в то время аэростат. Но пораженный неожиданным голосом сверху крестьянин быстро погнал лошадь и воздухоплаватели опять ничего не добились.

Наряду с этим необходимо отметить и то участие, которое крестьяне проявили по отношению к воздухоплавателям.

Выпавшие во время удара приборы были найдены крестьянами и доставлены в сельсовет. Председатель же сельсовета послал воздухоплавателям официальное извещение о том, что приборы находятся в сельсовете, и что они за ними могут приехать.

Приборы были получены. Через председателя сельсовета воздухоплаватели хотели дать вознаграждение крестьянам, нашедшим приборы, но председатель с протестом отказался от этого.

Такое содействие крестьян, нашедших приборы и передавших их через председателей, так и председателей, отказавшегося от вознаграждения, говорит об их сознательном отношении к представителям Красной Армии и государственным ценностям.

Воздухоплаватели выражают глубокую благодарность апаковским и боровским крестьянам и председателям сельсоветов за оказанное им содействие и внимательное участие.

Полет аэростата имел научно-исследовательскую цель. Результаты наблюдений во время полета будут впоследствии опубликованы.

16 июля воздухоплаватели выехали в Ленинград, сожалея о том, что то же расстояние, которое на аэростате они сделали в течение 19 1/2 часов, они должны будут проехать более четырех суток».

Нам же сегодня остается только удивляться мужеству этих людей, без знаний и подготовки осваивавших небесное пространство. Практически без связи. В одиночку. Рисковавших жизнью в угоду потешным играм наркомов.

1997г.

ОДНАЖДЫ В БЕЛОЗЕРЬЕ

Кузьма нахлестывал мерина по тощим бокам, не щадя ни Животное, ни истертых вожжей. Подвода, громыхая на колдобинах, готова была, казалось, сама выскочить из собственных оглобель. За ними с не меньшим грохотом пылила подвода Митьки Пузыря, да слышалось его запыленное с хрипом дыхание. Он изредка вскрикивал, не то подгоняя лошадь, не то - подбадривая себя этими нечленораздельными возгласами:

- ...Не вы-дай, ро-ди-мочка!

- ...Еще малость...

- ...Эх, проклятая!

И воздух разрезал посвист и шелканье его кнута.

За колком, что остался далеко сзади, виднелось облачко пыли но оно уже редело, оседала пыль в придорожной траве. Чехи, видимо, бросив погоню, повернули назад к станции. Казалось, можно было бы и дать передохнуть взмыленным коням, но страх, на долго вошедший в души мужиков и застрявший где-то под лопатками, был настолько еще велик, что Кузьма не решался приостановить коня. А уж Пузырь - тем более...

Только когда вот так - на полном ходу - влетели под сень Белозерского леса, а телеги еще страшнее загрохотали по гнилым корневищам, переползающим через колею, Долгов натянул вожжи, усмиряя коня.

Вскоре обе подводы резко сбавили скорость и, словно нехотя переваливаясь всеми колесами с корневища - да в ямы - да на кочки - углубились в лес. Мужики резко осели в телегах на охапки подостланной соломы, переводили дух, зябко подрагивая телом от воспоминаний и переживаний. «Переваривали» случившееся с ними молча. Каждый по-своему. События сегодняшнего дня переплелись в мыслях Кузьмы Долгова - бывшего солдата, вобщем-то не боязливого воина императорской армии, в какой-то тугой комок из картин, страхов и злобы.

Суматоха нынешнего дня поднялась с самого утра, когда в их селе было еще безвластие. Председатель комбеда Карин с вечера, собрав бумаги и печать, удрал вместе с лысым, носатым мужиком в кожаной куртке - представителем ревкома, в уезд. Драпанули они, не предупредив сельчан о надвигающейся беде, вслед за отрядом конников, на рысях прошедшим через село в сторону Мелекесса. А над избой Карева, где Колька разместил их комбед, так и остался висеть красный флаг, забытый беглецами в спешке. Лысый и носатый начальник из ревкома вчера еще долго, нудно, гундосо и безбожно картавя, отчего казалось мужикам, что говорит он не по-русски, «толкал» речь на сельском сходе прямо под этой вот красной и грязной тряпицей над комбедом. А сегодня ни гундосого, ни Карева, ни их решений о хлебопоставках - ничего этого уже не было в селе, лишь поникший флаг сиротливо свисал в центре села, ожидая своей участи.

И мужики уж подумывали как бы содрать его с конька над крышей от греха подальше, хотя в воздухе, казалось еще не остыли слова гундосого: «Окрашен флаг наш кровью товарищей, борцов мирового пролетариата, пролитой в смертном бою с буржуазной сволочью. Это их кровь требует, это их сердца обращены к вам, товарищи крестьяне, сознательный класс России, - помогите вашей, народной власти! Чтобы укрепить ее, утвердить победу над царизмом, темными силами и белыми генералами, - вашими классовыми врагами - нужен хлеб. Дайте его! Как протягивают сегодня советской власти руку помощи рабочие Тулы - оружием, питерский пролетариат - боевыми дружинами, сознательные калмыки - скотом... Дайте своей власти и своему народу хлеба сегодня, а завтра они поддержат вас...»

Но побаивались мужики тех слов о власти. А вдруг как не по нраву ей будет такой факт - и пойдут причесывать шомполами носатые в кожаных по мужичьим спинам. А то и того хуже - в Сибирь упекут за непочтение к красной тряпице - вон, вся горит, кровушкой их пропиталась...

Слушали гундосого из ревкома молча, казалось внимательно. Когда требовал хлеба отдать бесплатно для его товарищей мужики это понимали, но не одобряли таких-то вот вывертов новой власти. Тем более, что Колька Карев - ее председатель на селе, никаким уважением не пользовался, а уж за пропойные свои дела и вовсе слыл за малохольного и беспорточного, да и бит не зря бывал за неумность и дурь пьяную мужиками. Остальная же речь сельчанам казалась иноязычной, а потому непотребной в их жизни. И, хотя гундосый (сифилис что-ли на царских каторгах спроворил подцепить?) не просил хлеба у мира сельского, а скорее, судя по его «гавканью», требовал, - мужики сильно сомневались сразу так вот отоварить его с товарищами ихними хлебушком! А Ж - как товарищи евойные такие ж непутевые - вроде Карева! сожрут хлеб, а долги отдавать нечем будет - потом иди клянчи у власти каревской...

Такой вот расклад был среди мужиков белозерских. Потому, не обронив ни словца вчерашним вечером, - разошлись по домам. А в ночь - заскрипели, заскрежетали засовы, да запоры приворотные, да амбарные - от лихих людей. Потому как - и утро-то вечера мудренее. Глядишь, утром господь и научит какой ответ давать...

А чуть развиднелось - Карев-то с гундосым - шасть по дворам! Стволами-то стук-стук в оконца - и заскрипели, заскрежетали вновь отодвигаемые запоры на воротах и амбарах. Посыпалось зерно в мешки казенные. Заголосили бабы. Но не успел еще Карев объяснить и в первых пяти избах - что такое реквизиция, и когда надобно своим ходом зерно к Мелекессу свезти, как пришел туда же на рысях конный отряд. Гундосый успел лишь парой слов перешептаться с их командиром - тот помчался своих догонять, а Карев с ревкомовцем за ними же почти следом и подались... Сбежали. И зерно, и мужиков, и деток их, да и флаг-то свой бросили-позабыли.

Тогда бывший солдат Долгов и послал своего парнишку снять комбедовскую тряпицу. Красный - другой какой ли - но все ж символ боевой, - и не гоже его оставлять на поругание. Долгов-младший в момент взлетел на крышу, ухватил флаг, и через пару минут радостно крича и улюлюкая, проволок полотно по деревенской улице к дому. Здесь Кузьма влепил отпрыску веский

подзатыльник за инициативу - не глумись, мол, над флагом, какой бы власти он ни был... Сложил тряпицу аккуратненько, спрятал в сундук. Покосилась жена недовольно, - но смолчала. Не перечила она Долгову, уважала. Даже не соглашаясь в чем-то с мужиком - старалась понять, смолчать.

А может жалела она хозяина-то своего? Как сегодня помнила Дарья тот день, когда пришел ее Кузьма с фронта. Огрубевший, истерзанный окопными вшами, почерневший и исхудалый... Но и ночи-то без дела не провел! Спозаранку сошел во двор, осмотрел запущенное хозяйство - взял в руки топор, подступился с ним к покосившимся следам заборным - да так вроде и поныне не оставил еще работы своей. А в руках уж не только топор, но и вилы, и лопата, скобы, плуг, хомут, - много чего еще перебывало. Пошла своим чередом крестьянская, хозяйская круговерть: от весны - до осени, от зимы - до лета...

И в работе той добрел мужик на глазах, наливались силой руки и тело, белело лицо, рубцевались, разглаживались ушибы военные. Бывает в хлопотах лишь глянут они друг на друга молча, улыбнутся каждый себе, потеплеют от взгляда того. Знала Дарья - отходить начал муж от окопной жизни, от зла и боли, от страхов. И хранила как великую тайну свою, что прижмется он ночью к телу ее горячему, всхлипнет горлом, от избытка ли чувств, от воспоминаний ли, - прижмется губами, как дитя, к плечу ее - так и засыпает, подрагивая... Потому и хочется бабе оберечь любимого от лиха подступающего, от недоброго огляда, от беды, над Россией угнездившейся. Потому так и неприятен ей лоскут тот красный, которому муж схорон дал в избе.

А беда - она долго ждать себя не заставила.

Не успела еще и пыль у дороги упасть за конниками, да Каревым с его начальником, как со стороны станции вновь к селу конные подошли. Диковинная форма на них была надета: сапоги желтые - бутылочками, лакированные, на мундирах - без ремней - карманы во всю грудь, да с оборками, на клапанах - пуговицы огромные, да выпуклые. Фуражки - четырехугольные с кургузыми козырьками...

Заговорили спешившиеся на сельской улице, залопотали не по- русски. И понеслось от избы к избе, от окна - до притвора.

- Чехи..., чехи...

Замерло Белозерье. Тут и Дарья приперла ворота слегой: ну, как начнут по дворам шастать, нехристи!

Затаилось село. Выжидало. Приземистые домишки словно еще ниже присели. Соломой крытые крыши, как шапки, казалось, надвинули по-на самые брови... Только в окнах нет-нет да мелькнет любопытная ребячья мордочка.

- Что-то будет?!

Меж тем чехи, напоив коней, да ополоснувшись у уличного колодца, неспешно двинулись опять за село, но уже по дороге к Мелекессу. Однако, небольшая группа их осталась в Белозерье. И вот уж затопали под окнами сапоги, забухали, загудели под ударами прикладов винтовочных двери в избах. Требовали военные ото всех одного:

- Конь! Повозка! Хозяин!

- Марш! Марш!

Заскрипели ворота. Захрапели обуздываемые, засбруенные лошади, выкатывали на улицу телеги. Поторапливали солдаты мужиков, правда, без брани, зуботычин, но требовательно. И вот - потянулась к станции за лесом колонна белозерская. Впереди и сзади конные с винтами, да безъязыкие - только: марш да марш! Торопят. Мужики переговариваются с опаской. Тут-то и Долгов среди них.

Когда за Кузьмой прибежал племянник, он еще не думал запрягать-то, ему команды чешской не было. Но племяш с порога затараторил:

- Дед просит, може ты с чехами поедешь? Бати-то дома нет, а дедка боится. Предлагает тебе, дяденька, Бурана нашего запрячь.

- Годи с Бураном-то, - остановил парнишку Кузьма,- ехать, так уж на своем мерине - мне с ним проще договориться...

Племянш угодливо похихикал над дядькиной шуткой, вместе с Долговым-младшим прыснули в конюшню, где стоял их мерин Гром, - запрягать.

Долгов понимал отца - старый страхов натерпится, да наломается. А ему - все одно с мужиками - авось, не сгинут, не пропадут, не облошадят. Как человек военный, Кузьма понимал, что уж если на фронте уберется от «безносой», то в обозе - не пропадет. Думал только - надолго ли, да какой извоз чехам нужен?

Тревожил еще и взгляд Дарьи - испуганный, да противящийся его решению, но она как всегда мужу не перечила. Так - с защемившей грудь тоской и выехал за ворота, пристроился в колонну.

Вслед за Долговым понукал своего коня Митька Пузырь (по фамилии они были Кокошины, но дразнили их в селе «пузырями» за упитанность) - сын Прокопия Пузыря - соседа Долговых по улице. Пузыри были людьми тихими, работающими, но впрок добра не накопившими, потому - относили их к бедноте. За упорство в работе, необщительность и бедность звали их еще - «жилами». Мерин был у Митьки неказистый, со свалывшимся хвостом. Он то и дело норовил ткнуться мордой в задок долговской телеги, ухватить клочок соломы. Митька зло одергивал его вожжами.

- Слышь, Кузьма,- окликнул Митька Долгова,- стрелять-то не станут там, а? - Там-то и поглядим-послушаем, - сбалагурил Кузьма. Хотя балагурить-то как раз и не следовало. Это солдат понимал хорошо. Обоз-обозом, а если заваруха со стрельбой начнется - под телегой не отсидишься, да и коня подбить могут... Он понимал также, что не навоз и не сахар погнали возить их чехи. Видимо, будут перевозить раненных солдат со станции в госпиталь в Симбирске. А может быть возить придется еще прямо с подя боя... Кузьма понимал и то, что Мелекесские красные без боя не сдадут.

На выезде из Белозерского леса колонну догнал резкий звук выстрела, зашарахался меж деревьев. И еще один! И еще! Подводы остановились. Мужики беспокойно заозирались по сторонам.

- Поворачивай! - заорал с передней подводы Михей Потапов.

- Поворачивай, мужики! Неровен час - поубивают всех к едрене-фене!

Закричали еще несколько человек. Заскрипели оглобли. Всхрапели лошади. По дороге к лесу показались
верховые.

- Стоять!- кричали издали. - Стоять!

Первым к колонне подлетел плюгавенький офицер. В руках револьвер. Осадил своего коня, шарахнул из револьвера в воздух. Вздвинуто загудели мужики, опять заворачивая телеги. - Чаво там? - вопрошали задние возницы. - Да вот, гад, грозит, - испуганно отвечал Потапов, - не приведи, господь, стрельнет! Не велит поворачивать...

Пока рядились да переговаривались испуганно сельчане, Кузьма подстегнул Грома, объехал по обочине передние подводы. За ним дернулся Пузырь:

- Слышь, Долгов,- за тобой буду держаться я... - не то попросил, не то решил Митька.

- Давай, - разрешил Кузьма.

Мужики не противились их вторжению в передовые. Есть дурак на рожон лезть - черт с ним, - пусть свою харю под чужой кулак сунет... Но Кузьма по опыту фронтовому знал, что любое неприятное дело лучше всего встретить сразу и наперед. Тогда и свобода маневра сохраняется, и решение быстрее примешь. И потом - в такой колонне, да на лесной дороге тесной - еще не известно где безопаснее - впереди или в толкучке, в которой не развернуться! Телега Долгова уже выкатилась на опушку леса, когда он наконец увидел и понял, что вызвало заминку в движении колонны. У корявой сосенки, росшей поодаль от своих хороводящихся сестер, прямо в траве, опрокинуто лежал человек. Лежал так, что Кузьма сразу сознал - наповал! Сзади охнул Митька, узнавая в убитом вчерашнего красная из ревкома. Гундосый (а теперь безмолвный) - был в той же кожанке. Теперь она была распахнута, но не по пуговичному борту, - а наискось - ударом сабли. Затекая кровью рубаха была перемешана с лоскутами кожи, в руке зажат наган. Рот

приоткрыт в захлебнувшемся крике. Поодаль - у присыпанных прелой листвой побегов, лежали двое чехов. Третьего, громко стонавшего, товарищи уже тащили к подводам.

Кузьма, насмотревшийся на фронте многого, в том числе и смертей, сам проливший кровь на прусских полях, не мог взять в толк - за что убил чехов этот - в кожане? За что его, несмотря на шнобель и гундосость, - все-таки нашего, российского человека, рубанули саблей у Белозерья, на его родной земле, эти пришлые вояки.

Утром он отбирал у своих земляков зерно, грозя наганом, а сейчас вот лежит совсем не в той стороне, куда скрылся с Каревым на рысях. Срубленный, как лоза. Или он пытался так - в одиночку, с наганом - остановить чехов? Вызволить мужиков из подневольного дела? А потом вновь, грозя оружием, вымести у них из амбаров зерно, оставив голодать семьи, детей...

Нет, решил Кузьма, - на фронте было куда яснее: вот - враг, рядом - свой. Заслоняли собой веру, царя, Отечество. Дарью, отца, сынишку, братьев-славян. А здесь что? Почему сошлись все мы у Белозерья - и каждый на своей стороне? Что мы защищаем или отвоевываем?

Как несерьезен был поступок гундосого, так несерьезны были и действия чехов для Долгова. Неужели они не понимают, что все их потуги прихватить кусок такой огромной и мощной страны, как Россия, да еще из глубины ее - это дурость?

- За что... так... они с ним? - заикаясь, всхлипывал за спиной у Кузьмы Пузырь, привстав в телеге.

- А может он прав был... - как-то неопределенно, словно отвечая самому себе, не закончил фразу Долгов.

Когда колонна уже подтянулась к станции, мужики увидели на путях вагоны, из которых на насыпь выносили раненных чехов. Конвоиры спешили, залопотали, размахивая руками, призывая белозерцев подгонять телеги к вагонам. Но, словно в ответ на эти приказы, где-то вдаль гавкнула пушка, - раз, другой. Шорох разрываемого Шрапнелью воздуха докатился до станции. За семафором зачастил пулемет. Чехи рассыпались в нестройную цепь, подгоняемые офицерами, побрели вдоль полотна железной дороги, прикрывая вагоны с ранеными. Заржали кони, одного не удалось одержать езду, и телега вслед за животным со скрежетом и хрустом вломилась в кустарник у водокачки. Опять вдаль гавкнула пушка.

Долгов, не дожидаясь прилета шуршащей смерти, прыгнул с телеги, подхватил Грома под уздцы, попятил под прикрытие вагонов. Подбежавшие санитары пинками вышибали попрятавшихся под телегами мужиков, грозили. Первым за Кузьмой опять же двинулся Пузырь, всецело доверяясь военному и житейскому опыту соседа. Долгову достался в подводу офицер, у которого вместо лица было сплошное кровавое месиво, он даже стонать не мог, только конвульсивно дергался от боли. Санитары уложили его в телегу, прикрыли тело шинелью.

- Однако, поуродовало же тебя, - только и мог сказать Кузьма растерянно. - Не жилец, видно...

- Не можно так говорить! - заорал на Долгова подбежавший доктор, - он понимать, слушать!

И неожиданно влепил Долгову оплеуху.

- Да я, - растерялся от такого оборота дела Кузьма, - да мне, да на фронте унтер и тот не позволял себе бить солдата по мордам! Долгов чувствовал, как наливается кровью его лицо, а сердце злобой.

- Ах ты, тля! - он рванулся к доктору, уцепил его за глотку, кувыркнул на щебенку у рельсов.

Чех вырывался, брызгал слюной, хватал Кузьму за волосы. Потом, изловчившись, перекинул Долгова через себя, ребром ладони рубанул по мужицкому горлу. Кузьма захрипел, в глазах потемнело. Но тут он почувствовал, угадал, - наседавший чех обмяк, его завалило в сторону. Долгов поднялся на ноги, прикрывая горло, глянул: Митька трясущимися руками выдергивал из спины доктора нож.

- Брось, - захрипел Кузьма, оттолкнул ошалевшего Пузыря в сторону, - к телеге, паря!

Он сдернул с чеха укрывавшую его шинель, хватанул раненного подмышки, перетянул через боковину, швырнул на землю. Уже прыгая в подводу и щелкая вожжами по бокам Грома, крикнул, сатаня:

- Убьют, Митяй! ...твою мать! Не отставай! Гони!

Вслед рванувшимся со станции подводам грохнул выстрел, другой. Но солдатам нужно было еще добежать до коновязи, только потом подхватиться в погоню...

* * *

Поставив лошадь нераспряженной у подворья, Кузьма вошел в избу, отодвинул рванувшуюся к нему жену, молча прошагал в простенок, открыл сундук...

Он прошел молча мимо собравшихся у колодца баб, мимо соседей, кутивших табак на завалинке батиного дома, на виду у ошалевших земляков влез на крышу комбедовского дома и привязал к древку красную тряпицу.

ВЫГОДА

Бабку Фирсовну на станции знали все от малого - до старого. Кто, как не она, этот необычайно деловитый человек, умела извлечь выгоду из любого мало-мальски пригодного предмета! И забор-то у нее вокруг палисадника был собран из выброшенных в «Сельхозтехнике» за непригодностью зубастых шестеренок всех размеров. И на подъемном рычаге колодца для противовеса висели старые, собранные на ржавой проволоке крышки от вагонных букс. И носила она по осени бушлат с золотыми пуговицами на бортах, манжетах и хлястике, который презентовали ей в свое время проезжавшие веселые и хмельные армейские ребята...

А уж о способности Фирсовны из любого товара, выносимого ею к поездам на торговлю, чудеса творить, - на станции могут рассказывать вам анекдоты часами:

- ...Папоротника наломала в лесу, да и всучивает его у московского, что встречного ждал. Кому говорит - на засолку годен, кому толкает как сильное народное мочегонное средство, а кто брал и красы ради!..

- А еще было: Фирсовна разложила чуть ли не всему перрону листки из книг старых, а на них - ничегошеньки! Это она их на завертки решила приспособить, да вместо салфеток. Брали - да еще как!

А один, пожилой уже, мужик увидал эти листки, - так их вертит и этак, а потом кинулся собирать. Все до единого собрал, да еще у бабки кланчит! Разговор завел с ней. А она - навряд профессор какого: ладком все с ним речь держит, заворожила прямо мужика, чуть от поезда не отстал!

- Бывало, вишня поспеет, бабы ее ведрами тащат к поездам - все выручка! А Фирсовна все свое - не по-людски: огурцы соленые, прошлогодние еще... Так с вишней-то и просидят оабы день - деньской, да чуть не полные ведра-то назад тащат. А бабка, как приворот какой имеет, еще раза три домой сбегает за огурцами - прямо нарасхват они у ней идут!..

Но пуще всего любят на станции вспоминать случай, когда наварила Фирсовна - учудила - картошки молодой чуть не ведро! Настригла в садике своем тонких перьев зеленого лука, да с товаром этим возьми - да заскочи в московский-скорый! Ехала она - аж пятнадцать километров до райцентра, где остановка у скорого! Ехала, да шла по вагонам, сбывала товар. Говорят на станции, что сколько картошки везла в ведре, столько и денег наторговала в поезде том!

Пассажир, он что - он в дорогу дальнюю деньгами запасается, ему ведь в охоточку картошка-то молодая. За любую цену дорога! А Фирсовне - опять же - фарт. Недаром, поди, про нее говорят: она хоть из снега зимой выгоду свою извлечет, талант у нее в этом деле. Одним словом, деловая бабка!

Забросила и меня на эту станцию судьба журналиста-районщика. И пока ходил я по разным конторам, знакомился с людьми, наслышался о Фирсовне многого. И захотелось мне увидеть эту бабку деловую, поспрошать ее о секрете выгоды, которую умеет она из ничего творить.

Дом ее в ряду со многими на улице Железнодорожной выстраивается одним порядком, ничем, вроде, особенным среди соседних домов не выделяется. Подошел ближе, заглянул через заборчик

во двор: далеко за картофельный участок выбегала степь, засеянная подсолнечником, и где-то у горизонта смыкалась с темной полоской леса. Уткнув тонкий нос под облака, поскрипывал под ветром колодезный «журавль», привязанный крепкой веревкой к ведру, видимо, чтобы не улетел ненароком. А крышки от вагонных бунков, собранные в увесистую кучу, прочно прижимали «хвост журавля» к земле... И забор был с затейливым орнаментом, сработанным из шестеренок, зубья которых от работы уже порядком поизносились...

И Фирсовна вышла на крыльцо встречать незваного гостя, хоть и не в бушлате солдатском, но все же на ногах ее была обувь явно из солдатских валенок, только с обрезанными голенищами.

А через полчаса после знакомства сидели мы с ней в передней комнате, пили чай с вишневым вареньем, и бабка, улыбаясь, втолковывала мне все то, что знала она о выгоде в любом деле.

- Было, милоч, все было... И лист папоротника торговала, и огурцы соленые летом, и даже с ромашки полевой выгоду имела... ;

- А что ж ромашка-то? - недоумевал я.

- Да она с виду и цвета броского не имеет, да вон есть, ведь, в ней сила какая-то, красота внутренняя, которая людям и нравится, особо если и живут в городе, и поле-то видят из окна вагона, мимоходом... А некоторым и польза с нее есть. Она ведь, рассказывают, лечебная. Да и гостила в прошлом году у меня тут дамочка одна из Ташкенту. Она тот раз, когда я ромашку торговала, букета три-четыре взяла сразу. А в прошлом году и заявила на нашу станцию, разыскала меня. Почитай, недели две жила, сколько мы с ней по степи исходили, ромашки засушили... Болезнь в ней есть, в дамочке этой, женское что-то. Вот она из ромашки настои делает, полегалочко, пьет. А тут благодарил меня, старую, за приют, за помощь, деньги все совала. А я разве возьму за такое дело! Ведь, почитай, с краю света ехала, видать недуг сильно одолел. Грех не помочь...

- А с листками из книжек старых, помните было? - продолжал приставать я с вопросами к Фирсовне.

- И это было. Это - смотрю я как-то, берут пассажиры то ягоду то рыбку сушеную, а нести, вроде как неловко, заверток бабы наши не догадались захватить. Тут я и смекнула. Весь чердак от старых КНИГ очистила, разобрала их на листочки, а корешки-то выбросила. Ну и вынесла на торговлю завертки...

- А сколько просили за завертки? - опять не выдержал я.

- Да сколько спросишь, милоч, за бумагу ту?! Полтинник десяток и продавала. А один мужчина, значит, самостоятельный такой, только в пижаме чего-то ходит, читать завертки стал, ажно побелел весь! Но вежливо так спрашивает меня: «Вы где эти книжки берете?» Я, понятно, ему про подложку и рассказала. А он все не унимается, как, да как они туда попали. А как! Брат мой старший, Федор, что в гражданскую еще сгинул, до революции с учителем одним из города дружбу водил. Федор-то он многое знал, дежурным по станции его даже поставило начальство дорожное. Ну, видать, и учителю с ним интересно было. Приезжал погостить к Федору частенько. А однажды, значит, и книжек этих целый сундучок привез. Они с братом и заложили его тогда на чердак. Федор отцу все наказывал - смотри, мол, ежели что, только учителю этому и возвернешь...

А потом войны пошли и Федор наш пропал где-то, и учитель этот больше не показывался, а книжки те в сундучке так и лежали до того, как в закрутки я их не перевела. Теперь-то, поди, и захочешь нарочно, а хозяина не найдешь, столько годов прошло! Мужчина тот, с поезда, вдруг возмись, да и давай меня допрашивать нет ли еще книжонок, да не было ли каких тетрадок там в сундучке. Так я ему прямо и сказала, что были тетрадки, да гнить уж начали. Я их, понятно, на растопку и пустила. Это зимой еще. Он опять-таки весь побелел, за руки меня схватил: «Не может быть, - говорит, - чтобы не уцелело более ничего!» Да мне что скрывать! Все как есть ему выложила: «Вон он весь товар - перед вами.» Он все мои завертки сгреб, до единой, бормотал все что-то, благодарить начал меня, о цене спрашивает. А я вижу больно интересны ему бумажки эти, бери, говорю, раз интересуешься, может они пользу какую принесут, а денег мне от тебя не надобно, вроде как память о брате моем сохранишь. А за святое дело разве можно деньги требовать?! Нет, сынок, я хоть и приторговываю когда, но справедливость имею, не без понятия...

ИСТОРИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРА ИЗ ПОСАДА МЕЛЕКЕСС

I

Мы как-то, благодаря умелой большевистской пропаганде, свыклись с «непреложным» фактом того, что к 1920 году трудовой народ России и его родившаяся в боях доблестная и окрепшая идейно Красная армия, победоносно закончили гражданскую войну, наголову разбив антинародные, буржуазные соединения армии Белой, скинув штыками в Крыму и Приморье остатки «белобанд и интервентов» в волны Черного моря и Тихого океана... Мы долго так и пели:

«И от тайги до Британских морей - Красная Армия всех сильнее». Хотя в истории-то все складывалось не так однозначно. Да, Белая армия понесла большие потери. Да, она покинула территорию России. Да, с поражением во второй мировой войне Германии борьба российского зарубежья с большевистским режимом казалась бесперспективной, началась ассимиляция русской эмиграции...

Но. В то же самое время нельзя отрицать организованный отход Белой армии в зарубежье. Сохранение ее управленческих структур и госинститутов на еще почти четверть века. При всех потерях, разгромах, репрессиях и «уничтожении», войска русских патриотов вывели из России в полном составе корпуса генералов Кутепова и Краснова, сотни атаманов Семенова, Анненкова, Мамонтова, полки дроздовцев, капеллевцев, корниловцев, слащевцев, марковцев... Только из Крыма кильватерным строем ушло 126 боевых кораблей Черноморского флота, перевезших 133 тысячи русских солдат. Разместившиеся в Болгарии, Турции, Сербии, Иране войска Юга России насчитывали после «разгрома»: Донской корпус - 30 тысяч штыков, Кубанский - 10, Добровольческий - 20. Бригада генерала Фрицхегаурова - 3 тысячи человек, дивизия генерала Калинина - 5 тысяч, бригада генерала Гусельщикова - 3 тысячи, войска атамана Богаевского - 2 тысячи... Причем, во главе штаба армии Юга России, кроме уже упомянутых, все еще стояли опытные военачальники: Врангель, Туркул, Науменко, Барбович, Покровский, Климович, Глобачев, Рязанов, Тарасевич, Кашкин, Тизенгаузен, Шоколашвили, Деникин, Булак-Балахович, Манштейн, Крайнов...

Вот такие «вольноперы» в 1914-м шли на фронт исполнить свой патриотический долг Родине.

Причем, вместе с войсками ушли семьи многих воинов, члены правительства, деловые люди, интеллигенция. Там же, за рубежом, находились императрица Мария Федоровна, Великие князья Николай Николаевич, Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович, Николай Константинович. Представители аристократических фамилий России, таких, как Долгорукие. Кроме всего прочего, за Уралом на территорию Маньчжурии и Японии ушли войска генерала Каппеля, атамана Семенова, генерала Улагая, экипажи с кораблей Тихоокеанского флота, Амурской флотилии. В той же стороне находился митрополит Антоний с паствой. Новую российскую экономику разворачивали вдали от родины магнаты Рябушинские, Третьяковы, Лианозов, Нобиль, Манташов, Чермоев...

На Балтийском направлении из России ушли сторонники генерала Миллера, комдива Яковлева, старших офицеров Генштаба Коверды и Свежевского. На Среднеазиатском театре военных действий отступили в Китай, Иран, Афганистан казачьи части генерала Толстого, полковника Зайцева, атамана Анненкова. И там было немало известных имен: граф Дюрер, Федор Керенский,

Зимин, Арифов... Кроме того, большая группа русских офицеров и солдат, воевавших в частях русских экспедиционных корпусов французской армии, желала служить и далее в Иностранном легионе и была передислоцирована в Африку. Все это подкреплялось не только финансами стран Антанты или жертвованиями русских меценатов. За рубеж было вывезено многое из золотого запаса Российской империи. Только в казне Врангеля находилось около 2000 ящиков с драгоценностями, серебром. На эти деньги строились военные городки, платилось жалованье, содержались школы, институты, кадетские корпуса и юнкерские училища. А в Болгарии, например, русские войска были приняты на королевскую службу и составили боеспособное ядро Пограничной стражи...

Гражданская война, как топографической сеткой накрыла территорию бывшего Советского Союза, поделив ее на регионы боевых действий различных армий под командованием различных главковерхов. Наша местность - Поволжье - стало своеобразным «пограничьем» гражданской войны. Города и села, целые губернии переходили из рук в руки, от одной власти к другой. В большинстве эти территории входили в зону боевых действий Сибирской Директории Верховного правителя А.В.Колчака (его еще называли «русский Вашингтон») и армии большевистского правительства РСФСР. Здесь же пролегали интересы и военные маршруты казачьих частей атамана Дутова, мятежного чехословацкого корпуса военнопленных 1-й мировой войны, формирований Комитета Учредительного собрания, уральских пролетарских партизанских отрядов, авантюриста-«главковерха» Муравьева, крестьянской армии «чапанов» Долинина... Хорошо о такой вот ситуации, когда за сутки поселок мог трижды переходить от одной враждующей стороны ко второй и третьей, а люди, жившие здесь, представить даже не могли за чьи интересы и идеи им, возможно, придется умереть,- написал поэт Виктор Кочетков:

*Нас именем России
В атаки поднимали.
Но если б нас спросили:
Что про нее мы знали?
Две-три ее деревни,
Да городок поглуше,
Да сказку о царевне...*

II

В таком вот местечке, как «городок поглуше» в Мелекесской волости, в одноименном посаде и родился Николай Богутинский. В семье всегда был достаток. Отец владел несколькими магазинами, небольшим, но прибыльным пивоваренным заводиком, на котором производили также «зельтерскую воду» с фруктовыми наполнителями и шипуче-газированную, очень любимую детворой посада. В дела отца Николай не вникал. Мальчиком рос боевым, смекалистым и, после окончания курса местной гимназии, был отправлен отцом на учебу в Александровское юнкерское училище. Выйдя из училища в 1914-м в чине подпоручика Богутинский был направлен в один из лучших московских полков - Симбирский егерский. Вместе с полуротой охотников (разведка) в подчинение Николай получил и новый символ воинского отличия полка: нагрудный знак с двуглавым орлом, короной наверху и буквами «А» и «Н» - инициалами учредителя полка и правящего императора. Богутинский хорошо знал историю своего полка, ведь незадолго до его появления здесь праздновалось 100-летие формирования их боевой единицы. Не только рукописные и фотоальбомы в сафьяновых переплетах хранили эту историю в шкафах помещения офицерского собрания, была еще и книга подполковника А.Александрова, бывшего командира полка «История 24-го пехотного Симбирского полка», изданная в Кременчуге (бывшее место дислокации) в 1911 году. В ней, в частности, отмечалось, что по повелению Александра I полк был сформирован в составе 27-й пехотной дивизии из разных частей в предвидении близкой войны с Францией. Участвовал в кампаниях 1812-15 годов. Проявил себя в подавлении мятежа в Польше (1831г.) и восстания в Венгрии (1849г.). Был в боях с турками (1828-1829 и 1853-56 гг.). С 1833 года именуется Симбирским...

Все это очень льстило молодому офицеру. И, когда грянула война с германцами, Богутинский с особым воодушевлением воспринял известие об отправке на фронт. Домой, в посад, на улицу Большую, полетело письмо, полное патриотического пафоса... Боевые действия для подпоручика складывались удачно. Через год поручик, на груди которого сиял орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Он возглавил полковую разведку, был легко ранен в одной из вылазок с охотниками по германским тылам. Лечился в дивизионном лазарете, скоро вновь встал в строй. К 1916-му уже в чине штабс-капитана вновь был ранен в бедро. Заживление шло плохо (осколок попался от шимозной гранаты). Был переведен в московский госпиталь им. архангела Гавриила, по выписке из которого получил краткосрочный отпуск и был переведен во «второй эшелон» - на должность адъютанта старшего командира Запасного Симбирского полка, размещавшегося рядом с родным посадом.

В Мелекесе местные барышни-мещаночки были в восторге от боевого галантного кавалера «Николя», в ладно подогнанной форме, с двумя орденами (второй был - Святого Георгия 4-й степени, весьма высоко ценимый фронтовиками, отмечавший настоящий ратный подвиг командиров), курившего душистые папиросы, загадочно улыбавшегося в усы, слегка припадавшего на левую ногу (что, однако, не мешало ему вальсировать на праздничных вечерах в народном доме). Скорые и страстные победы над посадскими барышнями-гимназистками не ранили сердце фронтовика так глубоко, чтобы это можно было назвать любовью, потому отбывал он к месту новой службы с легким чувством сожаления.

Счастливые влюбленные фронтовики создавали семьи еще не подозревая, что впереди их ждут кровавые и смертельные события, начавшиеся октябрём 17-го... Фото сделано в посаде Мелекесс.

В девичьих «салонах» Мелекесса долго еще перешептывались потенциальные, но отставленные невесты, со вздохом вспоминая блестящего офицера, умевшего, впрочем, и лихо исполнять модные романсы, терзая крепкой рукой гитарные струны, а взглядом - души девиц, заставляя терзаться в сомнении их мамаш. И только здесь, в старинном дворянском Симбирске Николай впервые горячо полюбил - Лизоньку Семенову - дочку инженера-путейца Ивана Петровича Семенова. Год назад Лиза окончила второклассную Араповскую учительскую школу, получив свидетельство с отличием и звание учительницы школы грамоты. Теперь она сама преподавала в родной школе «начальные практические сведения по гигиене» под руководством заведующего - священника Леонида Араанинского - и по привычке любила прибегать на вечеринки к своей бывшей классной даме, а теперь подруге - учительнице чистописания Маше Копьевой. Там и состоялась ее встреча с Николаем, пришедшим „на огонек» к сестре своего сослуживца - артиллерийского поручика Копьева...

Но военное время - не самое располагающее к чувственности и любви. Вскоре запасной Симбирский был послан в летние лагеря под Оренбург, где в учениях ему надлежало отработать взаимодействие войск и боевое управление ими. Было понятно, что 24-й Симбирский основательно потрепан в боях на фронте, ему срочно требовалось пополнение из резерва, сбором которого и

обучением занимался сейчас на родине и Николай.

Еще в сентябре степное кыргызское солнце безжалостно к солдату. Полевая форма выбелена его лучами и солеными потами. От частой стрельбы вскипают пулеметные кожуха, до бела же

раскаляются стволы. А на маршах падают в обморок не только тощие юнцы, но и заскорузлые от крестьянской работы дядьки, ставшие солдатами собранного по Волге резерва русской армии... Но зато в прохладе вечерней, возвращаясь к палаточному городку и чуя дымы походных кухонь, предвкушая варено и отдых, как ладно да прочувственно пели симбирцы лучшие песни русских воинов! Вот над степными землями оренбургского казачьего войска сотня пластунов вытягивает:

*«Мы смело в бой пойдем
За Русь святую
И как один прольем
Кровь молодую!»*

*...Слышали деды,
Война началась...»*

А их перебивает задорная боевая дроздовцев, которую так любит бывший дроздовец командир батальона Матвеев:

*«Из Румынии далекой
Шел Дроздовский славный полк...»*

Это еще через три года большевистские композиторы-плагиаторы и безграмотные поэты, используя и эксплуатируя славные традиции Русской Армии, переиначат эти песни:

*«Мы смело в бой пойдем
За власть Советов...»*

или

*«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...»*

А тогда, осенью 16-го, у песен, как и у России, были еще свои хозяева, свой, особый, патриотизм, родина, особый национальный дух.

III

Историю можно изгадить, изнасиловать, приспособить к собственным устремлениям. Но переписать заново свершившееся - никогда! Особенно, если не истребить в архивах записки и высказывания деятелей данной эпохи. Вот примеры. Уж сколько было писано-переписано уже и в наше время о том, что В.Ленин действовал в интересах врагов России - Германии и Австро-Венгрии... И все об этом - только с отрицанием данности исторической, даже факты находились отвергающие обвинения. Но - черного кобеля... Слово самому Ленину-Ульянову:

«Меня часто обвиняют в том, что я нашу революцию произвел на немецкие деньги; я этого не оспариваю, но зато на русские деньги я сделаю такую же революцию в Германии...».

В. Ленин. Из выступления председателя СНК на заседании ВЦИК, октябрь 1918г.»

Интересно и высказывание начальника кайзеровского генерального штаба Гер. мании генерала Людендорфа:

«Наше правительство, пославшее Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывается с военной точки зрения - нужно было, чтоб Россия пала...».

Подумайте сами: ну как к подобному могли относиться настоящие патриоты России? Честные воины - генералы, офицеры, солдаты, окропившие пол-Европы своей кровью, бьющиеся с германским врагом у границ родной земли? Естественно, только как к предательству. Подлому удару в спину истекающей кровью армии. С предателями разговор мог быть только один...

Совершенно естественно, что в нетерпении к предателям и наймитам создавалось, росло и вооружалось истинно русское патриотическое сопротивление. К 1919 году только во фронтовых войсках Белой армии было 300 тысяч человек. Более 100 тысяч человек насчитывали казачьи формирования, вставшие на защиту своих земель в Оренбуржье, на Дону, Тереке, Кубани, в Астрахани, по Уралу, Зауралью, на Амуре и Уссури. Около 8 миллионов насчитывали отряды

крестьянских повстанцев по всей России (Поволжье, Ярославщина, Тамбовщина, Архангелогородчина, Сибирь, Башкирия, Зауралье). Каково же было всем этим радетелям родной земли русской услышать, например, из уст прибывшего в Россию из США Лейбы Троцкого:

«Мы опрокинули власть Керенского, мы повалили ее навзничь и, наступив ногой на грудь, крикнули всероссийскому рабочему и крестьянину: придите и возьмите ту власть, которая единственно принадлежит народу... Ныне власть вам, русским, дается не от бога, а от нас - избранного племени. Радуйтесь: пришло вам, православным христианам, истинное спасение!»

Из выступления на съезде Советов в октябре 1917г.

Какое лицемерие! Ведь, обещав из Смольного всем российским неимущим гражданам свобод, мира, хлеба, земли, дворцов, - будущий наркомвоенмор уже к марту 1919 года в принудительном порядке, террором, выставил на фронт 800-тысячную «пролетарскую» армию и 250 тысяч в интернациональных полках (хорваты, евреи, китайцы, венгры, немцы, поляки, турки, персы и даже американские негры)... Сам же Лейба Давидович в то время разрабатывал теорию казарменного коммунизма, собираясь согнать в управляемые лагеря и армейские части и весь остальной народ, т.н. трудармию для строительства светлого будущего. Что, кстати, и было проделано с успехом в последствии И.Сталиным.

Обещая на словах благоденствие, большевики на деле ввели настоящий геноцид против народов России. Уже до 1919 года под видом конфискации было разграблено или сожжено 111 тысяч дворянских имений и усадеб. В одночасье сгинуло 8 млн. гектаров прекрасных сельхозугодий, недобор только сельхозпродукции составлял 2 млрд. рублей. В городах разорялись и уродовались особняки прекрасной архитектуры, дворцы, фабрики и заводы, магазины. Соответствующее отношение было и к народу. По залпу-сигналу с «Авроры» дикая орда кинулась на штурм Зимнего дворца, который защищали мальчишки-юнкера и «ударницы» из женского батальона. Первых кололи штыками, а женщин перед расстрелом насиловали поротно...

К 1922 году в России было 2 млн. беспризорных детей. Причем, как писал журнал «Крестьянская Россия», девочки до 16 лет, прошедшие через спецраспределители Ф.Дзержинского и направленные в колонии и приюты, на 86% оказались обесчещенными. Во многих городах (в том числе и в нашем посаде в октябре 18-го) были образованы комиссариаты свободной любви, где краскомам перед отправкой на фронт выдавались мандаты на право социализации женщин. Слава богу, что в Мелекессе в то время оказался редактором газеты Артем Веселый, человек честный и совестливый. Он выступил против подобных методов работы посадской ЧК. А став председателем укома партии и членом президиума уездной ЧК, добился «чистки» в этой организации. Меньше повезло социализированным женщинам в Екатеринодаре, где после освобождения города матросы и красные конники Кобзырева превратили гостиницу «Бристоль» в бордель. Женщин отлавливали по всему городу... То же было в Одессе, в станице Курганской, в Самаре... После насилия женщин душили, стреляли, топили.

Кто же были эти несчастные «освобожденные от предрассудков царской России»? Учительницы, гимназистки, жены офицеров, дочери купцов и промышленников, сестры милосердия, казачки, крестьянки, мещанки. Могло ли быть спокойным, не наполненным гневом мести сердце русского патриота?

Содержание подневольных войск, управленческого аппарата, комиссаров из интернационалистов дорого обходилось власти. Потому начался передел собственности, накопленной веками русским народом. У 673 монастырей большевики изъяли 828 тыс. десятин земли, 4,3 млрд. рублей, отняли 704 гостиницы и приюта, 277 больниц. 1200 монастырей было разграблено дотла, взорвано. Из 70 тысяч церквей изъято ценностей на 7 млрд. рублей. А пример тому подавал сам Ленин. Перед октябрём 17-го его партия получила 20 млн. долларов кредита от финансовых групп США Куна, Лейба, Шиффа и Варбурга. Долги Ильич платил исправно (не свое же добро!) - к 1929 году ленинцы вернули финансовым группам 600 млн. золотых рублей, а по бартеру за океан отправлялись сырье, меха, золото, серебро, бриллианты, произведения искусства,

Главнокомандующий Русской армией Лавр Корнилов.

изъятые у русских людей. Только банк Шиффа получил из России золота на 102 млн. долларов!

Потому русский генерал Лавр Корнилов говорил своим соратникам еще в 1917-м: «Пора с этим кончать. Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а совет рабочих и солдатских депутатов разогнать так, чтобы он никогда и нигде не собрался... Конный корпус я передвигаю, главным образом, для того, чтобы к концу августа подтянуть к Петрограду, и, если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями Родины, как следует...». Блестящий военачальник, имевший академическое образование, бывший разведчик, военный атташе, владевший даже китайским языком, - был родом из простой сибирской казачьей семьи (как и Деникин - из крестьян, Алексеев - из семьи штабс-капитана, Кутепов - из семьи лесничего). Генерал бесхитростно и прямо врезал правду-матку, чутьем осознавая, что Россия идет к гибели... А вот интеллигент, великий мастер слова, мыслитель и писатель Иван Бунин писал образнее, оценивая Ленина и его деяния:

«...Выродок, нравственный идиот от рождения... Он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек - и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорит, благодетель он человечества или нет?»

IV

Рождество Николай Богутинский встречал дома. Отец показался ему более обычного озабоченным. Дела заводские шли неважно, рабочие часто стали предъявлять необоснованные экономические требования. И на все увещевания, что, мол, во время войны надо бы патриотизмом озаботиться и им, отвечали - «нехай императоры свои обиды сами на кулачках выясняют, а кровушку людскую зря не льют. Нам с немцами и австрияками простыми делить неча, надо замиряться...».

В посаде появилась самостоятельная группа смутьянов из большевиков, человек СОРОК, не более, но очень яро пропагандировавших народ против хозяев. Попали они и в совдеп, завелись в гимназии... Уж как только и чем не увещевали посадские радители переплетчика Николая Аблова, чтоб унял своих сынов. Даже припугнули донести, что Женька их дезертировал из войск и скрывается возле поместья Тресвятских в семье сестры-кухарки, но все было напрасно. Брожение умов всколыхнуло посадский люд. Многие крепкие хозяева стали переводить свои капиталы в бельгийские, швейцарские и английские банки, хотя, в связи с войной делать это было все сложнее...

Вот отец и хотел было посоветоваться с Николаем - не следует ли семье выехать куда-то, продав дело в Мелекесс». Но младший Богутинский нимало не озадачен был делами отца, он стремился побыстрее выехать в Симбирск, в полк, понимая, что скоро отправка на фронт. Более всего же он боялся, что не успеет всласть пообщаться с Лизой, о которой семье объявил, как о своей невесте. Короткие, захлебывающиеся в любви друг к другу людей, тревожные, предфронтовые встречи Богутинского с Семеновой оставляли чувство неудовлетворенности. Лиза пошла на курсы сестер милосердия, дежурила в госпитале, очень хотела попасть во фронтовую медбригаду, чтобы быть на войне подле любимого. Николай, хлебнувший и фронта и госпитального «счастья» в полевых условиях, не мог согласиться с невестой. А время шло. Морозной выюжной ночью Запасной полк подняли по тревоге, вывели в Киндяковку на погрузку в эшелоны.

С марта по май 1917-го симбиряне были влиты в боевые порядки стоявшего в обороне 24-го полка, шло переформирование рот, «сшивка» личного состава, освоение окопной жизни, изучение предполья. Здесь, в Малороссии, в составе 8-й армии Юго-Западного фронта Николай встретил многих однокашников по училищу, сослуживцев по 16-му году. Встречи эти плавно переходили в офицерские попойки ввечеру, горячие споры о положении в армии. Многие были недовольны либеральным командованием войсками главноверха Брусилова. Ни его возраст, ни осторожность в принятии решений, ни бесконечные уговоры войсковых комитетов, ни дискуссии вместо приказов - не могли imponировать профессиональным военным, привыкшим к непререкаемому единоначалию, боевым операциям. «По армии расползается гангрена демократии!» - уверяли

друзья Богутинского. Да и сам штабс-капитан, по ранению более не допущенный к разведке и служивший заместителем начальника штаба полка, видел эту заразу, деморализующую в первую очередь штабы.

В мае, сломав австрийские укрепления плотным артогнем, войска 8-й армии перешли в наступление. И, несмотря на то, что главковерх Брусилов всячески «укорачивал» пыл генерала Лавра Корнилова, ссылаясь на то, что соседние правофланговые дивизии не только не двинулись вперед, но и выказали желание по решению армейских комитетов отойти в тыл на отдых, - командарм безоглядно вел своих воинов вперед. Вскоре австрийцев сменили германские части, наступление увязло во встречных боях, на правом фланге противник совершил прорыв, угрожая армии Корнилова окружением. Пришлось вновь строить оборону...

В июле Богутинский вместе со всеми боевыми офицерами обсуждал и поддерживал решение военного министра и председателя правительства. А.Керенского о смещении Брусилова с поста главковерха и назначении на этот пост Л.Корнилова. А уже через неделю Николай вновь был ранен, правдо легко, когда штаб попал под обстрел германских аэропланов. Осколок рубанул по левой руке, которой штабс-капитан придерживал фуражку на бегу, торопясь укрыться в траншее на окраине села. Зазубренная железка сорвала кожу с мясом от локтя до кисти руки, но в голову не попала...

Забинтованная рука, легкая хромота офицера, видимо, стали причиной того, что Николая и еще пятерых его сослуживцев, подлечившихся в лазарете, отправили в штаб армии для получения особого поручения. Таких, легко увеченных, в штабе набралось около полусотни. Их провели в зальцу местечкового коммерческого училища, где фронтовики с восторгом приветствовали самого генерала Корнилова. Главковерх был краток. Обрисовав общую ситуацию в стране и на фронте, он перешел к постановке задачи отобранным офицерам: «Массы простого люда недовольны сегодняшним положением в стране. Просят защиты. Порядка. Анархия, дезорганизация измучили всех, кроме небольшой группки негодяев. Люди говорят, что некому жаловаться, нет нигде защиты, уверенности в завтрашнем дне. Правительство и сам Керенский именуют себя временными. У нас нет такого времени. Расточительно вести бесконечные либеральные переговоры и митинги в то время, как враг на фронте и в тылу ведет наступление на нашу Родину. Россия у нас одна - другой нет и не будет. Я убежден, только армия, только ее боевые офицеры еще в состоянии выправить положение.

Все вы, господа, по моему приказу направляетесь к местам своего проживания с полномочиями формирования в российских тылах боеспособных частей из добровольцев-патриотов. Спасать Родину нашу придется повсеместно, ибо болтуны-либералы, просто пораженцы и предатели русских интересов, проникли во все края наши и губернии. Оттого все вы считаться будете исполняющими боевое задание на фронтах, хотя бы и внутренних. Будьте деятельны и непреклонны в действиях сих. Кто со мною не согласен, либо задание считает противным его внутреннему убеждению, - принуждаться к нему не будет, возвратиться в свою часть должен без последствий каких-либо. Все детали, соответствующие полномочия и проездные документы получите в штабе армии.

С богом, господа офицеры! Во имя народа нашего и державы российской!»

Две недели добирался Николай до Мелекесса. С Лизой в Симбирске повидаться не удалось, она работала уже в Самаре при госпитальном хозяйстве. Дома семья была в «чемоданном настроении». Отец закрыл завод, сдал магазины в аренду купцу Кичигину. Капиталы перевел в лондонский Сити-банк. Выезжать собирались на Восток, где пока, по слухам, было спокойнее. В Хабаре у Богутинских были склады, приютить на время мог и компаньон отца, дальний родственник - Игнатьев. У него был свой особняк в городе, дача на Амуре, две фактории в тайге, заимки охотничьей артели. Ждали, что скажет сын-фронтвик. В семье считали, что Николай свое от войны получил сполна. Долг воина выполнил. Чести мундира не измарал. Раны и награды за храбрость давали ему возможность «выйти в гражданские чины»... Сам же штабс-капитан так не думал. Во-первых, у него был четкий приказ главковерха и настоящая армейская работа в губернии. Во-вторых, он не мог уехать без Лизы или хотя бы не повидавшись с ней. А в-третьих, как честный человек, не мог Николай смириться с той анархией, которую учинили политики-демократы над его армией, его страной. Не мог простить им позора отступления перед уже

поверженным германцем, митингового хаоса, разграбления казны государственной и изъятия капиталов частных...

Вот такие посадские ребята и встали на защиту России от кровавого большевистского режима. В организациях фронтовиков, анархистов, союза офицеров, в черной сотне им. Архангела Михаила

В посаде работала мощная организация «Союз офицеров-фронтовиков». Со знакомства с ее членами Богутинский и начал дело. На зданиях появились воззвания ко всем добровольцам, офицерам, младшим и низшим чинам русской армии с требованием пройти регистрацию в Союзе. Было взято на учет личное оружие фронтовиков. Выставлены караулы к чугунолитейному заводу, где до сей поры производили гранаты и бомбы. ..В этом посланникам генерала от инфантерии Корнилова деятельно помогали бывшие члены низложенной городской управы Александр Степанович Нечаев и Иосиф Алексеевич Вишневский. В самом же здании управы на Большой улице, неподалеку от Симбирско-Уфимского тракта, уже заседал т.н. Комитет народной власти, представлявший временное правительство, но члены его, за малым исключением, представляли эсдеков, эсеров, меньшевиков и даже большевистскую организацию посада. Именно с этой «временной», как считали офицеры, властью им приходилось вступать в конфликты в первую очередь. Комитет не запрещал акции Союза, но и не препятствовал жесткому противостоянию большевиков и офицерской организации. Более того, после большого молебна, красочно и широко произведенного офицерами и священниками у посадских храмов, на митинг, куда сошлось много земляков послушать корниловцев, явились члены большевистского комитета, затеяли свою агитацию, свару. Особо драчливого - рабочего Юсова, фронтовики отвалтузили и скрутили, бросив в погребок у дома Богутинских, чтоб «охладел». Но через два часа появились его сотоварищи, привели представителей посадской милиции, освободили Юсова. Николая вызвали в Комитет народной власти, где предупредили об ответственности за самоуправство, Женька Аблов же уверил, что в ответ на действия фронтовиков-контриков они поднимут весь рабочий люд с фабрик и заводов. Скрипя зубами, Богутинский был принужден заверить большевичков в своей лояльности законам новой власти, дабы преждевременно не довести дело до кровопролития.

Вечерами, перебирая гитарные струны за дружеским и таким милым, привычным, довоенным, вроде бы, застольем, Николай пел о том, что терзало его душу, давило на сознание:

*На Руси родиться - распроститься
С радостью и дедовским крестом.
На Руси родиться, как явиться
Атаманом или же Христом.
Если снова ангелы и черти
Нагло оседлали бунтаря,
На Руси недалеко до смерти,
До расстрелов проще говоря.
На Руси мятеж не больше лета,
Он к зиме кончается тоской.
На Руси благодарят поэта
Гробовою черною доской.
На Руси никто не отвечает
За себя, и целые века
На Руси нерусских привечает
Русская державная рука...
Сколько сгасло по тропинкам узким,
Сколько слез умыкала верста,
Потому и быть на свете русским -
Выше атамана и Христа.*

V

А обстановка тем временем продолжала накаляться. 28 августа Лавр Георгиевич Корнилов открыто выступил против Временного правительства и большевистских советов Петрограда. Все русские газеты опубликовали его воззвание: «Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри... Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни».

И, словно бы подтверждая, что ему «лично ничего не надо», преданный и окружением Керенского, и переметнувшимися на сторону Временного правительства генералами и депутатами Госдумы, перед опасностью боев на территории Петрограда и Москвы с красногвардейскими отрядами, - Корнилов сдался в руки правосудия и был заключен в тюрьму города Быхова. А если учитывать, что с ним были арестованы: начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал А.С.Лукомский, генерал-квартирмейстер И.П.Романовский, пом. министра путей сообщения генерал В.Н.Кисляков, зав. типографией штаба Главкома капитан А.П.Брагин, штаб-офицер управления Главкома подполковник В.М.Пронин, полковые командиры Г.М.Аракелов, И.Г.Соотс, И.И.Гринцевич, И.А.Родионов, С.Н.Ряснянский, В.В.Роженко, Н.Х.Андерсен, С.Ф.Никитин, А.В.Иванов, члены штаба Юго-Западного фронта: генералы А.И.Деникин, С.Л.Марков, М.И.Орлов, Е.Ф.Эльсенер, офицеры В.В.Клецанда и Б.А.Будилович, - то одним махом была обезглавлена вся фронтовая верхушка армии. Чем не замедлили воспользоваться германцы, начав масштабное наступление...

*Так выглядели русские офицеры, потерявшие
свое Отечество и продолжавшие бой за него в
войсках Корнилова, Деникина, Колчака, Дутова...*

Казалось, всего-то несколько дней назад Петроград восторженно встречал Корнилова. К перрону Александровского вокзала подошел поезд Главнокомандующего. На перроне с распущенными знаменами стояли юнкера военных училищ, хор песенников, делегации союза офицеров армии и флота, георгиевские кавалеры и женская команда. «Вся площадь перед вокзалом была заставлена войсками. Выделялась черная форма женского батальона смерти. Едва Корнилов спустил ногу на перрон, хор грянул гимн. Корнилову подали автомобиль, украшенный цветами. Он недовольно поморщился. Его монгольское лицо с опущенными к низу усами нервно передернулось.

- Я не кокотка, - с раздражением сказал он.

Атаман Донского войска Каледин, встречавший его, что-то шепнул Зайончковскому. На автомобиле укрепили Георгиевский флаг. Цветы убрали. Их с восторгом Расхватили дамы в светлых платьях, стоявшие плотной шеренгой около вокзала Впрочем, автомобиль не потребовался. Генералу подвели белого текинского жеребца...». Так вспоминает Арк. Васильев в своей работе «Есть такая партия!»

Непосредственный участник этих событий генерал Михаил Гордеевич Дроздовский. Я совершивший со своим полком беспримерный по героизму марш через боевые порядки Красной Армии по Бессарабии, Южной России на Дон, запишет в своем дневнике:

«В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом - с волками жить...

Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за «буржуизм и контрреволюционность». Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кому чужие души

отравлял ядом преступления? Мы живем в странные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, и закаляйся воля, ибо этими диким, разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон: «око за око», а я скажу: «два ока за око, все зубы за зуб». «Поднявший меч...»

И пусть культурное сердце сжимается иногда непроизвольно - жребий брошен и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги... Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, кодной правой вере, но путь так далек, так тернист...».

Это, наверное, наша судьба... Из 557 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до Брест-Литовска, Россия провела в войнах 334 года. Из них против мусульманско-азиатского мира - 46 войн за 276 лет, со Швецией - 8 войн за 81 год, Польшей - 10 за 64 года и т.д. А вот в войнах внутренних, самых беспощадных, кровавых, братоубийственных мы находимся и по сей день... И здесь нет фронтов, нет флангов, нет границ боевых действий, ибо борьба эта проходит через сердца людские, через ожесточение, смуту душевную...

VI

К августу 1917-го посад Мелекес был уже довольно зажиточным, чистым, зеленым городком со своеобразной архитектурой. 1670 домов, заслуживающих внимания, было внесено в посадский реестр строений. Среди 16000 жителей было только 67 евреев, еще меньше немцев. Так что о каком-то иноземном или иноверческом влиянии здесь говорить не приходится. Среди тех, кого корниловцы именовали «красной сволочью», а именно в рядах большевистской организации посада и совдепа были русские, чуваша, татары, мордва - в подавляющем большинстве своем коренные жители Причеремшанья. Так что бои «посадского масштаба» шли поистине братоубийственные, социальные, идеологические. Власть из вялых рук комитета народной власти прибирал себе совет рабочих и солдатских депутатов - опора сторонников Ленина-Троцкого. Стычки с союзом офицеров становились все ожесточеннее. Фронтовиков не пускали на митинги. А когда они во главе с Богутинским прорвались на балкон Народного дома, агитируя за создание Добровольческих воинских частей, вернувшийся из Петрограда Яков Пискалов вступил с ними в резкую матерную полемику. То, что его не выкинули с высоты на мостовую, лишь случайность... Хотя драки с подоспевшими через улицу из здания Совдепа красными дружинниками Шмидта и Баранова, офицерам избежать не удалось. Большой резонанс в посаде получил и случай избияния трех фабричных девчонок. Миусова, Каштанова и Гунерлах, обрядившись монашенками, пытались проникнуть на собрание союза офицеров, но были раскрыты. Прямо посреди улицы бабенкам задрали подол и отходили воинскими широкими ремнями по заголенным местам...

Нужно сказать, что работа фронтовиков заключалась не только в агитации населения или мордобое с большевиками. В районе Новой Майны был отстроен военно-полевой учебный центр, где размещалась рота посадских добровольцев, был создан арсенал вооружения. Нужно сказать, что в то время в посаде мещане уже привыкли к тому, что и рабочая дружина, и бойцы-анархисты, и офицеры-фронтовики, и уважающие себя купцы и лавочники с челядью, бывшие полицейские и новые милиционеры все были вооружены. И только Господь миловал наш городок от того, что драки идеологических противников не перерастали в вооруженное противостояние. После того, как однажды ночью на возвращавшегося домой Николая напали трое неизвестных, и ему пришлось сделать предупредительные выстрелы из парабеллума, один он уже не ходил. Бывший гимназист, а ныне вольноопределяющийся боец посадской роты Кичигин - стал его бессменным адъютантом и связным.

Мой дед - З.Г.Устинов фотографировался в период вступления в Мелекесс Народной армии Комуца.

Ветер перемен из столицы и Самары навевал той осенью тревожные вести. Большевики все больше прибирали власть на местах. Вместе с отцовским был закрыт клеевой заводик Нудина, выехал из посада хозяин гостиничных номеров Хайдаров, закрывались магазины Петра Коробова, Николая Климушина, Березина, колбасные, кондитерские, хлебные лавки Лангера и Кичигина. На прилавках товаров стало меньше. Да и какой товар можно было доставить сюда, если колониальный - чай, кофе, сахар, шелк, фрукты - шел из-за границы. А передвигаться по российским дорогам, где орудовали банды дезертиров, становилось опасным для жизни.

Уже обходились местными заготовками: овощами с посадских огородов, мясом, молоком, яйцами - из ближайших сел, скобяными изделиями механических мастерских, хлебом из закров Таратина, Марковых, Алеевых... Процветали только марковские погребки, где не выводилось вино, водка, пиво, раки. Погребки эти особенно любили посещать рабочие, среди которых было много сочувствующих большевикам. Офицерам и интеллигентам оставались ресторанчик Хайдарова на Торговой площади, вечеринки в хлебосольных пока особняках местных меценатов, балы в женской гимназии...

В конце октября Николай вернулся из Самары, где он встречался с Лизой, и сообщил ей, что родители хотят на Рождество провести их помолвку и приглашают из Симбирска Семеновых к себе. Он был полон радостных впечатлений и воспоминаний. Тарантас уже вынес штабс-капитана на Кузнечную, когда Николай услышал отрывистую пальбу из револьверов. Резко повернув коня влево, погнал к Черемшану, где в районе «железки» стоял дом его соратника - прапорщика Кузнецова. Тот был собран по-походному, увязывал вещмешок. Обрадовался Богутинскому, рассказал, что на телеграф пришло сообщение, что в Петрограде большевики совершили

вооруженное нападение на Зимний дворец, Временное правительство арестовано. Власть перешла в руки Съезда советов, состоящего из большевиков. В посаде рабочая дружина открыто вышла на улицы, идут аресты офицеров, членов монархических партий, комитета народной власти...

Ночь провели на островке почти в центре города. Там, где между Верхним и Средним прудом протока делилась на два рукава, была меж ними рощица с зарослями. Здесь офицеры и переждали первую «варфоломеевскую» ночь для посада. К утру морозец достал до костей, шинели не согревали. На рассвете друзья перебрались в район Торговых бань, где их укрыли Кичигины. Отогрелись, переоделись в гражданскую одежду, форму сложили в баулы. Саша, адъютант Богутинского, перегнал от Кузнецовых лошадь с тарантасом к своему дому. Сообщил, что был у Богутинских, там вчера совдеповцы делали обыск. Искли Николая, оружие, документы союза офицеров, списки. Отец велел Николаю укрываться в Никольском-на-Черемшане, где у Богутинских был добрый знакомый мукомол. Сразу же втроем и отбыли в дорогу.

То, что позднее пришлось пережить и увидеть штабс-капитану, можно оценивать с нравственной точки зрения, только самому ощутив весь разгул анархии неуправляемой и грубой толпы пьяных и свирепых мужиков, наделенных новой властью беззаконными полномочиями. В Никольском Николая всегда восхищал величественный «Екатерининский дворец» графа Дурасова, возведенный на высоком берегу. Семья Марковых, промышлявшая в этих краях, перекупила у родных графа этот дворец. Бывая в нем, Богутинский неизменно восхищался редким по красоте ландшафтным парком, окружавшим здание. Здесь были не только действующий фонтан и мраморная беседка, на кудрявых клумбах высились копии античных скульптур... Внутри Сологубы (родня Дурасова) устроили два зала, отделанных цветным стеклом, узорчатой лепниной, полами, покрытыми изразцовой плиткой. Был также и фантастический по подбору саженцев зимний сад, в котором порхали экзотические птички. Главное же богатство дворца находилось в его библиотеке. Редкие свитки, творения человеческого разума, взятые в кожаные и медные оклады обложены, книги времен древних... Собирать начинал ее еще отец Дурасова, многое привезли из Москвы Сологубы, Григорович, гостившие здесь Аксаковы, Тургеневы, Толстые. Все это купили, сохраняли и пополняли Марковы...

По приезде Николай ахнул... Над дворцом в Никольском курился едкий дымок. Клумбы были вытоптаны. Скульптуры, которые не удалось утянуть с собой, варварски разбиты. Внутри все было засыпано битым цветным стеклом. Леденящий ветер гулял по совершенно пустым голым комнатам. На заплеванном полу то тут, то там валялись дохлые птички со смятым оперением. Со стен содрали не только гобелены, но и матерчатую обивку - на портянки шелковые. Мебель, книги, тропические растения в кадках были растащены по дворам местным людом. У купидонов, вылепленных при входе в будуары, были разбиты лики, отбиты крылышки, половые органы...

Николай долго не мог без содрогания вспомнить, как Никольские мужики вертели огромные сигарки из страниц, вырванных из Платона, Овидия, Хераскова... Народ, ставший в одночасье хозяином такого добра, запасливо складировал в хлевах и на чердаках имущество Марковых, радуясь, что теперь в трельяже рядом с коровьей мордой, отраженной в трех зеркалах, можно лицезреть себя с домочадцами во время дойки. Что из пуфов и ящиков секретера получают очень удобные куриные гнезда. Что книг хватит теперь очень надолго, на очень много сигарок себе да и детям тож.

Приятель, у которого укрылись посадские беглецы, рассказал, что в Никольском власть перешла к самым отъявленным горлопанам из волостного комитета бедноты - они и дали команду зорить барское добро. И посоветовал Богутинскому:

- Вам, Николай, нужно бы, пока заморозков на реке нет, на лодке сплавляться к Белояру, там - на пароходик и в Самару. В губернском городе скорее укрыться можно. Да и недолго эта анархия вытворяться будет. Обождете... А там - за все спросится!

Богутинский и сам понимал, что нужно уходить в Самару, к друзьям, к штабам, к Лизе, позаботиться о ней в это дрянное время. Так и поступил. Оставил только дома Кичигина, договорившись о связи, поручив ему собрать членов союза, объявить о временной конспирации.

Самара полоскалась ветрами, распушив по улицам и зданиям кумачовые полотнища. Здесь беглецы могли ходить уверенно - их не знали в лицо, да и в губернской толпе можно было легко затеряться. И здесь перемены, которыми отметился в истории новый, Советский Мир, были разительны. На Алексеевской площади, например, Богутинский не увидел привычного памятника императору Александру II. Еще в 1889 году академик Шервуд создал уникальное творение. Как в яви Николай видел могущественную бронзовую фигуру в общегенеральском сюртуке и фуражке, в накинута на плечи шинели, левой рукой опирающуюся на саблю... Над волжской крутизной высился пьедестал из красного финского гранита, по углам его были укреплены бронзовые же венки с царскими вензелями, соединенные между собой бронзовыми гирляндами. На лицевой стороне под императорской короной был укреплен щит с надписью: «Александру II, Царю - освободителю 1889». А на противоположной стороне - щит с гербом Самары. На боковых сторонах пьедестала были изваяны щиты с перечислением важнейших реформ и событий времен царствования Александра II.

Штабс-капитан хорошо помнил, как восторженно рассказывал отец о своей поездке в составе мелекесской делегации на открытие памятника в столицу губернии. Городской голова П.Алабин выступил с проникновенным словом. Спало покрытие с памятника, и огромная толпа из управляющих, чиновников, военных, купцов, промышленников, интеллигенции, мещан, крестьян и духовенства, представлявших как все слои общества, так и все уезды и волости губернии, жертвовавшая свои рубли на создание этого памятника, - обмерла открывшемуся величию и лепоте, затем - разразилась рукоплесканием. Старшего Богутинского особо поразило, что ниже щитов на пьедестале застыли четыре сидящих фигуры. Среди них выделялся русский крестьянин, осеняющий себя крестным знамением. Левой рукой он держал хартию с надписью: «19-го декабря 1861г.». Хороша была и фигура восточной женщины с тонким станом, одной рукой сбрасывающей чадру, а другой подносящей корону к ногам царя. Она олицетворяла этим жестом покорное присоединение народов Средней Азии к Российской империи. О покорении Кавказа свидетельствовала фигура черкеса, переламывающего свою шашку о колено... Фигура молодой женщины, разрывающей цепи и попирающей знамя с полумесяцем, - символизировала освобождение братской Болгарии от османского ига...

Ничего этого Богутинский-младший, обожавший символы еще с рассказов отца, Уже не увидел. Как не было в гранитном постаменте, в нишах, водяных струй, сбегавших водопадами в резервуары-чаши и по трубам стекавших с косогора в Волгу. Сиротливо стояли обезглавленные столбы, на которых крепились четыре изящных канделябра из чугуна с пятью фонарями в каждом...

Недалеко от Троицкой площади в доме Курлиной мелекессцы застали некоторых членов самарского союза офицеров во главе с полковником Генштаба Галкиным. На удивленные вопросы приехавших самарские офицеры рассказали, что толпа, ведомая местными большевиками, повредила и башню с городскими курантами, сделанными в мастерской известных российских часовщиков братьев Буденонов. По ходу был разграблен и дом купца Шибаева рядом с городским базаром. А вся атрибутика с памятника императора (особенно бронза) была варварски отшиблена молотками вместе с кусками гранита и растащена по домам Безымянской слободы и Трубного завода. «То ли еще будет, господа, - сетовали собеседники, - мы ждем много худших событий и поступков этой власти...».

Самарцы словно в воду глядели. Скоро остатки памятника красные плотники заколотили досками. Пришедшие в Самару в 1918-м комучевцы освободили заключенного царя-освободителя, но не надолго. Уже осенью того же года красные, отбив город, увидев памятник-красавец, готовый к восстановлению, вновь разграбили его, расколов фигуру Александра II и, спустив останки с волжского косогора на свалку. На самом же царском пьедестале, на поруганном месте, установили позже фигуру своего бесноватого царя - В.Ленина, который так же символично прятал свои бронзовые руки, обгаренные монаршей кровью, в карманах брюк, дабы не являть их памятливому народу...

Еще большее потрясение ждало Николая на Саратовской, где он отыскил лазарет, в котором служила Лизонька. Озираясь по сторонам, пожилой санитар из запасников поведал «его благородию», что красногвардейские дружинники, учинившие чистку лазарета, вытаскивали во дворы не успевших скрыться или недвижимых раненых офицеров, где их стреляли без суда. А нескольких сестер милосердия, «барышень», как называл их санитар, ставших на защиту раненых, растянули по палатам и «ссиливали». «А уж как они кричали, несчастные, - здесь санитар истово крестился, - и заступы никакой не возможно было сделать перед извергами... Ваша барышня, Лизавета Ивановна, вырвалась, в крови вся, и голышом кинулась по коридору, - тут ее, сердешную, на штыки антихристы с красными бантами и подняли...». Утиравший засаленным рукавом гимнастерки слезы дядька-санитар, сказал, что ночью всех «убиенных» он с истопником «утянули в мертвецкую», где их наскоро отпел госпитальный священник. Утром тела покидали на телеги вновь пришедшие изверги, увезли, видимо, поскидав в общую могилу, а где - то неведомо. Да и обещали всем свидетелям этой расправы «смерть лютую», ежели когда языки развяжут... Николай, чувствующий, что под ним земля стала покачиваться, а мир вокруг заслоняет туманная пелена, быстро сунул в руку санитару золотой червонец: «Спасибо тебе, братец, что правды не скрыл», - заторопился по улицам, пытаясь как можно дальше уйти от страшного места этого, от горькой смертельной вести.

VIII

Поземка свирепо обметала холмы под Бугурусланом. В балке, прикрытой снежным гребнем, накапливались силы сводного батальона под командованием штабс-капитана Богутинского. Создатели какой армии были они, - наверное, не представлял себе даже сам командир. Казачья рота, которую поручил ему сам атаман Оренбургского войска - генерал Дутов, ушла в глубокий разведывательный рейд по заволжским степям. И, хотя боевых стычек с красными у них почти не было, по всем станицам и селам, которыми проходила «армия» Богутинского, она оставляла за собой виселицы со вздетыми на них совдеповцами, пополнялась местным людом из казаков, фронтовиков шедших в войско со своими конями, оружием, припасами. Рейдовый поход заглублялся все ближе к Самаре. Видимо, Богутинского неосознанно влекло к этому городу, разум и голос сердца заглушались ненавистью, мщением. На привалах, у стола со снедью и Мужичким напитком - самогоном, под гудение печи и пьяные всхлипы, Николай брал гитару, вздрагивали струны:

*«..И смеялось когда-то, и сладко
Выло жить, ни о чем не моля,
И шептала мне сказки украдкой
Наша старая няня - земля.
И любил я, и верил, и снами
Несказанными жил наяву,
И прозрачными плакал стихами -
В золотую от солнца траву...
Пьяный хам нескончаемой тризной
Затемнивший души моей синь,
Будь ты проклят и ныне, и присно,
И во веки веков, аминь!»*

Уже в марте батальон, а скорее партизанский уже отряд Богутинского стал основой для формирования армии образованного Комитета членов Учредительного собрания, посчитавших себя законным правительственным формированием многострадальной России. Эсеры, меньшевики, эсдеки, партии, отвергнувшие союз с большевиками, пытались придать хоть какую-то легитимность осуществляемым социальным реформам. Николаю было все равно, какие программы разрабатывались этим правительством. Получив заверения в том, что главное - это свержение большевистского и хамского режима, он всецело вручил себя и свое формирование в руки союзников-попутчиков, заметив: «Я, господа, офицер, воин. Тем вам и полезен буду. Располагайте моей жизнью, моим положением, моими людьми и умением».

Дивизионное формирование возглавил полковник Галкин, возложив оперативно-разведывательную деятельность на рвавшегося в бой штабс-капитана и его лихую команду, набравшуюся свирепости и опыта в хождении по тылам красных отрядов. Богутинский в штабах теперь не засиживался, на ветру и раннем солнце лицо его огрубело, загорелось, руки заскорузли от простой солдатской работы, форма обтрепалась в походах и о конские седла. Израненная душа, словно встряхиваясь от загрубелых чувств и жестокости, всколыхивалась странными воспоминаниями. Особенно на привалах, после не охмеляющих его пьянок, бессонными страшными ночами. То вдруг наплывали воспоминания детства, золотистые лужайки у их дома, голубые залесные дали черемшанские. То вдруг он переносился в Симбирск 15-го, где на краю горы одурял запахом сирени Владимирский сад. Наплывала музыка из купеческого клуба, фланирование по аллеям щеголей-офицеров с местными мещаночками. Высокие столбы на Соборной площади с вызолоченными верхушками, иллюминация, театральные подмостки и ясный сквозь видения, радостный смех Лизы, откликающийся на репризы заезжей опереттки... Все это накручивалось в памяти Николая, как один веселый ярмарочно-светлый день, где балаганы и карусели, огромные, красочные палатки с разными сладостями мануфактурно разноцветные ряды, барабанный бой и пьяный мужик, изображающий «Барыню», то - бег розвальней по сугробам, почти верхушек занесенных снегами деревьев, жаркие поцелуи под медвежьей полостью, дворники в больших расписных валенках, скребущие тротуары Симбирска, ухмыляющиеся, заведя санки с офицером и душкой- «студенточкой», отдающие честь...

Атаман Оренбургского казачьего войска, генерал А.И.Дутов.

Уполномоченный Комуца по Оренбургской губернии - генерал Дутов требовал возврата своей рейдовой роты под свои знамена, и Галкину пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать нужность команды Богутинского под Самарой, где намечалось главное сражение. А штабс-капитан всем сердцем рвался к югу - туда, куда увел его боевых соратников, вставших в боевые порядки Добровольческой армии, обожаемый фронтовиками генерал Корнилов. Но... красные заслоны у Саратова, Ростова-на-Дону, Екатеринослава, Царицына, как сквозь сито просеивалидвигающуюся к югу, на Кубань, армаду беженцев, безошибочно определяя переодетых офицеров, юнкеров. Которых, в лучшем случае, ставили под ружье в красных отрядах, в худшем... Потому, сдерживая свой порыв, Богутинский утешался тем, что чем скорее они вышибут большевиков из Самары, Саратова, Казани, родного Мелекесса, - тем быстрее произойдет долгожданное объединение их войск со спешащим к ним Корниловым. А когда и до них донеслась весть о гибели генерала от осколка стального снаряда и о том, что взявшие Екатеринодар красные, якобы выкопали тело героя-военачальника, возили покойного по улицам в одних кальсонах, на привязанной к его ногам веревке, и заставляли плевать и испражняться на тело Корнилова горожан, а в конце - повесили труп вверх ногами на дереве и по ночам бродячие собаки обгадывали его лицо и руки, - Николай поклялся под образами, что никогда он не познает теперь пощады к этим кровавым варварам...

Плакали, не скрывая чувств, ожесточенные судьбой и беспощадной битвой его друзья-офицеры, сурово и мопча смолили табак окружавшие их солдаты, когда хрипло и безысходно, выталкивая слова из пересохшей глотки, пророчески пел штабс-капитан:

*«В мареве бешенства хилого,
В зареве казней и смут,
Видите - руки Корнилова
Русскую землю несут.
Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все,
И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.
Он не ушел и не предал он Родины.
В горестный час*

*Он на посту заповеданном
Пал за страну и за нас.
Есть умиранье в теперешнем,
В прошлом бессмертие есть,
Глубже храните и бережней
Славы Корниловской весть.
Мы и живые безжизненны,
Он и безжизненный жив,
Слышу его укоризненный,
Смертью венчанный призыв.
Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ,
Слышите, сердце Корнилова
В колокол огненный бьет...»*

Ах, как хороши и точны были слова сослуживца Николая - поручика уланского эскадрона 3-го сводного кавалерийского полка корниловцев - Ивана Савина (Саволайнена). Как созвучны тому, что переживали сейчас все, кто служил под началом бесстрашного генерала и безраздельного патриота Руси - Корнилова...

А боевые друзья уже требовали-просили: «Господин капитан... Николая, просим - «Пулю-дуру». Силь ву пле!» И он, осторожно, чтобы не сорваться в угаре, трогал струны, поправлял бант из георгиевской ленты, венчающий гриф, зачем-то низко-низко приклонялся к гитаре, словно вслушиваясь в эхо из ее дуплистого нутра, начинал тихо, глубоко и со всхлипом:

*«У эпохи - не глаза, а дула!
Взгляд наполнен холодом и злом.
По Руси гуляет пуля-дура
Блудной девкой за любым углом...
Для чего ты, дура, прилетела?
Жили мы, не помня о тебе,
А сегодня нет уже предела
Этой окровавленной гульбе...
Пуля-дура, нет тебе запрета!
Лупит шквал свинцового дождя.
Не щадя солдата и поэта,
И саму Россию не щадя...
... Сыто усмеваются с прищуром
«Нового порядка» господа.
Пуля-дура, ты и вправду - дура!
Попадаешь, дура, не туда...»*

IX

Русский историк Г.Иоффе писал:

«Чехословацкое восстание стало протянувшимся почти от Пензы до Владивостока бикфордовым шнуром, пламя которого вызвало антибольшевистский взрыв в огромных восточных районах страны, советская власть здесь в июне 1918 года оказалась на удивление быстро свергнутой (гораздо быстрее, чем она тут устанавливалась)».

Согласно договору с большевиками, 30-тысячный Чехословацкий корпус (еще в 1916 году офицеры и солдаты, чехи и словаки отказались защищать интересы Австро-Венгерской империи и объявили себя военнопленными на территории России) Должен был продвигаться к Владивостоку, чтобы отправиться на французский театр военных действий «не как боевое подразделение, а как группа граждан, располагающая оружием, чтобы отражать возможные нападения контрреволюционеров». Но Уже в апреле 1918 года у чехословаков , располагавших только

оружием необходимым для самозащиты, возникли конфликты с местными большевистскими властями в районах Сызрани, Самары, Уфы, Челябинска, где от них требовали сдачи всего оружия.

И.Сталин 9 апреля телеграфировал своим соратникам: «Теперь необходимо полное разоружение эшелонов и отпуск их на Восток только маленькими частями и с Перерывами, ни в коем случае не вместе». Таким образом будущий вождь и отец советских народов и исполнявшие его директиву на местах вождя-сталинцы сами создали очаг напряженности, а затем и предпосылки к свержению власти Советов и развязыванию гражданской войны в районах Рязанско-Уральской, Сызранско-Вяемской и Самаро-Златоустовской железных дорог. Вагонами с возбужденными чехословацкими воинскими частями были забиты все станционные пути. Причем, эшелоны с бывшими военнопленными немцами и венграми беспрепятственно перебрасывались на Запад, где из них в районе Москвы и Питера формировалась т.н Красная армия - армия «трудового русского народа»...

23 мая съезд в Челябинске постановил не сдавать оружия и пробиваться к Владивостоку. В ответ, в перехваченной съездом телеграмме №377 всем совдепам ..от Пензы до Омска... «Народный комиссар по военным делам Л.Троцкий» предписывал:

«Все Советы под страхом ответственности обязаны немедленно разоружить чехо-словаков. Каждый чехо-словак, который будет найден вооруженным по линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте... Одновременно посылаются в тыл чехо-словакам надежные силы, которым поручено проучить неповинующихся».

Первые бои произошли в Мариинске, Иркутске и Златоусте. ЧСК отразил нападение всем корпусом (т.е. по всем станциям, где стояли их эшелоны), перешел в наступление, овладев Сибирской и Алтайской железными дорогами. Был арестован Совет в Новониколаевске. 27 мая чехословаки заняли Челябинск, 28-го - Нижнеудинск, 31-го - Томск, 7 июня - Омск, далее - Барнаул, Красноярск. На Урале действовали группы С.Войцеховского и Я.Сыровы, в Западной Сибири - Р.Гайды. Пензенская группа войск, насчитывавшая 5 тыс. человек, подчинялась С.Чечеку.

Военная карьера С.Чечека началась в боях под Бахмачом против русских частей в 1916 году. В 1918-м - в мае - он получил звание поручика. В июне - полковник, в июле - командующий Волго-Уральской группой ЧСК. С августа - генерал, а в сентябре - отозван в Париж на должность командующего чехословацкими войсками во Франции.

Войска Чечека в мае 1918-го были окружены красными в районе Пензы-Самары. Преодолев следствия предательства своего командующего генерала Коломинского, чехословаки, во главе с Чечекком, договорились, что большевики пропустят их эшелоны на Восток. Сами же, пройдя Сызрань, дали бой красным частям под Липягами, уничтожив около 8 тыс. красногвардейцев, столько же - утопив в Волге. А 5 июня их передовые отряды вышли к Самаре...

Станислав Чечек писал в своих воспоминаниях: «В это время я уже имел связь с Самарой. Из Самары ко мне пришел тогда делегат, такой маленький мужичок... Он сообщил мне, что прислан из Самары, от организации, которая поставила своей целью содействовать нам и бороться с большевиками...

Большевики были разбиты наголову и загнаны в реку. Мы забрали у них все поезда (7поездов), захватили снаряды, артиллерию и около 2 тысяч пленных. Много людей погелло, а те, что остались в живых, бросились к реке, и часть из них погибла в ней, часть - по одиночке бежали в город в одних рубашках, некоторые и без рубашек...

...Ребята подошли ночью к мосту, зарядили шомпольные гранаты и прямо с колен выстрелили разом 30 гранат на ту сторону моста. Большевики так растерялись, что без всякого сопротивления бросились бежать, в этот момент наши ребята бросились на мост, пробежали его бегом и... оказались в Самаре. Начался бой в самом городе... Только возле здания клуба коммунистов немного задержались. В это время я как раз подошел к этому зданию. Вижу, наши ребята втащили пушку за угол и готовятся стрелять. Спрашиваю: «Что такое?» «Советы не хотят сдаваться!» - отвечают солдаты. Ну, втащили пушку, зарядили, раз... другой... и немедленно же из окопа появился белый флаг.

Коммунистов мы арестовали и повели в тюрьму. И тотчас из всех домов повысыпала публика, кричат, орут, бросаются на большевиков и ну их бить чем попало.

В Самаре начал свою деятельность Комитет членов Учредительного Собрания, сформировался штаб и началось формирование Народной Армии. Дальнейшее наше движение, несмотря на содействие нам русских организаций и добровольческих частей Народной Армии, все же не было таким легким и простым...».

Чечек несколько, если не более, кривит душой. Он хочет представить дело так, будто новая народная власть на Урале, в Поволжье и Сибири (а главное - в Самаре) была доставлена на штыках его соотечественников и дарована русским доблестными чехословацкими воинами...

На самом же деле, что бы ни свидетельствовал Чечек, история 1918 года складывалась иначе. Как свидетельствуют большевистские документы и панические доклады их местных ставленников в Москву, от октября 1917-го до мая 1918-го на огромных территориях Башкирии, Татарии, Саратовской, Самарской, Оренбургской губерний большевистской власти не существовало вовсе! А там, где в Советах большинство прочно удерживали меньшевики и эсеры, максималисты, кадеты и анархисты - царило хрупкое двоевластие, например, даже в родном городе Ленина - Симбирске. Начальник штаба корниловской Добрармии генерал Лукомский еще зимой 1917-го отдал распоряжение разведорганам:

«На Волгу - в Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицин и Астрахань - командировать офицеров с целью организации там противобольшевистских сил и постараться, подняв восстание против большевиков, захватить в свои руки эти пункты!»

Х

Герой нашего повествования, попав в Оренбуржье, считал себя офицером Оренбуржского передового отряда атамана (полковника) Бакича, войсковой единицы Освободительной армии генерала Дутова. Богутинский понимал, что, ведя против красных партизанскую войну, они сковывают их главные силы в степи, давая тем самым возможность концентрации антибольшевистских союзов в губернских центрах и уездах. Кроме того, до самой гибели Корнилова, перед дутовцами стояла и задача связывать два направления на театре военных действий. Первое - Уфа - Оренбург - Самара - Царицин. Второе - Оренбург - Уральск - Астрахань - районы, контролируемые Добрармией на юге России. Видимо, по этому коридору «рассчитывал переместиться в родные ему места» (Омск-Иркутск) и сам Корнилов, который именно с этой целью весной 18-го направил со специальной миссией в Самару - и далее - Сибирь генерала Флуга и полковника Глухарева. Связь между войсками Русской армии действовала безукоризненно.

Обстановка в начале 1918 года складывалась следующим образом: Самарский губком, во главе с В.Куйбышевым, вынужден был из частей гарнизона и пролетарских дружин создавать летучие отряды и бросать их против близко подошедших к Самаре и уничтожавших Советы на местах отрядов полковника Бакича и генерала Акулинина. Военную работу поручили члену чрезвычайной комиссии Совнаркома по борьбе с Дутовым - П.Кобзеву. Отряды на северном направлении возглавил помощник начальника Самарского гарнизона В.Блюхер. Был отдан довольно странный приказ власти «пришедшей всерьез и надолго»: обучаться ведению партизанской войны 8 тылу противника - и это на территории, объявленной ими советской! Против частей Бакича был выставлен на Уральско-Оренбуржском фронте (все-таки фронт!) Бузулукский пехотный полк, отряд самарских коммунистов, а главной ударной силой считался Северный летучий отряд мичмана С.Павлова, составленный из 600 матросов, снятых с линкоров Балтфлота «Андрей Первозванный» и «Петропавловск».

О том, насколько серьезно было положение на этом фронте, свидетельствует то, что на территориях, где и не пахло чехословаками, действовали уже комитеты народной власти, но без большевиков. В марте создано белогвардейское правительство в освобожденном Саратове; из подчинения Самарского губкома и губис- полкома вышли Екатерининская и Тростянская волости; под Казанью создана Забулакская республика татар со своим правительством; в Башкирии и Казахстане огромные мусульманские территории признавали только партию «Алаш» с

правительством - Ордой, заключившим союз с Уральским и Оренбургским казачьими войсками; от Иркутска до Харбина действовало правительство монархиста Дербера; в Семиречье образована Казачья республика Анненкова; в Симбирске съезд Советов неожиданно проголосовал за передачу власти Учредительному собранию, и там пришлось держать усиленный отряд матросов и московского красного эmissара Крымова; в Мелекессе, несмотря на ярое сопротивление большевистской фракции, посадский Совет поддержал предложение эсеров и решил объявить «свободную рыночную торговлю хлебом», сорвав главную заповедь большевизма: хлеб - это монополия государственной (т.е. их) власти...

В ответ на военно-политическую акцию Самарского губкома, нарушившего все договоренности и заблокировавшего на станциях 360 эшелонов с фронтовиками, возвращавшимися домой, разоружившего их и объявившего о насильной мобилизации в Красную армию, - в городе, где было более 7 тысяч членов коммунистической организации, - вспыхнуло восстание. В феврале и марте в Самаре шли бои! 3-я запасная артбригада открыла огонь по поселку трубного завода - пролетарской опоре губкома. Прошедшие в частях гарнизона собрания выдвинули требования перевыборов Совдепа. Был переизбран состав губисполкома. Офицерские отряды полковника Галкина и поручика Злобина, руководимые из легально созданного штаба, вели бои на улицах с красными дружинами...

А как могли относиться к коммунистам казаки, земли которых аннексировались пришлыми людьми? Солдаты-фронтовики, по дороге к дому загоняемые в красные отряды? Чиновники, лишившиеся работы? Торговые люди, потерявшие капиталы и имущество? Интеллигенция, которую погнали с метлами на улицы перевоспитываться и отбывать трудовую повинность? Офицеры, которых расстреливали только за подозрение в нелояльности? Гимназистки, курсистки, студентки, которых мог по квитанции-мандату прямо на улице изнасиловать «заслуживший это право» красный матрос или комиссар из представителей ранее угнетенной нации? Рабочий, которому вместо зарплаты выдавали теперь «за сознательность пролетарскую» пайку хлеба с селедкой или красные революционные штаны по мануфактурной карточке?..

Ленинский ставленник на Волге Антонов-Саратовский, докладывая о своей работе с населением вождем по телеграфу, на вопрос, чем он занят, отвечал:

- Давлю кулаков!

На что кремлевский защитник всего прогрессивного человечества одобрительно поучал:

- Так и надо!., расправляйтесь с ними беспощадно!

Своего полководца - войскового старшину Дутова Н.Богутинский знал еще до октября 17-го. Тогда он в Петрограде попал на банкет по случаю окончания работы съезда Верховного Казачьего Круга России. Дутов был избран там товарищем председателя съезда Корнилова. Он, сверкая своим бритым черепом, несмотря на не- великий росточек, имел успех у дам из высшего света. Этаким живчик, икрыной мужичок с крепеньким, обтершимся о седла задом, обтянутым в залампасенные казачьи брюки-галифе, без усталости вальсирующий по зале, позвякивая наградным «иконостасом» на груди, говорившем и о боевых заслугах полковника...

В партизанских же скитаниях по лесостепным заволжским далям штабс-капитан «кружил» свой отряд у Самары, игнорируя приказные «окрики» Дутова и Бакича, считая их по стратегическим знаниям себе ровней. Хотя, в душе он понимал, что держит его у губернского города спекшееся в груди чувство мести и ненависти обида за искалеченные судьбу, карьеру, любовь. Боевые стычки происходили постоянно. Охотники Богутинского, действующие за боевыми порядками летучего морского отряда и перед самой обороной самарцев, - раздражали красных. На его отряд устраивалась даже специальная охота. Но в крупных селах и крепких хуторских хозяйствах крестьянствующий люд, озлобленный на комбедовцев и продотрядников-карателей, сильно симпатизировал богутинцам, прощая даже расправы! над сельсоветчиками-большевиками. Так, прикрываясь этими симпатиями и помощью, Николаю удавалось не только уходить с товарищами от погони, но и, грамотно ведя боевые действия, сохранять людей, даже пополняться добровольцами из фронтовиков, беженцев из Самары...

Самара... Имея постоянную связь с губернским центром, Богутинский считал себя более подчиненным полковнику Галкину и его «Союзу офицеров», чем далекому оренбургскому атаману, тем более, что Дутов оставил этот степной город и отступил к Илецкой крепости, не выдержав ударов войск Павлова и Чапаева. А вот отряд самарского уполномоченного С.Цвиллинга, шедший в Оренбург на усиление красной власти, под Кинель-Черкассами попал под конную атаку богутинцев и был весь изрублен в поле, не успев и занять обороны. Цвиллинга пристрелил сам штабс-капитан, плюнув на прощание на труп «жидовского комиссара».

Галкин сообщал, что к маю в Самаре почти не будет регулярных красных частей, и сложится благоприятная обстановка, чтоб ударить по «товарищам» извне - Богутинскому, изнутри - силами городской организации «Союза офицеров». Так Николай узнал, что в городе концентрируются не только силы их воинского братства под эгидой «Союза возрождения России», но и эсеровского «Союза защиты Родины и свободы». Что Самара стала столицей, куда съехалось все руководство социал-революционеров, имеющих подавляющий авторитет и поддержку в крестьянских массах Поволжья, а также многие члены антибольшевистского Учредительного собрания представителей народов России, - единственного на то время легитимного органа законной власти.

Итак, уже к маю 1918-го, а как мы знаем, решение о вооруженном выступлении ЧСК было принято лишь 23-го в Челябинске, - в Самаре сложилось критическое положение. И июньский фронт против чехословаков был для самарских большевиков-ОДНИМ из многих: 1-го в Самаре прошли многотысячные демонстрации с требованием: «Вся власть Учредительному собранию». 8-го боевые действия в разных концах города открыли офицеры Галкина, отсекая от центра большевистские Учреждения и организации. 18-го эсеровский отряд Кудинского разогнал милицию, открыл тюрьму, занял штаб городской охраны, почту, телеграф, телефонный узел, создал в зданиях гостиниц Телегина и Филимонова штабы для партии эсеров и Комитета Учредительного собрания. Яркую антибольшевистскую агитацию открыто Развернули выходившие в городе легально меньшевистские газеты «За свободу», «Вечерняя заря» и газета максималистов «Трудовая республика». В Самаре начались взрывы и поджоги советских организаций. 18-го в Москве съезд членов Учредительного собрания принимает решение о переезде в Самару!

Внутри города создалась антибольшевистская коалиция из анархистов, максималистов, учредителей, меньшевиков (т.н. «левое» демократическое крыло) другой стороны - кадетов, монархистов, корниловцев, черносотенцев, савинковцев. Мне кажется, что уже в то время и сложилось положение, когда коммунисту уже власть потеряли и не управляли ситуацией, а их оппоненты еще не обрели уверенности в своих силах. Красные ждали поддержки из центра, а горожане, вслушиваясь в канонаду со стороны Кинеля, ждали, когда дутовцы опрокинут блохеровские заслоны перед городом с востока.

Да, чашу весов в этой позиционной борьбе склонили на сторону Комуча чехословаки. Но нельзя не учитывать, что «лоцманами» их движения к Самаре еще до Пензы были: начальник управления контрразведки будущей Народной армии Комуча - жандармский полковник М.Познанский, бежавший из самарского застенка офицеры связи из организации Галкина, в том числе сын крупного домовладельца и промышленника - кадет К.Неклютин, член Комуча И.Брушвит. За трое суток до прихода к самарским стенам частей ИСК руководитель Комуча эсер П.Климушкин сформировал в самой Самаре две офицерские дружины, одну партийную из эсеров, в составе 500 бойцов, а также принял под командование меньшевистский и кадетский взводы. Был принят план генерала В.Болдырева о создании при самарском гарнизоне и из наступающих частей «русской антигерманской и антисоветской армии...».

Шло и интенсивное взаимодействие с уездами. Губернский военно-административный аппарат давал указание из осажденной Самары по уездам: создавать новый состав милицеских органов, посылал в города и села уполномоченных Комуча для управления на местах. Связь с чехословаками, дутовцами и отрядами Галкина за пределами города работала бесперебойно. Так был скоординирован и час решающего наступления. Видный коммунистический деятель из Самары комиссар труда Ю.Милонов в своих воспоминаниях подтверждает это:

«Город блокировали со всех сторон... Чехи прорвали нашу оборону в районе железнодорожного моста».

А вот с противоположной стороны, вдоль Самарки, в город ворвались охотники Богутинского. Они первыми захватили порт и не успевший отплыть вслед за Куйбышевым и К^о к Симбирску пароход «Соколик», реквизированный красными у купца Соколова. Они вели бой у губкома на Заводской улице, на Хлебной площади, у пекарен Неклютина против остатков отряда убитого чехословаками краскома Кадомцева, брали дом Курлиной на Саратовской, освобождая из чекистского застенка своих товарищей...

Во всей советской литературе много обвинений в адрес сторонников Комуча в их зверствах. Но ведь не они же начинали этот террор против обывателей и населения. Да, можно упрекнуть нашего героя в том, что он, отринув христианские заповеди о всепрощенчестве, творил лишь то, что именуется в народе «око за око...» - Но сколько же может вытерпеть, не ожесточаясь, человек, тем более - потерявший жизненный смысл, любимую, Родину, человек, уже с надломленной на кровопролитной войне психикой, израненным телом, покалеченной душой?!

Не могу оправдывать Н.Богутинского, но не могу и не понять его действий, его порывов. Да, охотники под его командой вели на расстрел в Плотников овраг (любимое место проведения большевистских маевки) Марусю Бешенкову - зав. Клубом коммунистов, захваченную у пулемета в бою у дома Неклютиных. Туда же вели и бывшего владельца книжной лавки «Книговед», а при большевиках – председателя «Союза квартиронанимателей» Ивана Штыркина, которого самарцы знали как безжалостного и грубого комиссара, выкидывавшего со своей командой на улицу из домов и квартир «буржуинов и их племя, нажившихся за счет бездомных», а потом устраивавшего в реквизированных помещениях попойки и оргии с новыми «домовладельцами».

Да, Богутинский не стал осаживать толпу обывателей-горожан, когда она терзала и убивала схваченных в бою у клуба коммунистов, яростно сопротивлявшегося председателю ревтрибунала Франциска Венцека и его друга Александра Масленникова, известных своей безжалостностью палачей. Как равнодушно отправлял штабс-капитан в эшелоне смерти большевистских «дам», в том числе и жену Венцека Серафиму Дерябину, в последнее «путешествие» по Сибири...

Ни он, уже сталкивавшийся с вандалами, грабившими Никольское, ни образованные и культурные самарцы не могли простить членам большевистской культкомиссии Шнайдеру, Поливнику, профессору Багрию или академику Перетцу, которые с бесовским упорством воровали, прикрывшись мандатом, произведения искусств, драгоценности, домашние библиотеки в особняках самарских коллекционеров, отправляя это бесценное добро не в народные музеи, а в центр и далее - зарубежным ценителям, обменивая это на фунты, доллары, марки...

Самара торжествовала! Праздник, не омрачаемый даже расстрелами, длился третий день. Николай со своими боевыми товарищами отмолился на панихиде по убиенному большевиками Главковерху России Корнилову. Был на приеме в честь приезда в город главного уполномоченного Комуча по Оренбуржью и присвоения звания генерала - атаману Дутову. Был на приеме по случаю открытия посольства Франции в Самаре. На городском балу в театре «Олимп». Но сам все рвался домой, в Мелекесс...

Поездку эту просил отложить полковник Галкин. Он должен был представлять членам правительства наиболее отличившихся в боях офицеров. Нужно сказать, что практически еще с марта 1918-го в этом губернском городе, хотя и нелегально, но уже действовал Комитет членов Учредительного собрания в составе 5 человек: П.Климушкина, И.Брушвита, Б.Фортулатова (депутат от Твери), В.Вольского и И.Нестерова. Таким образом Самара становилась третьим центром в России, где законно избранные властные структуры смело приняли на себя обязанности отстаивать делегированные им права их избирателями и отнятые большевиками. Первые два возникли чуть ранее в Томске и Новониколаевске...

Кинотеатр «Триумф» был заполнен до отказа: представители боевых офицерских частей, чехословацкого корпуса, казачества, Деловых и партийных кругов Поволжья, Добрармии, интеллигенции города, крестьянства, рабочие и мещане - все они единодушно приветствовали представителей своей власти. П.Климушкин, выступивший с докладом от имени Комуча, доложил о сформированных коалиционных органах Народной власти: военно-политических, исполнительных, судебных, международных и т.д. Здесь необходимо отметить, что учредилорцы,

как бы составляющие законодательное собрание, и их правительство крепили из месяца в месяц: в августе их было 29 человек, сентябре - 71, а в начале октября - 97...

В этом же докладе впервые прозвучало и то, что председательствовать в Комитете будет теперь В.Вольский, Совет управляющих ведомствами возглавил Е.Роговский, а сам Климушкин стал куратором военного ведомства и органов внутренних дел. Комуч объявил, что в качестве компромисса коалиционной властью принято решение объявить флагом республики - стяг красного цвета. Власть народная, пришедшая в Самарскую, Симбирскую, Саратовскую, Казанскую, Уфимскую губернии, объявляла их - «Территорией Учредительного собрания»... В последующих выступлениях звучало более восторженно, что управляют этой территорией «настоящие хозяева земли русской, незаконно распущенные большевиками». О коалиционности данной власти говорил и тот факт, что кроме кадетов и эсеров в правительство вошли и представители других партий, например, меньшевик И.Майский стал министром труда. В руководстве Народной армии были представители монархистов и черносотенных организаций. В то же время было объявлено о новых выборах в Советы народных депутатов (впоследствии большинство в них получили социалисты-революционеры). В Самаре объявлялось о выходе в свет, кроме уже существующих партийных газет, еще и других, независимых: «Волжский день», «Волжское слово», «Наш день»...

На этом же общетерриториальном собрании были зачитаны приказы о награждении отличившихся в боях воинов. Так Дутов стал генералом, а Николай Богутинский, неожиданно для себя, был досрочно, минуя чин капитана, произведен в подполковники «за особые воинские заслуги и старания перед Родиной и народом». Полковник Галкин был награжден орденом Белого Орла.

Жизнь в Самаре возвращалась в нормальное русло. Шла мобилизация в Народную армию. Поступало вооружение и боеприпасы из стран Антанты. На народных митингах и собраниях происходили бурные политические дебаты. Открылись магазины и лавки, вновь появилось изобилие продовольствия и промтоваров. Возобновил свою деятельность «Союз георгиевских кавалеров», кадетско-монархический студенческий клуб. На театральных подмостках появились спектакли, в которых были заняты известнейшие в России актеры.

Подполковник Богутинский, состоявший пока без должности при главном штабе Нарармии, пытался отыскать свидетелей большевистского погрома в лазарете на Саратовской. Начальник контрразведки в правительстве - полковник Познанский командировал ему в помощь прапорщика В.Сарнецкого, «большого мастера по отслеживанию господ большевичков и гения допросов», как рекомендовал его Познанский. Однако поиски палачей Лизоньки ничего не давали. Будто замечая следы своих преступлений, большевички действительно уничтожили всех видевших это бесчинство, пропал бесследно даже пожилой санитар, с которым виделся Богутинский...

Обстановка на фронтах оставалась сложной. Северо-западнее Казани красные концентрировали крупные силы. Мчащийся на своем бронепоезде в районе Свияжска их нарковоенмор Л.Троцкий выставил на путях наступления Нарармии и ЧСК заградотряды из матросов-балтийцев и латышских стрелков. В их тылу шла спешная мобилизация в Красную армию интернационалистов всех мастей, оказавшихся на этой территории в водовороте первой мировой войны: хорватов, венгров, китайцев, персов, немцев, казахов... Из местных инородцев создавались отряды чувашские, мордовские, татарские, удмуртские, позади которых вновь выставлялись пулеметные заслоны, чтоб не бежали с фронта. В то время, кроме Подвойского, Тухачевского, Крылова, Троцкого, Сокольского, в Поволжье были переброшены большевистские боевики - Чапаев, Маркин, Павлов, Фрунзе, Раскольников, Решаль, Каратыгин, Новицкий, Зиновьев, Распопов, Брегадзе, Федермессер... Балтийцы - Раскольников и Маркин сумели даже по суку перетащить с Балтики в Волгу несколько миноносцев, стрили на месте канонерки. С германского фронта перебрасывалась под Казань тяжелая артиллерия. Троцкий, разозленный тем, что при освобождении Казани в городе погибли почти все эвакуированные сюда его товарищи по партии и тем, что Нарармии удалось отбить и вывезти из города золотой запас России, требовал беспощадной расправы с городом и его населением, вплоть до полного разрушения Казани и уничтожения непокорных ее жителей.

Именно в конце августа 18-го подполковник Богутинский прибыл наконец в родной посад. Задача его была проста: в Мелекесе и по окрестным волостям вербовать в Нарарармию молодежь, патриотически настроенных граждан, бывших фронтовиков и сформировать из них полк с целью выдвижения его на позиции под Казань. Свою «штабную команду» из части его бывших сослуживцев-охотников Николай оставил в Новой Майне, где им предстояло готовить летний армейский лагерь к приему батальонов. Сам двинулся за реку по обгоревшему мосту, в городок. Не заезжая на Ново-Соборную, где в доме Масленникова располагались комендатура и «Мелекесский комитет защиты Учредительного собрания», подполковник вместе с конвоем из пяти охотников торопили коней по Большой к отчому дому командира. Серебристый двухэтажный особняк выглядел заброшенным. Осколками были посечены его стены, вплоть до «фирменных» пилонов над крышей, где красовались стилизованные фамильные вензеля Богутинских. Стекла в окнах были высажены. Ворота центрального въезда во двор - крест-накрест забиты горбылем. У черного входа безобразно драл глотку шелудивый кот... Николай спешился. Постоял под кленом у ворот, передав поводья солдату, пошел к соседнему флигельку, где жил их постоянный привратник Яков Кровиков. А тот уже спешил навстречу, ломая картуз...

- Николай Владимыч! Барин вы мой любезный! Господи, живой! - радостно восклицал Яков, целуясь с Богутинским. - Откудова же вы, Ваше превосходительство, ведь и за помин душеньки вашей уж отслужили в храме?..

- Ну-ну, Яков, - отвечивал подполковник, - чего ж, голубчик, раньше времени меня было отпевать... Вот же я - жив-служив! Скажи-ка лучше, как наши: отец, маман, сестрица? Живы ли, где искать? Вижу, вижу, что дом разорен, пуст!

- Спаси Господи, Николай Владимыч, живы все, невредимы: и барин, и матушка ваша и остальные. Их еще февралем кучер наш Кузьмич вывез с подорожным скарбом к Бугульме. А там, слава Богу, по железке отправил в вагоне к Челябине и Далее, как они желали, до Хабары. Ну по весне от батюшки вашего весточку получили с наказом дом-то беречь в порядке и сообщением, что живы все...

- Так что же берег плохо? - откликнулся в сердцах Николай.

- Не сердись, батюшка мой, не сердчай, - рассказывал далее Кровиков, - нет в том вины моей. Ликвизировали хозяйство-то наше ревкомовцы. По мандату ихнему вселили сюда своих профурсеток сполкомовских и наробразовских во главе в Дуськой Наумовой - она у них за старшую была. А уж греховнинали да бражничали в дому-то без продыха. Печи мебелью вашими топили, хуч я и дровенник им указал и уголье... А чтоб не досаждал им - они меня за службу хозяину-то «прихвостьем» обозвали, у ворот караульного выставили со штыком - для сохранения секретов своих греховных! и здоровья их бесценного. В дому-то и Енька Аблов, и Санька Хмельницкий бывали. У Еньки с Дуськой-то, видать шашни бывали. Вот она, блудница, со своей семьей-то и съехала сюды, шток родителям глаза хахелем не мозолить...

А уж, когда бежали отсель, весь дом-то нарочно загадили, окошки-то повышибали, нехристи. Ужо я, вишь, горбылем ворота заладил. А теперь хозяин - вот он, и ремонт сладим.

- Нет уж, братец, с ремонтом погодим, - откликнулся хозяин, - пока в лагерях буду у Авралей, потом - в поход, на Москву и столицу. А ремонт изладим, Яков, когда всех этих «профурсеток и хахелей» перевешаем, освободим землю русскую от заразы этой.

Еще раз обняв привратника, Богутинский вскочил в седло, конвой двинулся за ним на Новую Соборную в комендатуру.

На Базарной площади маршировал военный оркестр посадского гарнизона в нелепой форме французских легионеров. Штандарт с орлом колыхался на штанге. Мелодично подрагивали подвески триангеля, басили трубы, ухал барабан. Поручик Гладилин - русский комендант посада выравнивал строй новобранцев-добровольцев Нарармии. Завидев приближающийся конвой с подполковником во главе, он подал команду: «На караул!», которую неумело пытались исполнить мелекесские мужики и гимназисты.

- Отставить! - скомандовал Богутинский спешиваясь. - Я к вам, поручик, по делу неотложному, с боевым приказом из штаба армии. Подполковник Богутинский, честь имею!

Приезжий, ловко козырнув, цепко взял Гладилина под локоток, повел его с площади, на ходу излагая свое дело. К вечеру в комендатуре закончился «военный совет» меж Гладилиным, Богутинским и комендантом посада от чехословаков прапорщиком Турзой. Решение было принято: команда новобранцев-добровольцев, городская дружина гражданской охраны и хозяйственная рота отряда капитана Степанова, не успевшая на марш за выдвинувшимися на фронт под Казанью частями, переходили под командование Богутинского. И он уводил их с собой в лагерь. Утром в типографии Союза кооператоров должны были отпечатать и вывесить в городке воззвание к населению с призывом пополнить ряды освободительной армии. А также приказ комендантов о мобилизации военнообязанного населения уезда в 1-й Мелекесский полк Нарармии. Особые надежды Николай возлагал на своих земляков-фронтовиков, кто формировал с ним год назад посадский Союз офицеров, кто уцелел под совдеповской властью...

Дощатый барак, вымазанный зеленой краской и приведенный в порядок охотниками Богутинского, стал временным штабом Мелекесского полка. С тыльной стороны уже натягивали парусину палаточного городка. Перед окнами и входом в штаб вычищали и выравнивали земляной плац, присыпая его песком. Лагерь разрастался. Офицеры полка были посланы по округе с задачей по мобилизации населения, коней, подвод. Велся сбор оружия. Шла заготовка фуража, продовольствия. Из Симбирска ждали состав с боеприпасами, под которые копались канонирные склады в рощице у Авралей.

Прапорщик Кузнецов, разделивший с Николаем все тяготы вынужденного бегства в Самару, а затем «Оренбуржскую степную партизанскую эпопею», - вернулся из посада, где гостевал в своей семье, дома. У него все были живы и здоровы. Успокоенный и отдохнувший душой и телом Кузнецов докладывал командиру: - Натерпелись же они не меньше нашего, Николай Владимирович! Таких страстей порассказывали об этой «большевистской» жизни... Лавки позакрывали в посаде, пекарни притушили - хлеба горячего не укупить было, по домам колобки из сеянки пекли люди сами. Лангеры колбаску из павшей конины приспособились варить да коптить, так и за ней - очереди стояли. Парк у дома Марчихи красnodружинники чуть не весь извели на растопку казармы. Старики, из наших, самостоятельных и торговых хозяев, не выдерживали такого безобразия, мерли сами. А скольких побили-то! Адьютанта вашего - Шурку Кичигина - уличили в том, что он с нами в . Никольском укрывался. Отследил его тезка - Хмельницкий, однокашник по гимназии, да сам и сдал Еньке Аблову. Уж чего они от вольноопера хотели, Бог знает! Одно точно, сучка эта исполкомовская, Дуська Наумова, приговор из «чеки» подписала, а потом в Нардоме зачитывала от имени «трудового народа». А народ этот чуть президиум их не разнес, еле дружинники Шмидта сдержали. Это потому, что с нашим Шуркой они еще двенадцать человек в расход пустили, даже старика Маркова, убогого городского голову не пожалели, дураки!

Позднее - в декабре - мелекесская газета «Знамя коммунизма» статьей Е.Лампеева (бессменный член ревкомов в годы гражданской войны) признает «перегибы в политике коммунистов на местном уровне». Страшные факты расправ над мелекессцами, такие как арест, без предъявления чекистами мандата, бывшего члена Союза офицеров, вольноопределяющегося-гимназиста Иванова, избиение его плетью и расстрел без суда, приоткрывают завесу над «красным террором». На ворчливые упреки «вождей» местного пролетариата виновный в этой расправе чекист оправдывался: «Во мне кровь горячая!» Его объяснения были приняты как достаточные...

Слово Е.Лампееву, назвавшему свою статью по толстовски-примирительно «Маленькие недостатки механизма»:

«Члены уездной ЧК отбирали и пожирали у мужиков последних овец, гусаков, кур, причем, хозяева подвергались жестокому избиению, их насиловали, били правых и виноватых. Сами же чекисты пьянствовали... чинили разные безобразия...

Руководители фронтовой чрезвычайной комиссии Лацис и В.Бирн в своем обращении писали: «...у буржуев в борьбе с пролетариатом все средства хороши: и подкуп и провокации, и убийства из-за угла, и массовое истребление рабочих и крестьян, не щадя детей и стариков. Потому должны мы, наученные у наших врагов, применять к ним меры, какие они применяли к нам».

Я ничего не прибавил к свидетельству Ламепеева. Остается только назвать моим землякам фамилии тех палачей-чекистов, которые старательно безлюднили Мелекессы: Ионов, Рейников, Чембарцев, Пегасов... Возможно, после них и до сей поры в нашем городе есть их отпрыски. Бог судия вашим дедам...

Мы чтим память, как невинно убиенной за народное счастье, секретаря тогдашнего уисполкома Е.Наумовой в памятниках, названии улиц, слезливых и гневливых воспоминаниях совков. А вот документ, который вышел в свет из-под ее пера, и принял вид распоряжения ЕЁ власти, гласит о том, как она и ее соратники понимали это народное счастье для мелекесцев:

«В случае, если на съезде окажется много чуждых элементов, требуется такой уездный съезд разогнать, считать ненастоящим, делегатам демонстративно покинуть съезд».

Эта инструкция была отработана Лениным и К" еще при разгоне Всероссийского Учредительного Собрания, когда большевики, не получив подавляющего доверия народа, попросту уничтожили представителей законно избранной власти. Отработанным в центре методом действовали и в мелекессах по всей России. Именно этим фактом и действием ленинцы столкнули страну в пучину братоубийственной гражданской войны. Потому мне так понятны и близки все, кто встал тогда под Белые знамена, все, кто поддержал Комуч, а потом - Директорию Колчака. И я могу с чистой совестью принять и понять их действия.

Богутинский имел конфиденциальный разговор с только что произведенным в чин поручика и прибывшим из Самары от Познанского в полк контрразведчиком В.Сарнецким. Николай считал, что в полку Владимиру работы будет немного, а вот в посаде пора было искать и вылавливать противников новой власти, большевиков, запятнавших себя кровью земляков, всех, способствующих красным. Словом, возродить все то, чем занималась в России жандармерия.

Особо ориентировал Сарнецкого исполняющий, как старший по званию, должность начальника посадского гарнизона подполковник Богутинский на поимку «закоперщиков», не успевших бежать под Казань: Абловых, Наумову, Хмельницкого, Парадизова, Шмидта, Ларина...

- Я убедительно прошу вас, поручик, - наставлял Николай Сарнецкого, - выяснить, как далеко продвинули красные спецвагон с золотым запасом, деньгами и документацией Мелекесского банка, есть ли возможность вернуть это в посад... Под особый контроль возьмите семьи упоминаемых мною преступников, возможно, там кое-кого укрывают. Разберитесь с делом о расстреле посадского Головы господина Маркова: кто, как и почему причастен к этой отвратительной истории.

По женской части - здесь попроще. В посаде все барышни знают друг друга хорошо. Большинство учились в одной гимназии, после занимались либо учительством, либо медициной... Можно смело обращаться к нотариусу Ишеевской, художнице Никифоровой, загляните к директрисе женской гимназии, госпоже Сиротиной Ольге Гурьяновне, она очень многих знает, дама строгих правил, скрывать что-либо о профурсетках не станет...

- Простите, господин подполковник, - вскинулся от записей Сарнецкий, - не понял, о ком?

- Да это привратник мой так величает барышень-большевичек за их распущенность в быту, а я повторил невольно...

Итак, поручик, формируйте свое управление, кадры по вашему представлению, любые вам передадим. Главное, давайте результат по Мелекессу. В полку - сами разберемся, у меня офицеры опытные, проверенные. Хотя и в Новой Майне по «женскому вопросу могу Вам рекомендовать обратиться к семье господина Лепешкина - купца первой гильдии. Его дочь - Анфиса Васильевна училась в гимназии с большевичкой Наумовой, затем учительствовали вместе, поспрошайте барышню об этом.

- Будет исполнено, господин подполковник, - встал, оправляя мундир, Сарнецкий. Лихо козырнул: - Честь имею!

И действительно, талантливый молодой контрразведчик Сарнецкий «честь имел» и слов на ветер не бросал. Его управление в посаде работало четко и оперативно. В городке начались аресты активно сотрудничавших с большевиками мелекесцев, всех, кто вступал в Красную гвардию, воевал на территории уезда, под Бряндино, Симбирском, Алатырем. Следственная комиссия, возглавляемая учителем Уряднинским «сортировала» арестованных. Под расстрел прямо в посаде

пошли немногие - десятка три явных руководителей красных учреждений и организаций, члены партии. Основную массу подозреваемых, видимо, жалея земляков и не желая конфликтов в Мелекесе, комиссия переправляла в Самару - на дознание и в суд.

А вот в полку, несмотря на самоуверенные заявления его командира, исподволь велась работа по разложению рядового состава. Особенно в этом отличался штабной офицер по особым поручениям - В.Баданов. Он был оставлен именно для этой работы в подполье большевиками, был их агентурным разведчиком. Работа у него шла успешно «на два фронта». Порученец разъезжал по всему уезду от Мелекеса - до Ставрополя и Самары, многое исполнял, но многое знал и делал во вред своим нынешним сослуживцам. Особенно ему удалась акция, когда в неразберихе выступления полка на фронт, Баданов увел с собой почти роту дезертиров по направлению к Уфе...

Но, несмотря на все это, 1-й Мелекесский полк под командованием Богутинского выступил на фронт. По приказу командующего Поволжским фронтом генерала Нечека позиции нашим землякам отводились в районе села Старая Майна. Полк прикрывал переправу и пристань, к которым рвались красные дивизии. Обстановка к октябрю 1918-го была сложной. С одной стороны чехословаки и Нарармия уже имели опыт разгрома красных частей Паршина (убит в бою), Картукова, Дубенского (убит в бою), Юшенкова, Шульца (убиты в боях), Гая под Самарой. С другой - большевистские отряды как птица Феникс возникли из пепла под Инзой и Алатырем, в Свияжске и Саранске, пополняясь, вливаясь во вновь формируемые красные части, армии, перебрасываемые сюда из-под Питера.

XIII

Белое же движение, к сожалению, не имело общего стратегического плана. Добрармия Деникина, так и не сомкнув фланги с Нарармией Галкина-Дутова и армией адмирала Колчака, не

Командующий ударным
колчаковским корпусом генерал-
лейтенант В.О.Каппель. Погиб в
1920г.

могла скоординировать свое наступление на Москву с ударом из Поволжья и застряла в районе Орла. Не решился завязнуть в глубинной России польский маршал Пилсудский; вместо продвижения его войск на соединение с Добрармией, польские части вцепились за обильное хозяйство и земли Западной Украины и Белоруссии. Не было единого плана и в армейских пехотных штабах диктатора-моряка адмирала А.В.Колчака. Если Комуч и Директория достигли компромисса по политическим вопросам, а военные координировали свои действия со своеобразным командующим особым корпусом - полковником В.О.Каппелем, то и это хрупкое равновесие постоянно нарушалось. Свой корпус Каппель «заводил» под Казань с юга, т.е. из района действий чехословаков и как бы в противоход им. Ибо руководство ЧСК ориентировалось на продвижение к Москве, через Саратов и Царицын. Мало того, Комуч в Самаре не мог простить своему земляку Каппелю расстрела в Омске представителей партии кадетов, выступавших против военной диктатуры...

В глубине Сибири и на Дальнем Востоке плелись свои «местные козни». На Амуре генералы Хорват и Дитерихс вместе с «правителем» Меркуловым взяли Хабаровски установили здесь свою власть. Части полковника Казгаранды и барона Унгерна пытались «приватизировать» Туву и Монголию, отвернув штыки от похода на Москву.

На «северный вариант» ориентировал своих единомышленников генерал А.Пепеляев. Союзные его плану части генералов Иностранцева, Гришина-Алмазова двигались Северным Уралом на соединение с армией генерала Миллера у Архангельска. По северу действовали и отряды Григорьева, Бочарова, Полякова, пятясь к Камчатке и Дальнему Востоку...

В Москве бездарно пытались поднять восстание эсеры Чернова и Спиридоновой. В Симбирске был пристрелен самонадеянный авантюрист главком Муравьев - эсеровский «Наполеон» в Поволжье. Не смогли ничем помочь наступавшим белым армиям террористы Савинкова, зажатые дзержинцами на Ярославщине. Именно в таких вот условиях «топталась» Нарармия, теряя союзников от Казани до Саратова. К осени красные армии, стянутые в кулак у Симбирска, нанесли встречный удар на узком участке фронта и вклинились на территорию, контролируемую Кому чем, расширяя этот плацдарм к Бугульме и Самаре.

От своих земляков в Комуче А.Кабцана и министра госконтроля В. Абрамова Богутинский знал о тех разногласиях, которые начались в правительстве комучевцев. Против вождей-социалистов в Самаре состоялись уже два военных выступления под руководством полковника Галкина. «Бунтовщиков» поддерживали кадеты, монархисты и черносотенцы. Была попытка созвать в городе съезд руководителей штабов Нарармии, чтобы взять власть в свои руки. Но большинство офицеров не смогло прибыть с фронта. Этим воспользовался генерал Чечек, сдавший заговорщиков «с потрохами»...

Бои шли уже под Симбирском. Ночью 23 сентября красные на кораблях Волжской флотилии перебросили к Старой Майне десант из отрядов Симбирской дивизии. Посуху перешла в наступление 5-я армия, стремясь выйти в тылы группировке Каппеля, в которую входил и полк Богутинского. Нарармейцы 1-го Мелекесского топили симбирцев в Волге, но канонада с севера, где ломила фронт 5-я армия, становилась все слышнее и слышнее. Николай, оставив за себя начальника штаба полка капитана Юрьева, отбыл с группой офицеров в Мелекесс, где предстояло выбрать новые позиции для его батальонов, решить вопросы обороны посада. Подполковник уже нисколько не сомневался, что долго его полк двойной удар красных не сдержит, ибо рвавшиеся «в лоб» через мост и Симбирск части Тухачевского могли реально завершить окружение полка в районе Старой Майны...

XIV

На путях у железнодорожной станции завершилось довооружение блиндированного поезда, который Богутинский намеревался двинуть в район Нижней Часовни в помощь каппелевцам, удерживающим мост через Волгу. У перрона разгружался подошедший недавно пригородный состав с пассажирами, уходившими вглубь уезда от волжских пристаней. Вдруг в толпе мелькнуло знакомое лицо, женская головка с коротко остриженными волосами, без косынки.

За мной! - скомандовал Кузнецову и Двум юнкерам из связных Богутинский. Он успел подхватить женщину под локоток развернул лицом к себе. Точно, она - Евдокия Наумова, знакомая ему еще по вечеринкам 16-го...

- Вот это встреча! Домой захотелось? Где ж ваш кавалер, неужели товарищ Аблов не прибыл этим поездом, рискнул даму одну отпустить в такое, ныне опасное, путешествие? Или он сейчас десантируется с балтийскими «братишками» на позиции моего полка? Жаль, там сейчас очень неуютно для здоровья и жизни совдеповского начальства, - Николай, вздрагивая от напряжения, позволил себе усмехнуться. - Жаль!

Женщина, побледнев, дышала загнанно и тяжело. Однако, самообладания ей хватило:

- Здравствуйте, Богутинский. О, я вижу вас повысили в звании! Давно ли? Хотя, палачи всегда быстро делали карьеру... Вы ведь теперь защищаете «Отечество» контрреволюционеров, и не от германцев, а от своего же народа...

- Перестаньте, Наумова, изощряться оскорблениями! Вы же сейчас не в том положении, когда каждое ваше слово было директивой. - Подполковник повернулся к стоявшим за его спиной однополчанам: - А народ-то у нас, господа, разный с этой гражданкой-большевичкой. Не правда ли?

Кузнецов расстегивал кобуру с револьвером:

- Ах, курва красная, тебя за одного только Шурку Кичигина шлепнуть мало! Тебя бы четвертовать, подстилку абловскую!

- А вы, Наумова, так ведь мне и не ответили, где скрывается Евгений Аблов, - жестом останавливая Кузнецова, обратился подполковник к задержанной большевичке.

- Погиб он. В Казани, - отвернув лицо, всхлинула Наумова. - Жаль, мало мы с ним тогда вашей белопогонной сволочи из пулеметов накосить успели...

- Ужели, сударыня? Даже из пулеметов! - Богутинский вскинулся, тоже цапая рукою кобуру. - Да ты... профурсетка, знаешь, как ходит русский офицер на вражеские пулеметы?! А сколько людей безвинных можно к праотцам отправить умелым огнем из пулемета! Все вам - иудейцам - игрушки бы играть в мировую революцию да массами повелевать, как стадом. Комиссарить над страданиями людскими... Да что там с тобой говорить! Ты же не только людей, - Господа Бога не приешь за авторитет. Что, господа, - Николай пытливо взглянул на юнкеров и Кузнецова, - будем отправлять в конфразведку к поручику Сарнецкому эту дамочку или по законам военного времени сами приговорим пойманную в полосе боевых действий с поличным шпионку к высшей мере? Сами и исполним?

На снимке: пламенная большевичка, одна из руководителей посадской ячейки РКП(б) Дуся Наумова.

- Так точно, господин подполковник, - самым бы надо, - за всех «расписался» Кузнецов. - Сарнецкому не до того сейчас, гляди, - эвакуирует ее в Самару, а там мало ли что будет... Отпускать Наумову за все ее грехи перед посадскими и перед Богом за загубленную душу Шуркину, никак нельзя! Уж позвольте, Николай Владимирович, мы с юнкером Дитриевым все оформим в лучшем виде?

Евдокия, вслушиваясь в слова эти, все больше никла и лицом, и фигурой. Она словно уменьшалась в размерах, ссутуливалась. Бледность на ее усталом личике серела, глаза запали, пропал разрез губ, сомкнувшихся до посинения. Уж не настолько была «железной» исполкомовская комиссарка, да и пережить ей и в Казани, во время неистового штурма наармейцев, и в дороге к дому пришлось многое. Богутинского удивляло еще ее достойное спокойствие. Она не билась в истерике, вызывая к землякам, не орала со страху, не теряла сознания...

И, словно уважая в ней достойного противника, подполковник опять прихватил Наумову под локоток, повлек ее мимо уже собравшихся зевак, бросив на ходу однополчанам:

- Извините, но... мне это надо самому... присмотрите тут за порядком. Ждите.

Наумова вяло передвигала ногами, обвисая на руке Богутинского, ее дорожная корзиночка выпала еще на платформе, и один из юнкеров, подбежав, подхватил ее для осмотра. Через пути, по хрустящему гравию, увлекал подполковник эту женщину, к которой не чувствовал ни жалости, ни интереса, - дальше от станции в осиновую рощу, опоясывающую мелекесский вокзал с юга. За скрывшей их кустистой гривкой, посреди гниlostной полянки, затоптанной и запачканной проезжим людом, он остановил Наумову. Вынул револьвер, выстрелил навскидку, метя в грудь. Евдокия взмахнула руками, опрокинулась на траву и хвою, забилась тяжело, со всхлипом. Платье разошлось на выпачканных ногах до бедер, а Богутинский, действующий как автомат, зашел за нее, прицелился, выстрелил в стриженный женский затылок, словно совестливый улан, пристреливавший раненого коня, прекращая его ненужные мучения...

Он деловито закончил казнь. И, ощущая, что ни раскаяния, ни внутреннего приговора в нем нет, зашагал к станции, вышептывая окаменевшими губами и вспухшим, как от сухоты, языком:

- Вот и все, Лизонька... Прости меня, милая... Вот и все. Тебе теперь, Лизонька, полегчает, посветлеет. А там уж, приведет Господь, встретимся скоро. Вот и все...

Впереди его ждали другие страшные и кровавые дела.

Боя за Мелекесс практически не было. Севернее посад обходила, тесня чехословаков, 5-я армия красных, тухачевцы пробивали путь к городу «в лоб», сминая остатки полка Богутинского, оставленного каппелевцами как заслон при отходе главных сил корпуса к Бугульме - воротам в Директорию Колчака. Капитан Юрьев не сумел вывести из-под Старой Майны ни одного батальона к Мелекессу на оборонительные рубежи в районе Лесной горки. Прямо на позициях был разбит корабельной артиллерией с Волги полковой артдивизион. Четвертый батальон, усиленный пулеметчиками, оставшийся заслоном в окопах истекал кровью в то время, как обозы два других батальона и отдельная рота охотников, почти вся состоявшая из казаков и офицеров, выходили из-под огня на Бряндино-Мелекесс. Бившиеся у моста через Волгу каппелевцы, тоже оставив заслон, грузились в эшелоны и уходили к Бугульме железной дорогой. Вот их заслон-то и сбили в смертельном броске красногвардейцы Симбирской железной дивизии Г.Гая. Юрьеву пришлось, отбивая атаку с тыла принимать бой фактически в окружении. Богутинский с конвоем, юнкерским взводом, комендантской ротой и плохо обученной дружиной народных милиционереров не мог не только помочь своему полку, но и организовать оборону посада. Комендант города поручик Гладилин метался на железнодорожной станции, пытаясь сдерживать осаждающих эшелоны беженцев, требуя от железнодорожников отправлять отступающие части на проход, не задерживая их в Мелекессе. Таково было указание полковника Галкина. Владимир Сарнецкий, исполняя приказ своего начальства, эвакуировал из города работников своего ведомства, следственной комиссии, арестантов из мелекесской тюрьмы.

Подполковник Богутинский, понимая, что фронт прорван, что остановить лавиной накатывающиеся двумя колоннами на городок красные войска ему уже не удастся, а полк его, видимо, разбит, сделал единственно возможное в этой ситуации. Взвод юнкеров прикрыл городе северо-востока на определенных полку позициях. Но это был уже не оборонительный заслон, а арьергардная застава, которая перехватывала отступающие подразделения Нарармии, направляя их к железнодорожному мосту через Черемшан, в предмостьях которого окопался с оставшимся полуцивильным отрядом дружинников начальник воинского гарнизона Богутинский. Важно было последнего дать возможность воинским эшелонам уходить к Бугульме, а в последний момент успеть подорвать мост перед главной ударной силой гаевцев - бронепоездом Полупанова.

Остатки полка: хозроту, два учебных взвода из вольноопределяющихся, команду связных, - он вывел из лагеря в Новой Майне, прикрыл ими деревянный мост через Черемшан на Самарском тракте, по которому тянулись беженские обозы... На той стороне реки у Нижней Якушки вестовые приготовили коней, чтобы командир их, с вышедшей из боя командой мог конным маршем уйти к Нурлату-Бугульме...

Оторвавшаяся от наседавших краснюков рота ветеранов-охотников Богутинского на конях выскочила прямо на Самарский тракт, где ее остановил прапорщик Кузнецов, командовавший обороной. Вскоре сюда подскочил и сам Богутинский: -

Ну, где они, кто жив, что с полком? - накинулся он на Кузнецова, передавая поводья подбежавшему «вольноперу».

- Там есть, кому доложить, - заметил прапорщик, - вон за ракетами коней охлаждавают, перевязываются...

Охотники стали табором на речном плесе. Выхаживали запаленных коней, на луговине фельдшер мудрил над ранеными, у костра кашеварили. Увидев идущих к ним Богутинского с Кузнецовым, от лазарета зашагал навстречу им капитан Юрьев, неся на перевязи из бинтов левую руку:

- Господин подполковник, вверенные вам части 1-го Мелекесского полка Народной армии прибыли на позиции согласно вашему приказу! Зам...

- Ладно, ладно, Игорь Илларионович, - осторожно тронув его за плечо, остановил доклад своего заместителя Богутинский. - Вижу сам, все вижу, все понимаю... Будет вам церемонничать, обстановка не та, не на плацу...

Приобняв Юрьева за плечи, подполковник повел его к палатке, поставленной на берегу бойцами хозроты.

- Вот здесь и поговорим.

- Николай Владимирович, поверьте, мы сделали все, что могли! Но разве может полк неполного состава устоять против массового десанта, силою более дивизии, высаживающегося в береговой полосе до двадцати верст? А с Волги били орудия канонерок, прикрывая десантирующихся... Четвертый батальон поручика Малохиткина весь пал смертью храбрых на позициях. И только потом ударная группа десантников Павлова смогла пройти на Новиковку - Красную реку. А нас в районе Архангельского зажали передовые части армии Тухачевского. Полк оказался в полосах наступления двух красных армий. От Нижней Часовни прорвались штурмовые группы комдива Гая, Хоперский батальон полковника Каппеля бросил позиции и ушел на Калмаюр, так что мы были прежде всего атакованы с тыла...

Десять часов непрерывного боя в окружении... Обозы бросили, орудия бросили, боеприпасов не стало. Я скомандовал остаткам батальона Кочнева атаковать в направлении на поселок Чердаклы, прорвавшимся - уходить в леса. А сам с охотниками, взяв раненых на коней, прошел сквозь десантников к Волге и лесополосой - на Никольский хутор... Всего-то вырвалось сотни две нижних чинов да девять офицеров!

Что же это такое, господин подполковник?! Почему провалилось наступление под Казанью, где наши вторые эшелоны, почему ушел с позиций Каппель?

- Это - итог распрей в правительстве, капитан, - Богутинский снял фуражку, промокнул платком вспотевший лоб. - Закономерный итог заискивания с краснобаями из социалистов-революционеров. И так далее - вплоть до штабов господина Денникина. Теперь мы, русские солдаты и офицеры, изопьем до дна всю чашу кровавой мешанины, затеянной социалистами. Да, голубчик, теперь нам нужно идти до конца! Но чем более мы нарубим в пути этом хмельных народовольством голов, и не только красных, тем менее грехов своих оставим в истории...

Мосты, как и было задумано, богутинцы рванули вовремя, отрезав интернациональные полки красных и бронепоезд Полупанова на правом берегу Черемшана. Не более полутысячи всадников, многие из которых были зепеленуты бинтами, уводил за собой через лесостепи к Бугуруслану подполковник Богутинский. Он еще не сомневался, что вернется в свой Мелекесс, в свой дом, в привычный ему мир... Правда, не представляя уже, кем, каким, зачем. Он вел своих людей туда, где год назад лихо рейдовал в оренбургских степях. Где ему так все знакомо, где есть опора на настоящих русских людей.

XV

Войска будущего маршала Тухачевского, командующего 1 -й армией, 14 сентября, прорвав оборону у моста через Волгу, хлынули на левобережье. Войска 5-й армии - П.Славена - своим правым флангом, где была задействована хорошо укомплектованная воинская группа мичмана Павлова (Левобережная группа), при поддержке огнем Волжской флотилии Ф.Раскольникова двигались параллельно тухачевцам беря в клещи войска Нарармии Комуча, и сошлись у Мелекесса. Отсюда тухачевцы пошли к Ставрополю, а павловцы, потоптавшись у взорванных мостов, наладили переправу через Черемшан и вдоль железки двинулись к Бугульме. Именно здесь красные войска мичмана-комдива, упоенные первыми победами, впервые попали под удары каппелевской конницы, прорвавшейся к ним в тылы. Под Бугульмой они завязли в боях надолго.

Отряды попковника Галкина, основательно потрепанные под Симбирском, Сызранью и Самарой, отходили в полосу действия Оренбургского казачьего войска и Уральского казачьего войска генералов Дутова и Толстова. Наступление Добрармм генерала Деникина захлебнулось у стен Царицына, на Саратовщине. Точные удары интернационалистов Троцкого, наносимые в стыки между союзниками белого движения, осенняя распутица, слабое боеснабжение не позволили белым армиям соединиться.

Пользуясь тем, что распутица поглотила движение артиллерийских полков красных, что их конница выбилась из сил, преодолевая раскисшие, липучие черноземные пространства, генерал Дутов провел успешное наступление свйих, казачьих частей и переподчиненных ему отрядов Нарармии в направлении на Иващенко. Здесь были окружены и уничтожены батальоны

Саратовского интернационального полка. И в этой беспощадной рубке особо отличился отряд подполковника Богутинского, расквитавшийся за гибель своих бойцов из 1-го Мелекесского полка под Старой Майной. Были сведения, что впоследствии богутинцы отличились в операции под Бузулуком. В этих боях было важной победой то, что в Ивавщенково был захвачен оружейный завод и его арсеналы. А в Бузулуке - артмастерские - базы, без которых не может существовать армия.

Действуя в полосе Бузулук-Иващенко-Безенчук, нахармовские отряды застопорили продвижение красных на Оренбург и Уральск. Ожесточенные бои у Андросовки и на реке Чагре, где была уничтожена красная группировка в 2000 штыков, показали умение и боевую выучку русских патриотических формирований Галкина. К сожалению, не было у них крепкого тыла, сил для развертывания и формирования новых полков. Не было четкого взаимодействия и единых планов с деникинцами и колчаковцами.

Сложные взаимоотношения Николая Богутинского с новоиспеченным генералом из атаманов - Деникиным повлияли на отрицательное его отношение к приказу Галкина на переподчинение отряда охотников оренбургским штабам. В своих рейдах Николай все сознательнее смещался к югу, где также рейдировали части комдива Чапаева, нацеленные с Саратовщины на казачий Уральск. Бои шли с переменным успехом. Если в сшибке с кавполком имени Гарибальди под командованием Никона Коноплева богутинцам пришлось отступить за Чагру, то полк краскома Буренина был порублен начисто, а сам Буренин был взят в плен и расстрелян. В бою под Бузулуком и Тоцкой нахармейцы заставили отступать к Самаре красные части Кутякова, Захарова, Гаспара Восканова. Но в степях под Уральском сами попали под удары краснопартизанской бригады большевика, бывшего кавалергарда Сергея Сокола. То, что против них действовал бывший гвардеец-офицер, особенно злило подчиненных Богутинского. Они даже поклялись выловить «краснюка» и вздернуть на первом же суку...

И такая возможность представилась им под Ново-Сергиевском, когда во встречном бою мелекесцы порубали партизан Сокола, правда кавалергарду удалось скрыться. Зима 1919-го «заморозила» и активные войсковые перемещения, регулярные боевые действия. Подполковнику Богутинскому пришлось расквартировать подразделения по хуторам: Теплому, Чувашскому, Новенькому, Гниловскому, Текинскому. Таким же постоем встали и чапаевцы. Данная диспозиция напоминала слоеный пирог, когда совершались вылазки как фронтальные, так и фланговые, тыловые, туда, где располагался противник. Неожиданно красные в конце января начали массированные атаки от хутора Барбастау в сторону Уральского. Нахармейцы, спешно седлая коней, поднимая санные обозы, уходили студеными степями под городские укрепления и далее - через ледовый панцирь реки на Бухарскую сторону. Здесь, в поселке Свистун, расположился штаб атамана Уральского войска генерала Толстова. Бой под Уральском не принес сторонам преимущества. У красных погиб комполк Инюткин. На старые позиции отступил обескровленный полк Плясункова. Зато с падением на северо-востоке села Генварцевского войска Толстова были отрезаны от войск Дутова, ибо чапаевцы плотно перехватили Оренбургско-Уральский тракт. Состояние «слоеного пирога» вновь охватило Уральский фронт с обеих сторон.

В марте, вместе с ростепелью, дивизия Чапаева, казалось, неудержимо пошла вперед. Были захвачены городки Лбищенск и Щапов. В этих боях погиб командир 6-й Чижинской кавалерийской дивизии полковник Бородин. В полосе наступления Киргизской интернациональной бригады на сторону красных перешли подпрапорщик Аринушкин и полковник Емеленко... Обеспокоенный таким положением, генерал Полетов вызвал к себе подполковника Богутинского:

- Боевого опыта, Николай Владимирович, вам не занимать. Наслышан о ваших рейдах по красным тылам, да и фронтовых наград у вас достаёт... Уважаю вас, как последовательного сторонника главковерха, его превосходительства Лавра Георгиевича Корнилова, светлая память ему, страдальцу за Русь нашу!

Потому хочу вам, подполковник, и вашим молодцам-охотникам особую задачу поставить. Нужно скрытно пройти в тылы чапаевцев и ударить на рассвете по Лбищенской, где у них штаб дивизии располагается. С фронта тотчас же Лбищенскую, атакует бригада есаула Воронцова. Он ждет вас в оперативном управлении штаба с полковником Галкиным, там и уточнитесь с планами.

Очень надеюсь на вас, господин Богутинский, эта операция развяжет нам руки в наступлении на Уральск и выход на Оренбург. Все понятно? С Богом тогда!

Ночью богутинские охотники, оставив коней, превратившиеся в пластунов, скрытно вышли к окраинам Лбищенской. Ночная атака была столь неожиданной, что сопротивления чапаевцы из штабной охраны почти не оказали. В то время, когда ворвавшиеся сквозь пулеметный огонь казаки Воронцова громили штаб и добивали краснюков, в подтанниках прорвавшихся к реке, богутинцы захватывали главную боевую силу Чапаева - 10-й авиаотряд, доставлявший армии Толстова значительный урон. Вместе с самолетами прихватили бывшего полковника русской армии Юнгмейстера и легендарного краслета Железнова (позднее он, обманув охрану, сумел захватить самолет и уйти на нем в Уральск).

Победу праздновали крепко. За последние месяцы это была самая крупная и малокровная операция, принесящая значительный результат. В бою погиб, улепетывая, даже сам Чапаев - прославленный красный полководец. И не знал тогда Николай, что вольно или невольно он погубил еще одного своего земляка-мелекесца, именем которого большевики назовут одну из улиц его родного города... Как не догадывался Богутинский, расстреливая редактора дивизионной газеты, близкого друга комиссара Фурмана, Бориса Ренца, что через несколько лет еще один чапаевец, уцелевший в том бою - Кирюшкин - станет редактором большевистской газеты в Мелекесе, пойдя по стопам и примеру Ренца.

А пока в застолье Воронцов дивился тому, к чему офицеры Богутинского уже привыкли, когда приняв «чару за убиенных», их командир взялся за гитару, и над Лбищенской полетел его хрипловатый тенор:

«Ну что ж, послушаем Христа...
Одна в душе надежда,
Что кто-то снимет Русь с креста,
Что не пройдут невежды.
К чему премудрости веков,
Черед экспериментов,
Коль старый мир опять такое,
Что не до сантиментов.
...Животный секс и пляска гроз...
Приехали, земляне!
Неужто руку нам Христос
Сегодня не протянет?..»

Конники Сергея Сокола наседали так упорно, что вслед за Лбищенской оставляли Дарьинский, Новенький, Паршин хутора. Армия Толстова, истаивая, скатывалась к Гурьеву, безводным солончакам и известковым холмам побережья Каспия, где начинались границы ханства Хивинского. Но и там была еще возможность соединиться с казачьей армией Амударьинского отдела, правительственными войсками Закаспийской республики, английским экспедиционным корпусом. В противном же случае, путь один - в Персию, за пределы России...

Конвой генерала Толстова на рысях вошел в форпост Богутинский. Генерал знал, что подполковник с упорством маньяка укреплял оборону этого затерянного в степи хуторка, видя в названии его мистическую связь со своим родом, признавая форпост за последний рубеж в его жизни. Свой отряд Николай объявил смертниками. воинами Христовыми, готовыми печь здесь у порога мазанок и частокола крепостицы чем отступать далее...

Штабная часть Богутинского была размещена в старенькой рубленой часовне. Войдя в нее, Толстов застал здесь целое офицерское собрание. Под иконостасом располагался сам командир охотников.

- Господа офицеры! - скомандовал подполковник и вышагнул на середину часовни с докладом генералу.

Толстов, невнимательно слушая офицера, смотрел на его исчерненное морозами, солнцем и пыльным ветром лицо, сгорбленную фигуру в обветшалом френче и свертками погон, на побелевшие от соленого пота ремни портупей, думал о том, как приказать этому беспощадному к

себе и своим людям, «окоченевшему» от войн и скитаний человеку уйти с его последнего, быть может, в жизни рубежа. Как, не нанося обиды, объяснить ему важность задания. Как отказать ему в последнем жертвенном поступке - умереть здесь - в Богутинском приюте...

Попросив офицеров оставить их вдвоем, Толстое устроился за столом, преклонил голову и, словно став меньше ростом, расслабил свое коренастое тело. Приподняв воспаленные веки, испытующе взглянул на Богутинского. Успокаивающе положил свою ладонь на руку подполковника, заговорил тихо, проникновенно:

- Я не приказываю вам, подполковник, и даже не прошу о взаимопонимании, я не имею на то права - отнимать у вас чести исполнить свой долг перед Богом и Отечеством... Я хочу, чтобы вы сами осознали самую крайнюю необходимость - вывести армию из-под удара войск Фрунзе. Или мы соединимся с амударьинцами атамана Фильчева и сохраним казачью армию войска Уральского и дома наши от гибели - либо нас прижмут к Каспию и чинкам Устюртовским, где мы конец свой найдем, а там и амударьинцам конец скоро... Сколько людей безвинно пропадет, Николай Владимирович! А чтобы план спасения сработал, я должен направить Фильчеву координатора этой стратегии, старшего офицера, имеющего боевой опыт, сумеющего прорваться сквозь красные разъезды, безлюдье и безводье пустыни, солончаки Устюрта. В принципе план таков: мы оттягиваемся к хребтам Кара-Тау и занимаем позиции у селения Бес-Акты. Там есть пресная вода, тугайные заросли. Фильчев своими сотнями берет Ургу и Муйнак и оттуда начинает движение нам на выручку. Генерал Дутов обещал в этот момент нанести удар по красным частям от Аральского форта на форт Александровский у Каспия. Тогда войска Фрунзе попадают в клещи, а фортуна будет за нами... Вся сложность, господин подполковник, в том, чтобы скорее выйти к Фильчеву, убедить его... нет, заставить моим именем оторваться от своих станиц по Амударье, выйти на побережье Арала, и походом - через Устюрт, а амударьинцы к нему привычны - идти на Бес-Акты. Главный бой там. И, дай Бог, потом побережьем к Гурьеву-городку, а от него вверх по Уралу-реке, поднимая станичников, на Самару. Так что, Николай Владимирович, беретесь за это дело?

- Так вы, ваше превосходительство, считаете, что ни у меня, ни у вас нет шансов более противостоять здесь большевистским отрядам? - Николай в смятении привстал из-за стопа. - По-вашему, Владимир Сергеевич, у нас, боевых, отменной выучки, офицеров, создавших своими руками, своим опытом свои регулярные части из людей, прошедших уроки войны и ненависти, уже потерявших не только свое достояние, но и дома свои, семьи свои, изгнанных из родных краев, - нет силы и воли, нет фортуны перед разноперым сбродом? И мое «сидение» здесь, в Богутинском, не более чем психопатическое упорство? Я понимаю, на войне любая кампания может обернуться разгромом, гибелью. Но и в том есть спасение чести своей! Простите за резкость, господин генерал, но тогда зачем мы все, вместе с Верховным, господином Корниловым, вы, Владимир Сергеевич, я, мои люди, - ввязались во все это? Жили бы в хлеву, потребляли редьку с квасом, читали господина Маркса...

- Перебарщиваете, голубчик мой, - поморщился Толстое. - Истинная, православная Россия, никогда не согласится принять жидо-большевистский режим, поддержки еаемый штыками кайзера. Вся борьба еще впереди!

- Где он, перед этот, Владимир Сергеевич, а где зад... - огорченно воскликнул Богутинский. - Мой дом на западе, там же могила нареченной моей. Семья - на востоке - у границ Маньчжурии. Сам я - загнан в Богом проклятые степи у моря Хазарского, и бьют нас здесь эти новоявленные хазары, истребляя не только люд русский, дух русский, веру правую. Исход же вижу: или голову сложить в Богутинском, не посрамив чести отеческой, фамильной; либо за пайку комиссарскую идти при служивать рабоче-крестьянскому правительству безродного господина Ленина.

- А вот это вы напрасно иронизируете, подполковник, - прервал своего офицера командующий армией, - напрасно. Да-с! Извольте ли знать, сей господин, Ульянов-Ленин, земляк-с ваш, Николай Владимирович, из симбирских дворян. О семье его я слышал еще в седьмом году, когда по выпуску из юнкерского училища был приписан к дворцовым кавалергардам в Петербурге. У нас, «дворцовых», тогда слухов ходило немало да и к светским сплетням мы близко служили. Так вот, когда впервые среди революционных зачинщиков имя господина Ульянова возникло, при Дворе поминали его матушку-фрейлину. Шептались о ее романе с самим императором

Александром Александровичем, при чем она от императора мальчонку прижила. Говорили о беспутстве ее, об отъезде в Симбирск, как ссылку за нрав неумный Партию ей в столице составили с каким-то чиновником на карьеру, дворянским званием, как отступным, пожаловали. Возможно, с того и сынок ее стал таким бесновзтым нигилистом-низвергателем, германцам продан...

Здесь приходится мне сделать авторское отступление. Слухи, родившиеся в то время и касавшиеся истории семьи симбирских дворян Ульяновых, видимо, были совсем беспочвенны. Ими пытались объяснить и феномен большевистского вождя Ленина. Позже, в 70-х годах, подобные слухи будоражили уже умы советской интеллигенции, историков, совпарработников. И лишь в 1994-м мне попала публикация в газете «Новый Петербург», где историк А.Кутенев, ссылаясь на беседы с известной лениноведкой Мариэттой Шагинян и ряд архивных документов, утверждал, что:

«...Мария Александровна, мать Ленина, была фрейлиной при дворе Александра II. Когда Александр III был просто великим князем, у него был роман с Марией Александровной, от него она в девичестве родила сына Александра. Все эти бастарды получали от своих коронованных родителей особые милости: княжеский титул, должность в гвардейском полку, делали прекрасную карьеру, никогда не чувствовали себя изгоями. Такая же участь была уготовлена и Александру, брату Ленина.

Но Мария Александровна все испортила: вслед за Александром она родила ещё ребенка - девочку, и к Александру III эта девочка уже никакого отношения не имела. Держать при дворе фрейлину с двумя детьми было неприлично. Чтобы замять скандал, решили передать дело охранке. Охранка нашла в Петербурге несчастного человека - гомосексуалиста Илью Ульянова. Как человек с нетрадиционной сексуальной ориентацией, он был не крючке у охранки. Ему дали в приданое к Марии Александровне дворянский титул, хлебное место в провинции, и молодожены отбыли в Симбирск.

И вся бы эта предыстория замаялась, если бы не страстный нрав Марии Александровны. Она в Симбирске не отличалась строгим поведением, и хотя сексуальная жизнь с Ильей Николаевичем у нее сложиться никак не могла, она родила еще четырех детей, неизвестно от каких отцов.

Можете представить, каково было детям Ульяновых в гимназии. В маленьком городке все сразу становится известно, и мальчишки дразнили своих сверстников Ульяновых: припоминались и мамочка, и царь и Илья Николаевич. В конечном счете всё это отрицательно повлияло на Александра: он вырос очень озлобленным, с жепанием во что бы то ни стало шлепнуть папочку. С этими планами он и отбыл в Петербург на учебу. Остальное все организовала охранка. Охранка помогла Александру Ульянову войти в народовольческую революционную организацию и принять участие в покушении на царя.

Как только Мария Александровна узнала что сын арестован за покушение на царя, она сразу же поехала в Петербург и явилась к Александру III. Удивительное дело: ни один источник не поражается тому, что никому неизвестная бедная симбирская дворянка безо всяких проволочек попадает на прием к царю! (Впрочем, историки никогда не удивлялись и такому факту, что даты рождения двух первых детей Ульяновых предшествуют дате свадьбы Ильи и Марии). А царь Александр III принял свою старую пассию, и они вместе посетили Сашу в крепости. Царь простил «цареубийцу», пообещав дать ему княжеский титул, записать в гвардию. Но Сашенька оказался с характером: он сказал все, что думает об обоих своих родителях, и заверил, что как только очутится на свободе, предаст гласности всю их бесстыдную историю и обязательно швырнет при первой возможности бомбу в папочку. Потому на свободу Александра Ульянова так и не выпустили, а отправили в психушку, где он своей смертью умер в 1901 году...

Не очень повезло в такой семье и последующим детям. Поскольку Илья Николаевич знал, что дети не его, то он относился к ним, как к потенциальным объектам своей любовной привязанности. Сашеньку, как сына царя, он никогда не трогал, а вот Володе доставалась вся его

пылкая неотцовская любовь. В юности Владимир Ильич был очень привлекателен. Как мать ни протестовала, она была бессильной отстоять сына: Илья Николаевич попрекал ее собственным поведением.

Редкий снимок мальчика Володи Ульянова в период учебы в начальных классах гимназии. В такого вот красавчика грех было не влюбиться Илье Николаевичу...

...Ленин до конца своих дней оставался гомосексуалистом. Кстати, это известно во всем мире, только советские люди ничего не знали и жили в благоговейном поклонении вождю пролетариата. У Антониони снят фильм о великих гомосексуалистах, и Ленину в нем отведена особая глава. Об этом написано уже несколько книг.

Страдал Ленин или нет впоследствии от своей ориентации, мы не можем сказать. Но вот в детстве это для него тоже было нелегким испытанием: он вырос озлобленным, возненавидел весь мир. В гимназии он вымещал свое зло на сверстниках, дрался, бил своих супостатов, при всем при том он, конечно, был очень талантливым человеком...

В 70-х годах Мариэтта Шагинян писала книгу о Ленине и получила доступ к архивам. Видимо, хранители архивов сами не знали, что спрятано в бумагах за семью печатями. Когда Шагинян ознакомилась с бумагами, она была потрясена и написала докладную записку Леониду Ильичу Брежневу лично. Брежнев познакомил с этой информацией свой круг. Суслов три дня лежал с давлением и требовал расстрелять Шагинян за клевету. Но Брежнев поступил иначе: он вызвал Шагинян к себе и в обмен на молчание предложил ей премию за книгу о Ленине, квартиру и т.д. и т.п.

Записку свою Шагинян засекретила, и она лежала в архиве Центрального комитета партии. Когда я прочел в архиве эту записку, мне захотелось увидеть и сами архивные материалы. И я запросил

копии. Все именно так и было...».

Теперь мне, как автору этой повести-истории, становится более понятным, почему, например, Владимир Ильич Ленин-Ульянов, покинув после окончания гимназии Симбирск, после ни разу никогда не возвращался в родной город, объезжая его стороной. Почему он очень не любил вспоминать о симбирском периоде жизни, почти никогда не встречался со своими земляками, не принимал у себя даже руководителей симбирских большевистских организаций, соратников по партии. Не выдвигал их на руководящие должности в партии и армии.

Примечателен пример того как Ленин, придя к власти, отправил (во всяком случае не вступился) на трудовое перевоспитание в провинцию своего товарища по симбирской гимназии, у которого он часто пользовался домашней библиотекой, - А.Коринфского (где он и умер «в дворниках»), впоследствии - поэта, издателя, интеллектуала энциклопедиста, ученого...

Все это было бы более, чем странно, если бы не некоторые факты из жизни семейки Ульяновых. Вот что писал в своей книге «При свете дня» Вл.Солоухин: «

О болезни и смерти Ленина написано много. Тему сифилиса стараются обойти. Ее можно поставить на второе место. Определение прогрессивного паралича слишком категорично: «сифилитическое поражение мозга» - и никаких гвоздей. Тогда, может быть, сифилис не приобретенный, а полученный по наследству? Почему его дедушка Николай Васильевич, калмыцкий портной, не женился до шестидесяти лет? Однажды «красные следопыты», пионеры Астрахани, пошли по следам ленинских предков и обнаружили, что многие его предки по

отцовско-дедовской линии кончали в сумасшедших домах. Результаты «следопытов» были уничтожены, а сам поиск прекращен».

А.Иванов в статье «Ленин: политика или патология» в «Русском вестнике», анализируя выводы многих врачебных комиссий по «делу Ленина», а также пристрастно прочитывая воспоминания о нем его соратников, указывает:

«...Далеко не все знают, что Володя Ульянов научился ходить и говорить только в два с половиной года, т.е. с задержкой примерно на полтора года, следствием чего была нездоровая толщина ребенка. Характер, Ульянова в ученические годы был нелюдимый, по свидетельству директора гимназии, в которой учился Володя, Керенского, папы А.Ф.Керенского, которого впоследствии сверг этот нелюдимый подросток...

В возрасте 25 лет Ленин перенес воспаление легких и после этого страдал хроническим заболеванием желудка и кишечника, вследствие чего даже в тюрьме и ссылке не расставался с клизмой.

Интересно описание молодого Ленина, оставленное А.Н.Потрясовым, который знал Ленина с 1895 по 1903 год и вместе с ним раздувал тогда пламя из искры.

Я ГОВОРЮ о «молодом Ленине» и поневоле запинаясь, пишет Потрясов. - Да, ему было ровно 25 лет, когда я впервые встретился с ним на Рождество 1894-1895г. на вечеринке в пригороде Петербурга Охте. Но Ленин был молодым только по свидетельству о рождении. На вид ему можно было дать как минимум лет 35-40. Поблекшее лицо, почти лысый череп, редкая рыжеватая бородка, хитрый, прищуренный взгляд искоса совсем не молодой, хриплый голос... В молодом Ленине не было ничего молодого. Это бросалось в глаза не мне одному, а всем, кто тогда его знал. Не случайно в Петербургском союзе борьбы, этом зародыше партии, Ленина прозвали Стариком» и не раз в шутку говорили, что Ленин, наверное, и ребенком был таким же лысым и «старым», каким мы его знали тогда, в 1895 году».

Многие свидетели и источники отмечают, что В.И.Ленин отличался психической неуравновешенностью, нервной болезненностью, у него были частые головные боли, бессонница, обмороки. Он дважды попадал в аварии на велосипедах, повредил глаз. Слабо реагировал на мороз, был косоглаз, страдал депрессией, отсутствием аппетита, манией самоубийства...

О многих странностях в характере матери Ленина М.А.Ульяновой пишет в книге «Кремлевские жены» Л.Васильева. В том числе она говорит и о друге семьи Ульяновых, симбирском враче Иване Сидоровиче Покровском. Писательница утверждает, что об их интимной связи знал весь город. Есть версии, что и Володя, и Дмитрий - были его детьми...

Л.Васильева удивлена тому, что дети Ульяновых боготворили свою мать и мало почитали отца:

«Илья Николаевич - тип народника-просветителя, для него вся жизнь в работе, в инспекционных поездках, в выбивании денег на образование, в служении - причем, в высшем значении этого слова. А может быть, он был слабый по характеру и любил жену, понимал ее и прощал. Возможно, не мог ничего сделать, потому что находился в определенной семейной тюрьме. У него дети, много детей (М.А.Ульянова рожала 9 раз. - авт.) и все они - на его содержании. Расторжение брака при его должности и звании невозможно. Он же дворянин не по происхождению, получил этот титул незадолго до смерти. Какая-то несовместимость изначальная, возможно, была...

Удивительно, во всех томах сочинений Ленина вы не найдете и слова об отце!»

И последнее. Ближайший друг семьи Ульяновых революционер Г.А.Соломон в своих мемуарах «Вблизи вождя: свет и тени» вспоминает, что Ленин, высказываясь о старшей сестре Анне, говорил: «Ну, это башкистая баба, знаете, как в деревне говорят «мужик-баба» или «король-баба»... Но она сделала непростительную глупость, выйдя замуж за этого «недотепу» Марка, который, конечно, у нее под башмаком...»

Характеризуя М.Елизарова, автор отмечает его бесхарактерность и боязливость его в то же время - почтенность, творческий ум, знания, прямоту и честность. Соломон пишет:

...Он, между прочим, первый забросил в меня идею о ненормальности Ленина. Чтобы покончить с характеристиками остальных членов семьи Ульяновых, отмечу, что брат Ленина

Дмитрий был безо всякого давления со стороны его, назначен на какой-то весьма высокий пост в Крыму. И по этому поводу, как мне передавал Красин Ленин в разговоре с ним так отозвался о своем брате: «Эти идиоты, по-видимому. хотели угодить мне, назначив Митю... Они не заметили, что хотя мы с ним носим одну и ту же фамилию, но он просто обыкновенный дурак, которому впору только печатные пряники жевать...».

Младшая сестра Ленина, Мария Ильинична Ульянова, с давних пор состоящая на посту секретаря коммунистической «Правды», всегда в своей собственной семье считалась «дурочкой»... Но сам Ленин отзывался о ней вполне определенно... Так, когда мы с ним встретились в Брюсселе, говоря о своей семье и упомянув имя Марии Ильиничны, он, лукаво сощутив глаза, сказал: «Ну, что касается Мани, она пороку не выдумает, она... помните, в сказке «Конек-Горбунок» Ершов так характеризует второго и третьего братьев:

«Средний был и так, и сяк,

Третий вовсе был дурак...» ...

И глаза его озарились злобным, фанатически-злобным, огоньком. В словах его, взгляде я почувствовал и прочел явную неприкрытую угрозу полупомешанного человека... Какое-то безумие тлело в нем...».

Возвращаясь к беседе наших героев в форту Богутинском, образца 1919 года мы видим, что уже в то время противники большевистского лидера обладали информацией о подлинной личности Ленина, его соратников, о подлинных их интересах, устремлениях, действиях. Хотя, серьезной аналитической работы руководители белой армии не вели. Иначе бы тот же генерал В.Толстов, представляя подполковнику Богутинскому положение на театре военных действий Уральской армии, не был бы так оптимистичен, оценивая возможности и методы большевистского правительства и военачальников бесноватого вождя...

- Я, господин подполковник, излагаю вам диспозицию на данный момент и прошу вас вникнуть в наше положение, дабы при ваших действиях из Амударьинского отдела вся обстановка была вами правильно оценена.

Итак, к нынешней дате в тылах Уральской армии по лагерям сконцентрировано десять тысяч военнопленных красноармейцев и комиссаров. Здесь же - члены бывшего, мною низложенного «розового» Уральского войскового правительства. При любой нашей неудаче - конвой разбежится по домам, а в нашем тылу возникнет пятая колонна краснюков...

Вы знаете, что позавчера в бою взят в плен противником командир 11-го Илецкого казачьего корпуса генерал Акутин. Операция по окружению его корпуса готовилась не сразу, и здесь, нужно прямо сказать, просчет наших разведчиков и штаба армии. Я уже снял с должности начальника штаба полковника Кириллова и назначил на его место полковника Моторного. Но это уже не спасает нас от ударов с севера. Илецкий корпус Деморализован и отходит к Уральску. Мне пришлось контратаковать красных силами 3-й Уральской конной дивизии, но этим прореху по фронту не залатать. Генерал-майор Савельев получил приказ остановить отступление илецких казаков, сосредоточить под Агиром хотя бы половину из их двадцати тысяч штыков... Месяц мы удержимся на этих позициях, а вот далее, если во фланг туркестанцам господина Фрунзе не ударят амударьинские казачьи сотни Фильчева, нам придется отходить к Гурьеву, к форту Александровскому. Здесь, в степях, устоять будет сложно. Потому вам, Николай Владимирович, и поручаю этакое безотлагательное и щепетильное дело. По сути своей - вижу в вас единственную надежду на спасение армии. Иначе - депортация в Персию, а это конец... И не только наш, да-с!

Владимир Сергеевич Толстов особо переживал неудачу в боях под Илецком. У него был уже горький опыт поражения - на Дону, когда предавший казачество Каледин пустил себе пулю в лоб, обезглавив войска, в Астрахани, - когда было подавлено восстание «толстовцев» отрядами Кирова...

Долго молчал Богутинский, невидяще глядя мимо генерала, чуть раскачиваясь из стороны в сторону. Вдохнул тяжело. Встал. Подтянулся. Отрывисто заговорил:

- Я, ваше превосходительство, господин генерал - русский офицер, и честь имею, Не обучен в тяжкий час лично о себе заботиться. Ваши слова хотя и горьки мне, принимаю как боевой приказ. Надеюсь только, что товарищей моих боевых вы здесь поддержите в их помыслах. И, дай Бог, живых всех после боя за собой уведете, где решиили главный бой давать, к Бес-Акты. Там их и найду в здравии... Прошу верить и беспокойства не иметь - миссию свою исполню в срок и точно. А теперь разрешите передать командование капитану Юрьеву, попрощаться с офицерами. К вечеру, обойдя позиции, Богутинский попрощался со своими охотниками. Отоотобрал десяток надежных бойцов, наказал готовить к походу переметные сумы, коней. Прапорщик Кузнецов остался с ними проверить исполнение приказа. В часовенке за столом командира ждали. Подняли на посошок. Троекратно расцеловались пе- перед дорогой. Богутинский передал гитару капитану Юрьеву:

- Сохраните. Вернусь, споем. Отметим победу...

- Николай Владимирович, - обратился к нему капитан, держа гитару на вытянутых руках, - перед походом, на память - просим вас - песню.

К нему прислушивались солдаты в окопах, охотники у конской перевязи, степные секреты. Слова в вечернем степном воздухе неслись легко, далеко, звонко:

«За рубежи,
В пределы дальние
С пречистым
Русским языком
Мы вывезем
Глаза печальные
Московских,
Суздальских икон.
Как горсть
Земли родной
Храним грамматику.
Нам больше нечего беречь.
И ездит.
С русской Богоматерью
Пречистая Святая речь...»

XVI

Темно в мазанке Жанабая. Даже солнечные лучи не могут пробиться сквозь плотные, серые слои туч над степью. А в окошко мазанки, затянутое бычьим пузырем, свет пасмурного дня и подавно не может просочиться. Всего и свет-то в комнатке, - что от мангала в углу...

Злые декабрьские ветры пришли в степь. Они закручивали накопившуюся за лето пыль, разносили ее по просторам, заставляя все живое укрываться в страхе от холода, да колючих песчинок. Морозы в степь приходят в месте с ветрами. Они сковывают могучую и бешеную реку непрочным ледком. За норов реку издавна в народе здешнем прозвали: Джейхун - необузданная. В слове том: и крутой характер ее, и непостоянство, и неукротимость стремнин...

Но и она нынче не устояла против морозов с ветерком. «Сковал» ее воды и круговороты мороз, обуздал в ледяной покров. Уже не выходят к ее берегам сайгаки. все реже тревожат вылазками прибрежные заросли камыша кабаньи стада. Не снуют меж наносных песчаных островков рыбацьи лодченки - каюки. Самая непогожая разбойная пора пришла в степь.

Завывает за глинобитными стенами каракалпакских мазанок ветер, несутся по земле пыльные бураны, трудное настало время. Овцы в отарах - и те теснее сбиваются в кучу, жалобно блеют. Жди беды в такую пору.

А беда-то - вот она: ходит рядом, только и ждет случая обрушиться на каракалпака. Поднялся, верно, весь мир, и несет его ветрами зимними из края в край, от дома - к дому. И ради чего навалился на Россию этот бурелом, да такой, что треск и щепы от него достигает уже далеких

степных аулов, самого хивинского ханства, да эмирата бухарского, благословенны будь их правители! А от всех этих неурядиц в доме бедного каракалпака - одно разорение да смерть. Люди словно взбесигись: собираются в банды, вооружаются, грабят, насилуют, убивают. Всякие банды гуляют по степи: туркменские и узбекские, уральские и мадьярские, даже из местного народа появились лихие люди... Говорят их в степь посылает сам Каракум-ишан, святейший для каждого мусульманина человек...

А недавно сам Жанабай видел диковинных людей в степи: с виду – европейцы, в длиннополых шинелях, без погон, но в лохматых бараньих шапках, наподобие туркменских тельпеков. Бог миловал, провел эту банду стороной. Кто они - Аллах веда-ет! Только степь нынче - что переполненный овцами загон, кочуют все, кому не лень. Бывало, три дня в пути проведешь, - ни одной живой души не встретишь в дороге, только взметнется на горизонте облачком пыльным сайгачье стадо...

Меняются времена, как русло необузданной реки, - теперь не только жди каждый миг, что вот с гиканьем налетят конные люди, окружают стадо, перережут барашков, как волки одичалые, самого догола оберут, - ладно еще живым выпустят... Но все, как один требуют от жителя степи ответа: какому богу молится, чью власть признает? Вот и присягаешь по три раза за иной день незнамо кому и чему!

А какой власти молится каракалпак - степняк?

Испокон веков кочевал он в этих степях у реки, исправно платил подати баям, ханам, старшинам рода. Соблюдал все заповеди пророков Аллаха, которые сам-то не мог прочитать, а так - вслед за муллой повторяет, пока как стихи не заучит. Был доволен каракалпак: весной дожди обильные послал на горькую землю Всевышний, - хороший выпас скоту будет. Доволен, - что жена его и дети нынешний год без хвори провели - милостив был Аллах! Доволен, - что очаг жарко греет в стужу, на мангале - шурпа жирная греется, булькает, рыба в реке не перевелась... Чего еще бедняку надо?

Но мир взбесился - это точно. За порогом собственного жая - домика того и гляди - пулю схлопочешь. Не загадываешь и на полдня - вернешься ли из степи живым. Застанешь ли семью в здравии и на месте, да и домик-то свой найдешь ли на месте целым!

С утра, притулившись перед мангалом на тощенькой подстилке - курначи в углу мазанки, думал тяжкую думу эту Жанабай в этот неудобный, сумеречный день. Бесцельно вглядывался в пламя под жаровней, в мутный пузырь на окне, в худые лопатки жены - Пердигуль, остро выпирающие даже через стеганную безрукавку из обветшалого бархата. Жена, уложив на курпачи за сундучком в дальнем углу комнаты обоих мальчишек-сыновей Жанабая досыпать, хлопотала по хозяйству, приготавливая продукты к вечерней трапезе бедняков, изредка передвигалась по застеленному дерюжками глиняному полу на коленях, доставая нужную ей вещь...

Давно уже остыл кок-чай в пиале у хозяина, но Пердигуль не решалась напомнить ему о том, - вдруг да помешаешь, важную мысль вспугнешь невзначай? Гудел за стенами злой ветер. Тускло мигали в углу комнаты угли бедняцкого очага.

Пердигуль вышла из мазанки. А вскоре - вернулась со двора, - хлопнула припертая ветром дверь. Жена уже звякнула ведром у очага. Поставила на угли казан, вздула в очаге пламя. Скоро мазанку наполнил аппетитный запах вареного мяса. Перед Жанабаем появилась киса (большая гоглубокая чаша) с шурпой, коричневый от прижарка, кружок пресной лепешки - нана. Хозяин некоторое время бездумно смотрел на вьющийся парок над кисой. Потом он медленно потянулся к еде, поднес кису с шурпой к губам, подул, обжигаясь и прихлебывая бульон... Вдруг он резко отставил кису, вновь откинулся на подушку, мечтательно почти прикрыл веками и без того узкие глаза, впал в транс. Временами его небольшое, худое тело подрагивало, Женабай непроизвольно почесывал стопы подвернутых калачиком ног, причмокивал. «Полезные» мысли одолевали его мятушуюся натуру, беспокоили, хотелось высказаться перед собеседником, но в мазанке никого не было, если не считать жены, тихо прикорнувшей возле ребятишек. Но разве ей - женщине - скажешь все, что думается, что гложет сердце?! Самое большое, что можно с ней обсудить - это цены на товары в базарный день...

А думы у Жанабая были «глобального» масштаба. Он обмозговывал устройство рода. Каракалпаки живут издавна по жесткой, с изъянами, но рациональной системе родов. Да, - род эксплуатирует каждого его члена в отдельности, да - из этого круга нет дороги в сторону - неминуема гибель отщепенца, он не может быть принят в другое родовое формирование и станет вечно преследуемым изгоем. Но род и поддержит тебя в трудную минуту, защитит. Правление родовое - обычно невелико. Несмотря на старшего-бия - все таки родом правит более мудрая и объективная группка - совет аксакалов (старейшин).

Жанабай принадлежал к небольшому роду Кенегес. Селения их располагались в средней части Амударьинского отдела. И как бы растянулись цепочкой от берега свирепой реки в глубь, через плавни - в степь к холмам Бозатау-возвышенности, за которой шла караванная дорога к берегам пустынного моря, далее к кочевьям казахов. Конечно, народ каракалпакский, зажатый в злых степных и пустынных просторах и гнилых топях в дельте бешеной реки своими более могущественными и воинственными соседями - казахами, узбеками и туркменами, - был формально под патронажем и управлением белого царя - России. Но даже небольшие царские чиновники-управленцы были так далеко от этих мест, что ни за помощью, ни с челобитной до них не добраться - риск потерять жизнь в этом пути был почти стопроцентным. Вот и приспособился народец этот неказистый от самых страшных бед и войн огораживаться российским подданством, а в повседневном житие быть в прямом подчинении того могущественного соседа, ближе к владениям которого лежали земли рода.

Каракалпаки северо-восточной и восточной части отдела зависели от эмира Бухарского, центральной части - покорялись всем требованиям хана Хивинского, да страдали от набегов туркменских головорезов - аламанов. Более всего повезло тем, кто селился вдоль морского побережья, да на плато Устюрт - в соседях у них были мирные казаки Малого жуза, сами жившие по кочевым родовым законам, да и границы их степи были уже плотно освоены российскими казачьими войсками, здесь действовала жизнеспособная царская администрация. Да и каракалпакский род Конграт был многочисленен, мог и за себя и за соседей постоять.

Конечно, оставались еще города Амударьинского отдела, где стояли российские (правда малочисленные) гарнизоны, селились европейцы. Но во-первых, каракалпаки не живут в городах, кочуя вместе с родом, а во-вторых, даже эти крепостицы: Петроалександровск, Чимбай, Урга, форт Нукус - сами иной раз страдали от набегов лихих людей с территории Хорезма.

Хорезмийцы формально - вассалы русского царя, но по отношению к своим поданным, слабым соседям - подлинные тираны. Это и Жанабай и его соплеменники испытали на своей шкуре сполна.

Жанабай мысленно напрягся, чтобы хотя бы вспомнить основную часть той иерархии каракалпаков, которая была выстроена но подобно хорезмийской, с прямого повеления хана Исфандияра. Хан - довлел над всеми. Затем шел по-старшинству - бег- лербеге - главный бек. Аталык-бий - властвовал в своей местности, в своем роду, объединении родов. Ему подчинялись бии родов помельче, кочующих в пределах этой местности. Таким был и глава кенегесов, - рода Жанабая - коварный Толыбай- бий. Быть с ним в распрях - означало почти верную смерть. Ведь Толыбай всегда путем дорогих подношений имел поддержку от мехрема - советника аталык-бия. Да «лесенка» подчиненности мехрему строилась так: кусбеге - главный охотник, - ди_ ванбеги - начальник канцелярии, - матер - толкователь уклада и законов, - кази - мирской судья. И, соверши Жанабай проступок, - выше кази ему ни до кого ни добраться. А судья всегда исполнит волю главы рода - Толыбая... Можно, конечно, с помощью ближайших родственников собрать десяток баранов, два-три красивых ковра - поднести этот дар кази и очутиться со своей нуждой перед матером, но - с каждым новым шагом - дар твсй должен удваиваться. Разве это по силам бедняку?

Можно попытаться зайти с другой стороны: пойти на поклон к родовому мулле - Ибрагимуходже. Но тот зависит от благосклонности к нему акса-калыя - старейшего среди старейшин. А старшим избран отец все того же Толыбая - Бекберген...

Можно попробовать через брата жены - Оразбая, который служит в ханском войске сотником, - выйти на тысячника, через этого военного начальника добраться до аткосчи-стремянного у начальника военной канцелярии - джасаулбеги - но во-первых, ставки взяток здесь ничуть не

ниже, чем в первом случае, во-вторых - у джаса- улбеги в подчинении и джаллад - палач ханский... А кому же в голову придет добровольно знакомиться с палачом?

Да, невеселые мысли посетили сегодня Жанабая. Мысли - подстать этому хмурому дню, что свирепел вместе с морозным ветром за стенами его мазанки. Плохая погода, трудная жизнь, беспросветное будущее - кому пойдешь вот на это жаловаться! Даже в степи или плавнях не стало укрытия каракалпаку. Все перевернулось в мире этом. Вокруг аулов гуляют банды неизвестные, белый царь - крепкий, сильный, страшный и грозный - далеко и, верно, забыл о своих подданных, да и слухи есть, что лихие люди и до царя добрались, не уберегла его стража. Видно, сам Аллах отвернулся нынче от своих правоверных...

Жанабай стал покачиваться в такт своим мыслям, тихо запел, заскулил в печали. Из его горла сквозь стиснутые зубы вырывались протяжные однотонные звуки, пока еще не сложившиеся в слова. Подкатывала песня - одна из многих, которые умеют сочинять каракалпаки, в одночасье, импровизируя, впадая в такт мыслям, в почти трансовом состоянии, когда мысли сами, где-то у сердца, складываются в слова и фразы песенного лада...

Пердигуль тихо продвинулась к двери, зная, что теперь Жанабая нельзя тревожить, что он отрешен от всего земного по крайней мере до того, как допоеет песню. Она приоткрыла дверь и замерла на пороге. Во дворе, подле косопоставленной сухой и корявой жердины, обозначавшей забор, привязывали лошадей с выюками двое неизвестных.

Судя по их долгополым шинелям, карабинам, башлыкам, откинутым на плечи, - это были военные. Урус-аскери - русские солдаты. Ойкнув, прижимая в испуге руку, с зажатым в кулачке концом платка ко рту, чтобы не закричать от страха, Пердикуль опустилась на корточки в дверном проеме. Она не успела еще и вымолвить слова, как один из прибывших уже шагнул к двери, брезгливо сапогами отодвинул женщину в сторону, низко пригибаясь вошел в мазанку.

Второй аскер, развьючив коня, перекинул через плечо переметную суму, поторопился за товарищем. Вошедший первым держал в руке карабин стволом вниз, поводил им, покачивал, прищурясь осматривал полутемное помещение. Жанабай продолжал песню, не замечая ни распахнутой двери, ни вошедшего, не чувствуя даже сквозившего понизу морозного воздуха. Тревожно вспыхивали огоньки углей в мангале, зашевелились в ворохе курпачей просыпающиеся дети. Нагнув голову в проеме, в мазанку заглянул подошедший с поклажей человек.

- Чего это он подвывает? - обращаясь то ли к женщине, то ли к товарищу, хрипло спросил он.

- Поет, верно, - усмехнулся военный с карабином. - Пошли, поможем, подпоем, Не обращая внимания на захныкавших ребятишек, и поющего хозяина, он шагнул к мангалу, стволом карабина пошевелил угли, им же сбросил с казана деревянную крышку присел на корточки, принялся к шурпе.

- Мясо варят. Слышите, Кожевников, мясо! Вот вам и роздых после промозглых плавней...

И, видя, что его товарищ, опустив суму на пол, стал ее расстегивать, поторопил его:

- Доставайте, есаул, питье да чарки, здесь и передохнем, а даст Бог, заночуем. Да, не считите за труд, Кожевников, потолмачите им на их варварском языке, чтоб лошадей накормили, огонь пожарче развели, да мяса еще подварили.

Тот, кого называли Кожевниковым, повернулся к женщине резко, словно отдавая приказ, перевел сказанное товарищем на каракалпакский язык, да от себя пригрозил, что ежели побежит соседей булгачить на подмогу, детишек ее постреляют, дом сожгут.

Приехавшие вели себя уверенно, не таясь, по-хозяйски. Видимо, им не впервой было общаться с местным населением. Отпора они не знали.

Тем временем высокий откинул капюшон, снял шинель, под которой оказался офицерский френч, приподнял только сейчас очнувшегося хозяина за шиворот и отбросил легкое и худое тело каракалпака в угол комнаты к детям. Жанабай испуганно таращился на то, как офицер уселся на его место, подоткнув курпачи под себя, чтобы повыше было сидеть, положил подле себя карабин, с кряхтением стал снимать набухшие от влаги, заиндевелые сапоги.

Повернув бледные и влажные ступни ног к углям в мангале, пошевеливая пальцами, онемевшими от холода и долгой езды, офицер вновь обратился к попутчику, уже доставшему из сумы литровую флягу, обшитую тканью, серебряные чарки в футляре:

- Я, господин Кожевников, уже третий месяц обретаюсь в этих краях, но никак к их варварству в быту не привыкну. Да и язык этот собачий мне не дается. Ну вы, понятно, человек здесь родившийся, язык успели познать, а вот как с варварством их миритесь, голубчик? Для меня это недоступно...

Кожевников, пододвинувшись к огню мангала, проделав ту же процедуру с сапогами, что и его попутчик, лениво опрокинулся на тощую подушку и курпачи. Ухмыльнулся своим каким-то мыслям прежде чем отвечать, потянулся к фляге:

- Вот для согрева души пропустим вовнутрь себя сейчас этого огненного напитка, - потом я вам и порасскажу о своем житье - бытье...

Сосредоточенно опрокинули внутрь себя спирт, почти разом выдохнули воздух, помолчали невидяще...

- Слушайте, подполковник, вам европейцам это полезно знать, голубчик, - стряхнув с себя первым спиртовое оцепенение и блаженно откинувшись на подушки, пробормотал удовлетворенно есаул Кожевников. - История войска уральских казаков - сама по себе трагедия. Мало того, что мы и наши предки гнили на границах великой степи, прикрывая собой и Расеюшку-мать и царствующие фамилии, так вот еще, еспи помнить изволите, объявился в наших краях «вор великий» - лихой человек Еме- льян Пугачев...

- Как же, как же, - перебивая товарища, заинтересованно вскинулся его собеседник, - его отряды и по нашей Симбирской губернии шалили. Да и когда Румянцев вора выловил, в клетки его, в цепях привезли в Симбирск, здесь в подвалах генерал-губернаторства и допросы с пристрастием чинили ему...

- Вот оно как... - протянул Кожевников. - Я не слыхал этого ранее. А мы тогда назывались казаками яицкими, а Урал-река - Яиком.

Так вот когда Емельяна Пугачева казнили, - все войско яицкое у императрицы в немилость впало, как бунтовщики, как гнездовье разбойничье. Ставка Пугача же у нас на Яике была. Тогда же, сказывают деды наши, и указ нам вышел: в связи с присоединением под крыло Расеи ханства Хорезмийского, да обороны верноподданных каракалпаков от изничтожения соседями, а также для обороны степей этих, богом проклятых, от набегов диких киргиз-кайсаков, сюда нам переселиться. А такого уговора у казаков с царями не было, да и Устав войсковой этого не предусматривал. Но нас, виноватых, никто и не спрашивал. Старшины да атаманы только и успели, что определить к переселению самых виновных, строптивых да безответно-бедных, на- сильно похватили в веревки их, на подводы, да - в путь. Тут и семьям деваться некуда - в вой - но пошли с детьми малыми, скарбом, что на плечах унести смогли, да на подводы закинули, через степи великие, злые, безводные к морю горькому...

Сам не замечая того, Кожевников сбился на сказительный напев, видимо не раз им слышанный с детства, не раз повторенный душой об него израненной...

Не смущаясь подполковника, он потянулся к фляге, налил в чарку, хлебнул, зашипев от обжигающего горло и пищевод напитка, кашлянул, схватил с полочки кису поболее, черпанул из казана шурпы со звездами жира на бульоне, отпил глоток, протянул кису в сторону товарища:

- Запивка знатная, пробуйте! - Дождался, когда тот, хлебнув варева, оторвался от кисы, продолжал:

- Беда была не в том, что места новые нашим предкам дики и неудобны были, неустроенность угнетала более всего. Ведь, голыми по сути вывозили к батюшке Аралу их. Здесь на месте, смирившись, учились мазанки на каракалпакский манер лепить, очаги класть, без дерева обходится. Вместо Яика родного - усмирять здешнюю реку бешеную, учиться по Аралу без страха в штормы ходить. А по-первости - болезни разные, лихоманка - начисто люд казацкий косили. Вы же, подполковник, видели по каким гиблым местам мы пробирались: плавни на сто верст в округе, да тугаи - леса эти чахлые, гнилые, гадов везде полным-полно, комар в плавнях пендиночный

плодится, - от его укуса кожа и мясо людское гниет долго, а потом метка на теле остается как оспина, - только размером с кису эту...

Так вот, господин хороший, большая часть наших казачков вживаться в край этот стала, а как народец здешний поймешь, ежели языка ихнего не знать. Так мы сызмальства от папки-мамки языку мудреному учились. Смирились в основном те, кто веры старой держался и по сей день держится. Их-то, от греха, да гнева царского, что веры новой не имут, - всех, первыми и отселили. Они - долготерпцы, тут сами врастали, да других уговаривали. Но были и такие, кто не смирялся, бежали назад на Яик. Немногие туда дошли через степи дикие. А уж те, кто дошел, - грозили бунт опять старшинам учинить за предательство.

Атаманы, понятно-дело, скумекали что - к чему, - кинулись к царице в Питер за прощением. Но, бают старики, - долго она их не принимала при дворце. Тогда казаки яицкие вызнали дорогу по которой матушка выезд имела. Дождались ее кареты перехватили посреди улицы и - под «Ура! Матушка!», вскинули карету на руки. Императрица гневалась, велела опустить ее на землю. Но казаки стоят на своем: опустим, матушка, ежели прощения даруешь! Рассмеялась она на то, молвила: «Прощаю вас, дети неразумные, а зато, что на «Ура!» меня взяли, - быть вам с сей поры казаками-уральцами, а реке Яику - Уралом, чтоб не воспоминались мне в гнев грехи ваши прошлые»...

Так-то, господин Богутинский, и стоим мы форпостом здесь уже два века, почитай. Оттого и край этот мне отчий и язык, как вы изволили заметить варваров, - знаком. Это я только последние два года был прикомандирован к штабу атаманскому - генералу Толстова, а то и службу конную проходил у себя - в Чимбае. А родом-то, как и многие наши уральцы-староверы - из столицы нашей аральской - Урги.

Есаул вновь булькнул флягой над чарками, ножом поддев, бросил из казана на мелкое, широкое глиняное блюдо-ляган кусок баранины, наломал в кису с остывшей шурпой засыхающей лепешки, круто посолил и мясо и бульон, достав соль из кожаного мешочка, притороченного к поясному ремню. Оглянувшись на дверь, громко и отрывисто крикнул несколько слов по-каракалпакски. И, словно дожидаясь этой команды, в дверь согбенной тенью скользнула Пердигуль. Она молча и споро раздула угли в мангале, подбросив туда сухого кизяка, въедливо задымившего, плеснула в кумган воды, пристроила его к огню. В малый казан кинула несколько комочков курдючного, желтого сала, а когда он весело зашкворчал на огне, ссыпала туда уже приготовленную каурму - мясные шарики, залитые на зиму верблюжьим жиром - еду неприхотливую к морозам и жгучему пустынному солнцу, которая готовится на костре в минуты, а по желанию, заливается кипятком - и шурпа готова. Женщина на четвереньках, проскользнув мимо офицеров, пробралась в угол мазанки, где у сундука сидел бледный от страха Жанабай и беззвучно творил молитву, где из кучки курпачей выглядывали любопытные, сопливые мордашки детей, - взглянула испытующе на мужа, подолом отерла носы детям, приподняла крышку сундука, нашарила связочку сухих трав, вернулась к очагу.

Вскоре казан пыхавший ароматом степных и горных трав, распаренным мясом, - стоял на дастархане перед пришельцами. Пердигуль, заварив глиняный чайник кок-чаем, подав пиалы гостям, ждала, замерев с кумганом, когда ей кивнут - повторить заварку. Она почти ничего не понимала из разговора аскеров, - некогда и некому было в их ауле учить русский язык. А те несколько слов и фраз, что запали в ее память, услышанные не раз на базаре в Чимбае, куда возил ее за покупками Жанабай, - в преломленном сознании женщины были так исковерканы, что и их она не узнавала в устах аскеров.

Женщина, воспитанная в каракалпакской семье, хотя и отличалась от своих единокровных узбечек - тем, что не носила чадру; туркменок - не носила яшмака (платка закрывающего голову, лицо и, главное - рот); была на Востоке вроде раскрепощенного раба, - все же неукоснительно соблюдала главные заповеди шариата. Она никогда не садилась за один дастархан с мужчинами, хотя находилась рядом - прислуживая им; не имела права участвовать в беседе или осуждать мужчину; отдельно, остатками от мужской трапезы должна была кормить детей, насыщаться сама. Главное же - она должна быть угодливой, безэмоциональной, все терпеливо сносящей хозяйкой в доме, тенью своего повелителя - мужа.

Конечно, тревога наполняла сердце Пердигуль от визита незванных аскеров. Женщина не знала что можно ожидать от подвыпивших гостей, людей с оружием, значит Жестокосердных. Боль и тревога наполняли ее, когда она поглядывала на испуганных детишек, на униженного обращением и скованного страхом мужа. Она старалась лучше и быстрее угодить аскерам, угадать их желания, может быть, от этого отдохнувшие, отмякшие чужестранцы быстрее покинут ее дом, вспомнят о неотложных делах, дальней дороге...

А офицеры и впрямь вели речь о своем пути, своих заботах, неразрывных с их службой, кровавым временем. Они ехали в штаб генерала Толстова с донесением об операции по освобождению Амударьинского отдела от красных, о восстании трех боеспособных сотен амударьинских казаков и захвате ими власти по всей территории отдела. Они участвовали в операции по освобождению срединного в отделе городка Чимбая от красных вместе с местными казаками и отрядом полковника Гадкова, посланного из Уральска. Они рубили юные красногвардейские головы и топили подо льдом на озере Хожакуль пленных из местных оборванцев, жидов и перешедших на их сторону, прижившихся здесь еще с 1915 года чехов и мадьяр.

Но новости, шедшие через плавни и степи с этими курьерами были неутешительны, особенно для атамана. Он не без оснований надеялся стать предводителем освободительной борьбы в Средней Азии и Туркестане. Действия войск были уже строго скоординированы и поддержаны наступавшими на севере войсками Верховного главнокомандующего адмирала Колчака. Его боковые дозоры уже соприкоснулись с казаками и у Семиречья. Колчаковские агенты уже работали в ставке Джунаид-хана, контролировавшего весь север Туркмении. Восставшие в Асхабде эсэры, офицеры-запасники и туркменские националисты, объединившись с английским экспедиционным корпусом, уже контролировали юг Туркмении, ее нагорную часть и приморье, воссоединившись с дашнаками и азербайджанскими национальными частями. И только здесь - в Амударьинском отделе, остатки красных отрядов еще удерживали плацдармы, поддерживаемые из Ташкента и Чарджуя. И винили в этом «недоразумении» застрявшие за трапезой в степной мазанке курьеры своего нынешнего начальника Гадкова, да местнические настроения амударьинских казаков...

- Нет, есаул, вы не уходите от ответа, - подогретый спиртом, горячился Богутинский. - Какого, извините, рожна нужно еще вашим родственникам, чтобы они наконец поняли: союз с Джунаидханом - залог общего успеха. Дело это временное, потом, после победы будем разбираться кто кому и чем насолил!

Поймите же, Кожевников, то что нам удалось прихватить Чимбай, Бозатау, Тахтакупыр, даже Муйнак, вовсе не определяет общий успех, как того хочется Гадкову и вашим родичам. Это по недомыслию они кичатся: «Муйнак взяли - теперь Москва сама падет!» А ведь от вашей родины Урги - до Казалинска - и территория и железнодорожный путь контролируют отряды армии господина Фрунзе. А это все северо- западное побережье Арала!

Кроме того: и форт Нукус - ворота к югу каракалпакского края и «святой город» Ходжейли - под контролем Чарджуйской группы войск Шайдакова. Ваша же вторая сотня, не желая союза с Джунаидом, только грозит взять столицу отдела - Петроалександровск. Но этот орешек, эта крепость им не по зубам одним, милейший. И я это прекрасно сознаю. В Ново-Ургенче население на половину русское. Знаю тамошние арсеналы, фортификацию. Засевшая там южная группа красных и Джунаиду - одному - не под силу. Вот где наши проколы! А как близко была уже победа!

От выпитого у Кожевникова нос побурел, на нем выступили резкие синюшные прожилки, он уже сидел, скинув китель, в нательной рубашке, крест-накрест перетянутой помочами. Возбуждаясь, как и его собеседник есаул вскинулся было с возражениями, но, взглянув на хозяина мазанки и заподозрив что-то, резко приказал ему по каракалпакски выйти, махнув рукой на дверь. Богутинский уловил только одно знакомое слово: «кет» - «вон».

- Лишние уши всегда опасны в таких беседах, - объяснил товарищу есаул. - Кто его знает, что он понимает по-русски, кому болтанет. - Он сделал знак Пердигуль и она вновь закопошилась над заварным чайником, искоса испуганно наблюдая, как муж пробирается к двери. Женщина

тревожилась: не пойдет ли Жанабай за соседями, может возникнуть ссора, а у приезжих аскеров - оружие, в доме - дети...

За окном совсем уже стемнело. Мазанка давно освещалась всполохами тлеющего мангала. По стенам метались то яркие языки красноватого света, то колеблющиеся тени. Одна из них, - скрестивший по мусульмански ноги под собой - есаул Кожевников с пиалой в руках, глухо и зло заговорил:

- Вы, господин хороший, оперативно может быть и правы. Но вряд ли вам дали знания наших местных условий. Дело ведь не в том, что наша казачки с Джунаидом - курбаши делить что-то собираются. Его банды вот уже пятый год терроризируют население отдела. Ладно бы еще мусульманские свои дела меж собой только решали. Так нет - головорезы его и на наши поселки нападают, да по-подлому! Выждут, когда мужики на путину выйдут, да на острова селятся, - налетят, пожгут дома, нагрябят добра многолетием нажитого, баб ссильничают, парнишек порежут и - смотятся на левобережье свое. А то - хуже того - в верховьях каналы перекопают, плотины разобьют - а внизу казаку огород нечем полить, бахчи сохнут...

Вы не слышали, а я со своими пообщавшись, ведаю, даже у комвзвода из форта Нукус-Синебрюкова джунаидовцы из крепостицы жену выкрали. Красные сформировали конный отряд, пошли погоней за бандой - две недели гонялись, - отбили бабу. Но в каком виде - можно только гадать - ибо их совдеп Синебрюковой за весь ужас тот у басмачей и увечье назначил специальный пенсион, как инвалиду. Так вот и подумай, господин хороший теперь - как этот сознательный коммуняка и краском Синебрюков с Джунаидом братья будет? А у наших казачков такая история в каждом пятом доме...

Да и с Шайдаковым вы не во всем правы. Он, хоть и красный насквозь, и в бою с нашими - зверюга отменный, он работал в судоремонтных мастерских в Чарджуе, слесарил, а там - казаков - почти все мастеровые! Они его своим считают, да и он к нам с уважением. Слыхали, что два месяца уже переговоры ведет Шайдаков с казаками чимбайской сотни? А когда они еще только формировались, а мы им ни винтовок, ни орудия еще не доставили, мог Шайдаков задавить их, да и - по-нашему - под лед братков пустить... А?

Не слыхали, подполковник, какие песни-то о нем каракалпаки сочиняют, почище чем на Руси были о Бове-королевиче! Фамилию только коверкают здорово, на свой манер: «Шай-да-коп»...

Захмелевший почище своего попутчика Богутинский ошалело тряс головой от свирепонапористой речи собеседника. Потом пьяно расхохотался, приведя в испуг Пердигуль. Потянулся в угол мазанки, переворошил курпачи, где сидел Жанабай, подтянул к себе дутар:

- На этом ли инструменте, любезный мой есаул, сочиняют песняка своего аборигены? М-да-а..

Он прижал к животу дутар, откинулся На курпачи, почти лежа попытался взять аккорд:

- Эх! Одна палка - три струны, запоем что-ли?

Дутар, привыкший к нервному, с оттягом обращению со своими струнами, протяжному, долгому и заунывно-высокому звучанию, - дребезжал в руках подполковника, словно не понимая, какую же мелодию выдернут из его нутра эти чуткие, но резкие с прихлопыванием пальцы, сдавившие горло инструмента, дающие ему силы вибрировать горловым напевом.

- Вот, есаул, «господин мой хороший», - передразнивая поговорку казака насмешливо ронял слова «дутарист», - песня моей офицерской молодости, азиатского фанатизма русского воина, попавшего в эти богом забытые края. Прошу любить и слушать; - он, подлаживая дутара звук под гитарный бой запел вдруг хриплым приятным голосом:

«Песок, песок, песок...

Пустынь зовущий свет.

Как тонкий волосок,

С тобой пришедший след.

Песок, песок, песок...

Зыбучих волн прибой.

И день, как жизнь, высок,

Как солнце над тобой.

А кровь стучит в висок,

Колышится мираж...
Песок, песок, песок -
Эх, рано умирать.
Бархан, как Эверест,
Ты взять так и не смог -
Из неба светит Крест,
Внизу - песок, песок...
Пустыни дикий крик
Зовет на землю ночь.
В нем есть последний миг -
Песок не превозмочь,
Укроет звездный плед
И тело, и песок...
Не дрогнет пистолет,
Уткнувшийся в висок...»

Слезы наполняли пьяные глаза есаула. Он нагнулся и звонко чмокнул товарища во влажные губы. Бормотал: «Это, брат ты мой, нас и ждет, о нас с тобой песня- то...» Богутинский все еще прислушивался к словам звучащим где-то внутри его души, покусывал губы, поглаживал дутар. Потом-резко сел, откинул в сторону инструмент, потянулся за чаркой. Есаул хлопотливо подкинул в руке флягу. Молча и ожесточенно чиркнули чарками, выдохнули воздух, пожевали по кусочку лепешки...

- Как по батюшке-то тебя, подполковник, звать, величать? - сглотнув, осведомился Кожевников.

- Николай, Владимиров сын, - откликнулся тот товарищу, - я и забыл уже. Это в кадетском корпусе было - Николя... А как в шестнадцатом собрали нас всех оставшихся вне фронта по Симбирску придурков, да перестарков, хитрованов, от службы наловчившихся бегать, да сопливых еще прапоров и юнкеров - на фронт не годных по недомыслию, - вот и набрался Симбирский полк тыловой приписки...

Богутинский пьяно икнул. Хмельная слеза скатилась из его затуманенных глаз, из под воспаленных, красных век. Он откинулся на подушки, скрипнули струны дутары под неверными, напрягшимися пальцами. Вырывая надсадно скрипящий звук, словно расщепленной древесины под порывами ветра, пьяно забормотал:

- Ах, друг мой, боевой товарищ! Это вам - Русь наша, срединная - чужбина непонятная. Вам, господа-туркестанцы, зной здешний всю память повыел. Для вас - что степи здешние, лысые, что иранские доли, да отроги - все едино! А вот мне никаких рахат-лукумов и гурий не надобно, - лишь бы в родном Симбирске еще хоть разок побывать, волжского завихристого ветерка глотнуть на косогоре! А какие ночи лунные проводил я с барышнями-мещаночками в роще киндяковской! Как целовались они безоглядно в беседке литератора Гончарова над волжским плесом... Нет, не понять вам этого Кожевников! Не понять!

- Где уж нам, гяурам затруханным, вашество постигнуть! - обозлился его попутчик. Шаркнул баклагой по краю чарки, глотнул судорожно, припал к рукаву... Злые темные от зелья и гнева глаза его сузились до азиатских щелочек, руки нервно елозили по курпаче. Приподнявшись над собутыльником, цапнул его за отворот рубахи, хрипел:

Мы здесь, как чехонь, засушенная солнцем, твою срединную Расею оберегали чуть не два века. Здесь и дед мой в этом пухляке зарыт вместе с его образком-хранителем. Потому и земля здешняя, прогорклая, мне дороже любого жирного чернозема да вод волжских! И я отседа - никуда, ни ногой! Ты меня с этим зайцами, да гадковыми не ровняй, не надо. Обидел меня... Это они, стратеги, довели, что казачки-старообрядцы не то что против друг друга восстали, против Бога идут! Но они же братья мне! А Гадков их под лед на озере пустил, сука, шакалом покрытая! Дай срок, дорысим мы до Яика, генерал Толстое получит самую точную депешу и все знать будет об атаманах здешних. Кочум, - доатаманились, бляди, - прости мне, Господи, сквернословие! Толстов - он наш, уральских, казацких кровей и храбрости. Он - вот сила казаков! Окунем мы в Учсайском заливе в Арал-батюшку нечисть красно-звездную с шайдаками ихними... Да, господин хороший, Шайдак-то, матросик, сказывают тож как и ты - волжанин. Чего ж вам, подполковник, суводиться

со мной по чинкам, да солончакам, - дуйте к землячку своему, он вам и барышню-мещанку спроворит. Хоть ту - Синебрюкову, обрюхатенную карасакалами хивинскими, - ей ныне один резон - утешение искать у таких как ты - с нежностями телячьими...

Николай резко сел, затвердела в прямой гордыне офицерской строевая спина. Откинул от груди руку есаула, вскинул на него выцветшие враз голубые глаза, хрустнул в кулаке переломанный гриф дутара, оплели побелевшие костяшки пальцев разлетевшиеся космы струн.

- Забываетесь, есаул!

- Да ладно, вам, - отмякнув сразу, откачнулся от него казак. - Ладно! Бог простит речи несуразные, в угаре мы, жилы-то и напряглись... Делить-то что ныне, - оба в дерьме, а дорога дальняя у нас, пути сторожкие... Запьем лучше злобу да грусть!

Он вновь встряхнул всплеснувшую баклагу. Плеснул. Двинул к товарищу чарку. Хлестнули друг по дружке взглядом, молча хапнули ртами спирт, выдохнули ссору с парами над дастарханом...

Кожевников оглянулся, ища взглядом забившуюся в тряпье Пердигуль, ухмыльнулся, изучающе взглянул на своего попутчика:

- Как, соотич, весельнемся опосля гульбы? Вон и хозяйка заждалась ласки - она под «седлом» не хуже ваших барышень взбрыкивать умеет. Эх, с полгода я уже марджушек не мял, а казачки доброй - так и год не пробовал, как с Урги съехал. Так что, Владимирыч, не побрезгуешь?

Богутинский иронично оглядел затихшую Пердигуль, усмехнулся, поморщился. Но есаул слова вымолвить не дал:

- Не вороти ноздрю-то, в округе, почитай верст на сто такого шанца нам не представится, да место здесь смиренное, народ пуганый - одно слово - черноголовые, темные они, супротив наших, уральцев, ни голоса, ни головы не вскинут, хорошо приученные. Так как - первым возжелаешь?

Богутинский, казалось, уснул. Голова наклонена, подбородок - до груди опущен, веки - полуприкрыты. А в памяти, в ушах - шумнул уже ветерок симбирский вершинами лип, хоронящих от лишнего взгляда, - шопоток жаркий, руки почуял на плечах Девичьи, аромат белья кружевного, налаванденного... Вскрипнув дико, сдернул рубаху через голову, треснули подвязки на бриджах офицерских, мелькнуло в полутьме мазанки, за мангалом, белье холщевое исподнего солдатского, дико вскрикнула женщина...

Побагровев, Кожевников скользнул впрыска за сундучок и матрасики тощие, скинул эту кучку подстилок на детские головенки, бормотнул по-каракалпакски, пугая ребятню, приказывая не шевелиться под покрытием. Глаза его задористо блеснули под всполохом саксауловой ветки в мангале. Он, тяжело посапывая, не отводя взгляда от белевшего на полу тела, от высоко вскинутых над кошмой загорелых лодыжек и бедер, от вскрикивающего, дергающегося матерчатого темного кома - завернутого на голову хозяйке подола ее атласного платья...

Трезвеющий Николай судорожно, со всхлипом глотал морозный воздух степи, с привкусом тлеющего кизяка и вони верблюжьей. Он скорчился на земле за порогом мазанки, его скрючивали и горчичный, колющий ком в горле, все более обрастающий клейкой слюной, и сознание отвратительного поступка и безысходность. За аскером пугливо поглядывал Жанабай, в ярости сжимая в руках урак - полусерп с зазубринами по лезвию, которым кочевники секут жесткие стебли степных трав. Это было единственное оружие, которым он располагал. Выкрики Пердигуль доносились все глуше, их перебивало молодецкое хеканье казака, истязавшего свою жертву с жестокостью прорвавшейся через долгое воздержание страсти, привыкшего подчинять себе природу, не сдерживая желаний и чувств, вымещая на женщине в мазанке свою горечь, надрыв душевный, свое отчаянье...

Жанабай беззвучно скользнул вдоль изгороди, взвизгнул от отчаянья и страха, - полоснул по натужной шее аскера. Из горла Богутинского, заглушая вопль боли и недоумения, хлынула блевотина вперемежку с кровью, голова тупо ткнулась в окоченевший грунт, он стал заваливаться набок. Последнее, что увиделось ему посреди злого степного бездорожья - была всколыхнувшаяся под ветром роща на волжском крутояре, звездный крест в стынущем небе Востока.

(В повести использованы подлинные исторически материалы. Тексты песен: И.Саволайнена, Т.Глушкоюй, Евг.Нефедова, И.Буркина, В.Норостелевой, В.Гордеева).

В МЕЛЕКЕССЕ БЫЛ И ФРОНТ, И ТЫЛ

КЛИМЕНТ ВОРОШИЛОВ

В мае 1942 года наш Мелекесс посетил маршал Ворошилов. В 1941 - 42 годах он не раз приезжал в Ульяновск, где жил и работал как представитель Государственного Комитета Обороны. В Мелекесс его привели сугубо практические дела. Здесь маршал знакомился с продукцией военного значения, выпускаемой городскими предприятиями, подстегивал «добровольную» мобилизацию на фронт людских ресурсов, организовывал помощь мелекесских тружеников тыла армии, принимал парад войск 1-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Мелекессе и уходила на фронт под Сталинград. В этой новелле я хочу воскресить лишь несколько фактов, связанных с поистине героическими усилиями мелекесцев в их помощи воюющей армии, со временем пребывания в городе Климента Ефремовича. Итак, 7 июня последние части дивизии грузились в эшелоны на нашей железнодорожной станции... Слово дивизионному поэту Георгию Трифонову

«Как мне забыть о том июне,
Что, на поверку взяв нас, юных,
Поставил в строй и в бой повел.
Забыть огонь горящих сел,
И кровь, и слезы, и потери,
Разлуки след у каждой двери,
И судьбы, сломанные круто
В невозвратимые минуты.
Как мне расстаться с тем волнением,
Перечеркнуть щемящий след...
Случилось это в двадцать лет
Со мной и целым поколеньем.
Все это было в том июне -
Солдат и девушка-певунья,
И на окошке огонек,
И фронтовая мгла дорог,
И те позиции, где воин
Лег в землю вечного покоя,
А я забыть его не мог.
Но между вечностью и тленьем
Я вновь, как писарь и связной,
Живу той юности гореньем,
Дышу военной весной.
О ней, у памяти в долгу,
Не написать я не могу».

Ветераны дивизии А.Ольшанский и У.Арзымбетов в своей книге мемуаров «Единой семьей в боях за Родину» пишут: «Одновременно с комплектованием дивизия готовилась к предстоящим боям. Боевая подготовка шла непрерывно и ночью и днем.

Трехмесячный труд командиров, штабов, партийных и комсомольских организаций увенчался успехом. К началу июля 1942 года дивизия стала крепко сплоченным и достаточно обученным соединением, готовым бить врага.»

Бывший парторг 178-го гвардейского стрелкового полка полковник запаса Утамбет Арзымбетов со слезами на глазах рассказывал мне, что первые мобилизованные из Средней Азии его земляки-сопдаты были привезены в Мелекесс в январе - феврале 1942 года. Жили они в землянках в районе ипподрома, обогревались кое-чем. Поэтому после ухода дивизии в городском госпитале осталось немало обмороженных солдат с юга, немало их осталось вечно лежать и на мелекесском кладбище, есть и безымянные могилы в том же районе, у железнодорожного моста.

Благословленная маршалом Ворошиловым дивизия показывала на фронте образцы стойкости и героизма. Впоследствии, пройдя тяжелый путь от Сталинграда До Берлина, стала дивизия именоваться 58-й гвардейской, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова Красноградско-Пражской стрелковой дивизией

А в ее рядах среди 29 Героев Советского Союза есть и наш земляк - Константин Дмитриевич Шулаев, который был призван в нее здесь же, в Мелекессе.

Так почему же именно Ворошилов (боевой маршал, герой гражданской, нарком обороны) проводил сугубо тыловые работы? Видимо, это было ему своеобразным «наказанием» от Верховного Главнокомандующего И.Сталина за бесславные операции на Северо-Западе, приведшие к выходу немецких войск под Ленинград и его окружению врагом. И это несмотря на их преданность друг другу и личную дружбу.

В своей книге воспоминаний адъютант К.С.Ворошилова генерал - майор М.Петров уточняет: «Инспектирование резервных армий и отдельных соединений было... возложено на Климента Ефремовича Ворошилова... Поезд... состоял из бронированного вагона, вагона - столовой, вагона-гаража, куда помещались три легковые автомашины, одного, а порой и двух пассажирских вагонов, где находились офицеры инспекционных групп и секретариата. Вначале к составу цеплялась платформа с зенитками, но вскоре от нее отказались, так как она только демаскировала нас...

Обычно стоянка нашего поезда на очередной станции была не более двух-трех суток, в

Побывали мы еще в нескольких приволжских городах и временных лагерях, где также формировались запасы, части и соединения... Вспоминаю его разговор с командирами частей и подразделений, политработниками. К.Е.Ворошилов беседовал обстоятельно, непринужденно, давая возможность высказаться всем...

Куда бы ни приезжал наш состав, среди местного населения быстро распространялся слух о Клименте Ефремовиче. И он, несмотря на большую занятость, находил время для бесед с рабочими и колхозниками.

Немало различных просьб поступало к нему и через местные органы власти. И Климент Ефремович всегда оказывал необходимую помощь».

Помощь, оказанная маршалом Мелекессу, состояла в том, что с июля 1942 года предприятия города, работая на пределе своих возможностей, выпускали тройную норму военного обмундирования, муки, спецтары, лыж и саней, корпусов для мин и снарядов.

А теперь стоит рассказать о том, как восторженные мелекесцы, голодные и разутые, теряющие силы и здоровье от непомерного труда на пользу Отечества, «ответили на призыв маршала». «Подарки» Наших земляков фронту только в декабре 1942 года составили одно- двухдневный заработок на строительство самолетов авиаполка имени В.В. Куйбышева (общая сумма - 383 тысячи рублей), по самолету из «сэкономленных» средств купили артели «Пищевик» и «Путь Ленина», 782 тысячи рублей было получено в ходе реализации 2-й денежно-вещевой лотереи, 1014428 рублей внесено городом в фонд обороны по подписке на военный заем, собрано на целый полк теплых вещей по семьям мелекесцев, отправлена на фронт 251 посылка весом 7568 килограммов, оторвано от «собственных ртов» 5 тонн кондитерских изделий, 120 килограммов колбасы, 400 килограммов конфет, 200 килограммов сыра, 51 килограмм меда, 300 литров водки, 25 килограммов варенья, жареные куры, гуси, поросята, люди принесли 13 пар валенок новых, 1000 кисетов с махоркой, 250 штук носовых платков с вышивкой, 200 пар носков, 3 тысячи других вещей.

Так чья же рука в тылу повелевала всем этим?

Да, с одной стороны - пастушок и батрак, прошедший путь от шахтера до первого красного маршала, живая легенда советского общества, герой гражданской, любимец Сталина, его соратник... С другой - полуграмотный рабочий паренек, связавший свою судьбу с партией Ленина, выбравший в боях под Царицыным себе «патрона», потом слепо следовавший за ним и по его указаниям, человек без жалости и принципов, полагающийся только на свое конъюнктурное чутье, умение страхом повелевать людьми. Достаточно припомнить, при каких обстоятельствах

К.Ворошилов стал наркомом обороны. Это случилось после того, как его повелитель Коба отправил под хирургический нож М.Фрунзе.

А затем была поголовная сдача НКВД всех своих боевых друзей и соратников, вплоть до своего заместителя - Тухачевского.

Сохранились подлинные списки командиров Красной Армии всех рангов, подготовленные и подписанные Ворошиловым, с его циничными приписками в адрес арестованных. Фактически он «расчистил» армию от всех мало-мальски талантливых командиров, став самым - самым среди армейской элиты.

Мы уже говорили о судьбе И.Кутякова, сдавшегося чекистам по приказу друга Климента и замученного потом в подвалах на Лубянке.

Вспоминая о своем муже, Глафира Блюхер рассказывает: «Узнала от мужа о заседании Политбюро. Тон на нем задавал нарком обороны, постоянно нападая на Блюхера, вспомнилось когда-то сказанное мужем: «Клим не в ковше с водой - в ложке готов утопить меня».

... Рассказал муж и о приказе, который перечеркнул все действия по руководству войсками и заслуги командующего... Блюхер был низложен... Документ подписан... К.Ворошиловым и... Б.Шапошниковым.

...Нарком обороны К.Е.Ворошилов вскоре предложил Блюхеру отдохнуть со своей семьей на его даче «Бочаров ручей» в Сочи. На даче Ворошилова мы жили, как на острове. Никто нам не писал, никто не звонил...»

А 22 октября, прямо на даче наркома, рано утром Блюхера и его жену, а также младшегг брата Блюхера капитана ВВС, не дав даже одеться, отняв детей, в том числе и грудного сына, арестовали чекисты и увезли в Москву. А перед расстрелом у Блюхера вырвали глаз..

Ах, Климент Ефремович... Люди ведь верили в твой образ непобедимого и легендарного полководца, ласкового народного и честного старичка-большевика, убеленного мудрыми сединами. Верили в справедливость твоих приговоров изменникам Родины. Но вот кто объяснит мне, почему остались в живых К. Ворошилов, открывший фашистам фронт под Лугой и Ленинградом, сдавший в рабство сотни тысяч жителей сел и городов? И почему до Победы витийствовал в войсках его соратник и любимец Кобы С.Буденный, который, будучи в должности главкома Юго-Западным направлением, сдал фашистам всю Украину и кадровые армии в плен? Дм.Павлову этого хватило, чтобы получить пулю в лоб в первые же дни войны...

А вот вассалы Сталина остались живы, получали посты и привилегии, почести и награды, милость повелителя. И это несмотря на то, что в дальнейшей «боевой» деятельности Ворошилова были и провалы с руководством Центральным штабом партизанского движения, и бесславно провалившаяся операция по форсированию Керченского пролива с десантированием в Крыму, когда он фактически отстранил от действий командующего армией генерала Петрова, а после провала подставил того под гнев Сталина как главного виновника.

Следует добавить, что последнее «боевое» задание патрона как нельзя лучше характеризует первого красного маршала и его выдающиеся полководческие таланты. Он был поставлен во главе Трофейного комитета ГКО...

А жизнь Ворошилов и его бывший командарм Буденный прожили долгую и, по-своему, видимо, счастливую.

1994г.

ВАСИЛИЙ БАДАНОВ

Своеобразный облик Герман, герой германской публики, ас самолетного дела, лучший пилот страны и авиачасти «Эскадрилья Рихтгофен», уже к 1919 году имевший «Железный крест» I степени, орден Гогенцоллернов III степени, со шпагой, орден «За заслуги», первый командующий нацистскими ударными силами еще в 1923 году, личный друг и соратник Гитлера, непобедимый Геринг, руководитель рейхстага и главнокомандующий авиацией, которая безраздельно царила в

небе от Ла-Манша до Сталинграда, подавляла все живое на земле, уничтожая самолеты противника прямо на аэродромах, позволяя себе гоняться даже за отдельными беженцами, - и подумать не мог, что будет бит нашим земляком и его танками дважды, да еще так неожиданно, когда и «драп» не помогает...

Генерал Василий Баданов - фигура далеко не однозначная, но по заслугам навсегда вошедшая в историю второй мировой войны - родился и жил в нашем городе, где и поныне одна из улиц носит его имя. История его жизни и подвигов столь же противоречива, сколь и сам характер героя. Сын фельдшера, он сумел закончить офицерское училище, но в русской армии служить ему почти и не пришлось. Грянул 1917-й. Вернувшись в Мелекесс, Баданов близко сошелся с местными заводилами-большевиками, от них же, оставшись в июле 1918-го в подполье, получил задание на пропаганду среди мобилизованных земляков, с чем успешно справлялся.

После возвращения красных добровольно вступил в их армию: командовал ротой, был начштаба бригады, в 30-х прошел переподготовку на танкиста, командовал полком, дивизией, Ульяновским танковым училищем. Говорят, что упрямый Баданов был исключен из партии, попал в опалу, да и кто тогда из военачальников не «запачкался» при сталинско-ворошиловской чистке армии. Зато позднее генерал стал осторожнее, исполнительнее, слава Богу! - в лагеря не пошел, дай под пулю чекистскую. Потому, видимо, досконально выполнял уже во время Великой Отечественной войны приказы Главкома Иосифа.

Точно в срок, споро и через «невозможно», за что другие генералы расплачивались звездами, а то и жизнью, - Баданов берется за формирование 24-го танкового корпуса. Он принял его в апреле 1942- го, вырвавшись из опалы и недоверия, спокойный за свои «тылы»: отец, мать, сестры были «при хлебах» в Н.Малыклинском районе, жена и дети далеко от фронта в тихом Мелекессе. Луганск и Тамбов стали лагерями для обучения его войск. А основу боевой мощи корпуса составила ветеран фронтовых боев 4-я танковая бригада (с 1918- го - кавбригада Г.Котовского, где в разведке служил и Н.Островский). Бессарабцы были смелы до бесстрашия, умелы, злы. Эти их качества и использовал генерал.

В составе войск Юго-Западного фронта генерала Ватутина корпус Баданова готовили к участию во вспомогательном ударе по армии Манштейна, рвавшие деблокировать под Сталинградом зажатые в кольцо войска фельдмаршала Паулюса. Операция носила кодовое название «Сатурн», затем с изменениями - «Малый Сатурн». Задана 24-го танкового корпуса Баданова была не из простых: скрытно пройти по немецким тылам, «вонзиться» возле Тацинской в «подбрюшье» группы армий Манштейна, прорвавшихся к окруженному Паулюсу уже на дистанцию до 40 км. А это значило и оттянуть на себя немецкие танковые ударные части, готовые с ходу пройти эти 40 км, не дать им ходу к окруженцам... Задача почти для смертников. И наш земляк с великолепным успехом проделал этот легендарный в истории войны рейд!

Я не буду, по традиции, описывать давно известную историю Тацинского прорыва. Для этого есть специальная литература. Нас должно привлечь иное в ней, то, о чем не очень внятно, видимо, не сопоставив далекие факты, говорят военные историки и мемуаристы.

Итак, корпус Баданова, «наведя шорох» в немецких тылах, сбив заставы и заслоны, вышел к Тацинской, что было совершенно неожиданно для ее обитателей и защитников. Тацинская была единственной для снабжения окруженных войск авиабазой Геринга, и он гордился тем, что единственный из всех делал что-то реальное для облегчения участи Паулюса, для спасения ситуации. Так вот на хваленого и непобедимого в небе и на земле люфтваффе и напал без разбора и должного пиетета мелекесец Баданов. Об этом лучше всего можно сказать устами независимого историка и писателя, американца Уильяма Крейга, написавшего в сборник «От Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада» свою статью «Катастрофа на Волге», где беспристрастно и сдержанно повествует о боях под Сталинградом, вплоть до эпизода с корпусом Баданова.

«На рассвете 24 декабря крупнейшая немецкая авиабаза в Тацинской, в 300 километрах западнее Гумрака, подверглась обстрелу артиллерией.

Генерал Фиби́г, находившийся на контрольной вышке, с ужасом увидел, как взорвались два первых «юнкерса». У него был личный приказ не эвакуировать авиабазу. Но когда снаряды

русских стали обрушиваться на взлетные полосы, окутанные туманом, он отдал приказ о немедленной эвакуации.

В 5.30 - через десять минут после начала атаки русских - первые неуклюжие Ю-52 взрвали моторами и начали карабкаться в небо. Началась невообразимая суматоха. Самолеты взлетали со всех концов аэродрома, два Ю-52 столкнулись в воздухе и взорвались. Другие цеплялись друг за друга, ломая крылья и хвосты. В разгар этой паники на летное поле ворвались русские танки.

Когда «тридцатьчетверки» прогромыхали мимо контрольной вышки, адъютант Фиби́га закричал: «Господин генерал! Пора уходить!»

В 6.07 Фиби́гу доложили, что русские полностью овладели Тацинской, и через несколько минут самолет потрясенного случившимся генерала поднялся в воздух и взял курс на Ростов.

Внизу под ним на земле догорали обломки 56 так остро необходимых для снабжения 6-й армии «юнкерсов», лишь 124 самолетам удалось спастись.»

Оставшийся в руках немцев аэродром в Гумраке не был приспособлен к частым полетам тяжелой авиации, кроме того, там царил такой хаос, что Геринг так и не смог более наладить воздушный мост помощи Паулюсу хотя бы продовольствием. Груз же, сбрасываемый с парашютами, зачастую попадал в распоряжение наших войск. Итог же 10-дневного рейда корпуса Баданова в Тацинскую и ее оборона в полном окружении от озверевшего врага таков: наш земляк, получив приказ на отход, вывел из окружения с боями большую часть людей, техники, 4769 плененных фрицев, останки войска прославленного Манштейна, уничтожив 11292 немецких воина, 84 танка, 106 орудий, 431 самолет Геринга!

А отойти же сумел так неожиданно и резко, что налетевшая по приказу взбешенного главкома люфтваффе озверевшая армада вражеских бомбардировщиков на Тацинскую 28 декабря остервенело бомбила уже не танки Баданова, а вернувшиеся туда войска вермахта...

И уж если наши заклятые друзья-американцы с таким восторгом пишут о подвиге 24-го танкового корпуса, то можно представить, какая награда ждала Баданова, выведшего из окружения сохранившие боеспособность части и массу трофеев, у нас! Но Сталин не баловал героев, особенно «опальных». И Василий Михайлович Баданов получил за рейд. В книге «Русские и советские ордена» читаем: «Орден Суворова трех степеней давался за выигранную с меньшими, чем у противника силами, наступательную операцию, в результате которой враг был разгромлен. Кавалером ордена Суворова 1-й степени №1 стал выдающийся советский военачальник Маршал Советского Союза Г.К.Жуков. Вторая степень этой награды с №1 была вручена командиру танкового корпуса генерал-лейтенанту В.М.Баданову».

Но заметим, что раньше чем Жукову. Баданов - первый в истории получил этот орден. Много или мало? Учítывая, что генерал получил еще и танковую армию под командование в придачу, а также дорогого стоящего тогда вернувшееся к нему расположение и доверие Сталина - немало. Но и не по геройству.

Кстати, армией ему удалось покомандовать немного. Жуков, приняв под свою команду 1 -й Украинский фронт (после гибели от бандеровской пули генерала Ватутина), куда входила и 4-я танковая армия 234 Баданова, как и всякий самолюбивый и эгоистичный в славе человек, не мог потерпеть в рядах своих войск генерала, ранее самого Жукова получившего орден Суворова. Баданов вскоре не без содействия маршала отбыл в Москву на повышение - стал начальником управления бронетанковых военных учебных заведений всей Советской Армии.

В его 50 лет и впрямь пора было опыт передавать молодежи, а не геройствовать на полях сражений лучше, чем маршалы...

Правда, перед отъездом его танки еще раз обидно и чувствитель- но «стукнули» самолюбивого Геринга и его люфтваффе. Отдавая должное небывалому в истории войн второму уже случаю, когда танки выигрывают сражение у авиации, сам Георгий Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» пишет: «28 марта наши танкисты ворвались на Черновицкий аэродром. Здесь в это время шла подготовка к подъему в воздух десятков самолетов противника - взлететь им не удалось».

Скупó, но убедительно.

А сам герой нашей новеллы и гроза геринговских асов, видимо, и не особенно придавал этому беспрецедентному военному приему особого значения. И славно служил Отечеству далее. Был и главкомом советских оккупационных войск в Австрии, и на высоких постах в министерстве обороны, а на пенсии уже возглавил военную секцию Псковского областного общества «Знание». И не раз еще навещался в свой родной город к родственникам в гости. Возможно, целый роман об этом удивительном человеке напишет его двоюродный брат, мелевский писатель Е.Ларин. А мы подождем с надеждой на это.

ГЕОРГИЙ ЗАХАРОВ И ИВАН БАРСУКОВ

Только что посмотрел (в который раз?) кинофильм «Нормандия-Неман» и впервые задумался о том, что очень немногие жители нашего города видели одним из героев фильма - комдиве генерале Комарове - нашего земляка, прославленного военного аса - генерала Георгия Нефедовича Захарова, который послужил прототипом киношному ком-диву.

Захаров - воспитанник Мелекесского детского дома, учащийся Рязановского сельхозтехникума. В 30-е годы он прошел обычную для тех лет осовиахимовскую подготовку и освоил летное дело. Настоящие чудеса героизма и высший пилотаж показал он в небе Испании, где принял первые бои с фашистами.

Вот как вспоминает об этом В.Суязин в своей статье «В бой вступают истребители»: «Базировались мы неподалеку от Мадрида на аэродроме Алькала-де-Энарес... Мы понимали, что Мадрид надо удержать во что бы то ни стало...

В воздух поднялась оставшаяся в резерве эскадрилья под командованием Егора Захарова. Наши истребители снова обратили в бегство два звена бомбардировщиков, шедших под прикрытием десяти истребителей, причем один вражеский истребитель был сбит.

На рассвете снова раздался сигнал боевой тревоги. Наблюдатели докладывали: над городом появилось десять бомбардировщиков Ю-52 и десять истребителей. Навстречу им вылетела эскадрилья Захарова.

Вскоре начался бой. Истребители Франко повернули обратно, бросив свои бомбардировщики, которые последовали их примеру, однако одного «юнкерса» удалось сбить...

Особенно запомнились бои 13, 14, 16 и 20 ноября. Наша группа сбила в этих боях 20 фашистских самолетов... Для нас, летчиков, это был период непрерывных боев, в которых закалилось и окрепло мастерство, пришел первый боевой опыт. Мы вышли с честью из этого испытания, не отдав небо Мадрида врагу.»

Великую Отечественную войну Захаров встретил, как и многие его сослуживцы - «испанцы», уже в звании генерала, командуя авиадивизией. Мы знаем, как бесславно заканчивали свои дни многие советские асы в первые дни наступления фашистов. Получившие большие чины по молодости и героизму, они фактически так и остались истребителями-одиночками, не сумев выдержать бремя и ответственность своих должностей в подчиненных им авиасоединениях. Кто-то встретил смерть в небе, приняв на свою генеральскую грудь удар немецкой авиации, кто-то, не выдержав разгрома, застрелился, кто-то был расстрелян.

Генерал Захаров - пример обратного. Тогда ни молодость, ни недостаток знаний и опыта не помешали ему стать одним из лучших комдивов войны. И не даром в 1942 году именно в его дивизии была сформирована эскадрилья французских летчиков, прославившаяся в ходе боев. Только Героев Советского Союза среди французских летчиков было четверо! Ветеран «Нормандии» Пьер Пуйяд говаривал: «Мы занимались там, ребята, настоящим мужским делом...»

Интересен опыт воспитания французских летчиков, применяемый Захаровым в ходе их обучения. Об этом пишет и он сам в своей книге «Повесть об истребителях», и летописцы «Нормандии» Вл.Лавриненков и Н.Беловол в книге «Шпага чести».

«Большие потери французской эскадрильи обеспокоили советское командование. (За этим могли последовать «популярные» у Сталина методы наказаний. Видимо, генерал Захаров и сам это неплохо осознавал. - В.Г.) К «нормандцам» срочно вылетел генерал Захаров...

Генерал прошел большую школу жизни. Рядовым летчиком-истребителем сражался с фашистами в Испании, потом, тоже добровольцем, воевал с японскими милитаристами в Китае, был командующим авиацией военного округа, еще позже командовал 43-й авиационной дивизией. На фронтах Великой Отечественной с первого дня войны. Лично сбил 18 немецких самолетов. Теперь возглавляет 303-ю истребительную дивизию...

Многое повидал Георгий Нефедович. Знал и радость удач, и горечь потерь. Но чтобы эскадрилья за неделю лишилась половины личного состава, с таким сталкиваться еще не приходилось.

Захаров из тех, кто не любит дипломатничать, сглаживать углы, а всегда рубит правду-матку в глаза...

Георгий Нефедович глубоко задумался: как объяснить французам, что самые умелые, находчивые и отважные герои-одиночки обречены на гибель только потому, что лишены поддержки, прикрытия боевых друзей.

- Ну-ка, Альбер, подойдите ко мне.

Альбер направился к генералу, а тот ткнул его указательным пальцем в грудь. Марсель даже не покачнулся.

- Больно?

- Нисколько, мой генерал. - А я чуть не сломал палец. Теперь попробуем иначе.

Захаров резко, но вполсилы, ударил Марсея кулаком в плечо. Тот пошатнулся, скривился от боли.

- Чувствуется разница?

- Еще как!

- А мне хоть бы что.

- Это естественно, ничего здесь нет особенного.

- Особенное, мой дорогой, вот в чем: если бы вы били врага не одиночку, так сказать, растопыренными пальцами, а коллективно, То есть туго сжатым кулаком, избежали бы многих потерь. С нами могли бы быть сегодня Тюлян и Литольф - отличные летчики, рожденные для полета. Им и другим вашим товарищам не было цены. Мы гордимся тем, что в нашей воздушной армии воевали такие надежные бойцы-истребители. Но причина каждой гибели одна - это стремление к личной победе. А враг, он ведь не дурак, ему такая тактика на руку, он ловушки подстраивает, в которые вы бросаетесь очертя голову...»

Уроки генерала Захарова пошли впрок. Вскоре французы преподнесли ему свой подарок - 30-й сбитый самолет фашистов...

Каково было отношение во Франции к нашему земляку, говорят факты. Генерал Захаров редкий на земле человек. Он был награжден дважды высшей наградой этой страны - орденом Почетного легиона. Он также был избран почетным мэром Парижа.

А вот бывая на своей родине, генерал мало рассчитывал на особые почести, типа французских, зато встречи с ним всегда были искренними...

В городской газете была опубликована статья хранителя фондов краеведческого музея А.Петровой «Тридцать девять лет благополучия и подъема Мелекесса», из которой я с любопытством узнал, что в 1897 году в Мелекессе была открыта низшая ремесленная школа, «которую в 1915 году... закончил И.А.Барсуков (1898-1957 гг.), ставший впоследствии генерал-майором инженерных войск и артиллерии а в 1935-1952 годах он был заместителем наркома вооружения, за тем замминистра обороны СССР».

Следует сразу оговориться, что Иван Антонович, бывший выпускник Мелекесской «ремеслухи», по должностям последующим был самым именитым генералом среди наших

земляков и самым «секретным». Ведь и сегодня генералы из ВПК, «оборонки», все еще остаются самыми секретными в России людьми, после разведки и контрразведки, естественно.

Потому, пытаясь отыскать в истории его следы, мне все чаще приходилось наткнуться на пробелы как в специальной, так и мемуарной литературе. Бывшие министры обороны Булганин и Жуков, «под которыми» служил Барсуков, не оставили о своем зам-вооруженце воспоминаний. И можно лишь предполагать, что, как Абловы и Мишулин, - их почти сверстник Барсуков связал свою жизнь с коммунистами, вследствие чего ему удалось закончить рабфак и первый советский вуз. Будущий генерал трудился на Московском автозаводе, дослужившись до главного механика. Забегая вперед, хочу ответить, что не без его участия был положительно решен ставкой вопоос об эвакуации автозавода в 1941 году из Москвы в Ульяновск. Вследствие своевременного «радения» земляка мы и сегодня имеем наиболее стабильные заводы в области: Ульяновские авто- и моторный - детища Московского образца 1941-го года. Видимо, не без участия Барсукова и Мелекесс получил в период эвакуации промышленности с Запада «тихие», доходные, необременительные для нашего городка театр, библиотеку, трикотажную фабрику, мелкие механические производства, тем самым сохранив на долгие годы свою традиционную укладность жизни, стабильную инфраструктуру, самобытность, редкую, не загаженную природу.

К моменту ухода «на отсидку в лагерь» наркома вооружения Ванникова и прихода в наркомат Устинова, Иван Антонович уже занимал должность заместителя наркома, курировал вопросы противотанковых средств и вооружений, артсистем. Иными словами, через его ведение проходили не только ПТР, но и легендарные Т-34, САУ, «Катюши», «Андрюши» и так далее. Ведь достаточно только увидеть цифры потерь вооружения в войну: 15,5 млн. единиц стрелкового, 96,5 тыс. танков и САУ, 317,5 тыс. орудий и минометов, чтобы осознать объем работы заводов на новых площадях и объем занятости замнаркома. И это все при том, что советские войска уже в начале войны потеряли почти все танки (20,5 тыс. из 22,6) - по сведениям бывшего начальника Генерального штаба ВС СССР генерала армии М.А. Моисеева.

Только в июле-ноябре 1941 года на Восток было эвакуировано 2593 предприятия, 18 млн. рабочих и служащих и членов их семей (всего за войну - 25 млн. человек). Железнодорожники пропустили за этот период 30 тыс. поездов или 1,5 млн. вагонов...

Как отмечает в своей книге воспоминаний бывший нарком вооружения маршал Д.Ф.Устинов:

«Главные вопросы деятельности отрасли решались коллегией наркомата, которая аккумулировала в себе коллективный опыт и знания его руководящих работников. Члены коллегии - заместители наркома В.М.Рябиков, И.А.Барсуков, И.А.Мирзаханов, Н.П.Карасев, начальники ведущих главков и техотдела несли ответственность за состояние дел на конкретных участках и направлениях работы отрасли».

Наш земляк по Самарской губернии Дмитрий Федорович Устинов вспоминает и случай, когда он получил нагоняй от И.Сталина за задержку выпуска на заводах противотанковых ружей. И здесь один земляк, не желая брать на себя это склочное дело (Сталину жаловались друг на друга и на наркомат конструкторы-соперники Рукавишников, Симонов, Дегтярев...) - перепоручил его под ответственность (почти под расстрел!) другому земляку:

«Для оказания помощи заводу оборудованием в Ковров в соответствии с постановлением ГКО в однократный срок были доставлены из Москвы сто пятьдесят токарных станков разных типов. На заводе организовали специализированные производства. Для общего руководства подготовкой к серийному выпуску противотанкового ружья в Ковров выехал И.А.Барсуков.»

«Подставив» Барсукова под склочное дело, Устинов выждал, как его заместитель выкрутится из этого положения. Увидев, что с честью, - вновь взял под свое ведение вопрос для парадного доклада Сталину. Потому и в книге «Во имя победы» далее он находит добрые слова заму:

«Иван Антонович Барсуков, работая главным механиком Московского автозавода, а затем заместителем наркома вооружения, показал себя хорошим организатором. Человек исключительной скромности, он, когда этого требовала обстановка, был и настойчив. Он хорошо знал Ковровский завод, технологию производства».

Чего же это стоило нашему секретному генералу, можно увидеть из воспоминаний В.А.Дегтярева:

«Ни я, ни директор завода в те дни не знали покоя. Круглыми сутками, за исключением нескольких часов сна, мы находились в цехах, следили за тем, как идет изготовление деталей и сборка... Рабочие трудились с огромным воодушевлением, многие, заменяя ушедших на фронт, перешли на два, три станка».

Среди скудных сведений о генерале Барсукове нужно отметить, что его еще не раз бросали в «сталинские прорывы»: исправлять поломки в снайперских винтовках, перестраивать технологии металлургических производств, помогать Ворошилову «исправлять» недостатки пушек для танков и САУ, выбивать из изнуренных рабочих сверхплановые пушки для генерала Конева перед наступлением...

За то и был он обласкан партийными чинами, званиями, премиями, благами, как любой из советских «баяр» того периода. Правда, цена за это благополучие была высока, порой - жизнь. Но из таких щекотливых ситуаций наши земляки-генералы (и не только) умели выходить с наименьшими потерями. Хвала им за это.

1994г.

СИМОНОВ

С грустью смотрю в редакционное окно, из которого хорошо виден частный поселок, вплоть до Березовой рощи. А в нем - крыша дома и дворик, где встречался я с удивительным человеком, чья фронтовая жизнь - увлекательнее всех многотомных романов его однофамильца - писателя К.Симонова. Жив ли ты, воин? Ведь жизнь твоя - скромный подвиг одиночки - достойна памяти поколений наших земляков. Ибо в войну героями были не только названные так. Для меня, повествующего о судьбах личностей в истории родного города, не играют роли карьера, звания, чины и заслуги моих героев. В этих новеллах равны все: и рядовые, и генералы. Главное в том, что их помнят и будут помнить люди...

Ты помнишь, воин, как двадцать лет назад назначил ты мне встречу в детском саду НИИАРа, который охранял ночной порой в должности сторожа? Я искал тебя по пустынным комнатам и коридорам, а нашел на лестничной площадке между этажами. Ты, перегнувшись грудью через перила, обхватив голову руками, раскачивался и жутко, по-звериному, выл от боли... А меня, бросившегося на помощь, отстранил рукой, прохрипел сквозь зубы: «Иди, парень, домой... Завтра... найдешь меня, я - выходной...»

Лишь позже узнал я про этот поистине уникальный случай с воином. Осколки от фашистской гранаты поразили его в руку и голову. Руку в госпитале подлатали, а с осколками под черепной коробкой возиться не стали, не было в той военной больнице нейрохирурга. Почистив голову от застрявших на поверхности зазубренных осколков, «зажили» раны. И опять встал в строй солдат. И уже после войны у Михаила начались страшные приступы головной боли. Не часто, но порой - до потери сознания.

По линии Минобороны попал Симонов в Центральный военный госпиталь, а оперироваться должен был аж у самого Вишневого. Светило хирургии уже перед самой операцией пригласил воина к себе в кабинет. «Слушай, - говорит, - старшина, случай у тебя очень сложный, рядом с корой головного мозга обнаружили мы четыре осколка. Все они уже «вжились» там, покрылись оболочкой. То, что после операции ты будешь жив или в здравом уме - гарантию тебе даю процентов на 50. Но советую от операции отказаться и жить, сцепив зубы и перебарывая боль, как жил раньше. Правда, избегай тяжелой работы да перенапряжений. Тогда даю тебе стопроцентную гарантию на 15 лет жизни на этой грешной земле...»

К моменту нашей встречи Симонов, внявший совету профессора, отмерял уже сверх данной «гарантии» добрый десяток лет, продолжая свой нелегкий бой с «четырьмя фашистами», как он нарек эти осколки. Всего еще четыре раза пришлось ему побывать в руках фронтовых докторов. Следы этих «встреч» были заметны по рубцам от скальпелей, по плохо гнувшейся левой руке и стянутой в сухожилии шрамами ноге. При быстрой ходьбе становилась явной и его хромота.

До сих пор поражаюсь я тому, что воин этот ни разу не воспользовался полным своим правом комиссоваться из армии. Мало того, он с непонятным для многих упорством «прошибал» медкомиссии, при- знававшие его «частично годным к строевой службе», действуя на врачей то мольбой, то угрозами, то жалобами. После чего упорно возвращался он в свой танковый полк на самый фронтовой «передок» лез в самое пекло войны. И так было от самого первого и до последнего дня Великой Отечественной... Вспомним же это нелегкое время.

Утро 22 июня 1941 года Симонов встретил под Белостоком на приграничном аэродроме в звании старшины роты технарей. Не успев произвести подъем личного состава, наш герой попал под первый бомбовый удар вражеской авиации. Беспорядочное отступление пехотинцев, пушкарей и погранцов привело Михаила и многих его сослуживцев к Березине, где уже стояли первые чекистские заградотряды. Там спешно велось переформирование отступавших, собиралась оборона.

Михаила, как человека знающего моторы и двигатели, направила к танкистам. Дали ему под начало танк и напутствовали: «Обучитесь и сработаетесь в бою...»

В декабре 1941 года, когда Михаил участвовал в первом наступлении советских войск в полосе Калининского фронта, когда погнали фашистов от Москвы, он уже был обстрелянным в боях, знающим танковую тактику командиром.

В одном из боев ему пришлось бросить загоревшийся танк, а бои продолжить на броневике вместе с пехотинцами. Машина наскочила на мину и перевернулась. Кто-то погиб сразу в этом бою, кто остался, как и наш земляк, лежать на морозном поле израненный, прижатый тяжелой машиной к стылой земле. Когда на рассвете товарищи нашли Симонова, он был обморожен, а нога, неудачно попавшая под борт броневика, оказалась перебитой выше колена.

Приключенческие «романы» с Симоновым начались уже после того, как армия наша научилась сражаться и наступать. Первую свою медаль «За отвагу» он получил за «роман» с танкеткой. А было это так. Немцы, уповая на победу путем введения в действие нового, невиданного ранее вооружения, придумывали то «неуязвимый» танк «Тигр», то пушку дальнего боя, заряжавшуюся снарядами чуть ли не в двухэтажный дом, то ракеты «Фау». Однажды они проводили крупномасштабные фронтовые испытания радиоуправляемых танкеток, напичканных взрывчаткой. Такие «ползающие» фугасы они намеревались применять против оборонительных сооружений, в городских боях контратакуя советские танковые части в поле, во встречном бою.

Раскусив хитрость врага, советские инженеры-командиры и сами солдаты быстро, проявив смекалку, нашли и этому противоядие. Находились смельчаки, выводившие танки навстречу взрывчатой смерти, расстреливавшие танкетки из пушек прямой наводкой. А вот как поступил безрассудный Симонов. Однажды увидел он этих ползущих через поле к околице «жучков», свистнул своему механику-водителю и, прихватив кусачки, выполз навстречу смерти. И удалось ему «перекусить» радиопровод за кормой танкетки. После боя приволокли ее саперы прямо в штаб дивизии.

Следующий «роман» был «написан» им в боях на Курской дуге. 299-й отдельный танковый полк в битве за Орел входил в состав 3-й армии генерала Рыбалко. Полку была поставлена не совсем обычная задача: с ходу прорвать оборону противника и расширяющимся клином навязать немцам бой. В это время в пробитую полком «смертников» брешь должна была ворваться вся танковая армия, создавая для фашистов «котел» окружения.

Завязав на рассвете бой, полк ворвался в расположение врага километров на 20 и оказался окруженным противником. Несмотря на потери (в том числе пал и командир полка), танкисты, предводимые теперь замполитом Загрековым, удачно маневрируя, создали все условия для прорыва армии. Но... генерал Рыбалко основные силы в прорыв не бросил. То ли припоздали они, то ли в другом месте была организована более удачная атака. Тогда Загреков дал команду на отход. И пока немцы не совсем «затянули» уже проделанную полком в их обороне брешь, танки рванули назад.

Первый удар опомнившихся вражеских артиллеристов принял на себя экипаж Симонова. Обходя одно из сел, он выскочил прямо на пушки фашистов. С ходу смяв одно орудие, второе и

получив в борт снаряд из третьего, чадающая машина «затоптала» проворных пушкарей третьего орудия и ушла из села.

Командир все надеялся найти в этой горячей степи хоть ручеек, хоть ставок с водой, чтобы сбросить с машины пламя. Когда уже в танке стало припекать и мог рвануть боезапас, Михаил связался с командиром полка по рации. Тот приказал бросить горящий танк и бегом (!) догонять полк. Никогда еще за всю войну так не бегали танкисты. Благо, что Загреков приостановил оставшиеся машины на перегруппировку перед прорывом переднего края фашистов. Здесь и догнал своих экипаж Симонова. И уже на «родной» броне закопченные, с прыгающими сердцами, они вновь смогли прорвать оборону врага уже в обратном направлении и выйти на соединение с армией.

А вот как отбирали у немцев Киев, об этом воин всегда вспоминал весело. Именно за этот бой получил он орден «Славы» третьей степени. А было это так. Для форсирования Днепра армейцы во всей округе разобрали все села по бревнышку, чтобы сколотить мощные плоты, способные выдержать на себе танк. Плот Симонова снесло течением гораздо ниже намеченного места прорыва. Выбрались они на крутой берег уже много южнее города. Но происходило это в относительно спокойной обстановке, потому что здесь их немцы не ждали. Когда перевалили очередной холм, взору танкистов открылась удивительная картина: по ведущему из города шоссе бесконечным потоком отступали фашистские танки, автомашины, повозки...

Спрятав в сосновый колок на холме машину, Симонов сумел «достучаться» до командира по рации и сообщить обстановку. После чего получил приказ - «закупорить» отступавших на этом шоссе. Больше часа вел бой танк нашего земляка против целой армады немцев, которые сначала были закупорены на этом отрезке дороги, а затем расстреляны. До подхода товарищей по полку Симонов так и не увел свою машину даже из-под обстрела очухавшихся немцев. А очухаться им не давал меткий огонь орудия его «тридцатьчетверки».

Вторую «Славу» танкист получил за взятие его экипажем в плен немецкого генерала, комдива. Это уже было в Карпатах. Сам Рыбалко долго недоумевал, как это танковый экипаж, рыскавший в занятой немцами деревне в поисках склада с соляжкой, смог совершенно бесшумно «ослепить» часовых, да прихватить еще и генерала вместе с кучей интереснейших документов?! Смекалистым да хулиганистым оказался мелекесский старшина, всем своим существом вжившийся в нелегкое дело войны.

На Одере старшину догнало радостное и нелепое известие: за бои под Орлом оказался он награжденным еще одним орденом Славы, да вот только опять все той же, третьей степени... И стал вроде бы Симонов полным кавалером ордена Славы - и не стал. Степени, как оказалось, были перепутаны писарями. За взятие Берлина танкисту был вручен орден Красной Звезды. А за бои против японцев на Дальнем Востоке - медаль «За боевые заслуги». И оказалось у него наград столько же, сколько и ран на теле. И каждая - по заслугам, каждая - это боль и соль его военно-приключенческих «романов», которыми он потчевал всю жизнь своих домочадцев: жену, трех дочери и семерых внучат.

А они Бога молили, чтобы ослабил он страдания солдата за его воинские подвиги, удачи, победы...

1994г.

ПОПРАВКА В ИСТОРИЮ

Журналистская судьба странным образом иногда, через время, вновь и вновь связывает незримые ниточки истории, с которыми ты когда-то соприкасался. В этом убедили меня опыт, собственные встречи, написанные статьи, очерки. Так случилось и на этот раз.

Вот небольшая история, продолжение которой нашлось в «Димитровград-панораме» от 12 мая 1994 года. В своем материале «От всей души» Ф.Гофштетер рассказал о посещении ветеранами

войны городского краеведческого музея. Там есть эпизод, где рассказывается о подвиге Героя Советского Союза Матвея Чернова устами членов поискового отряда.

С именем Матвея Чернова и связаны мои журналистские воспоминания. Впервые я услышал о его подвиге, когда работал в Новомалыклинской районной газете «Звезда». Побывал в поселковом сквере у памятника герою, прочитал о его последнем бое. А затем опубликовал переведенную мною с чувашского языка поэму первой чувашской женщины-поэтессы Васся Аниси (тоже нашей землячки), посвященную Чернову и его товарищам, павшим в неравном бою с фашистами...

Затем судьба забросила меня в дальние южные края. И вновь журналистский поиск вывел на эту историю. На юге Каракалпакии, в Турткульском районе, встретился с хлопкоробом, Героем Советского Союза Урунбаем Абдуллаевым и узнал об удивительном случае, какой только может сочинить наша жизнь.

Долгое время, вплоть до шестидесятых годов, считалось, что в бою под местечком Рудени, под селом Сунвуплява, на высоте 144, господствующей над шоссе Великие Луки - Рига погибли все 11 разведчиков-корректировщиков огня, запеленгованных гитлеровцами и принявших неравный бой с двумя ротами.

Больше суток атаковали враги храбрецов. Но разведчики так установили пулеметы, что их перекрестный огонь перекрывал все подступы к высоте. В конце концов дело дошло до рукопашных схваток. Уже погиб радист Матвей Чернов, вот уже только трое храбрецов ведут огонь из автоматов. Рядом с Абдуллаевым осколком мины убит Шакуров... Это было последним, что увидел Урунбай, ибо следующий разрыв отключил память, отбросил солдата далеко вниз, присыпал грунтом...

Из представления комдива полковника Коваленко на солдата: Урунбай Абдуллаев вел себя как герой, получив два ранения и истекая кровью, продолжал отбиваться от наседавшего противника и погиб смертью храбрых за социалистическую Родину».

Подобные горькие слова вписал комдив в представление на каждого из 11 разведчиков. Так и выбили их фамилии золотом на обелиске, установленном на высоте 144, присвоив высшую воинскую награду всем 11, среди которых были представители восьми национальностей: Абдуллаев - каракалпак, Чернов - чуваш, Ахметчалин и Шакуров - татары...

Интересен рассказ самого Урунбая о дальнейших событиях. Немцы, видимо, заслышав стон, откопали раненого разведчика, единственного, оставшегося в живых. Допросы мало что дали: много ли знает солдат на войне, тем более слабо говорящий по-русски... И Абдуллаева отправили в лагерь для военнопленных. Военнопленные же врачи помогли ему оправиться от ран. Затем был каторжный труд на строительстве укреплений в Восточной Пруссии.

После войны - допросы работников СМЕРШа в фильтрационных сталинских лагерях, где тоже многого от «чурки» не добивались. Кое- что скрывал сам, боясь худшего наказания за пленение на поле боя за то, что «оставил» товарищей... Затем были сибирские концлагеря.

Свобода стала возможной лишь после смерти вождя народов. Добрался до родного колхоза имени XXI партсъезда, занялся привычным с детства делом - растил хлопок.

Из-за «сохи» не высывался, даже не стал тревожить семью жены, вышедшей за другого и получавшей пенсию за смерть кормильца. Одним словом, скрывал прошлое, даже на праздники Победы боялся выходить, чтобы пленом не попрекали.

Так и жил тихо в новой семье, не кичась воинскими делами. Только потихоньку позволял себе пропустить пиалу-другую горькой, поминая и высоту ту, и зарытых там друзей. Особенно радиста из Ульяновской области Матвея Чернова, с которым успел сдружиться особо.

Все собирался письмо написать на родину, рассказать, как погиб Матвей, а то, может, до сих пор пропавшим без вести числят. Да вот по-русски писать не может, а сумеют ли в Малыкле перевести с каракалпакского - сомневался.

В начале 60-х годов группа туристов из Турткульского района отдыхала в Латвии. Среди достопримечательностей края показали им и обелиск на высоте 144, где первым в ряду героев, похороненных здесь, стояло имя Абдуллаева. Известие об этом дошло до райвоенкомата.

Стали посылать письма в архивы, а здесь подоспело и письмо от следопытов из Рудени, просивших подробнее расспросить семью героя о нем. Так и был обнаружен среди степных просторов и хлопковых полей Урунбай. Слух об ожившем Герое дошел и до Москвы. Абдуллаеву вручили наконец честно отработанную в боях награду, вернули заслуженные почести и славу.

В 80-е годы в Нукусе, столице Каракалпакии, стали даже проводить Всесоюзный турнир по боксу имени Абдуллаева, и в Ульяновск приглашения слали, как землякам Героя. Но земляки Чернова почему-то так и не откликнулись. А ныне Каракалпакию (бывшую в 30 годы автономной республикой в составе РСФСР) и Россию разделила государственная граница...

Пишу эти строки, чтобы внести поправку в рассказ наших поисковиков, расследовавших подвиг Чернова, в историю войны, в список имен на обелиске в Латвии (если он еще не снесен)...

Добавлю еще, что клуб «Поиск» есть и при горотделе культуры в каракалпакском райцентре Турткуль. Есть там свои энтузиасты и летописцы многих эпизодов Великой Отечественной войны, судеб земляков. Может быть, и новомалыклинцам, и димитровградцам нужно сотрудничать с ними. Глядишь, меньше станет белых пятен в истории всенародного подвига.

1994г.

МИХАИЛ И ЕКАТЕРИНА СКРЯБИНЫ

Такая вот невероятная мысль: если сложить все награды наших земляков-участников войн с 1939 года, то по ним, скорее всего, можно будет изучать географию всего мира. Финляндия, Польша, Румыния, Германия, Франция, Англия, Норвегия, Италия, Югославия, Болгария, Венгрия, Чехословакия, Монголия, Китай, Япония, Корея, Куба, Египет, Вьетнам, Ангола, Афганистан. Чечня... А города, которые либо обороняли, либо брали с боем мелекесцы! Выборг, Вильно, Кишинев, Львов, Брест, Киев, Одесса, Севастополь, Смоленск, Москва, Ленинград, Сталинград, Харьков, Варшава, Будапешт, Прага, Белград, Берлин, Порт - Артур, Пекин, Кабул, Грозный. Конечно, во всей этой «географии» самые памятные и кровавые награды времен Второй мировой войны. Судьба каждого из участников ее достойна отдельного повествования, героических книг. Семья фронтовиков Скрябиных привлекала меня еще и тем, что род их - исконно мелекесский. Характер нашенский, судьба - примечательная.

Герасим Скрябин был известен в Мелекесе как надежный подрядчик на самое сложное строительство. Это его рук дело: корпуса льно - прядильной мануфактуры, мельничных предприятий.. Сам Григорий Марков все строительные работы поручал только Скрябину.

Сын Герасима - Михаил - рос уже при Советской власти. Конечно, глядя на вековые строения в Мелекесе, которые пережили не одну власть, он в душе гордился своим отцом. Хотя внешне кичиться этим во времена оные было не принято, да и опасно. Как и все его сверстники, Михаил прошел суровую комсомольскую выучку. Поэтому, когда в стране среди молодежи стало модным идти в авиацию, а затем - во флот, он, как настоящий патриот и комсомолец, подал заявление в военкомат с просьбой направить его в моряки.

В 1937 году прошел один из первых массовых наборов во флот. Из Мелекесса отобрали всего 12 человек, среди них оказался и Михаил Скрябин. Служба была ему определена на Дальнем Востоке, на Тихом океане. Так пареенок, в жизни не видевший водной стихии большей, чем Черемшан и Волга, окунулся, в прямом смысле, в пучины величайшего океана планеты. Скрябин был направлен в подводники. Можно лишь представить сегодня, какими утлыми были те первые советские «субмарины» образца 1937 года. Подлодки типа «Щ» («Щука») или «М» («Малютка»), «С»... более всего походили на подводные гробы, мало рассчитанные на обитание людей в них. На Русском острове - базе подводного флота на Тихом - мелекесцев оказалось только двое. Михаил Скрябин, несмотря на свое «неморское» происхождение, отличился удалой службой. И к 1941 году уже получил звание главстаршины. С годами на флоте к нему пришли мастерство, воинский опыт, житейская хватка, - качества, которые во все века были отличительной чертой наших земляков. К ним можно добавить исполнительность и порядочность.

Когда над страной грянула Беда - война с гитлеровской Германией - обстоятельства сложились так, что подводников одними из первых на ТОФе «спешили» и бросили в бой у берегов уже Волги, в Донских степях. Верховный и будущий генералиссимус любой ценой желал остановить рвущиеся к Сталинграду немецкие войска. По флоту была дана команда: формировать штурмовые пехотные группы из самых опытных, отчаянных моряков. Да, именно в те годы и зарождались элитные войска Советской Армии - морская пехота. Главстаршина М.Скрябин и его однополчане из группы комдива Керсинстона больше года не снимали своей морской формы, наводя ужас на противника неудержимыми атаками «черной» и «полосатой» смерти. Под Ростовом-на-Дону, под Харьковом и в сталинградских степях наш земляк шел даже не в первых цепях, а далеко впереди них, навязывая врагу бой разведкой. Главстаршина служил помощником командира группы дивизионной разведки. А когда в этих скоротечных и жестоких схватках на территории, занятой противником, выбивало командиров, Скрябин брал командование на себя.

В 1943-м Михаил Герасимович, отличившийся в операции, где их разведбат здорово поредел, был награжден особо памятной для него наградой: по специальному распоряжению командующего фронтом маршала К.Рокоссовского ему 17 июля вручили именную пистолет «ТТ» за номером СК 5034... А уже на Десне, раненый вторично, он начал свою бесконечную эпопею по госпиталям. Казань... Ульяновск... Мелекес. Не пришлось главстаршине пехотным, победным маршем дойти до Берлина.

Врачи «присудили» инвалидность. Но в ту пору, когда в тылу каждый фронтовик, тем более молодой мужик, был на вес золота, а работы - не впрок, никто не обращал внимания на хромоту или - как у Скрябина - на онемевшую больную руку. Сразу брали в оборот. А тут - бравый моряк, разведчик, орденосец, коммунист... Так пришлось Михаилу Герасимовичу принимать под командование местпромовскую артель.

Чего только ни производили старики и бабы в этой артели, кормившей город! Делали морс и торговали им на улицах. Выпекали бублики, ватрушки, булочки и огромными корзинами носили их в школы: голодную ребятню подкармливали... Тут Скрябину пришлось вспомнить и опыт дедов: призвал на службу стариков, которые до революции работали у Лянгера-колбасника. Стали они такие колбасы варить да коптить, вкуса которых в Мелекесе многие и не знали... Появились деньги, на которые артель обустранилась, расширялась. Из Головкинского лесничества закупали строевой лес, в окрестных деревнях подражали бондарей делать бочки да чаны под засолку. А когда организовали пчельник во главе с потомственными мелекесскими бортниками братьями Четтопятковыми, начали мед качать, - дела и вовсе пошли на лад.

Работа от зари до зари помогала забываться, перетерпевать боль в ранах. И только письма с фронта от боевых друзей... или зазнобы, почти невесты - Катеньки - бередили душу воспоминаниями.

А боевая подруга его - Катя Судакова - была родом из Черемшанского района, из села Белый Яр. Встретились, как водится на фронте, случайно, обрадовались земляки друг другу, но вот расстаться уже не смогли. Любовь фронтовая - самая сильная, верная!

У меня в руках комсомольский билет Екатерины Ивановны Судаковой (Скрябиной). С сентября 1942 года по ноябрь 1945-го в нем - фронтовые отметки об уплате членских взносов. Сначала была Сарапульская летная школа, где она училась поднимать в небо боевые машины. Затем - фронт и - особая работа. В военной прокуратуре - секретарем, в армейском СМЕРШе - контрразведке - шифровальщицей.

В 1993 году «ДП» уделила несколько строчек ее героической био-графии: «...В то раннее утро третьего ноября девушка форсировала Днепр на подручных средствах. То есть, на чем придется. Катя ухватилась за бревно, заботливо поданное каким-то парнем. Холод сковал тело, «плот» то и дело выскальзывал из рук, а она хлебала воду, отплевывалась и плыла, плыла. Огромные столбы воды вздымали разрывы, и Катя проваливалась в какие-то жуткие водовороты. И противно выли летящие с «Юнкерсов» бомбы...»

Хлебнула она и водицы днепровской, и военного лиха вдоволь. Самые страшные эпизоды из ее воспоминаний связаны со временем, когда с Михаилом они познакомились в боях под Харьковом. Когда каждый день уносил сотни жизней однополчан, и бояться уже приходилось не только за себя, но и за этого бесшабашного, бесстрашного разведчика-моряка, красавца и земляка. Ведь к

крови, ранам, страданиям не сразу привыкаешь, - вспоминает Екатерина Ивановна. - Как-то мы с подругой-москвичкой сидели в избе, а за окном шел обоз с боеприпасами. Увидели мы его и говорим: «Господи, лишь бы немцы не заметили, не бомбили его!» А они - тут как тут. «Юнкерсы» выстроили карусель над селом и давай бомбить обоз! Взрывы были такой силы, что, казалось, изба вот - вот рассыплется. Я за печку в угол забила, реву от страха. А подруга только от окна отошла - осколком ей руку-то и перебило. Вползла в мой угол, в крови вся, рука за ней тянется полуоторванная. Кричит: «Перетяни мне руку ремнем!» А я от страха и ужаса онемела, шевельнуться не могу. Тогда она уже в полуобморочном состоянии кожицу на перебитой руке рванула, отбросила руку, уже ненужную! Кровь хлещет, она бледнеет все больше, но кричит на меня: «Перетягивай скорее! А то кровью истеку!» Деваться некуда, перетянула, забинтовала культю. Потом отвела ее в санчасть, а в избу идти не могу - там ее оторванная рука валяется.

И еще один эпизод с ранением в руку вспоминает Екатерина Ивановна - когда за провинность на передовую из СМЕРШа был отправлен пожилой боец-охранник. «Ничо! - взбодрился он, - ничо, девочки, я скоренько-то вернусь к вам...» И встретился через день. Шел с передовой в госпиталь. Уже без одной руки... И хотя вина его была достаточно серьезна (он, сопровождая ее ночью через венгерское село, а Катя несла секретные шифровки, стал прикуривать, расслабился, вот здесь на них и кинулись из кустов немецкие разведчики, стали вязать. И только крик девушки, который услышал проезжавший в «виллисе» с охраной комдив, да расторопность автоматчиков спасли контрразведчиков от плена!), она долго переживала и за этого солдата.

А потом дважды Екатерина Судакова сама брала в плен две группы, прятавшиеся в тылу наших войск. А уж как боялась их двадцатилетняя девчонка! Вела и для остротки стреляла в воздух из автомата, чтоб «не шутовали» с бойцом в юбке, гады...

Сержанту Судаковой очень хотелось домой, к родителям, сестрам, к любимому. Но война, приконченная в Берлине, требовала новой жертвы. «Второй фронт» для контрразведчицы Судаковой начался с похода через монгольские степи к Пекину. Бои с Квантунской армией японцев были ничуть не менее страшными и кровопролитными, чем с немцами. Но здесь была и своя специфика: преодоление зараженных бактериологическим оружием участков, целых районов, охваченных чумой, сел, где от соседства с нищим и грязным населением можно было по меньшей мере подцепить вшей, чесотку, тиф...

Укрепрайоны брали тяжело. Японцы воевали фанатично, до конца. А у наших часто не хватало боеприпасов, транспорта, воды, хлеба. Тылы вязли в пустыне и в горах. Оттого Катя, получившая серьезное ранение бедра, вынуждена была двигаться в медсанбате вслед за войсками по китайской территории. И только когда вышли к Чите где уже был содом из выводимых армий, ей пришлось серьезно лечиться.

Непросто было старослужащим уволиться в запас. Контрразведчикам - еще сложнее. На ее первый рапорт начальство отреагировало своеобразно: дома бедствуют родители с малолетками? Это непорядок! Ей выписали ордер на получение со складов трофейного имущества: обуви, платьев, костюмов, пальто, консервов - китайского и японского производства. Потом дали контейнер отправить эту посылку домой... И снова служба. И снова - открывшаяся рана. Госпиталь. Новый рапорт об увольнении со службы по ранению.

И вот они вместе. Дожившие до золотой свадьбы. Отвоевавшие, отработавшие там, куда их направляла партия. Поднявшие на ноги детей и внуков. Настрадавшиеся и нарадовавшиеся от жизни. Не изменившие родному Мелекесу. Своей Родине. Родине предков.

1996г.

ПРИЧЕРЕМШАНЬЕ – КРАЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

В августе 1998 года ульяновцами отмечалась знаменательная дата в культурной жизни города и области - 50 лет со дня основания Ульяновской областной писательской организации. Если речь о создании единого советского Союза писателей всерьез зашла в 1932 году, а I съезд писателей СССР состоялся в 1934-м, то наша областная организация намного моложе и ведет свое летоисчисление с 1948 года.

Значительно моложе областной - Димитровградская организация (городское писательское отделение СП России), входящая органичной частью в структуру юбиляра. Сегодня мы по праву вместе с коллегами из областного центра празднуем полувековой юбилей официального содружества писателей. А история литературы и в области, и в городе Мелекесе началась задолго до этой официальной даты...

История «литературного заселения» нашего края начиналась с деяний великого русского «летописца» В.Татищева. Его скрупулезные заметки, этнографические и исторические очерки долгое время служили компасом в мире научном и литературном.

С особой гордостью симбиряне могут назвать имена своих известных земляков, оставивших особый след в российском просвещении: Н.Карамзина, Г.Державина, И.Дмитриева, Д.Давыдова, А.Радищева, И.Гончарова, А.Пушкина, братьев Языковых и Тургеневых, Н.Гоголя, С.Аксакова, Толстого, П.Анненкова, А.Островского, М. Горького, А.Серафимовича, А.Неверова и других.

Если же говорить о составе ульяновской писательской организации советского и постсоветского периодов, то и здесь мы можем составить значительный список из очень известных имен: Г.Коновалов (лауреат госпремии страны), Н.Благов (лауреат госпремии РСФСР), Вл.Карпенко, В.Дедюхин, Вл.Пырков, Дм.Дудкин (член двух творческих союзов: писателей и кинематографистов), Евг.Мельников, С.Рыбак, Вл. Дворянское, Л.Фомин, А.Бунин, И.Ульянова, Л.Бурлакова, А.Чеховская, Н.Рябинин, Н.Полотнянко, А.Жуков, А.Брежнев (ныне секретарь правления Союза писателей России).

Видимо, необходимо отметить и то, что в Ульяновске некоторое время жили и творили такие советские писатели, как А.Коптяева, Ф.ПанФеров, В.Билль-Белоцерковский, Л.Шейнин, Г.Троепольский, В.Карама, С.Колбасьев, Л.Правдин, М.Хусаин, Е.Языкова, Н.Бондаренко, А.Удалов. Сегодня в составе профессиональных писателей области более двух десятков членов СП России, несколько членов писательского профсоюза молодых литераторов Российского Союза писателей («Апрель»).

Необходимо отметить, что творческий рост организации в последнее время заметен. Это связано не только с предоставлением областным литераторам большей самостоятельности в решении издательских и организационных вопросов, но и с тем, что, в областном центре успешно и плодотворно функционируют литературные объединения, в которых ведется целенаправленная подготовка начинающих литераторов. Примером этому могут служить городское литобъединение «Надежда», молодежное объединение «Парус» при РСМ (ранее при газете «Ульяновский комсомолец»), литобъединения на мехзаводе, автозаводе, УМЗ, стройкомплексе, «Авиастаре». Везде опытными наставниками и организаторами выступают известные в областной писательской организации авторитеты: В.Масюков, А.Лайков, Л.Никитина, Л.Бурдин, Вл.Дворянсков, О.Крылова, имеющие на своем «счете» ряд книг и значимых публикаций.

1974г. В здании библиотеки НИИАРа проходил областной семинар молодых литераторов Причеремшанья. На снимке члены городского литературного объединения (руководитель А.Мелешко).

Утверждают, что книги - это инструмент познания жизни. Инструмент ульяновского производства по технологичности и уникальности ни в коей мере не уступает продукции ульяновских флагманов российской индустрии «Авиастара», УЗТС, приборостроительного завода, центра микроэлектроники, машзавода, ПО «Комета», «Искра», «Марс» и др. Произведения ульяновцев Евг.Мельникова «Угол прицела», «Призраки Николиной горы», Н.Благова «Волга», «Тракт», Вл.Карпенко «Тучи идут на ветер», «Комкор Думенко», «Отава», Дм.Дудкина «Улучшанская лечебница», Н.Бондаренко «Рваное облако» и другие действительно являются памятью человечества, достижениями в культурном наследии края.

Особо хочется сказать о тех, кто жил и начинал свою литературную деятельность в Мелекессе-Димитровграде. Конечно, прежде всего это лауреат госпремии России, один из известных российских прозаиков Ан.Жуков, первым из мелекесцев принятый в Союз писателей. Это и очень лирическая поэтесса Св. Матлина. Талантливый прозаик и поэт Василий Коробков. Прозаик, литературовед, драматург и художник Ив Хмарский. Словом, это очень талантливые люди из нашего города к счастью, не потерявшие связи с нами, продолжающие прославлять Причеремшанский край и в областном центре.

На снимке: литературный музей в селе Языково в год 190-летия со дня рождения А.С.Пушкина. Среди посетителей и делегация писателей Димитровграда.

Ульяновцы довольно частые гости в Дмитровграде. У нас проходили городские литсеминары, творческие встречи, отчеты, выездные собрания писательской организации. Последний такой представительный выезд ульяновцев состоялся на юбилей писателя-фронтовика, почетного гражданина Дмитровграда, патриарха писательской организации Евгения Ларина.

Конечно, исторически наш город и до сей поры тяготеет к истории и к традициям Самарской губернии (куда входил и Симбирск-Ульяновск до 1943 года). Но культурные связи в т. ч. и в литературной области с 1948 года развиваются в одном - ульяновском направлении. Это не могло не сказаться на всей послевоенной истории и характере взаимоотношений литератур Заволжья и Причеремшанья. И как бы ни строились они, а строились они преимущественно по остаточному принципу (мы обстолица, а вы провинция) без мелекесского слова ульяновская литература не обошлась бы. У нас ничуть не слабее культурные традиции, у нас своя самобытная литература, у нас свои имена! И сближение, духовное обогащение друг друга, взаимное признание в 90-е годы произошло. В ульяновской литературной армии есть полноправное и полнокровное соединение дмитровградских профессиональных писателей, осознавших себя к полувековому юбилею областной организации вполне жизнеспособной и значимой силой в городском обществе. А это заслуживает отдельного разговора с экскурсом в историю мелекесской литературы, в события годов недавних.

Хотя жаловаться сегодня мелекесским писателям грешно. Именно в последние годы, с приходом к руководству городской администрацией В.Паршина, многое стало меняться в лучшую сторону. Глава города проявляет самую высокую степень заинтересованности и заботы о родной речи, слове печатном, развитии литературы уникального края. С самого основания нашего города только раз (да и то почти подпольно) в типографии ДААЗа к 10-летию завода усилиями писателя Я.Рогачева была издана тоненькая книжечка «Черемшанские зори», в которую вошли произведения двух десятков городских литераторов. Этим как бы было положено начало книгопечатному делу в Мелекесе. Это был первый писательский выход к читателю в родном городе.

Сегодня (в последние три года) писателям наконец-то дозволено властями иметь право собственного голоса на собственной земле. В наших типографиях и издательствах вышли уже книги «История Мелекесса и его окрестностей» Ф.Касимова. «Боль и радость моя» А.Беловой, «Мелекесские сказы» Е.Ларина и еще добрый десяток книг городских писателей...

Причеремшанье мало уступает по традициям и культурным ценностям и Самаре, и Симбирску. В наших краях бывали такие представители изящной словесности, как В.Татищев, П.Паллас, Н.Рычков, П.Рычков, А.Пушкин, Н.Шелгунов, А.Григорovich, В.Соллогуб, А.Грин, Я.Гашек, А.Толстой, Вас.Немирович-Данченко, Л.Шейнин, А.Серафимович С.Шавлы, М.Хусаин...

У нас жили и творили А.Веселый, А.Неверов, С.Денисов, Д.Яровой А.Лебеденко, З.Веселая, С.Рыбак. А.Саттаров, М.Никитин, Х.Салимов-Узе, И.Нуруллин, Н.Смирнова, Васса Анисси, А.Н.Жуков, И.Беликова, Ан.Гротус. Причем, скажем, Веселый, Неверов, Яровой и Лебеденко стояли у истоков образования Союза советских писателей.

Мы можем с гордостью сказать, что среди профессионалов слова есть и мелекесцы следующего, уже «послегорьковского», призыва: В.Багров А.Н.Жуков, Васса Анисси, Евг. Ларин, Я.Рогачев, Г.Сагиров, А.Гарипов А.Белова, А.Никонов, В.Первушин, Н.Алиева, А.Филимонова, Ф.Касимов.

Создавая свои книги, укрепляя традиции культурного обновления города, возрождая литературную славу Мелекесса, мы, члены писательского отделения, прекрасно сознаем, что наше «сегодня» не было бы возможным, если бы его не создавали предыдущие поколения писателей, если бы не боролись они за свои и наши права, если бы не верили в то, что во власть придут просвещенные люди, а не комиссары.

Основатель литературного объединения
«Черемшан» в Мелекесе известный советский
писатель Александр Лебедеко.

Слово и вера породили дело и мастерство. Ну как нам сегодня не гордиться тем, что в Мелекесе возшла звезда первой чувашской женщины-поэтессы А.Княгининой (Васса Анисси). Что именно в Мелекесе начал свою борьбу с чекистским произволом Н.Кочкуров (Арт.Веселый). Что именно в Мелекесе нашел приют, понимание, поддержку и истинных друзей репрессированный сталинским режимом ленинградец А.Лебедеко. Что, закончив Мелекесский пединститут, смог профессионально творить метрлотель кремлевских ресторанов, ныне прекрасный поэт и прозаик, член СП А.Саттаров... Приятно вспомнить, что все эти пятьдесят лет рядом с тихой провинциальной литературной жизнью нашего городка звучал по-товарищески заинтересованный голос ульяновских писателей А.Царева, Дм.Дудкина, Л.Фомина, Евг. Мельникова, Ан. Наумова, С.Матлиной, саратовца Вл.Пыrkова, москвичей Н.Старшинова, Н.Переяслова. Именно они в меру своих сил помогали пробуждению мелекесской литературы от гнета соцреализма. Вспоминается, как после областного

литсеминара Николай Благов писал нам (тогда еще совсем мальчишкам), Ан.Кирюхину, Дм. Лескину, Б.Корженевскому и мне, дерзнувшим собрать общий мелекесский сборник стихов, хвалебную рецензию в Приволжское книжное издательство. Как горячился, доказывая жизнеспособность этой книги Да кто тогда в заидеологизированном КПСС обществе слушал писателя, если его не восхваляли парторганы?!

Так и не смог дожидаться своей первой книги, наверное, лучший из всех в поэтическом Мелекесе, а может, и в Поволжье, трагически ушедший из жизни Дима Лескин, повторивший судьбу русских поэтов Есенина, Рубцова, Талькова. Очень хотел увидеть свою книгу, изданную в родном городе. Яков Рогачев... Увы - не пришлось. Попав в издательский «тупик», уехала из города талантливейшая поэтесса Ира Беликова. А ведь о ее стихах критики Ульяновска, Саратова, Ленинграда, Москвы писали только восторженно...

Неподъемен и тяжек груз воспоминаний об ушедшем советском прошлом, изломавшем судьбы сотен одаренных в литературном смысле людей. Кого уж нет, кто забросил неблагодарное, а порой опасное, ремесло. Литобъединение «Черемшан», рожденное А.Лебедеко, долго и неуклонно чахло, несмотря на все попытки его героических руководимой (И.Хмарского, Евг.Ларина, А.Мелешко, А.Гарипова, А.Беловой) спасти дело литературное в городе. И сегодня, переходя в новое для литобъединения качество - профессиональную писательскую организацию Димитровграда, мы непременно должны поименно вспомнить тех, кто шел с нами рядом через «писательское горнило», нес ясное и честное слово своим землякам: А.Будылев, Евг.- Рябов, А.Гордиенко, С.Кузьмин, Я.Мулярчик, Г.Шевченко, Н.Дрыганова, Л.Розин, Ф.Лопаткин, А.Слижевич, Е.Парфенова, И.Лебедев, А.Долгов, А.Фадеев, В.Шевчук, Л.Лещенко, В.Болотова, А.Зоря и другие наши коллеги, собратья по перу. Мы радовались успехам «наших», зачитывались чудом прорвавшимся в издательства тоненькими книжечками мелекесцев-димитровградцев, знали наизусть не только отдельные стихи или фразы друзей, - знали все, что лежало рукописями в писательских столах, издательских архивах. Вот - «прорвался» в Саратове Евг. Ларин с «Кузнецом» и сказками «Дороже золота»... Вот у Александры Беловой вышло «Радужное окошко» ...А Василий Коробков на свои деньги выпустил в Димитровграде (!) повесть о эковском житье-бытье «Крик над болотом»...

*На 60-летнем юбилее у известного мелекесского писателя
Евг.Ларина в гостях: писатели Димитровграда - А.Никонов,
Б.Корженевский, В.Гордеев, А.Кирюхин, ульяновский писатель
А.Наумов, москвич С.Рыбак, писатель из Санкт-Петербурга
Н.Бондаренко.*

И вроде бы, - пошла «издавать губерния»! Книги «наших» перестали быть редкостью, уже не так мучительно с первой книгой пробиваются к читателям молодые авторы из нового поколения димитровградских писателей.

Вот уже несколько лет димитровградские писатели вынашивают мечту об открытии в городе специального зала, посвященного литературе Причеремшанья, о создании там литературного архива из наследия наших коллег... Увы! Пока все упирается в отсутствие необходимых помещений. А ведь и нам, и потомкам нашим было бы на что посмотреть, с чем познакомиться - сегодня в мелекесской литературе есть много интересного, мало исследованного, уникального материала.

1998г.

НИКОЛАЙ ШЕЛГУНОВ

Святыми» называл 60-е годы прошлого века Антон Павлович Чехов. А расшифровку этому термину давал изгнанный публицист-шестидесятник Николай Васильевич Шелгунов: «Удивительное время... когда всякий захотел думать, читать и учиться, и когда каждый у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порыв ее был сильный и задачи громадные, не о сегодняшнем дне шла тут речь, обдумывались и решались судьбы будущих поколений, будущие судьбы всей России...»

Это было время правления самого просвещенного русского монарха Александра III. То был человек, предлагавший провести всемирную конференцию по вопросу запрещения производства вооружений, он был «отцом» идеи создания прототипа нынешней ООН, где сегодня ему посвящен памятный уголок музея... Именно при таком царе стали возможны в России журналы «Русское слово». «Современник». «Дело», газета «Неделя», которые стали властями дум общества.

Именно тогда расцвело свободолобное творчество, Писарева, Чернышевского, Добролюбова, Благосветлова, Зайцева, Соколова, Щапова, Шелгунова, Антоновича, Елисеева, Огарева - с одной стороны и гениев русской литературы Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Григорьева, Погодина, Страхова - с другой.

Первых с полным правом относят к деятелям демократической критики и публицистики, обладавших немалым влиянием в борьбе за умы сограждан. Все они были близки к революционным кругам, поддерживали практическую связь с организацией «Земля и воля».

Настоящим политическим борцом среди этих передовых людей был Николай Шелгунов. Вопросы освобождения крестьян, народа от гнета самодержавия и крепостничества, занимавшие ум этого человека, интересны нам прежде всего тем, что до последних дней Шелгунов сохранил доброе чувство к полюбившемуся ему Мелекессу или, как писал он, "славному Мелекессу».

Николай Васильевич родился в Петербурге в 1824 году в небогатой брянской семье. Воспитывался как «безотцовщина» - в Александровском кадетском корпусе. Закончил Лесной институт, поступил на службу в Лесной департамент. Современники утверждали, что будучи автором многих серьезных работ по лесоводству, начальником отделения Лесного департамента при министерстве государственных имуществ при своей одаренности и трудолюбии Шелгунов мог стать крупнейшим ученым в области лесоводства. Именно этот период его жизни напрямую связан со «славным Мелекессом».

В 1849 году он был на устройстве Мелекесской лесной дачи, занимавшей в Поволжье довольно обширное пространство. Ведущий работник самарского управления казенными землями (а Самара входила тогда в Симбирскую губернию) свою штаб-квартиру основал в Мелекессе, где безвыездно жил с весны до глубокой осени. Здесь им был написан первый значительный труд «Лесная технология», принесший автору звание профессора и чин полковника.

Убеждение Шелгунова, мыслителя и революционера, в том, что капитализм при всех его изъянах прогрессивен по сравнению с крепостничеством, было основано в немалой степени на общении его с мелекесскими капиталистами Алеевым и Марковым, открывшими в посаде первые мануфактурные производства.

В ранг промышленников вступали симбирские помещики И.Воейков, Д.Кротков. Шелгунов встречался с мануфактурными королями Я.Прибыловским, А.Протопоповым, А.Долгоруковым, В.Языковым. Он убеждался, что с капитализмом приходит развитие промышленности, а вне пути промышленного развития, считал Н. Шелгунов, не будет роста благосостояния народа, не будет заботы об обездоленных, не решится вопрос о голодных и раздетых.

В этом убедил его и опыт пролетарской коммуны, созданной Н.Огаревым в селе Проломиха, где поэт купил Тальскую писчебумажную фабрику, создав на ней социалистически-утопический мир «индустрии»...

В 1853 году, закончив основные работы на Мелекесской лесной даче. Шелгунов уехал в Петербург, а оттуда - в поездку за границу, где в 1858 году еще ближе сошелся с Огаревым, а через него и с А.Герценом.

Шелгунов, политик-публицист, коим стал он к 1862 году, не раз добрым словом поминал наш уголок в Заволжье. И в книге - «Воспоминания», и в «Очерках русской жизни».

Нужно бы отметить безрассудную смелость этого человека. Окунувшись в пучину революционной борьбы, он едет в Сибирь, где отбывал ссылку один из руководителей организации «Земля и воля» М.Михайлов. Николай Васильевич пытается организовать его побег, а в случае удачи укрыть в хорошо знакомых ему и труднодоступных местах мелекесского края. Сам же Шелгунов в случае крестьянского восстания в Сибири должен был возглавить его. Но... наш публицист оказывается под арестом.

15 апреля 1863 года его заключили в Александровский рavelин. А в 1864 году начинаются долгие годы ссылки. За семь лет до кончины Николай Васильевич вновь подвергается аресту.

Жаль, что и по сей день и сам мыслитель, и его труды остаются малоизвестными, как бы сокрытыми от народных масс. Прочтем же несколько его строк: «Мне раз случилось ехать с управляющим самарской удельной конторой из села Майна в Самару. Мы ехали в нескольких экипажах, и это была не езда, а торжественный поезд, напоминавший времена Потемкина. На каждой станции нас ждала толпа народа, без шапок; впереди толпы стояли деревенские власти, и все это низко кланялось, а управляющий с милостивой улыбкой кивал направо и налево головой. На станциях нас ждали подставные лошади, а когда смеркалось, впереди и по бокам скакали вершники с фонарями».

1996г.

АЛЕКСАНДР ГРИН

Великий романтик моря, неумный фантазер и неистовый революционер Александр Грин в своей жизни был похож на одинокий и гордый парусник, несущийся сквозь штормы и бури. И куда только ни заносило его... Родился Александр Степанович Гриневский в семье ссыльного польского помещика и правнучки военнопленного петровских времен - шведа Лепеха - 11 августа 1880 года. Его родина - Вятка - не так уж далека от симбирского края. Повзрослев, Грин не раз жила и в наших краях. К 18 годам он был уже довольно начитан, закончил городское реальное училище, водил знакомства с вятскими писателями, актерами, музыкантами, поучился в Одесских мореходных классах, поплавал на кораблях в качестве юнги..

До 1901 года служил на рыбных промыслах в Баку, в железнодорожных мастерских, банях, на пароходах в Поволжье, на приисках, домнах и рудниках Урала. А в 1901 году был сдан в солдаты 213-го Оровайского резервного батальона в Пензе. Откуда, не выдержав тягот и лишений воинской службы, бежал в Камышин, был пойман, посажен в кутузку, бежал из нее, так попал к революционерам, чьи идеи, устремления и дела стали идеями, устремлениями и делами будущего писателя.

С 1902 года Грин работал на лесопильном заводе в Симбирске, затем в Саратове. А уже в 1903 году был пойман в Севастополе и осужден за большевистскую пропаганду на флоте к двум годам тюрьмы, лишению всех прав и бессрочной ссылке на поселение.

«17 октября 1905 года освободило меня», пишет А. Грин в своей автобиографии. В декабре же его вновь арестовывают в Петербурге и в начале июля 1906 года высылают административно в Туринск Тобольской губернии, откуда он через день вновь бежит...

Нас во всей этой насыщенной событиями биографии Грина интересует как раз этот период, когда он за короткое время появляется то в Вятке, то в Симбирске, то в Москве или в столице... Следует отметить, что между побегами, боевой революционной работой и пропагандистской разъездной деятельностью А.Грин пишет свои первые рассказы «Заслуга рядового Пантелеева» и «В Италию». Но мало кто знал, что это будут начальные вехи будущей великолепной литературной деятельности известного советского писателя, скрывавшегося в те годы под именем и документами «вятского мещанина А.А.Мальгинова».

Первое упоминание о наших приволжских краях мы находим у А. Грина в «Автобиографической повести». Это относится к периоду, когда писатель, разочарованный скитаниями и заработками в Азербайджане, возвращался то «зайцем», то на «перекладных» в свою Вятку. От Саратова у него, как он пишет, «осталась мелочь, которую я быстро «проел», и когда упросился на пароход плыть до Казани, денег у меня не было.

Неподалеку от Черного Яра (или Красного?) контроль ссадил меня на берег... Меня ссадили в таком месте, где пароходы приставали только случайно, если был адресован туда груз.

И вот до следующего «Яра», где находились все пристани, прошел я пешком сорок пять верст за два дня. Пришел я в большое село, и меня пригласили в волостное правление проверить паспорт. Я рассказал волостному старшине о своих горемычных странствиях; этот добрый мужик привел меня к себе в хороший, зажиточный дом, напоил чаем, накормил ужином, уложил спать, а утром, прощаясь, как-то очень хорошо, человечески всучил мне серебряный рубль, и когда я, со стыдом в душе, благодарил его, то он сказал: «Ладно, ладно, берите, у меня самого вот так-то сын мучается - отбилась совсем, и уж три месяца писем от него нет».

А хозяйка дала мне пирогов, хлеба и яиц.

Придя в «Яр» (кажется, «Красный», а может быть, - «Черный»), я решительно сел на пароход зайцем...»

Здесь мне стоит предположить, что «Яр», где Грину помог волостной старшина, был «Белый», - пристань на Волге напротив Сенгилея, как и Мелекес, - Ставропольского уезда. О догадках своих я подробнее скажу далее, а пока еще одна интересная цитата из «Автобиографической повести»: «На другой день я поехал в Саратов, взял там кипу революционной литературы и захватил случайно оказавшегося в городе эсера, семинариста Пятакова из Пензы. В 1902 году Пятаков вместе с другими комитетчиками организовывал мой побег из Оровайского батальона (я был рядовым).

- Поехал бурсак по свету, - сказал Пятаков, вваливаясь в вагон.

Это был покладистый молодой человек с вполне бурсацким аппетитом и большой, большей, чем у меня, эрудиции. В Севастополе он вел пропаганду среди солдат.

На обратном пути в третьем классе Харьковского вокзала за стол против меня сел молодой офицер в форме Гензарского батальона из Пензы. Он приглядывался ко мне. Я думал, что меня арестуют. Но офицер сказал:

- Не бойтесь. Я вас знаю: вы - Гриневский? Вы бежали в прошлом году, предварительно разбросав прокламации? (точно: я разбросал их).

Что-то мне подсказало признаться.

- Ничего. Я вам сочувствую! - сказал офицер, протянул мне руку и ушел».

Несколько примечательных моментов из этой истории: первый - к этому времени А.Грин становится одним из деятельных членов партии социал-революционеров (эсеров); второй - он имеет постоянную связь в Саратове и неоднократно туда навещается; третий - разбрасывание (очевидно, и составление) прокламаций - главного пропагандистского оружия революции 1905-1907 годов - основное дело Грина в партии; четвертый - именно в Поволжье в 1906 году (ко времени освобождения Грина из Севастопольской тюрьмы) переместились революционные события, здесь были особенно активные, крепкие и многочисленные эсеровские организации, куда, естественно, и был вновь направлен Грин-пропагандист, имевший здесь и авторитет, и связи.

Итак, мы выяснили, что он «в начале июля 1906 года выслан административно в Туринск Тобольской губернии, откуда через день бежал...» А к июлю 1907 года в свет вышли первые рассказы А.Грина, появившегося в Москве под именем А.Мальгинова. Год, в течение которого будущему писателю приходилось сочетать революционную работу, литературные занятия, вновь скитаться, избегая нового ареста, восстанавливать подорванное тюремным заключением здоровье, - самый насыщенный событиями в судьбе А.Грина.

В связи с дальнейшими моими сообщениями важно на миг представить себе этого человека. А помогут нам в этом воспоминания его современников. Мариэтта Шагинян так описывает его:

«Я вспомнила замечательного писателя Александра Грина, каким он был в первые годы революции в старом Питере, - брюки в сапогах, тельняшка, испитое лицо, впадины под глазами, - и недобрый и недоверчивый, замкнуто ото всех обдумывающий свои фантастические города, свой небывалый Зурбаган, наполненный моряками со всех концов света».

Теперь о том, что говорит Евг. Петряев, писатель и краевед из Вятки: «Связи Грина еще мало известны. Недавно, например, выяснилось, что среди его хороших знакомых был знаменитый «дядя Ваня» - борец - спортсмен И.Лебедев... Грин бывал в ряде мест Урала и Прикамья. Поэтому материалы о нем обнаруживаются не только в столицах или в Крыму... Прошло много лет. Теперь

найти местные материалы о Грине весьма сложно. Архивы помогают мало. Как известно, в них находятся преимущественно официальные документы. Личные же бумаги (дневники, альбомы, фотографии и пр.) остаются в семьях и затем чаще всего просто уничтожаются. Необходимы дальнейшие поиски».

Этим-то мы теперь и займемся. У меня в руках текст листовки Самарского комитета Российской Социал-демократической рабочей партии. Ее призывы позволяют нам сегодня понять, чего хотели революционеры, каковы были взгляды и самого боевика-пропагандиста А.Грина.

«Вставай, рабочий, час борьбы настал! Бросай работу, пусть встанут мастерские, пусть не дымятся трубы фабрик, пусть не ходят поезда, пусть смолкнет станок, пусть встанут типографии, пусть швея бросит иглу и грузчик свою многопудовую ношу!.. Устроим праздник, и то будет не праздник мира, а праздник битвы с врагом рабочих - царем, убийцей народа...

Товарищи! Как всего, за что мы боролись, мы добились и этого: все- российская забастовка начинается, пожар революции стал всероссийским и начинать его должны будем мы, рабочие: мы всколыхнули русский народ, мы потрясли царский трон, на нас все смотрят, нашего слова ждут

- Пора начинать!

...Зовем вас, товарищи, к всеобщей забастовке.

Бросайте работу немедленно и

Да здравствует 8-часовой рабочий день!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует вооруженное восстание,

да здравствует временное революционное правительство!

Долой самодержавие, долой монархию!

Долой Государственную думу!»

Какой текстик, а?! Ныне после такого откровенного призыва к вооруженному свержению конституционного строя и в Лефортово загреметь можно... А тогда... Вспоминает партработник Н.Колузанов: «Из города к нам часто приезжали ораторы, привозили нелегальные брошюры и листовки. В лесу, оврагах по ночам проводили митинги... Весной 1905 года в помещичьих имениях начали самовольно косить траву и увозить сено по домам.

Урожай в предыдущем году был хороший, много необмолоченного хлеба осталось лежать в скирдах до весны, по ним загулял «красный петух». У попа Виддина крестьяне сожгли четыре десятины хлеба...» Хроника тех событий гласит, что в мае-июне 1906 года в Рязани, Тамбове, Екатеринославе и Самарской губернии начались волнения солдат, переходивших с оружием в руках на сторону восставших рабочих... И то, что в этих событиях принимали участие студенты, гимназисты и даже учащиеся городских реальных училищ действительно, придавало событиям характер народного сопротивления. Наши семейные предания хранят и рассказ о том, как мой дед - Зиновий Гаврилович Устинов - чудом избежал ареста охранки за распространение прокламаций. Имен- но основываясь на его рассказе, я не утверждаю, а только предполагаю, что в нашем городе в мае-июле 1906 года был Александр Грин. Дело было так. Дед, тогда пятнадцатилетний крестьянский мальчишка, был отдан своими родителями на учебу в городское четырехклассное училище в Сенгилее. Жил он и столовался в доме дальней родственницы Пелагеи Мироновой. Сын ее - Федор - был осужден за революционную деятельность и отправлен в ссылку в г.Туринск, откуда бежал с товарищами по партии социал-революционеров. Федор отсиживался на чердаке сарая-каретника в соседней усадьбе, а мой юный тогда дед ночью посещал своего двоюродного дядьку Федора, носил ему еду, ходил с ним на прогулки к берегу Волги. Партийной агитации юный реалист поддавался легко и получил от дядьки первое революционное задание разбрасывать в центре городка и в парке прокламации, которые привез в Сенгилей товарищ Федора Миронова, бежавший с ним из Туринска но заезжавший к родне в Вятку и появившийся в волжском городке и сарае-каретнике позднее.

Вот как рассказывает об этих встречах мой дед:

«Было лето 1906 года. У нас в училище была пора экзаменов, а я вместо подготовки к ним, разинув рот, слушал рассказы дядьки и его сотоварища о приключениях в среде ссыльных, о событиях 1904-1905 годов в Москве, Питере, Одессе, Севастополе. Они и сами были участникам

народного бунта. Много говорили они и о работе своей партии эсеров, о ее крестьянском «уклоне» и программах. Листовки, которые они мне давали, я раскидывал в основном в обеденное время. Идешь после занятий в училище, а город от жары словно вымер, людей на улицах почти нет - одни собаки под кустами лежат, высунув языки, дремлют... Достанешь из-под ремня и форменной рубашки ту пачку листовок, что на пузе прятал, десятка три-четыре, и веером их по парковой дорожке или мостовой запустишь!

Последние экзамены мы сдавали по Закону Божьему, куда я припер на пузе последнюю пачку прокламаций. Учился я хорошо: имел пятерки по Закону Божьему, естественным наукам, истории, пению и гимнастике и четверки по математике, физике, географии, чистописанию и черчению. Потому, видимо, и отношение педагогов ко мне было доброе, доверительное, что и спасло меня от ареста. Сидим мы на экзамене священник наш о.Илиодор опрос ведет, вдруг - дверь настежь, входят директор-наставник училища, а с ним полицейский чин. Извинились они перед батюшкой за вторжение и подают команду нам: сумки, котомки, книжки и тетради - на столы! Начинается шмон по всем правилам... Видимо, в полиции сообразили, что листовки антигосударственные в городке раскидывают ребяташки, а где их более всего? Конечно,» городском училище! Вот вам и обыск...

Чую, что тут-то меня и накроют. Не мог ничего лучшего придумать как скорчился будто бы от боли в животе, да дерг священника за рукав - дозвоьте, мол, выйти в уборную, живот подвело. Он и «благословил мой побег. Скорее всего, подумали они, что это у меня от страха, а вот то, что листовками баловал их лучший ученик - подумать не могли...В уборной я быстренько прокламации выволок из за пазухи, скомкал да в дырку-то и сбросил, в выгребную яму.

Вечером дяде Федору и Алексею (так назвался тот) все рассказал. Они обеспокоились поисками полицейских. Послали меня собрать вещички свои и Решили на рассвете, прихватив меня, уходить к моему отцу в заважское село Чувашский Калмаюр. Ночь почти не спали. Алексей «травил» истории о своей неприкаянной жизни. Особенно запомнилась мне история, произошедшая с ним на Симбирской лесопилке, где он работал некоторое время. Там подвыпивший в рабочее время мужик зазевался и его втянуло вместо бревна в пилораму. Пока спохватились, остановили станок, вытянули мужика, ему успело отхватить пилой обе ноги чуть ли не по пах и, как уверял Алексей, ноги эти «на досточки» аккуратно порезало пилой. А мужик этот в больнице и скончался от боли и потери крови. Оно и к лучшему, верно, жив был бы - мыкался, нищенствовал семьей, какой с него, безногого, работник-кормилец... Меня история эта прямо потрясла. Потом всю жизнь, когда приходилось бывать на лесопилках, сторонился, остерегался вдесятеро более нужного.

К свету ушли мы на Волгу, где у Мироновых стояла лодка. Ушли на веслах к другому берегу. Пристали в селе Старый Белый Яр. Лодку зачалили. Пошли в дом к волостному старшине, тоже нашему дальнему родственнику. Хозяин принял нас настороженно (знал о побеге дяди Федора), но радушно. Сели завтракать. При свете старшина признал и Алексея. Говорит: «Не ты ли года три назад у меня гостил, когда в Казань «зайцем» на пароходах добирался, Длинновязый?»

Алексей смеется: «Признал, говорит, старый! Я это был! Из Баку домой в Вятку пробирался, и как ты ко мне с добром тогда отнесся - помню. А вот и должок тебе готов вернуть». И дает хозяину два серебряных рубля. Тот не берет - «Я, говорит, один давал, не два!» Алексей опять со смешком: «Второй-то рубль - процентами набежал. Бери, - говорит, не бойся, деньги это честные, да и водятся они у меня нынче...»

Скоро старшина-родственник впряг лошадь в телегу, повез нас в Калмаюр. Дома моему приезду с гостями были рады. Отец мой со старшиной в залу ушли потолковать о делах торговых, пображничать со свиданием. Федор с Алексеем пошли в лавку, там торговал мой старший брат Леонтий, имевший связи и друзей среди окрестного учительства, большинство из которых было в партии эсеров. У них были какие-то «взрослые» дела свои. Мне же дядька наказал строго не болтать о моей «революционной» работе в Сенгилее. Но разве мог я умолчать перед друзьями, которых у меня полсела?..

На рассвете опять провожались. Родственнику из Белого Яра, который уезжал первым, Алексей напомнил, чтобы тот «лишнего не болтал, а кличку «Длинновязый» и совсем забыл, если не хочет сам в участок попасть...» Затем брат Леонтий на подводе повез Федора и Алексея в Поповку к своему другу, учителю из эсеров, по-моему, Николаю Моллеру. Далее, как я понял из их

«взрослых» разговоров, Леонтий должен отвезти гостей в село Озерки, откуда они уже сами должны были поехать в Мелекесс еще к одному учителю-эсеру Агафонову, который руководил в городе стачками. А далее, как рассчитывал дядька, с помощью мелекесских товарищей они собирались пробраться в Самару, а там, мол, «по железке», дай Бог - до Питера доберутся, где самые горячие события и работа.

После отъезда гостей и старшего брата отец мой долго молился перед божницей за их здоровье. Потом из его разговора с матерью я понял что он боялся более всего за Алексея. Брат и дядька были одеты по-местному, неброско среди крестьян, и вид их был вполне местный, подозрений не мог вызвать. А вот Алексей, действительно, высоченный, костлявый, с задубелым и исчерневшим от моряцкой работы лицом, налысо стриженный, в тельняшке на голое тело под пиджаком, - явно был чужаком в окрестных местах... А я-то, мывшийся с дядькой и Алексеем в сенгилеевской баньке Мироновых, знал еще, что на груди у матроса есть красивая наколка, изображавшая парусный корабль... Непростительная для беглого нелегала примета.

... Позднее дядька прислал Леонтию письмо, в котором благодарил за приют и содействие. Из послания было ясно, что они с товарищем успешно прошли намеченным путем до Самары, а оттуда их послали в Москву. Не знаю, кем бы стал Федор Миронов после революции 1917-го года, он был известен в руководстве эсеровском хорошо, если бы не погиб в 1914-м на фронте, где, видимо, тоже вел партийную работу среди солдат...»

Итак, приведя здесь рассказ моего деда Зиновия Устинова, я смею предположить, что в наших краях, и даже в Мелекессе, в мае-июне 1906 года побывал известный писатель и бунтарь Александр Грин. По утверждению деда, именно «Алексей», видя успехи Зиновия в учебе, и посоветовал ему после Сенгилеевского училища поступить в Вятское сельскохозяйственное училище, известное по тем временам в Волго-Вятском регионе учебное заведение. Тем более, что основную опору партия социал-революционеров видела в крестьянстве и сельской интеллигенции. В апреле 1917-го года, несмотря на сопротивление моего прадеда и трудное материальное положение, дед мой закончил Вятское училище и мог бы в 1916-м году еще раз встретиться там с Грином, навещавшим Вятку и родственников перед революцией, но, увы. связи писатель и студент не держали, потому и не встретились.

Есть еще одна интересная деталь. И А.Грин, и известный мелекесский революционер Я.Пискалов почти в одно время служили матроса-ми на промысловом пароходе «Атрек» на Каспии, в Баку, где они проходили партийные «университеты» и выучку. И кто теперь знает, не встречались ли они летом 1906-го года в Мелекессе или Самаре?

Теперь же, для подтверждения сказанного, обратимся к самому писателю. В своей автобиографии А.Грин приводит и такие данные о себе по описанию армейской комиссии его «рост 177,4 см (по тем временам очень высокий); волосы - короткие, светло-русые; особые приметы - на груди татуировка, изображающая шхуну с бушпритом и фок-мачтой, Несущей два паруса...»

«Впоследствии, - вспоминает А.Грин свой одесский период революционной деятельности, - мне рассказывали, что мое обращение с ним носило как бы характер детской игры-предложения восхищаться вместе таинственно-романтической жизнью нелегального «Алексея Длинновязого» (кличка, которой окрестил меня «Валериан» - Наум Быховский)...»

Откроем страницы рассказа А.Грина «Наказание»:

«Стопа быстро подходила к концу. Он стал считать доски по мере того, как они вываливались из станка. Одна, другая, третья, четвертая. Еще ползет. Половина. Четверть. Сейчас выйдет... упала.

- Последняя, - пятая.

Шум прекратился. Ножи и шестерни остановились. Ремень, соскочив со шкива, жалобно фыркал и бессильно болтался.

- Ремень соскочил, Дмитрич, - сказал подручный.

- Соскочил, так наденем.

Вертлюга руками захватил ремень и стал натягивать его на крутящийся шкив. Ремень упрямо соскакивал, не поддаваясь Вертлюге, но вдруг, попав на место, повернул шкив неуловимо

быстрым движением. Не успел Вертлюга выпрямиться, как его, ущемив одежду между ремнем и шкивом, сильно дернуло вниз, ударило головой о станок, перевернуло, подбросило и отшвырнуло в сторону, в мягкую кучу стружек.

Последнее, что видел он в этот момент, - грязный, в опилках пол, - заволокло дымной завесой. «Держи!» - крикнул он безотчетно, падая с саженой высоты постамента, и упал, разбив челюсть. Затем сплошная тьма потопила его.

Вдруг кто-то спросил: «Ну как? Дышит?» Вертлюга вздрогнул, открыл глаза, но быстро закрыл их: свет болезненно резал зрение, ослабевшее от десятидневной горячки... Он умер через четыре дня...»

Опубликован рассказ в 1916 году. И не жутковато-восторженная ли реакция мальчишки-реалиста в сенгилеевском сарае-кадетнике на байку «Алексея» о симбирской лесопилке подвигла писателя через 10 лет поведать миру об этой страшной трагедии рабочего человека?

О том периоде, когда Александр Грин скитался по поволжским просторам, он напишет, как всегда, метафорично: «В старые времена... в качестве «пожирателя шпага» ходил из Саратова в Самару, из Самары в Тамбов и так далее». Метафора «пожиратель шпага» выбрана не случай- но. его хождение в люди само напоминает легенду. И сегодня мы вправе предположить, что в этой красивой и трагической легенде о хождении Грина... в Самару... в Тамбов есть дорожка, которой этот удивительно смелый, наивный, неприкаянный и своеобразный человек шел через Наш Мелекесс.

1997г.

НЕМИРОВИЧИ-ДАНЧЕНКО

Владимир Иванович Немирович-Данченко

Есть точные факты, что «лето 1900 года Толстой (Алексей Николаевич - В. Г.) проводил в селе Бригадировка (ныне Мелекесского района) в имении близких знакомых Тресвятских, где познакомился с будущей первой своей женой Рожанской».

Естественно, что никто в то время, пребывая в Бригадировке или в Никольском, не миновал бы Мелекесса, где было свое радушное дворянское общество. Тот же А.Толстой в своем рассказе «Петушок (Неделя в Тургеневе)» пишет: «Когда Африкан Ильич, покончив с анекдотом, начал описывать земский съезд в Мелекессе, - как там пили, - тетюшка спросила осторожно?

- Друг мой, а когда же о том расскажете?»

Поэтому, когда возник разговор- версия о пребывании в Бригадировке известного русского драматурга и сподвижника К.Станиславского и В.Немировича-Данченко, я несколько не усомнился в правдивости этого предположения. Близкое знакомство Немировича-Данченко и Толстого - факт установленный. Мало того, Владимир Иванович «приложил руку» к постановке пьесы Толстого «Петр» на сцене МХАТа, как и ряда других его произведений.

Не оставляет сомнения и то, что Тресвятские были в родственных отношениях и с Немировичами. И хотя мелкопоместные дворяне Немировичи-Данченко большую часть своей жизни прожили в Грузии, где родились и Владимир, и его старший брат, известный публицист Василий (кстати, в 1921 году он иммигрировал в Париж), не раз эта семья посещала Поволжье. У Василия Ивановича среди очерков о многочисленных путешествиях есть и очерк «Кама и Урал».

Косвенно подтверждает эти факты и Виктор Аблов в своих мемуарах «Из юношеского далека». Вот что он пишет: «...однажды я застал у нас в доме необычного гостя - помещицу из усадьбы Немировича-Данченко. Не знаю, имела ли она какое-то отношение к прославленному организатору Московского художественного театра. Если имела, то позорила его имя».

Об этом «позоре» пожилой женщины-дворянки я уже упоминал в шестой новелле. Теперь хотелось бы остановиться лишь на том, какой была (или представлялась) эта усадьба в 1917 году. Это скрупулезно описывает В.Аблов.

Слушая истеричную барыню, я невольно вспомнил ее усадьбу. Мне довелось побывать в ней еще пятилетним. Одна из моих сестер, приезжая из Петербурга на каникулы, ездила в усадьбу помещицы на заработки (работала там массажисткой) и как-то взяла меня с собой «погостить» И вот что открылось моему детскому взору.

Огромный особняк в два этажа был подобен гостинице. Разделенный надвое коридором, он имел десятки комнат для гостей. Особенно поражала столовая, рассчитанная по меньшей мере на сто персон. Был день рождения дочери помещицы, и видел я эти сто персон за длиннейшим столом, уставленным невиданными яствами. С детской восторженностью дивился я открывшейся передо мной картине, которая напоминала мне чудесные сказки матери.

А чего стоил необъятный фруктовый сад, казавшийся мне волшебным. В нем были и гигантские качели, и движущиеся лошадки, и песочные часы. Великолепные цветочные клумбы ласкали взор, а возле клумб - кролики, с лучистыми, янтарными глазами. Взял я одного из них - и не мог расстаться: так очарователен был этот беленький, пушистый зверек, завезенный, видимо, из заморских стран. Помещица смилоствилась и подарила мне этого кролика. О, как велика была радость маленького детского сердца! Будет теперь чем вспомнить и этот огромный дом, и «волшебный» сад, и все то, что так поразило своим сказочным великолепием мое детское воображение...»

Видимо, здесь и отдыхал в свои приезды в Самару и Мелекесс В.Немирович-Данченко. Здесь же, как мы помним, Ал.Толстой познакомился со своей будущей женой, студенткой-медичкой, с которой, по его воспоминаниям «прожили вместе обычной студенческой жизнью до конца 1906 года».

Значительных фактов, которые бы отмечали примечательные детали пребывания Немировичей в Мелекессе или Бригадировке, у меня нет. Но в одном из сохранившихся блокнотов начала моей журналистской биографии в городской газете «Знамя коммунизма» отыскалась любопытная запись: «Рубинштейн настаивает на том, что «слышал от стариков-интеллигентов московских историю, будто бы Вл.Ив.Немирович-Данченко, отдыхая на дачах под Мелекессом, сумел в сезон создать из близких и друзей такую любительскую театральную труппу, что на их игру и постановки, «как у Станиславского», приезжали поглазеть из Самары и Симбирска окрестные дворянские семьи...» Я уже не помню, по какому случаю была сделана эта запись, не помню, кто такой Рубинштейн, но свидетельство, пусть мало похожее на правду, косвенно подтверждает факт пребывания в наших местах известного Драматурга и постановщика.

Возвращаясь к мемуарам Виктора Аблова, хочу воспроизвести ещё одну цитату, по-моему, диковато звучащую в наше время. Итак, к ним в дом, ища защиты от произвола мужиков из окрестных деревень, пришла пожилая помещица Тресвятская. считавшаяся «в Мелекессе представительницей лучшей части интеллигенции, здравомыслящим, культурным человеком».

Оказывается, вся ее внешняя порядочность и культура - это лишь обманчивая оболочка «барства дикого». Она считала своей священной собственностью усадьбу, воздвигнутую потом и кровью крестьян», - иронизируя и негодуя, пишет автор, которого, кстати, эта «барыня дикая» пригрела, пригласила на празднование дня рождения дочери, подарив «заморского» кролика. И далее он пишет: «... она, видите ли, не может жить в отведенных шести комнатах... Она требует гуманности справедливости.

- А ну-ка, барынька, подвинься маленько, уступи часть домика, нашими руками сделанного, для клуба и библиотеки, для нужд крестьянских...»

Давая характеристику барскому дому, произведшему по малолетству на Виктора сказочное впечатление, он не только оставил нам план-картинку, но и высказал свое отношение, правда, резко идеологизированное. С осуждением, например, пишет он об огромных размерах дома, необычности сада, подчеркивая «барские» детали: качели, движущиеся лошадки, песочные часы, клумбы с цветами. Да так пишет, будто бы подобные атрибуты были недоступны в простом крестьянском хозяйстве... Другое дело, что там они были культурой самого хозяйства

не востребуемыми. Но вот деталь, что дом был похож на гостиницу - дает нам повод предполагать постоянное наличие в нем множества народа. Тем более, что в дом, кроме обычного набора прислуги, нанималась и массажистка (Аблова в данном случае). Это была не просто барская усадьба, где эксплуатировался труд окрестных крестьян с целью обогащения, а скорее культурно-просветительское «дворянское гнездо» в уезде, где общались, творили, отдыхали далеко не только родственники, но и заезжие гости.

Одним словом, учитывая, что усадьба неофициально именовалась «усадьбой Немировичей-Данченко», а принадлежала Тресвятским, можно сделать вывод, что скорее всего разорившиеся Немировичи продали ее Тресвятским (по-родственному) и оставили за собой право посещать родные места. Но возможен и другой вариант. Например, переход усадьбы в наследство в виде «приданого».

Сегодня о том доме барском остались только воспоминания да место, где усадьба располагалась. Да и его могут показать только старожилы.

Интересен и тот факт, что в основе творчества Вл.Немировича-Данченко лежат произведения, в которых раскрывается психология уже «барской никчемности», разочарование во всем интеллигентов, терзаемых сомнениями, утративших веру в себя и окружающих. Тема и сюжетные ходы, фактура этих произведений вполне могли быть взятыми в нашем Мелекессе, в нашем уезде. Не родные ли и знакомые люди, осевшие в глубине губернии, питали ум и творчество драматурга? К этому остается только добавить, что, в отличие от брата Василия, Владимир Иванович остался в России и вместе с корифеем сцены К.Станиславским стоял у истоков рождения советского театра, приняв революцию. Жил он долго и, наверное, по-своему счастливо, оставив нам богатейшее наследство: книги, спектакли, педагогический опыт. И ни разу не высказал сожаления по поводу национализированной народом усадьбы под Мелекессом. Он как бы добровольно отказался от всех фамильных на нее прав. А жаль.

1994г.

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

В рядах Красной Армии с июня 1918 года было «под ружьем» до 180 тысяч красных «интернационалистов». Прибалты, кавказцы, поляки, венгры, немцы, евреи, китайцы, хорваты, румыны, якуты, монголы, корейцы, персы, чехи, французы... Одним из идеологов интернациональной резни в России был известный писатель Ярослав Гашек.

Коренной пражанин, Гашек уже к 18 годам был исключен из гимназии за участие в антигосударственной политической деятельности. Что удивительно, это не мешало ему работать служкой в монастыре иезуитов, изучать религиозные обряды, теологию. Затем он, резко порвав с католической церковью, используя свои знания по теологии, начинает писать жесткие сатирические рассказы на атеистические темы.

К 1914 году Ярослав Гашек - уже состоявшийся писатель и журналист - был мобилизован в австро-венгерскую армию и направлен на русский фронт. К моменту свершения октябрьского переворота в 1917 году в России Гашек, уже два года находившийся в лагере для военнопленных, становится коммунистом. Затем он - боец Красной Армии, работает в большевистском комитете в Самаре.

Писатель, сотрудник газеты «Прукомник», он решительно призывает всех интернационалистов «помочь русскому народу укрепить республику Советов». В Самаре Гашек создает боевой

интернациональный отряд для обороны города от наступающих войск Комуча, а после разгрома красноармейских частей бежит вслед за отступившими к Симбирску комиссарами.

Скрываясь по деревням, Гашек в это время находился примерно в районе поселений нынешнего коопхоза им. Крупской, так что миновать наш Мелекесс, где тогда находился губревком во главе с В.Куйбышевым и наркомвоендел Н.Подвойским, он никак не мог, ибо к 20 июля они все находились уже в Симбирске, двигаясь железной дорогой.

Современники вспоминают, что Я.Гашек до сентября 1918 года находился на территории Симбирской и Казанской губерний, которые контролировались еще большевиками. Он посещает села (в основном, чувашские), где ведет агитацию (на чувашском языке) за вступление в ряды Красной Армии.

Обратный путь к Самаре Гашек проделал уже в рядах политотдельцев левобережной группы войск 5-й армии под командованием С.Павлова. Но только до Мелекесса, который они захватили 6 октября. Здесь Ярослав Гашек вновь вступил в наш город в рядах интернационального полка, правда строевым порядком, без единого выстрела, под гром оркестра.

Через два дня в мелекесском Народном доме состоялось торжественное собрание партактива и «освободителей». Он имени посадских рабочих была принята резолюция, написанная профессиональным писателем Я.Гашеком:

«Мы, рабочие, после пережитого кровавого кошмара и гнусных насилий, после пережитых испытаний решили встать все, как один человек, на защиту Советской власти и дать решительный отпор белогвардейским бандам. Смерть и проклятие насильникам и угнетателям!»

Призыв не замедлили воплотить в действие, расстреляв более двух десятков пленных комучников и сочувствующих им горожан...

По приказу С.Павлова из Мелекесса Я.Гашек был направлен вслед за интернациональными частями в захваченную уже Бугульму в качестве организатора военной комендатуры. Здесь же он сформировал комендантскую роту (вернее, отряд телохранителей) из чувашей, среди которых были Иван Афанасьев, Василий Михайлов, Илья Спиридонов, И.Риманов, В.Краснов, И.Николаев, М.Евграфов, М.Архипов...

Вот как вспоминает эти события бывший соратник и помощник Я.Гашека по Мелекесско-Бугульминскому периоду И.Риманов в своей книге «Встречи с Ярославом Гашеком» (Чувашкнигоиздат).

«Фронт приблизился к территории Чувашии. В августе 1918 года по Чебоксарскому, Цивильскому, Ядринскому и другим уездам Казанской губернии была проведена широкая мобилизация в Красную Армию рабочих и крестьян рождения 1893-1897 годов. На Восточный фронт из Чувашии были мобилизованы десятки тысяч человек...

Командование 5-й армии Восточного фронта после взятия Казани решило вести наступление двумя группами: одной - левобережной - на Чистополь-Бугульму, другой - правобережной, перебрасываемой через Волгу на пароходах и высаживаемой у Старой Майны - на Мелекесс-Бугульму, создавая тем самым угрозу южной самарской группе белых.

На вторые сутки мы доплыли до пристани Старой Майны Самарской губернии, где высадились на левом песчаном берегу Волги...

После Головкина мы с боями шли в основном вдоль линии Волго - Бугульминской железной дороги, иногда уклоняясь то влево, то вправо от нее...

Продвигаясь далее на юго-восток, мы с боем захватили станцию Бряндино, деревню Мулловку и Мелекесс. В Мелекессе состоялся большой митинг по случаю освобождения города от врага. После митинга в полк влилась большая группа добровольцев крестьян-бедняков Мелекесского уезда Самарской губернии...

Стремительно двигаясь вперед, наша часть заняла станцию Нурлат населенные пункты Шентала, Шелашниково, Клявлино и село Крым- Сарай. Из этого села наша рота по приказу командира батальона Мащтакова ночью в спешном порядке была направлена на помощь Петроградскому полку, наступавшему на Бугульму...

Ярослав Гашек прибыл в военную комендатуру Бугульмы из Симбирска в сопровождении вооруженного отряда... Большинство из них были выходцами из бедных крестьянских семей, родом из Симбирской губернии. Эти красноармейцы-чуваши были добровольцами Красной Армии. Их зачислили в комендантскую роту. К военной службе они относились добросовестно, боевые задания выполняли безупречно. Они были дисциплинированными и грамотными. Бойцы находились в дружественных отношениях с Гашеком: при встрече он часто приглашал их в свою комнату-канцелярию, угощал чаем, иногда они засиживались у него надолго. Было заметно, что они души не чают в Гашеке».

И.Риманов, оставляя нам хороший фактический материал, иногда произвольно интерпретирует некоторые вещи и события с выгодной для своего сочинения стороны. Кстати, насчет грамотности бойцов-чувашей, он приводит убийственный факт: из 100 человек комендантской роты - 60 были абсолютно неграмотны. Нам же интересен другой факт из его книги.

«Комендантом Бугульмы был назначен 16 октября 1918 года Иван Дмитриевич Широков, прибывший из Мелекесса, где он служил политкомом коммунистического отряда. Своих помощников он подобрал из бывших военнообязанных города Мелекесса, служивших в разных воинских соединениях 5-й армии. Это были Дмитрий Таранов и Альфред Шпитульский...

...Широков пригласил к себе в канцелярию на совещание командиров и красноармейцев, свободных от нарядов, познакомил нас с задачами комендатуры только что освобожденного, а теперь прифронтового города, не считаясь со временем. В конце совещания Широков сначала представил нам своих помощников Таранова и Шпитульского, затем особо познакомил с «иностранием». Это был чешский писатель и журналист Ярослав Гашек».

Итак, видимо, еще в Симбирске, где у Гашека был хороший знакомый - В.Чугурин, большевик, которому Ленин лично вручал партбилет за № 600, а с 1918 года - начальник политотдела 5 армии, Ярослав впервые был познакомлен с политкомом Широковым. Вместе они участвовали в захвате Мелекесса, где Широков нашел себе еще сообщников из земляков, вместе были назначены Павловым в комендатуру Бугульмы.

Назначение чеха Гашека помощником коменданта Бугульмы было вызвано рядом причин.

Первое, как отмечает Риманов: «В городе - полный порядок... В Красную Армию поступило много добровольцев, в том числе бывшие военнопленные - сербы, хорваты, венгры, чехи, словаки, китайцы».

Второе: под Бугульмой был лагерь для военнопленных: немцев, чехов, хорватов. За работу с ними, агитацию и подготовку боевых коммунистических кадров для раздувания огня мировой революции в Европе отвечал лично Я.Гашек.

Третье: Гашек был «своим» не только среди чувашей, татар, марийцев, башкир, служивших красным. Ему потому доверяли и жители окрестных сел, что среди телохранителей помкоманданта были их соплеменники, у них всегда можно было заручиться поддержкой, выговорить право на грабеж окрестных богатых поместий, хозяева которых, в большинстве, отошли вслед за колчаковцами.

Конечно, за столь малый период пребывания в Мелекессе Гашек не мог оставить сколько-нибудь значимый след в истории города, тем более литературный, не считая резолюции митинга «освободителей». А вот в Бугульме он развернул активную деятельность, благо, среди окружавших его неучей был единственным грамотным человеком, обладавшим, к тому же, литературным дарованием. Кроме того, в Бугульму Гашека привлекло и то, что здесь на запасных путях стояли вагоны с походной типографией, где выпускались газеты «Гражданская война» и «Окопная правда».

По описанию Риманова можно сегодня представить каким был тогда автор «Швейка...»

«Он был немного выше среднего роста, статный, но худощавый. На приятном овальном лице - внимательные карие глаза. Широкий лоб, прямой нос, небольшие полные губы. Из-под фуражки защитного цвета с красной пятиконечной звездой спадали на лоб пряди темно-каштановых волос. Голос у него был негромкий, задушевный. Русские слова произносил с акцентом, напоминавшим немецкое произношение, иногда ударение делал не там, где следовало, отдельные слова проговаривал протяжнее, словно подчеркивал их особое значение.

Осенью, в ясные дни Гашек ходил в гимнастерке защитного цвета и темно-синих брюках галифе, заботился о своей внешности и всегда выглядел аккуратным, подтянутым. Сапоги носил простые, яловые, с короткими голенищами... он был обаятельным и интересным собеседником».

При всем том, далее следует воспоминание о случае, когда Гашек отчитывал писаря за задержку работы:

«Вы некультурный человек! Культурный военнослужащий должен быть всегда оперативным и деловым. Ваше отношение к делу граничит с преступностью!»

Вот тебе и обаятельный тихий человек... Хотя встреча с еще одним Мелекесским «знакомцем» выявила и порядочность Гашека в отношении обуздания самодуров. По рассказам деда я знаю, что в Мелекессе на некоторое время власть в свои руки забрал командир расквартированного здесь полка Ерохимов. Деду, в ту пору работнику военкомата, даже пришлось выручать своего будущего тестя (моего прадеда) из-под ареста, а возможно, и от расстрела. Тверской полк этот затем был перемещен в Бугульму, где Ерохимов на правах «завоевателя» также стал устанавливать анархические порядки, грозя расстрелом. Милостиво разрешил Гашеку быть его адъютантом, развеял панику в городе приказом: «Кто в течение трех дней не ликвидирует свою неграмотность, будет расстрелян!»

Об этом столкновении с Ерохимовым Гашек, как всегда, пишет с большой выдумкой и иронией: «Я сместил Ерохимова с поста коменданта, и он отдал приказ Тверскому полку в полном боевом порядке выступить из Бугульмы и расположиться в ее окрестностях, а сам пришел попрощаться со мной.

На прощание я заверил его, что если он со своим полком попытается еще раз выкинуть какую-нибудь шутку, то Тверской полк будет разоружен, ему же придется познакомиться с революционным военным трибуналом фронта. В конце концов, играем в открытую.

Ерохимов со своей стороны не преминул с полной искренностью пообещать мне, что как только Петроградский полк покинет город я буду повешен на холме над Малой Бугульмой, откуда буду хорошо виден со всех сторон.

Расстались мы лучшими друзьями».

И в этом же рассказе Гашек с присущей революционеру бестактностью и жестокостью повествует, как он приказал обитательницам монастыря Пресвятой Богородицы направить в распоряжение Петроградского кавалерийского полка в казармы 50 монашек! Для развлечения героев-фронтовиков?

Лишь после того, как к комендатуре пришли все монахи, монашки и святые отцы города крестным ходом, Гашек пошел на попятную. Объявил, что де он изначально хотел только заставить монашек вымыть в казарме пол. Надо сказать, что Гашек - ярый безбожник - не упускал случая унизить служителей церкви или поиздеваться над ними, верою и Господом в своих нескромных эссе.

Эти литературные пощечины «на ура» публиковались в безбожных большевистских газетах, взахлеб читались в «интернациональных» частях. Изгалялся-то чех-католик над верою и церковью православной, над русским людом. Это была уже политика руководства, ще на командных постах были представители тех же нерусских вояк: Каюров, Веденский, Абрамов, Певзнер, Козловский, Шангареев, Абдулин, Равченя, Раевский. Даже в уездном ЧК сидели: Певзнер, Гордон, Жукович, Либгарт, Пичкурис...

Добрых слов от Риманова заслужил лишь наш земляк и начальник Гашека - Широков: «Это был человек твердых революционных взглядов О решительных действий, правда, несколько грубоватый, горячий, но справедливый и весьма требовательный. Он воспитывал в нас прямоту У, правдивость, бдительность и ненависть к врагам...»

Литературная страсть в Гашеке уживалась со страстью мародера - книжника. Его соратники с любовью к чеху вспоминают, как Ярослав увлеченно «потрошил» книжный фонд помещика Елатича, имевшего в Бугульме кроме уникальной библиотеки еще и книжный магазин. Помнят также, как Гашек, например, зачитывался реквизированным собранием сочинений Г.Гейне на немецком и русском языках. Вместе с тем, Гашек был главным ликвидатором безграмотности среди своих бойцов из комендантской роты. После серии уроков и политбесед он воскликнул: «Я

теперь уже научился ликвидировать не только алфавитную неграмотность, но и политическую. Наверное, скоро буду политкомиссаром еще более высокого ранга. Но это уже будет в Праге!»

Предсказание его сбылось только частично. За заслуги перед большевиками красного чеха сначала назначили директором фронтовой типографии, затем - одним из руководителей фронтовой газеты, вскоре он стал заместителем начальника политотдела армии по работе с интернационалистами. А вот в Праге - увы! - его комиссарский опыт никак не сгодился.

Чтобы не быть голословным в своих утверждениях о деятельности певца «интернациональных» дивизий, приведу лишь строки из доклада о работе интернационального отдела политотдела 5-й армии, которым руководил Я.Гашек.

«Через иностранную секцию прошло в Челябинске, Кургане, Троицке больше 3500 иностранцев. Роздано литературы на разных языках: немецком, польском, мадьярском, румынском, сербском - 2860 экз.; газеты: «Роте фане» - 2600, «Трибуна Коммунистична» (на польском) - 1800, «Штурм-Рогам» (на немецком, мадьярском) - 900, разных воззваний на иностранных языках - 14500 экз., «Мировая революция» N1 и 2 - 3500. Издано разных воззваний на немецком и мадьярском языках - 26000, чешском - 5000, песни «Интернационал» (на немецком) - 3000, «Мировая революция» N1 - 3000, N2 - 3000. Навербовано добровольцев из иностранцев в армию 720...»

И сам добавлял: «Штыки Красной Армии - это международный язык пролетариата, который понятен буржуазии во всех государствах...» Ведь в партии Ленина-Троцкого не стеснялись вербовать в соратники даже немцев и мадьяр, которые были внешними врагами России. Их армии стояли уже под Питером, Минском, Киевом. Их же штыки были обращены против русского народа на внутреннем фронте. Против русской Белой Армии, пытавшейся спасти Отечество от будущего 78-летнего ига «интернациональных» орд верных ленинцев-марксистов. Штыком Я.Га-шека было перо, которым он «чиркнул» и по Мелекессу..

1997г.

АЛЕКСАНДР СЕРАФИМОВИЧ

В начале 1918 года известный впоследствии писатель-большевик Александр Серафимович Серафимович становится специальным корреспондентом газеты «Правда» на фронтах гражданской войны. Его очерки о воинской доблести красноармейских частей не сходят со страниц этой газеты, а также «Известий».

В этот период он находится в боевых частях армий Восточного фронта. В его очерках «Кверху ногами», «Бой», «На позиции», «Три митинга», «Политком», «Львиный выводок» действуют реальные лица в реальной ситуации, в реальной географической местности. Потому особо любопытны его зарисовки той поры. Вот он в Симбирске, только что оставленном белочехами: «Симбирск обогнал Москву. В Симбирске я в первый раз видел стройные колонны учащихся среднеучебных заведений со своим оркестром во главе на октябрьских торжествах, на демонстрациях по поводу революции в Германии... В Симбирской губернии свыше полумиллиона татар, чувашей, мордвы. И если русский крестьянин был темен, так тут - темь непролазная...

Позади лежало до Симбирска четыреста с лишним верст, которые в сентябре-октябре прошли с боем, взяли Мелекесс, Бугульму, а потом гнали белогвардейцев, не успевая прийти с ними в соприкосновение: те рвали мосты, полотно, водонапорные башни, а сами в поездах торопливо уезжали по направлению к Уфе...»

И вот совершенно неожиданные зарисовки о нашем родном Мелекессе. Неожиданные потому, что мы за годы советской власти привыкли к своеобразному штампу: пришла революция, принесла всем благо, белочехи нас опять вернули в период рабства, потому им весь народ оказывал яростное сопротивление, а скоро дождались и Красную Армию - освободительницу во

главе с командармом Тухачевским, и вновь большевизм, встреченный всеми с радостью, принес нам долгожданное освобождение.

То, о чем пишет в своем очерке «В теплушке» А.Серафимович, совсем не укладывается в рамки этого штампа. Хотя дело происходит уже после победных боев армии Тухачевского под Мелекесом, уже повсюду действуют ревкомы и совдепы, фронт отодвинут от стен Мелекесса далеко под Уфу, не всем по душе новая власть. Против нее борются всеми доступными средствами. И далеко не капиталисты и мироеды...

Выехав из Бугульмы в обычной теплушке («классных вагонов на дороге нет; угнали белогвардейцы, а доставить из-за Волги нельзя было вследствие взрыва симбирского моста»), Серафимович вместе с едущими с фронта командирами движется по направлению к Симбирску.

«От Бугульмы до Симбирска триста двадцать пять верст. Поезд в пути между станциями делает верст двадцать пять. Значит, сплошного проега - тринадцать часов. А мы вот уже вторые сутки едем, и конца-края не видно нашей езды...»

И, хотя в военной обстановке с железнодорожниками разговор короток (за саботаж - к стенке!), поезд с командирами, от решений которых зависят успехи Красной Армии, еле продвигается, придерживаемый под разными предложениями.

«В Мелекессе часов на десять остановились. Осталось до Симбирска семьдесят шесть верст. Часов за пять доедем...»

И здесь Серафимович дает зарисовку из быта нашего городка того времени:

«Маленький городишко, заброшенный и скучный - в снегах по самые окна. Сверху низкое иссера-снежное небо. За крайними избами дымятся по пустынным степям метели. А мы сидим в теплой низенькой мещанской комнатке. Печка столбиком посреди комнаты. На стенах деревянные фотографии с одинаковыми черными точечками в глазах. И, странно выделяясь, стоит пианино. Дочка - гимназистка играла. Вышла замуж, чу, и пианино не нужно...»

Итак, воинский эшелон с фронта на станции Мелекесс.

«Стоим час, два, три, четыре, пять...Черный неподвижный поезд снова напивается тоской. Все тянется бесконечно застывшая ночь над примолкшей станцией. К коменданту станции идет один из едущих в поезде.

- Товарищ комендант, почему нас здесь так долго держат? Ведь все сплошь едут командированные, которым дорога каждая минута.

«Товарищ» комендант грубо поворачивается спиной, он даже разговаривать не желает. Тогда обратившийся к нему вынимает и подает мандат от Революционного военного совета армии с очень широкими полномочиями. Комендант сразу становится бархатным.

- Видите ли, задержка из-за разгрузки.

- Таковой не было, мы видели, и во всяком случае не на шесть часов.

- Э-э-э... Видите ли, паровоз брал дрова.

- Шесть часов?

- Э-э-э... Мм-м... Кроме того, паровоз воду брал.

- Шесть часов?

- Мм-м... э-э-э... мм... То есть, видите ли, водонапорная башня испортилась...

Ясно: человек изолгался. И так как лгать больше нечего, он пускает нас дальше". Поезд хрустя прокаленными морозом рельсами, трогается...

Где-то за качающимися стенками винтовочный выстрел, глухой и неблизкий. Еще выстрел... третий, четвертый... Пачками... .

Что это? Чехи? В тыл зашли?

В вагоне, полном мерцающих теней, поползла тревога...

Гудки не нашего паровоза, а где-то впереди...

Соскакиваем на хрустящий снег.

Впереди бегают с огнями. Наш поезд стоит мрачный, черный, без паровозных фонарей.

Оказывается.

Со станции Мелекесс был пущен наш поезд, а со станции Бряндино по тому же пути, нам навстречу, был пущен боевой бронированный поезд.

И среди синей морозной ночи, среди застывших белых лесов неслись навстречу два поезда. Один «черный, без огней, из бесконечного числа товарных вагонов, набитых людьми, лошадьми. Другой - низкий, огромной тяжестью брони вдавил рельсы, и длинные хоботы тяжелых орудий уносились на платформах, прожорливо глядя в мелькающую морозную пыль застывшей ночи...

Машинист бронированного поезда вдруг заметил черно несущийся на него громадный поезд и стал давать тревожные гудки, напряженно тормозя. Но черный поезд все несся на него в грохоте. Солдаты стали стрелять в воздух пачками.

Уже совсем почти накатившись, наш поезд остановился.

Мы все высыпали на скрипучее белевшее полотно. Два черных чудовища стояли друг против друга. Еще бы несколько секунд - и тяжко придавивший рельсы броневик разбил бы наш поезд, а к синему морозному звездному небу поднялась бы целая гора вагонной щепы. И от раскаленных печей запылала бы эта гора с мертвыми, искалеченными и живыми.

С нами возвращали почему-то вагон снарядов. В пожаре он покрыл бы все страшным взрывом.

На волоске были...

На железной дороге Симбирск - Бугульма было немало вагонов и мало паровозов. И все железнодорожники, коменданты с злорадством ссылались на это как на причину медленности движения...

Но когда кругом все лгут, поезда, разумеется, стоят на станциях часами без всякой надобности, вагоны используются неинтенсивно. И страдает Красная Армия, и страдает население.

Необходимо с корнем, беспощадно вырвать из тела народного эту железнодорожную гангрену... Борьба должна быть без пощады и милости. Надо помнить: нет змеи изворотливее железнодорожного саботажника. Как только его прищемят на месте преступления, он сейчас уползет в тысячи технических оговорок, и никакими зубами его оттуда не вытащить...

Иначе железнодорожники искровенят русскую революцию».

Итак, рецепт Серафимовича, выработанный им на станции Мелекесс был пущен в оборот. Сколько безвинных голов русских скатилось с плахи ленинской и сталинской эпох, благодаря совету писателя-коммуниста, творившего долго, плодотворно и радостно на благо советской власти, получив от нее многие блага за верность идеалам большевизма, за указующие рекомендации по чистке государства от его народа.

1994г.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ (НИКОЛАЙ КОЧКУРОВ)

«Я люблю, безумно люблю жизнь! В моей душе несметные сокровища, необозримые россыпи солнечных осколков в моей душе - любовь! Любовь! Она вливает в меня силы титана, разум мудреца и веселье ребенка! Каждая жилочка во мне, каждый атом моего существа кричит: - Жить! - Любить!»

- Строки эти принадлежат известнейшему всем мелекесцам человеку, с чьим именем связано создание первых городских газет, - писателю Артему Веселому. Страницы его короткой биографии и творчества крепко связаны с городом на реке Черемшан.

Сразу же после октябрьского переворота Н.И. Кочкуров (Артем Веселый) был избран председателем Мелекесского укома и редактором уездной газеты «Знамя коммунизма» (правопреемницей которой является сегодня в городе «Димитровград-панорама»), Артем

Веселый, как одареннейшая личность, как мыслитель, не мог все принять в этой революции, осознавая все изъяны в строительстве новой эпохи. Хотя с тех минут его биография тесно связана с идеями пролетарской революции.

Я не пытаюсь оправдать героя моей новеллы, не пытаюсь за него покаяться. У нас ни у кого нет на это права. Объективности ради хочу отметить, что А. Веселый и его современники - писатели новой, «революционной» волны, пролеткультовцы и лефовцы, являются создателями талантливейшей литературы, которую долгое время у нас называли литературой соцреализма. Они разработали новый, неповторимый стиль в лексике с образным, емким языком, созвучным той эпохе, в которую они творили.

В этой новелле я просто обязан привести факты, подтверждающие, что А. Веселый осознал уже в первые годы Советской власти всю трагедию создавшегося положения в стране. Это оказало заметное влияние на его дальнейшую судьбу и творчество. И это наиболее сильные и славные страницы жизни нашего земляка.

Уже в 1918 году, когда действовал режим чрезвычайной и военно - диктаторской власти, писатель сумел понять смысл этой власти, ее незаконные действия. В городе было сотни подследственных, значились и десятки расстрелянных людей, в делах которых по настоящему никто не разбирался. Все это «правосудие» совершалось в ведомстве «холодного разума, чистых рук и горячих сердец» - в ЧК. Против них и восстал редактор городской газеты Н. Кочуров. Он сумел добиться от губкома рассмотрения «мелекесского дела», создания следственной комиссии. Тогда же под суд были отданы все члены Мелекесской чрезвычайной комиссии. Самого Веселого наделили правами представителя губкома в ЧК с функциями контролера.

Этот факт всплыл в памяти столичных чекистов, когда за свою принципиальность и чистоту помыслов писателю пришлось расплатиться жизнью. Тогда вместе с уже известными нам произведениями А. Веселого на долгие годы из литературы были изъяты и рукописи его будущих сочинений «Печаль земли», «Глубокое дыхание», «На высокой волне», «Притон страстей», «Мир будет наш», «Босая правда».

Последний «полурассказ» (уже сам жанр, определенный автором, говорит о реальности этой вещи) был опубликован в майском номере журнала «Молодая гвардия» за 1929 год. Не нужно забывать, что это был год расцвета власти великого кормчего всех народов СССР И.В.Сталина. Это был также год начала разгрома оппозиции в партии и в народе, начало истребления класса первой советской интеллигенции, сумевшей впитать в себя «всю сумму знаний», накопленных за тысячелетия развития мысли и культуры на Руси.

Вернемся к полурассказу «Босая правда». Он знаменательно начинается с письма бывших красных партизан своему боевому командиру: «Дорогой товарищ Михаил Васильевич!..» И сразу же за этим приветствием у большей части советского читателя, прошедшего «азбуку» гражданской войны в красноармейских рядах, возникал образ Фрунзе, или Блюхера, или Кутякова, или Миронова, которые стали первыми жертвами красного террора среди руководителей Красной Армии. И эта жесткая критика режима власти, которая проходит красной нитью через строки красных партизан о своем житье-бытье, вновь напоминает нам о той истории 18-го года, когда редактор нашел в себе силы встать против беспредела ЧК.

За произведением следовала приписка:

«Ответ командира будет напечатан в одном из ближайших номеров «Молодой гвардии». Каким мог быть этот ответ от Михаила Васильевича - сегодня можно только догадываться. Ибо восьмого мая вышло постановление ЦК ВКП(б), в котором говорилось: «Объявить строгий выговор редакции «Молодой гвардии» за помещение в №5 .. «полурассказа» Артема Веселого «Босая правда», представляющего одностороннее, тенденциозное и в основном карикатурное изображение советской действительности, объективно выгодное лишь нашим классовым врагам». 17 мая 1937 года «Комсомольская правда» напечатала статью Р. Шпунта, в коброй лучший роман А. Веселого «Россия, кровью умытая» был назван клеветнической книгой.

И это все несмотря на то, что М.Светлов, А. Емельянов, Ю.Либединский, Н.Асеев, А.Костерин, В.Полонский, критики Перцов и Воронский высоко отзывались о творчестве нашего земляка, сравнивая его по значению с Фурмановым и Фадеевым.

«Честь» развенчать старого (по стажу) большевика, красного редактора и бойца, писателя была предоставлена Ил. Вардину и И. Уткину. Именно к таким приспособленцам питал ненависть Артем Веселый. Характеризуя подобных выскочек, тех, кто в социалистическом переустройстве стремился только выловить дипломы, сыгтые местечки и лавровые венки, он восклицал: «Крупа! Брюхолазы! Выползни! Но они, чую, нас оседлают и взнуздают, как необъезженных диких коней!»

Травля писателя началась исподволь. «Молодая гвардия» в №10 вынужденно помещает статью Вардина «О правде однобокой и слепой». А в №1 за 1930 год появилось стихотворение Иосифа Уткина «Босая правда. Артему Веселому»:

- Так вот:

Если, требуя Долг с Октября,

Ты требуешь графских прав -

Мы вскинем винты

И шлепнем тебя,

Рабоче-крестьянский граф.

В своем ответном письме в редакцию Веселый написал: «...тявкающим на меня из-под подворотен отвечаю словами Данте: От меня, шуты, Ни одного плевка вы не дождетесь».

Затем еще семь лет предстояло ему жить, работать и бороться под дулами уже вскинутых винтов. А будущий «генсек» советских писателей А.Фадеев все еще иронизировал по этому поводу, восклицая:

«Иосиф Уткин, расстреливающий Артема Веселого в стране пролетарской диктатуры, это очень, очень смешно, если кто понимает!» Однако именно по воле злой иронии в то же время заживо гнили в застенках ЧК Панченко, Клюев, Ганичев. И лишь только Павел Васильев прямым противодействием отвечал обидчикам и ненавистникам России.

Например, однажды произошел случай в ресторане ЦДЛ. Павел Васильев, зацепив крепкими пальцами нос Эфроса, небезызвестного тогда своими издевками, водил его по ресторану и поучал того, как нужно уважать свою страну, в которой «ешь и пьешь сладко». Или бил прилюдно морду Джеку Алтаузену, который в опубликованном стихотворении оскорбил Россию-матушку и ее народ...

И лишь входящий тогда в авторитет и славу М.Шолохов по прямоте душевной брякнул правду-матку в лицо всем, кто уже затеял охоту на А. Веселого:

«А вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает... Народ звереет... В телеграмме Калинин у них прямо сказали: «Нас разорили хуже, чем нас разоряли в 1919 году белые... те хоть брали только хлеб да лошадей, а своя родимая власть забрала до нитки. Одеало у детишек взяли...»

...Шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти, а вот таких «делов» даже тогда не слышал, чтобы делали.

Верно говорит Артем: «Взять бы их на густые решета...» Я тоже подписываюсь: надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина...»

28 октября 1937 года Артем Веселый был арестован. Взвели-таки курки торжествующие уткины, ожидая команды «пли!». Семь лет подозрений слились в застенках в одно дичайшее обвинение: «Артем Веселый покушался на Сталина». На допросы он ходил под конвоем сам, назад его приносили. Однажды он не вернулся в камеру от следователя... Тайну его исчезновения таит Лефортово.

Наш земляк, который был сверходаренным и талантливым человеком, любил повторять слова: «Мы - малые искры в вечности. Каждому из нас дана только одна жизнь, одна секунда во времени...». Но мы будем помнить его долго. Его будут помнить и наши дети, которым мы передадим в руки город и которые должны сохранить эту память. Память о человеке, который принес себя в жертву во имя будущего всех людей.

Именно таким он вошел в литературу, таким выбила его из строя большевистская пуля в московских застенках. Но слово, родившееся на берегах Черемшана, уже не остановишь, оно

летит по гуляй-полю российскому, по России, кровью умывающейся. И далеко разносится артемовский голос...

Всем тем материалом, который показывает нам судьбу и образ писателя А.Веселого, мы обязаны его дочери - Гайре Веселой, которая всю свою жизнь является самым добрым и пристрастным хранителем «веселовского» наследства, памяти и архивной точности его. Кстати, романтичность характера Артема предстает перед нами уже в том, что все его дочери носят «гриновские» имена: Гайра, Фанта, Заяра, Волга...

Во избежание упреков в необоснованности моих выводов сразу же оговорюсь, что я пользуюсь только публичными источниками, например, такими, как публикация Заяры Веселой «Россия кровью умытая» Артема Веселого в «Новом мире» или Гайры Веселой «Артем Веселый и книга» в «Альманахе библиофила», «Артем Веселый» - еженедельник «В мире книг», «Литературный архив» - журнал «Волга».

О себе в «Автобиографии» наш земляк писал: «Родился в Самаре в сентябре 1899 года в семье волжского крючника. До революции учился, работал на заводе, служил переписчиком, мальчиком на побегушках, был и ломовым извозчиком. В марте 1917 вступил в большевистскую партию. Вел партийную и газетную работу как рядовой боец красной гвардии и армии, два года был на фронте...»

В эти скудные строки уложилось очень много. Во-первых, судя по фамилии, которая была дана ему от рождения - Кочкуров Николай - предки его происходили от «татар рода Кошкурт», хотя Заяра Веселая пишет: «у дедушки черная борода скобкой, глаза живые, а в движениях нетороплив. Он любит шутку и всякие волжские присловья... Носил по-бедняцки опрятные ситцевые косоворотки под ремень, ямщицкий нагольный тулуп, валенки с галошами. Во дворе московского дома в деревянном сарае держал кур и поросенка...

Бабушка была дородная, белолицая, говорила образно и певуче. Она ходила в широких сборчатых юбках до полу, в душегрее, голову - даже дома - покрывала платком. Бабушка была верующей, дедушка - «безбожник». Бывало бабушка шепчет что-то перед маленькой иконой, дедушка вроде бы не обращает внимания. Но вот слышится тяжкий вздох: «Господи боже мой» - дедушка, должно быть, желая отвлечь бабушку от каких-то горьких дум, скажет: «Не весь твой, поди, и мой маленечко». Бабушка промолчит, только взглянет укоризненно. Не помню ни единой распри между ними. Жили в завидном ладу, а жизнь была к ним сурова: до революции похоронили 14 детей, благодаря Артему выпало на их долю несколько благополучных лет, а с 37 года и до последнего часа - горькое горе».

Здесь есть несколько деталей, которые подчеркивают тюркское происхождение семьи Кочкуровых: отошедший от Корана Мухаммеда, но не пришедший к Христу дедушка; платье «до полу» и обязательный «яшмак» - платок, покрывающий голову «грешницы» бабушки; имя 15-го(!) (а свыше десятка детей на Руси имели только мусульманские семьи) ребенка - Николай - имя в святцах наиболее почитаемого у мусульман «интернационального» святого - все говорит в пользу моей гипотезы. Тем более, что при покорении Иваном Грозным Казанского ханства две трети приволжско-уральских татар было крещено, а потому многие русские достойные фамилии исходят от татарских корней (пример тому князья Юсуповы или род симбирских просветителей Языковых - от хана Иззыка) дело на Руси привычное и добропорядочное.

И, во-вторых, как вспоминает Н.Асеев, «...он не был похож ни на какое уже известное в литературе прошлое явление. Его размашистая, неудержимым напором движущаяся проза порой казалась безродной дочерью народа, дикой и неустроенной в своей судьбе. Ни один писатель тех лет не обладал такой могучей уверенностью в своей речи - речи, непосредственно воспринятой от народа. Иногда этот говор, эта разноголосица заставляли настораживаться своей непосредственной обнаженностью. Слова нежные и грубые, грозные и одухотворенные соединялись в отрывочные периоды, как бы вырвавшиеся из уст народа...». Это прежде всего освещает черты характера самого А.Веселого. И, если представить его период деятельности в

Мелекессе, когда Артему было только 19 лет (!), но к тому времени, кроме опыта политической работы он побывал уже: «рабочим, переписчиком, мальчиком на побегушках и ломовым извозчиком», - можно только поражаться его опыту, работоспособности.

О предельном чувстве справедливости, его бесстрашии в борьбе даже с собственными единомышленниками, даже чекистами в Мелекессе, - я уже писал дважды. Потому очень важно понять, каким стал Веселый - воин и писатель, как развивал те черты характера, которые воспитывались в нем в нашем городе.

Повоевал Веселый - всласть. Был в рядах политбойцов на Восточном и Южном фронтах, а в марте 1922 года, откликнувшись на призыв комсомола, опытный фронтовик провел некоторое время в рядах военных моряков-черноморцев. И лишь «успокоившись» от фронтовой лихорадки, понимает необходимость получения фундаментальных знаний. Ко времени его поступления в Высший литературно-художественный институт имени В.Брюсова, Веселые-Кочкуровы большой семьей жили уже в Москве на Покровке, 3. В доме, где раньше размещалась дешевая гостиница, а теперь было общежитие писателей и поэтов группы «Молодая гвардия»...

Гайра Веселая в своем очерке «Артем Веселый и книга» вспоминает анекдот, ходивший по Москве: на вопрос В.Брюсова, почему он так мало читает, Артем ответил: «Я пришел сюда учиться писать, а не читать». Однако, вопреки этому, будущий мастер слова работает над своим образованием истово, увлеченно. Современники его вспоминают, что предпочтение он отдавал истории. На его столе чередовались: «Божественная комедия» Данте и Шекспир, Достоевский и Толстой, «Железный поток» Серафимовича и «Тяжелый дивизион» А.Лебедева. С особым пристрастием Артем зачитывался Пушкиным, Гоголем, Флобером и В.Хлебниковым. Паустовский вспоминал: «Артем почти всегда носил с собой Библию... он знал ее чуть ли не наизусть... он изучал язык Библии...»

Вот вам и еще одна метаморфоза характера пламенного большевика, красного бойца, беспощадного к врагам революции, марксиста-диалектика, материалиста и увлеченного исследователя Библии... Видимо, христианские ценности добра, справедливости, гуманизма органично сочетались с самыми глубинными процессами в уме и душе этого человека, с его пониманием мира, с его оценкой действительности.

В 1923 году Веселый стал одним из редакторов первых трех альманахов «Перевал». И то, что в сборниках этих появились поистине талантливые произведения мало тогда известных Платонова, Ветрова, Гехта, Пришелеца, Светлова, Голодного, Доронина, Н.Кузнецова - во многом заслуга Артема. Среди наших, симбирян, своим становлением как писатель Артему обязан прежде всего Арсений Рутко.

Среди увлечений Веселого - особое, восторженное приятие творчества Хлебникова. И здесь проводится аналогия и в том, что оба они - дети революции, хлебнули своего на фронтах, и то, как их роднит язык их произведений, особое их мировосприятие. 27 выпусков «Неизданного Хлебникова» выпустила «на правах рукописи» «Группа друзей Хлебникова», куда входил А.Веселый. Именно этим, по словам В.Шкловского, инкунабулам, мы обязаны, что сохранено творческое наследие этого необыкновенного поэта.

Примечательные высказывания А. Веселого тех лет: «А он не для чтения. Он для удивления и восхищения...» - о В.Хлебникове. «В основе писательского труда, по-моему, должна лежать... если не душа, то... то сердце, молодое чувство, темперамент, жадность на живые жизненные впечатления, и острый меткий глаз писателя-художника, и то, что называется талантом». «Учись у классиков без гувернанток...» «Русский писатель - это символ честности и высоких моральных качеств. Короленко, Чехов... Такие люди не могли говорить одно, а делать другое». О словаре В.Даля: «Вот, Алеша, (другу - В. Г.) книга книг! Книжища - как хребет Кавказский! Читайте и тону - захлебываюсь! В этой книжище вся наша сила и все наши книги. Читайте ее, Алеша, и перед сном и ото сна восстав. Я наизусть ее зубрю». «Надо писать не рассказ, а показ...»

Гайра Веселая пишет, что библиотека писателя погибла после его ареста. Но то, что она была большой и собиралась с начала 20-х годов, подтверждают случайно сохранившиеся разрозненные описи этой библиотеки. 250 книг по списку «Россия», сотни книг по истории гражданской войны, 171 книга по списку «Пятый год», 272 книги по истории Сибири, обилие старинных книг. И все это - «подсобный материал» Веселого для создания собственных неповторимых произведений.

Точность и цельность в его характере переходят в точность и цельность его языка, слога, образов. Он не позволял себе соврать даже в малости. Готовя роман о Ермаке, пишет: «Месяца два я читал книжки о выделке оружия...» «Тут нужна во всем самая строгая мера, не всякому доступная. И еще надобен тончайший слух, чтоб все это звонкое, стародавнее не взяло верх. Все в меру - это не многим, пишущим исторические романы, удалось». «Есть хороший роман Чапыгина «Степан Разин», тем не менее этот роман меня не удовлетворил - там музейности много, вылезает из - под куста разбойник, его внешность - все, что видишь в музее - кафтан и т. д.»

Собирал Артем книги этнографического характера, сказки, по истории искусства, проблемам творчества. «Зимами, - пишет он, - я дневал и ночевал в книгохранилищах, а с весны распускал парус и на рыбацкой лодке плыл по следам Ермака - Волгою, Камою, Чусовой, Иртышом, - кормясь с ружья и сети. За 6 годов перерыл гору книг, проплыл по русским и сибирским рекам по 12 тысяч верст...»

Словно оберегая память о большом таланте, о целой эпохе постреволюционной литературы, - честной, своеобразной, настоящей, - младший брат Артема Василий Иванович Кочкуров - грузчик, и его жена - Клавдия Алексеевна - работница столовой, - до 1956 года хранили под кроватью корзину с рукописями брата, верили, что бумаги эти пригодятся. Хранение бумаг осужденного считалось тогда криминалом, но простые люди эти все годы мракобесия рисковали собой ради сохранения самой правды. Таким образом мы с высокой долей уверенности сегодня говорим о том, что Артем Веселый - это ценнейшее из редких явлений, порожденных Октябрем 17-го в мире. И верим, что долго еще, как предрекал о своих стихах (а он писал и их!) Артем: «Строки заплещутся по странице, словно праздничные флаги над кораблем... ..Кони будут ржать и скакать со страниц на страницу. ...и из строк, словно из пенящихся волн, вылетят на всех парусах окутанные пороховым дымом корабли - грянет битва».

1994г.

ВИКТОР БАГРОВ

Много ли может жизни втиснуться лет в двадцать пять? От человека все ж зависит это. И от таланта - с чем на свете жить... Вот Виктор Бестеменников родился на земле самарской. Здесь же кончил путь, став яркою звездой. И свыше дар поэтом быть ему был пред. назначен. Особой чистоты и пробы голос нам дорог и сегодня красотой своей. Он выплелал стихами дух эпохи. Эпоха мстила своему таланту...

Современники вспоминают: был он невысок, но строен, любил характерным движением головы прядь каштановую со лба рассыпать, и стихи его завораживали силой колдовской... Он назвал себя - Виктор Багров, из любви к Эдуарду Багрицкому, безоглядно приняв революции пафос. Революции - время для молодых, их исканий, борьбы, скоротечности. В десять лет биографию звездных свершений уплотнил и вместил наш земляк и поэт. Восемнадцати лет он ответсекретарь альманаха самарского «Волжская новь», консультант отделения Союза писателей и

талантом отмечен в столице самой!

*«От холодных стихов
притупляются перья,
Замерзают чернила,
дыхание сходит на нет.
Надо бросить все к черту!
Открываются двери -*

*он не знал, что весна,
барабанный поэт!»*

Что успел бы за это короткое время? В книге все уместилось «Ветровая страна». Здесь есть цикл о заволжских просторах и нелегкой судьбе земляков. Здесь наброски к поэме о Волгострое и страницы чеченских стихов-дневников. И, конечно, багровый уже «Пугачев», о котором с восторгом в Москве говорили...

Ставский, Погодин, наш Тема Веселый и Борис Пастернак высоко отзывались об этой поэме, посоветовав «Новому миру» ее. И в столице облаканный автор стал Самары заметным «пером»...

Я созвучье эпохи определяю по названиям тем, что тогда родились. Вот песня Багрова уже о Чапае... Вот журнал под названием скрежещущим - «Штурм»... И предощущенье истории века:

*«Пока на лагерь падает роса,
Царит покой
в его спартанском быте;
В горах Чечни, как в облаках
гроза,
Неслышно зреют бурные события...»*

*«Имам! это имя витало везде,
Как знамя и вера,
пароль и угроза,
Над каждым аулом,
на каждой версте,
К оружию звало,
разгоняло колхозы.
Он - самый святой, и мудрей его
нет.
К нему по нетоптанной
млечной дороге
Спускается в полночь пророк
Магомет
И туфли снимает
на старом пороге...
Он - водитель восставших
племен,
Он - святой. Разве этого мало?
Вся Чечня, погруженная в сон,
Ждет его боевого сигнала.
Ждет протяжного крика:
«Ал-ла!» ..
.И качнется тяжелая мгла».*

Мчатся всадники перевалами, тянет порохов за горой, но вгрызаются в древнюю землю станки буровые, словно черную кровь отсасывая нефть для республики... А с геологами и нефтяниками идет с винтовкой наперевес и тетрадкой стихов самарский мальчишка Багров.

Крутое время и крутые судьбы. Они захлебывались в идеях и крови, в стихах и командах. К 20 годам вели в атаки полки, возглавляли целые области и народы, мощью таланта и силой революционного порыва достигали в поэзии пушкинских высот. Это было новое племя Советской России. Они входили в новую жизнь страны побатальонно, их поротно «выкашивали» болезни, наветы, ЧК и пулеметы... Багров так переосмысливал эту эпоху:

*«Пусть волнуется кровь,
перемешанная с зарею,
Пусть земля из-под ног
на опавшее солнце плывет,
Волга звезды качает
и путают птицы полет!»*

Когда пришла пора расплаты и был взведен «курок» НКВД, из талантливой и замеченной богемой поэта приходится ему переквалифицироваться в журналиста. Сначала Багрова «ссыпают» в глубинку. На земле мелекесской большевистская стройка - зерногигант-совхоз с названием «Красный шквал». В его политотделе есть газета «Ударник» и - племя комсомольцев, вырывших землянки, ставящих бараки... Вот здесь, в то время всенародныхстроек, судьба и власти определили место и поэту. Багров редактором газеты этой стал. Сдружился с директором совхоза Николаем Григорьевым, впоследствии повышенным в губернский земельный отдел, а потом расстрелянным как троцкист... И вслед за ним Багрова повели на плаху...

*«Горячим делом и свинцовым словом
Я бил врагов и до конца готов,
Я сам срывал накладку
и засовы
С их закромов, амбаров
и садов...»*

И за все это награда от его же власти - пуля. Он как бы предощутил последние мгновенья своим талантом!

*«Я был твоим фронтовиком,
расплата,
Открыты двери сердца моего.
Я не боюсь ни бури, ни заката,
Ни соловьев, ни солнца -
ничего!»*

Был человек. Его судьба, словно звезда, скатилась с небосклона. Всего лишь 25 годов, а сколько страсти и свершений было! И не было архива биографий... Поэт Багров. Редактор Бестеменников. Песчинка в мироздании. Солдат революции. Талант, поставленный к стенке. О нем сегодня не помнят даже в его родном зерногиганте - совхозе имени Крупской. Но созданное им большое поэтическое полотно, уместившееся в одной книжечке, навсегда останется людям, как свидетельство мастерства, чистоты слова, нетленного образа:

*«Реки гремячи. Боры дремучи.
Свист соловьиный.
Курлык журавля.
Горные кручи. Грозные тучи.
Лес. Перелесок. Поля и поля.
Крест придорожный. Марьи
Косогоры. Светлые полдни
в далекой дали.
Ай, широки голубые просторы
Ветром освистанной
Русской земли».*

И еще одно любопытное упоминание о нашем герое нашлось в архиве мелекесского писателя Евг. Ларина. В «Ульяновской правде» (от 12 марта 1989 года) опубликованы страницы воспоминаний об ульяновском уроженце - писателе Арсении Рутько. В письме о муже жена Арсения Ивановича Наталья Рутько-Туманова (тоже писательница) говорит о том, что «в «Книжном обозрении», которое я прилагаю, напечатаны стихи Рутько, посвященные памяти Виктора Багрова, тоже волжского поэта, его друга. Стихи Арсения Ив. вышли и в «Дне поэзии-88»... Интересен и факт, что заголовок этого стихотворения Арс. Рутько звучит так: «Памяти Виктора Багрова (погибшего в 1937 г.)». Есть там и такие примечательные строки:

*«В забоях Ухты,
в рудниках Магадана -
Ты помнишь об этом,
родная Земля?! -
Погибшие рано,
безвинно, неожиданно,*

*Там спят - не проснутся
твои сыновья!
Прошедшие тюрьмы
и крестные муки,
Сквозь строй оголтелых
ежовских малют,
Они простирали оттуда
к вам руки:
«За что нас врагами
народа зовут?..»*

1997г.

ВАССЯ АНИССИ (АНИСИЯ ВАСИЛЬЕВНА КНЯГИНИНА)

Да простят мне близкие этой удивительной женщины, но только так ассоциируется у меня образ Анисии Васильевны Княгининой. В миру - скромная, тихая сельская учительница, заботливая хозяйка, подруга, соседка... В литературе, несмотря на настоящий бум вокруг ее раннего творчества, бережная в слове и простая в мысли поэтесса. Мне посчастливилось несколько раз встречаться с ней - живым классиком, первой чувашской женщиной-поэтессой. Большинство - в Новой Малыкле, где я работал в редакции райгазеты, а Княгинина жила, будучи уже на пенсии. Затем она перебралась в Мелекесс, где ей как классику советской литературы выделили от щедрот самого «образованного в мире» коммунистического режима аж 11-метровку-малосемейку в общежитии на улице М.Тореза.

На юбилее у классика чувашской женской поэзии Васся Анисси мелекесские, ульяновские и чувашские писатели в г.Димитровграде.

Здесь, в этой малосемейке, мы отмечали один из глубочайших уже ее ...летних юбилеев. Мы - это поэты Е.Ларин и Я.Рогачев, представители парторганов из Н.Малыклы и Мелекесса, гости из Чувашии, в том числе писатель Лесков. После официальной части партаппаратчики ретировались, а мы - местная «литбогема», повели гостей из Чебоксар в притулившуюся к общежитию столовку, чтобы принять за знакомством-разговором по чарке-другой за здоровье юбилярши.

Вот чего уж ей тогда не хватало, так это здоровья. Гостей классик принимала, сидя на кровати с панцирной сеткой, наскоро причесанная родственниками, в ситцевом застиранном халатике, смущаясь и своей бедноты, и немощи, подслеповато долго ощупывала взглядом каждого из пришедших, улыбалась по-домашнему каждому узнаваемому ею, смеялась шуткам, прикрывая

беззубый рот ладошкой, при этом как-то озорно подпрыгивал на иссеченной сединой голове, выбивающийся из-под пластмассовой гребенки старческий хохолок-пушок.

И разум отказывался осознать факт, что эта бабушка-старушка была когда-то резвой девчушкой, жадно поглощавшей знания, смело шагнувшей прямо из беспросветности чувашской деревни в ряды разночинной молодежи России, в ряды строителей новой жизни, как они себя называли. Не верилось, что она - современница Блока и Цветаевой, Джамбула и Есенина, первые свои стихотворные впечатления от этого мира писала наравне с ними, публиковалась, стала, как выяснилось впоследствии, первой представительницей своего народа на небосклоне российской поэзии! Советская власть потребовала от грамотной чувашской девушки взять в руки вместо лиры - дело образования бесчисленного множества не только неграмотных детишек из своего народа, но и вести ликбезы для взрослых. Так, за текучкой, хозяйством, работой и общественными делами литература отошла на самое неглавное место в ее жизни.

И лишь спустя десятилетия, исследователи истории Чувашии и чувашской литературы с удивлением обнаружили в архивах журналы и газеты, альманахи со стихами под неизвестным им псевдонимом Васся Анисси... Годы упорных поисков дали результат. В далеком Мелекесе нашлась та, чьими стихами гордится сегодня Чувашия, та, кто первой среди женщин этого народа выразил и себя и свою нацию в поэзии, став уже навсегда классиком своей национальной литературы.

Оказалось, что и за годы вынужденного молчания у Васси скопилось немало литературного материала, готовых к изданию стихов, зарисовок, воспоминаний. Так пришло позднее признание.

Помню, в Казанском университете один из преподавателей спецдисциплин на отделении журналистики, узнав, что я из Мелекесса, заинтересованно вопрошал меня, студента, о том, знаю ли я Княгинину, знаком ли с ней, с историей ее открытия. На все вопросы я отвечал утвердительно, но запнулся в том, кому же по праву принадлежит честь ее первооткрывателя после годов забвения. Сказал, что это работа одного из известных чувашских журналистов...

- И писателей, - добавил мой педагог. - А зовут его Константин Константинович Петров. И здесь, к моему изумлению, «Тин Тиныч», как звали мы, студенты, его за глаза, да и впрямую, шутливо передо мной Раскланялся. С тех пор я уже действовал как заправский связной между Казанью и Мелекесом, перевоза приветы их друг другу, посылки, письма...

И еще одна, до боли щемящая встреча с «бедной Лизой».

Конечно, захоти она принять предложение руководства Чувашской республики и писательской организации Чувашии, в которой она со стояла как самый почетный ее член, естественно, внимание к ней было бы со стороны единомышленников утроенное, быт налажен по высшему разряду, как и подобает для классиков. Но Анисия Васильевна до конца дней своих оставалась верна земле симбирской, откуда в мир вошла как нужный людям специалист, где в родных ее сердцу Мелекесе и Н. Малыкле жили ее родные и дети, ее ученики многих поколений, где она творила для своего народа негромкие, но очень важные произведения, несла нам свет своих мыслей, свою уникальную внутреннюю культуру..

К 1973 году Васся Анисси уже хорошо знали в мире. Не только чувашские средства массовой информации и издательства тиражировали воскресшие для народа строки, ее стихи вошли в антологию женской советской поэзии наряду с творчеством М. Цветаевой, А. Ахматовой, Ф.Алиевой, С.Капутикян... Признание таланта Васся Анисси выразилось и в том, что переводы ее произведений в нашей области делали Е.Ларин, в Саратове - В.Пырков, в Татарии - Р.Кутуй, ее переводили московские поэты, переводили и за рубежом.

6 января 1973 года ей уже отмечали 80 лет. Гости из Чебоксар и Ульяновска, Казани и Цильны, редакторы трех местных газет, руководители писательских организаций Ульяновска и Чувашии, поэт Я.Рогачев, депутат ВС Чувашии Н.Дедушкин, партработники, чувашские и мелекесские писатели: С.Шавлы, А. Воробьев, А. Роледер, Б. Корженевский, А.Кирюхин, Е. Ларин, И.Никитин дарили ей слова благодарности.

А она еще более беспомощно и более подслеповато, с высоты своего жизненного опыта и таланта, с высоты женщины-матери, поэта своего народа смущалась и одаривала нас сердечными словами, словно расшалившихся и неразумных детей своих. Да так оно и было! В мудрости

«бедной Лизы», в убогости ее «заслуженного» жилища, в отстраненности ее от излишеств и дорогого имущества, она была гениально недосыгаема и возвышенна, словно Будда, принимая уже ненужные ей цветы и отрезки материи, почетные грамоты Верховных Советов, духи и стихи Лишь с огромной бережливостью, словно Библию или Евангелие, прижимала к груди еще пахнущую типографской краской свою новую очередную книгу «Мечта сбылась», выпущенную в Чувашии на родном языке для родного народа. Она успела все сказать им, детям своим, за эти почти вековые мгновения судьбы, от «А» до «Я», тем и была уми ротворена. Остальное - суета сует, тлен.

1996г.

P.S.

В 1999 году меня разыскал почетный гражданин Димитровграда, авторитетнейший в городе человек, бывший первый секретарь горкома КПСС Георгий Федорович Полнов и в довершение к истории о житии «Бедной Лизы» - Анисии Княгининой, рассказал об одном примечательном эпизоде.

Когда уже персональная пенсионерка Княгинина решила переехать в Мелекесс, в горком партии к Полнову пришли руководители городской, областной и Чувашской республиканской писательских организаций, которые ходатайствовали перед властями Мелекесса о достойном бытовом устройстве писательницы - живого классика чувашской и советской литературы. По словам Георгия Федоровича Полнова, партийное и советское руководство города решило предоставить Княгининой благоустроенную отдельную однокомнатную квартиру в новостройках соцгорода. Однако эта престарелая женщина буквально умоляла начальство предоставить ей малосемейку общежитского типа, мотивируя тем, что ей проще жить в большом людском коллективе соседей, которые всегда могут и присмотреть за старым, больным человеком, и помочь ей в быту. Кроме того, в доме на ул.М.Тореза тогда работали буфет, комната отдыха, комната бытовых услуг и Анисия Васильевна могла этим пользоваться, не выходя из своего дома, что было приемлемо ей по состоянию здоровья.

Именно так писательница и оказалась в малосемейке, а вовсе не потому, что власти не оценили величины ее таланта и заслуг.

ДМИТРИЙ ЛЕСКИН

Автор книги "Огненные кони" Стихи 1997 Димитровград издательство "Поинт: Посад Мелекесс" тираж 5000 экз. 40 стр.

Очень больно и горько писать эти строки. Строки, в которые хочется вместить и его жизнь, и его талант, и свое отношение к нему... Тем более, что это не отстраненно историческая личность, а твой друг, всегда живой для тебя, твой собрат по перу, твой одноклассник, современник. Уж такая у России участь - безвременно провожать из жизни самых талантливых своих певцов-сыновей. Уж такая участь и судьба у самых ярких ее детей, которые творят скоро, провидчески, на века. Жаль только, что Всевышний отмеряет им до обидного мало времени в нашем мире!

Причем, я уверен, что только Русь святая располагает таким национальным потенциалом, когда позволительно ей иметь в своем запасе столько звездных умов, что не явись перед нами в срок один из них - его место займет стоящий во втором ряду, не менее талантливый. А бывает, и нередко, что из строя этого Повелевающие судьбами людскими и вообще не вызовут на

поверку и к явлению перед человечеством того или иного таланта.

Так произошло и с Димой Лескиным, чей не востребовавшийся талант все еще ждет своего часа в русской поэзии.

Я также глубочайше уверен: не будь у нас Пушкина, столь же великими оказались бы для России и нации Рылеев или Веневитинов. Не будь Есенина - на его место шагнул бы, наверное, Павел Васильев. Не будь Рубцова, широко и громко явлен был бы Евгений Маркин из Рязани. Но вот нет Димы Лескина, он теперь среди творцов мира иного. И, надеюсь, что там - среди Пушкиных, Лермонтовых, Есениных, Васильевых, Майоровых, Рубцовых - он на законно предназначенном ему Богом месте.

Так кого же потеряли мы все и пока, увы, безвозвратно, не востребоважно? Мы потеряли частицу души нашей, наш звеняще родниковый голос, несравнимый ни с чем. Мы потеряли того, кто рождается раз в сто лет. Мы потеряли человека, поэта, чьим талантом городок наш мог блистать на зависть всей России. И не хочется повторять, что времена были такие, что нацией потеряно и гораздо большее... И это справедливо.

Несправедливо одно - зараженный коммунистической бездуховностью город наш и люд его до сей поры не осознал: как это важно иметь хотя бы одну (!) книгу стихов Лескина, хоть этим искупить свою вину перед потомками. Ведь самое страшное, что все призывы и мольбы товарищей Дмитрия к властям или деловым людям помочь в сущности грошами в издании его книги - так и остались без ответа.

Забвение... А ведь он ни разу не забыл, чей он сын, кому уготовлен исполнить долг свой на этой земле. Поэтому, обращаясь к матери-Руси, искренне говорил:

*«Ведь я не забывал ни разу
Во всех краях большой страны,
Что сердце чистое и разум,
И крылья мне тобой даны».*

Биографию свою Дима излагал коротко и просто: «Родился в Средней Азии, под Ташкентом, в крестьянской семье. Родители переехали в село в Куйбышевской области. Отец был чабаном... Стихи я начал писать лет с 15. А после десятилетки пошел «в народ», работал мотористом, обрубщиком, стропальщиком, кочегаром, наладчиком станков. В Димитровграде моя жизнь была надолго связана со славным коллективом автостроителей ДААЗа.

К увлечению поэзией всегда относился очень серьезно, самосовершенствовался в образовании. Входил во многие литературные объединения, печатался в областных, городских и районных газетах. Бывал с выступлениями на радио и телевидении. Стихи мои были опубликованы в альманахах «Черемшанские зори», «День волжской поэзии». Последние годы работал в НИИАРе, в многотиражке «Строитель» в ДУСе, затем - рабочим на химлесоподсочке в Старомайском районе...»

Многие вещи в мире Дима, не кончавший институтов, тонко и совершенно осязал, чувствовал душой, а порой давал такие квалифицированные советы, к которым не грех было бы прислушаться ученым - филологам и философам. Родной язык он знал в совершенстве, види- мо, впитав этот дар с молоком матери, владел им основательно и глубоко.

*«Как проживем мы без этой весны,
Где такой сини напьемся?..
Знаю - все звезды исколесив,
Снова на Землю вернемся.
Всяко бывает в неясной судьбе...
И назовешься счастливецом,
Если при этом придется тебе
Грудью о землю разбиться!»*

Как же самозабвенно надо было любить свою родину, Русь, порой, так неблагоприятную к нему, чтобы находить для нее такие необыкновенные слова!

*«Мне с детства
До боли знакомы
И дым этих пашен,
И шорох берез...
И этой земли своей
Древней, исконной
Врагам не отдам -
Даже малую горсть.»*

Или:

*«...И жизнь меж этих двух примет
Скучнейшею б явилась прозой,
Когда б остался белый свет -
без света белого березы.
Но всем тревогам вопреки
Сиял он гордо и упрямо
О, если б из моей строки
Ударил этот свет, как пламя!
К нему, как к первому лучу,
Тянусь всю жизнь, подобно стеблю...
Иного света - не хочу.
Душою русской - не приемлю!»*

Он прямо-таки осязал свою землю и ее природу, и себя - в них, особенным видением, данным ему от Бога. И делился он с нами своим особенным пониманием мира, щедро осыпая нас талантливыми строками. Вот так он видел весну:

*«Пришли долгожданные сроки.
Земля, от любви обомлев,
Толкает кипучие соки
В артерии ждущих деревьев».*

О деревьях:

*«Как святы усилия эти!
В них жизни заглавная суть.
Деревья вцепились, как дети,
В земли материнскую грудь...»*

О листьях:

*«Проклюнулись первые листья
И в свете предутренних звезд
Готовы на землю пролиться
Зеленые ливни берез».*

О птицах:

*«Журавли летят, кричат.
Вся в крови рябина.
В сердце тонкая печаль,
Словно паутина,
Мне бы взять да улететь
За кричащей стаей...»*

Как все нелепое, не гармоничное на земле, была и его гибель. Сама идея подзаработать «бешеных» денег в лесу на подсечке сосен была, конечно же, не блажь ради быта. Дима уже задыхался переполнявшими его стихами. Наступил момент, какой бывает в жизни каждого писателя, когда невыход первой, «накипевшей» с молодости книги уже пережит, но развивающиеся «метастазы» зрелой поэзии уже иссушили душу и сердце, когда не печататься нельзя, а публикации искусственно обставлены всякими преградами и условностями. То бездарному рецензенту ты «не в кон» пришелся, то более пробивные ребята у ресторана издателей перехватили, закутили, то в стране на всех бумаги не хватает. Но самое страшное, когда литературная «элита» твердо и непоколебимо стоит на страже своего клана, встречая каждое молодое, талантливое проявление, как покушение на свою собственную жизнь...

В подобных ситуациях некоторые навсегда уходят из литературы, другие, как Дима, ищут материальной независимости хотя бы на время. Но только чтобы можно было не думать о хлебе насущном, о дороговизне издания... Как у нас говорят «книга подперла»...

Нелепая случайная встреча в лесу, с которым он уже готов был распрощаться, банальные ублюдки, словно подсланные туда самим Сатаной, удар ножом - и небытие. Что это - рок, возмездие, благо? Философия жизни человечества не осознанна нами и на треть, чтобы ответить на эти вопросы. На них мог бы откликнуться сам Дима, писавший нам:

*«И познано мною на свете немало,
Но чаще и чаще все вижу одно -
Найти свой исток, свой канун и начало
Не в прошлом,
а в будущем мне суждено».*

И как прощание к друзьям у него прозвучало:

*«Когда-нибудь я успокоюсь,
И боль разлуки отболит.
Но сколько б дней не отлистало,
Волнуясь, мучаясь, любя,
Я буду знать - со мной не стало
Частицы самого себя...»*

Вообще, это поразительное предчувствие будущего отличает всех безвременно ушедших поэтов. Помните, как провидчески восклицали Гудзенко: «...от старых ран умрем»; или Майоров за пять лет до своей гибели на фронте в стихотворении «Мы были высоки, русоволосы...» Дима нам оставил и такие строки:

*«Нам не впервой, собратья,
расставаться...
Я за собой не чувствую вины.
И в тишине, и в грохоте оаций
Слова мои да будут вам слышны!
Друзья мои! Я в вас души не чаю
Как жаль, что завтра
встретиться нельзя...
И оттого тягучею печалью,
Разлукой с вами болен я, друзья.
И вашими я брежу именами...
Одно мне утешенье в этот час,
Что города и реки между нами
Не разлучают, а сближают нас».*

Я словно вновь сижу с ним за приятной беседой. А он, познав неведомое и недоступное мне, наставляет меня на жизнь, на творчество:

*«Я знаю - все пройдет, уйдет.
Закон у жизни прост.
С небес немало упадет
Горячих, чистых звезд.
Но не в мечтах, а наяву
(Прошу иметь в виду)
Я, хочешь, сердце подниму
На небо, как звезду?
И пусть оно из ночи в ночь
Сияет всем везде...
Но если станет вдруг невмочь,
Приди к моей звезде,
Приди, не бойся опоздать,
Надежду затая.
Меня не будет,
Но звезда -
Останется моя».*

И не только звезда, и не только строки остались. По земле все увереннее шагают его прямые наследники, которые должны бы помнить оставленный им бесценный дар:

*«Мы над временем не властны
Но себя, свои частицы
Отдадим родным, глазастым,
Озорным и милым лицам.
И как истину приемлем,
Когда сами проишлым станем -
Им оставим нашу землю,
Нашу память им оставим».*

1994г.

P.S. Эта новелла про Диму оказалась счастливой. За время, прошедшее с момента ее написания и опубликования, с помощью и по содействию действительно - Главы Димитровграда - В.А.Паршина нам удалось выпустить в свет почти полную книгу тех стихов, что оставил нам Лескин. И не только его книгу. А еще добрый десяток произведений авторов, до прихода к власти нашего Главы, находившихся в забвении. Я думаю, что Дима был бы рад появлению в публичной печати его стихов, его книги. «Огненные кони» стали настоящим подарком нашим читателям, настоящим открытием для нескольких поколений димитровградцев. За эти годы свет увидели не только книги профессионально работающих в Димитровграде литераторов, но и с благословения Владимира Алексеевича Паршина уже больше года в городе выходит литературный журнал «Черемшан». И остается надеяться, что настоящие таланты мелекесской литературы больше никогда не узнают мучительной доли вынужденного молчания перед своими читателями. Дай Бог!

ВЛАДИМИР ГУБАРЕВ

Автор книги: "Зарево над Припятью. Записки журналиста" издано в 1987 г. в серии Эврика.

Владимир Степанович Губарев хорошо известен и в журналистских кругах, как блестящее «правдинское перо», лауреат десятка престижных премий и как талантливый писатель. Его пьеса «Саркофаг» идет на сценах театров двадцати стран, его портретные зарисовки о выдающихся физиках XX века высоко оценены в литературном мире. Практически сразу же за Чернобыльской катастрофой в свет вышла первая книга об этом событии мирового значения. Это была книга «Зарево над Припятью» В.Губарева. Во многом автобиографическая...

И сам автор, и его книга имеют самое непосредственное отношение к нашему городу.

«Я решил совершить это маленькое путешествие только потому, что без него трудно будет понять происходящее сегодня в атомной науке и технике. Итак, вперед! В город, где скрещиваются пути прошлого, настоящего и будущего! - начинает свое повествование о Мелекесе Губарев. Затем следует неожиданное продолжение. -

Димитровград меня разочаровал. Старые деревянные постройки, традиционный рынок у вокзала... Неожиданно из соснового парка выглянул стройный, изящный дом. Он показался чужеродным...»

Все-таки психология писателя отличается особым взглядом в глубину вещей и событий, неожиданным логическим построением мысли. Так и у Губарева: четыре строчки, а какая точно вырисованная картинка, отражающая характер нашего городка: чужеродный, хоть и красивый, современный дом, вторгшийся (как и атомная энергетика в жизнь человечества) в патриархальный, сложившийся мир старинного купеческого городка...

И точно так же - о бесцеремонном внедрении в природно-историческую среду Причеремшанья ядерной энергетики: «НИИАР растет. Все дальше уходят в лес корпуса лабораторий и установок. Где предел? Никто не знает...»

Нам прежде всего следует отметить, что все, связанное с образом нашего города и нашего «мирного атома», в книге Губарева выписано на фоне трагедии в Чернобыле, служит материалом для исследования случившегося. В этом смысле следует вспомнить высказывание Е.Игнатенко, начальника Главного научно-технического управления Минатомэнерго, доктора технических наук: «Причины и масштабы подобных аварий главным образом определяются общепромышленной тенденцией роста единичных мощностей технологических блоков и поведением персонала, управляющего этими блоками».

Говоря о НИИАРе, Владимир Губарев обращается к материалам своей поездки в Мелекес почти двадцатилетней давности - периода расцвета научной мысли в ядерной энергетике, особой

потребности, модности и значимости в обществе связанных с ней профессий. Почти ностальгически... Но уже 1986 год страшно и явно высветил узел проблем, как технологических, организационных, научных, так и нравственных, «наработанных» атомщиками в обществе. Говоря об «отце» конструкторской мысли в разработке реакторов Н.Доллежал, следует сказать и о мнении эколога Г.Медведева (бывшего димитровградца, ученого - атомщика), считающего, что к началу 70-х годов возникла идея насаждения атомных станций с РБМК в европейской части страны. Она была создана в духе фальшиво-издевательского «патриотизма» и рекламировалась «Минсредмашем» как традиционное (?) русское (?) направление в атомной энергетике. «... Эта завирально-кошунственная преступная идея, - пишет далее Медведев, - теоретически обосновывалась во второй половине 60-х годов, а к началу 70-х была уже оформлена в виде проектного задания. Тогда-то и возникла вновь тревога у трезво мыслящей общественности - ее выразил академик Н.Доллежал. Он решительно возражал против выдвижения АЭС всех типов, в том числе с РБМК в европейскую часть Союза. В 1977 году в журнале «Коммунист» Н.Доллежал вторично обратил внимание общественности на недопустимость наводнения европейской части Союза атомными станциями».

Далее о том, что ощущается между строк книги Губарева. О его чутье, его боли, имеющей непосредственное отношение к нашему «атомному» Мелекесу:

«Да, виновные понесли наказание. Но есть еще наш общий суд - суд памяти. И, воздавая должное героизму одних, мы обязаны помнить, что были преступная халатность и безответственность других. Только в этом случае мы сделаем верные выводы из уроков аварии».

И снова, примеряя ядерную ситуацию на себя, обратимся к авторитету. Эксперт ООН по окружающей среде, президент советского антиядерного общества, профессор АН СССР М.Лемешев:

«После Чернобыля за рубежом заложена всего одна АЭС. К сожалению, нас эта прогрессивная мировая тенденция не коснулась. Атомщики, руководствуясь корыстными интересами, по-прежнему навязывают руководству нашей страны курс на развертывание массового строительства АЭС. Произнес я слово «корыстными» и на минуту засомневался: а может быть, эти люди творят зло и берут тяжелый грех на душу неосознанно, в неведении? Может быть, они не знают о губительных последствиях форсированного строительства ядерных гигантов? Может быть, напористость атомщиков, достойная лучшего применения, порождается их узкой специализацией и сверхузким кругозором? Ведь говорил же Бернард Шоу, перефразируя древних греков, что «узкий специалист узнает все больше о все меньшем, и так до тех пор, пока не будет знать все ни о чем и ничего обо всем». Однако несмотря на глубокий смысл этого суждения, все-таки мало верится в то, что активность наших атомщиков объясняется их экономическим и социальным невежеством: слишком уж очевидна их тенденциозность в оценке значения атомной энергетики. Для ее пропаганды они не останавливаются ни перед чем: умалчивание объективной информации, обман общественности, спекуляция на экономических и социальных трудностях страны, шельмование честных ученых и специалистов, подтасовка данных и социальная демагогия - все пускается в ход. На полную мощность используются неограниченные возможности командно-бюрократической системы в принятии решений и в обработке общественного мнения средствами массовой информации».

Процесс такого накручивания безнравственного подхода к окружающей среде и жизни человека шел постоянно. И сознание мелекесцев «опутывалось» так же, как сознание всего советского общества. Писатель Михаил Антонов так характеризует это:

«Особенно сильно заметен нравственный упадок в нашей стране. Дело здесь в том, что многие десятилетия духовные и нравственные ценности, накопленные народом на протяжении тысячелетий и разом в свое время отброшенные как ненужный идеологический хлам, замещались другими, заимствованными с Запада и, при всей их распространенности, оставшимися чуждыми душам наших соотечественников. А отсутствие духовного стержня в человеке невозможно возместить никакими профессиональными знаниями. Человек - не животное, которое может смотреть только вниз и получать самое большое удовольствие, когда опускает рыло в корыто с пойлом, - он должен думать не только о происходящем, о своих сиюминутных потребностях и выгодах, но и о вечном, а потому ему надо поднимать иногда взор свой и к небу. Достоинно

человека лишь то, что его возвышает и облагораживает, делает добрее, милосерднее, терпимее, а не то, что его опошляет и оскотинивает. Забвение этих ценностей ведет к утрате настоящих качеств, к подмене их потребительским психозом, на котором и паразитируют сторонники атомной энергетики».

Данный посыл знаменателен в смысле применения его к нашей городской действительности. И тогда становится очевидным и еще один скрытый философский пласт в книге В.Губарева про наш Мелекесс и НИИАР. Ибо после прочтения книги сей возникает недоумение: почему с тремя выбранными автором временными пластами - сегодняшним с черновыльскай трагедией, вчерашним, с апофеозом развития промышленной атомной энергетики - арктической, пустынной (Шевченко), горнодобывающей (Навои, Зарафшан, Желтые воды), и этапом, предшествующим аварии в Припяти, - соседствует ностальгически-лирический фон, в котором зафиксировано мощнейшее интеллектуальное развитие «чистой теоретической» и экспериментальной науки о ядерной энергии «мирного атома», где и выписаны автором мелекесские страницы?

А «ларчик» этот открывается с довольно неожиданной стороны, у Губарева здесь, в нашем разделе книги, все главные герои - это или свe- тила-академики или блестяще мыслящие экспериментаторы-производ- ственники:

Штрассман, Сцилард, Зельдович и наши: Казачковский, Пинхасик, Цыканов, Демьянович, Прохоров, Ефремов, Николаев, Тетюков... За плечами каждого или семейные традиции интеллектуалов или всепожирательное стремление утвердиться в науке и среди «врожденных» интеллектуалов.

...Когда, на каком этапе произошло вырождение научной мысли, «чистого служения» истине в карьеристские низменные интересы, пожалуй, не ответит никто...

Некоторые работники НИИАРа сегодня склонны винить в этой деградации засилье в институте в последние годы мещанских интересов. Ведь все больше коллектив становится пристанищем уроженцев окрестных деревень. Людей, страшным упорством преодолевших вузовские программы в периферийных институтах, стремящихся любым путем ворваться в штатное расписание ученой элиты, оседлать командные посты и утвердить приоритет производства, вспомогательных служб, личных интересов, мелких и примитивных запросов над идеями «высоколобых» мужей «со странностями» и «дурацкими» принципами...

Наверно, и это в комплексе проблем НИИАРа имеет место. Спорить не буду. Тем более, что уже приходилось писать об этих проблемах. Но вот свидетельствует об огромном энтузиазме работников института В.Губарев:

«В институт потянулась молодежь. Новые направления исследований в ядерной физике, рождающиеся в стенах НИИАРа, открывают перед ними огромные возможности... Город где скрещиваются пути прошлого, настоящего и будущего!.. Физики, приехавшие сюда из самых разных уголков страны... Построены широкоэкранный кинотеатр и Дом культуры... Столичные артисты не откажутся приехать... В Мелекессе отличный стадион, футбольная и баскетбольная команды... Именно в Димитровграде работает БОР-БО - «отец» мощных станций на быстрых нейтронах...»

С другой стороны, писатель В.Губарев не мог не замечать и некоторых, уже тогда настораживающих, вещей: «Правда, маловато пока людей с учеными степенями... Но во главе лабораторий, установок, групп стоят талантливые инженеры...«Сегодня - «иных уж нет, а те далече...»

И еще одно губаревское замечание: «Наш век космонавтики, атома, электроники и информатики требует Знания. Борьбы за Знание, которое должно соответствовать времени, иначе так и не сможешь оценить Достоинства рождающейся новой техники и технологии... Невежество порождает страх, и паникерство, и, как следствие этого, - злопыхательство ... Пройдет всего пять-шесть лет, и не сядут ли за пульта атомные реакторов и электронных систем, энергетических гигантов и автоматических линий те самые выпускники школ, которые сегодня еле-еле перебираются через порог вуза, да и там учатся с трудом...»

А, может быть, они уже пришли к управлению институтами и производствами повышенной опасности, не сознавая, что тем самым еще более увеличивают вероятность экологических и

технологических катастроф? Мне не хотелось бы в это верить. Но как пророчески звучат слова академика Легасова, мужественного человека и гражданина, светлейшего ума Европы, поднявшего дуло пистолета к виску, дабы не запятнать чести ученого: «Гуманистические ценности оказались исключенными из процесса общественного производства. Нарастивались мощности отдельных объектов, объекты тиражировались количественно. Росла потребность во все большем количестве персонала, снижалась престижность инженерного труда. Духовные ценности сошли до уровня потребительских... В самом широком смысле - дети не шагнули дальше родителей, а, может, и деградировали в сравнении с родителями...»

Валерий Алексеевич Легасов и Владимир Степанович Губарев только приоткрыли завесу над проблемой уже больного общества. А язва невежества все продолжает пожирать и разъедать здоровые участки российского организма. И вот уже академик Н.Дубинин вынужден признать, что «...на самом деле генетические последствия в загрязненных районах неизбежны. Их величина зависит от дозы радиации, полученной каждым из районов. Любое повышение радиации влечет за собой то или иное поражение наследственности человека, соответствующее дозе радиации!»

Потому сегодня, когда новоявленные «Курчатовы» нашего НИИАРа всерьез берутся решать проблему переработки и утилизации оружейного плутония, стараясь идти «вперед Европы всей», меня бросает в дрожь, поскольку их интеллектуальные способности, мягко говоря, рожают большие сомнения. Я тоже живу в пойме красивейшей волжской реки, среди девственных пока лесов, в любимом мною городке, и не хочу, чтобы вслед за Заревом над Припятью с еще большей силой и губительностью возникло Зарево над Черемшаном.

1997г.

АБДУЛЛА ГАРИПОВ

Автор книг:

Ильмень-озеро : Повесть , [Худож. Н. Горбунов], 183 с. ил. 21 см, Саратов Приволж. книжное издательство 1983

На всю твою жизнь, 236,[2] с. ил. 22 см, Саратов Приволж. книжное издательство 1991

Родом Гариповы из Оренбуржья. Там - в многочисленной татарско-казахско - башкирской диаспоре фамилия эта известная. Отец нашего земляка - Касим - еще до 1917-го был крупнейшим специалистом-кожевником и управляющим трестом «Кожсиндикат». Но и после революции его знания понадобились новой власти. И он становится председателем одного из первых татарских сельхозкооперативов.

В 20-е годы возрожденные к жизни ленинской новой экономической политикой деловые люди Оренбуржья вновь приглашают управляющим в кожевенный синдикат Касима. Работал он эффективно и самозабвенно (на себя ведь, не на общенародное и - ничье). Однако в очередной поездке в Монголию на закупку кож неожиданно заболел брюшным тифом и умер, оставив на руках жены Хадичи пятерых ребятишек.

Мать, как могла, тянула из нищеты детей, сначала подрабатывая на дому шитьем пальто и шуб, затем - работницей на швейной фабрике. Старалась дать всем образование, профессию.

Старшая дочь Райса, имевшая торгово-экономический диплом, была направлена на работу в парторганы, сначала в Джамбульскую область, затем - в Киргизию.

Следующий за ней брат Мидхат в 1938 году закончил Институт народного хозяйства им. Плеханова, но был направлен на службу в органы НКВД. Служил в Гомеле. В 41-м с боями отходил к Москве, где прошел соответствующую подготовку и в 1942-м был заброшен в тыл к немцам обратно на территорию Белоруссии. Перед наступлением наших войск вместе со своей

группой чекистов совершал налеты на ранее разведанные места дислокации немецких абверкоманд (военная разведка), захватывая документацию спецназначения и оставшихся в живых абверовцев...

Службу в органах закончил в звании полковника, в должности зам. министра госбезопасности республики Татарстан. Умер в 1980-м в Москве. Захоронен на Хованском воинском кладбище.

Мидхат Касимович неоднократно бывал у нас в Димитровграде, где проводил отпуск у родственников.

Еще более интересна судьба второго старшего брата писателя Гарипова. Фатых закончил ФЗУ. Работая ремонтником авиадвигателей в Оренбуржском военном авиационном училище, занимался пилотированием самолетов в аэроклубе. Стал летчиком-инструктором.

В 1941-м был направлен на дообучение в Харьковское авиаучилище летчиков - истребителей (эвакуированное в Ташкент). С 1942-го - фронтовая авиация. Десятки сбитых фашистов. Сотни пробоин в его собственной машине. Горел, падал (к счастью, на нашей стороне фронта), лечился в ташкентском же госпитале, где ему пересаживали кожу...

Последние месяцы войны находился в рядах 5-й Воздушной армии 2-го Украинского фронта. Освобождал Молдавию, Венгрию, Чехословакию. После войны служил в ЦГВ (Венгрия, Австрия) до 1948-го. Тогда и приключилась с ним история, круто повернувшая всю его судьбу. Уже будучи командиром авиаполка, Фатых вместе с другом выехал в командировку в Вену поездом Будапешт-Вена-Париж. В дороге угощались, поднесли и проводнику вагона. Тот в ответ принес бутылочку-другую «Палинки». После нее летчики крепко заснули да и проводник тоже. Проснулись уже на вокзале в Париже.

Погоревали, беспечно, по-фронтовому, махнули на случившееся рукой (где наша не пропадала!) и отправились на экскурсию по столице Франции. Потом пошли заявлять о недоразумении в советское посольство. Правда, не учли, что поезд в обратном направлении шел только через неделю, и все время, пока из посольства не сообщили об их судьбе, в авиавойсках шел интенсивный поиск командиров, пропавших вместе с секретными документами...

Расправа за беспечность последовала сразу же, правда, не очень суровая по тем временам. Фатых был отправлен дослуживать на Камчатку.

Уволившись из армии, Фатых Касимович переехал в Самару, работал до пенсии на авиазаводе. После чего перебрался в Оренбуржье. И он по несколько раз в году бывал у нас в Димитровграде.

Особого разговора заслуживает судьба младшего брата писателя - Хасана. Парнишка закончил техникум, был призван в армию. С 1939-го на Балтфлоте, где и «захватил» его 41-й. Флот зимой вмерз в «Маркизову лужу» (залив), а личный состав его, переодев в черную форму и объявив «морской пехотой», бросили в бой под Ленинградом. Это было последней весточкой от Хасана в то время родне.

Заканчивался уже и 46-й, а от балтфлотца - ни строчки. Ни живым, ни погибшим не могли отыскать его даже братья - чекисты. Проверяли уже и по спискам узников фашистских концлагерей - нет, и среди военнопленных не было Гарипова. И лишь когда сумел Хасан добраться до сестры Раисы, да и то случайно, - узнали в семье о его судьбе.

Воевал на многих фронтах. Окопник в черном морском бушлате. Тринадцать раз был ранен, лечился в госпиталях. Но лишь под Будапештом (где сражался в небе Фатых), осколок фашистского снаряда всерьез и надолго вывел моряка из строя. Ранение в голову, потеря памяти на долгие месяцы, лечение в госпиталях 2-го Украинского фронта... Забыл даже адреса родных.

Добрался до Оренбурга, где соседи сказали, что мать и сестра в Киргизии. Поехал их искать. Нашел и еще несколько лет лечился от старых ран. Женился, поступил на работу в редакцию областной газеты в Таласе, дослужился до должности редактора. Был избран председателем горисполкома. Выйдя на пенсию, переехал в Казань. Умер в 1983-м...

И Хасан Касимович хорошо знал и любил наш городок.

Награду братьев Гариповых (боевых орденов и медалей) столько, что хватило бы, наверное, на целый воинский батальон.

Писательство... Возможно, у Гариповых это черта семейная. Правда, раньше брата-редактора «грешить» со словом начал именно нынешний член СП России Абдулла Касимович. После школы он учился на филологическом факультете Казанского университета. И еще тогда преподаватели прочили талантливому студенту писательское будущее.

Все рухнуло, когда началась война. Абдулла попадает в саперные части на самом гиблом фронте - Северо-Западном. Дожди, болота, озера, грязь, сырые морозы зимой...

Я не буду здесь излагать фронтовые истории солдата-сапера, комсорга, политрука Гарипова. Все это писатель передал в своей книге «Ильмень-озеро», которая заслужила множество добрых откликов.

Не буду я подробно говорить и о том, как Абдулла попал на службу во фронтовую контрразведку. Как служил под началом генерала Кравченко (героя интереснейшей борьбы с фашистской агентурой в Тегеране, где он обеспечивал безопасность совещания Сталина с Рузвельтом и Черчиллем). Как уже на территории поверженной Германии Гарипов вел разведигры с войсковыми разведками США и Англии... Все это дотошно и подробно изложено в его новой повести.

Особые обстоятельства привели к тому, что Гарипов с семьей был переведен на службу в Поволжье. Здесь Абдулла получил наконец высшее образование, правда, теперь юридическое.

Так от старшего опреуполномоченного Управления контрразведки Группы советских войск в Германии дослужился Гарипов до звания майора госбезопасности УКГБ по Ульяновской области в 1955 году. А вскоре он возглавил 1-й спецотдел КГБ на строящемся ядерном объекте в Мелекесе.

Это только на первый взгляд чекисты, стоявшие на охране тайн НИИАРа, были дилетантами, как в плохих детективах. И самому Абдулле Касимовичу пришлось проходить целый вузовский курс по ядерной энергетике, и его работники имели специальное образование. Мероприятия свои они проводили, конечно, негласно, но широко и с полным пониманием дела, специфики, а главное - людей. И по сей день о многом умалчивает контрразведчик Гарипов, подавляя в себе Гарипова - писателя. Неохотно идет на разговор о той службе. Но из крупиц, эпизодов, воспоминаний можно сложить какую-то картину «тайного фронта борьбы» с разведками западных стран в нашем городе.

В прессе сообщалось о пребывании в Мелекесе известного американского ученого по трансурановым элементам, прародителя первой ядерной реакции на первом американском реакторе Глена Сиборга. Но история эта освещалась как бы с одной научно-познавательной и краеведческой стороны.

Обеспечивал же пребывание американской делегации спецотдел КГБ под началом Гарипова. Причем у Абдуллы Касимовича была оперативная информация, что Сиборга сопровождают и работники ЦРУ.

Официальную часть обеспечивали специально «подведенные» к делегации оперработники, они ежедневно отчитывались перед Гариповым. А вот на прием, организованный дирекцией НИИАРа в честь Сиборга, Абдулла Касимович пошел сам и «во всеоружии».

Помнит он, как ахнули гости, увидев на столах дымящуюся уху из стерляди. Загомонили что-то по поводу экологической чистоты НИИАРа, если, мол, деятельность института несколько не повлияла на проживание в Черемшане такой нежной рыбы, то и люди...

Отговаривать и переубеждать их никто не стал. Хотя уж Гарипов-то хорошо знал, что была разработана целая «стерляжья операция». Наши узнали, что такой рыбный суп - любимое блюдо Сиборга. И начальнику ОРСа С. Галанту было поручено добыть стерлядь. Договориться удалось только в Сурском, где она еще водилась, но как ее доставить в Мелекес живой?

Положились на опыт и умение Галанта - он не подвел. Рыбу доставляли в спецбочках, и уха удалась на славу...

За столом все садились подле фамильных бирок (по рангам). Гарипов поставил их так, что сам оказался между членом делегации Тейблом и переводчиком-американцем. Было известно, что оба они разведчики, причем, первый - в звании генерала...

Тейбл завел разговор с нашим чекистом о том, что он знает, когда и как пускали первый реактор в НИИАРе, о том, что Гарипов это контролировал, стал испытывать того на знание специфики ядерной терминологии.

Абдулла Касимович понял, что игра идет почти в открытую и не преминул заметить, что Тейбл и сам принимал личное участие не только в семи государственных переворотах в Латинской Америке, но и в пусках первых реакторов в США.

Генерал расхохотался и возразил только по первой части вопроса: - а вам бы, мол, хотелось, чтобы у США под боком возникло еще одно соц- государство? Так мило и «беседовали», сопровождая свои слова «уколами фактов».

После приема в Москву ушло донесение об истинной принадлежности и «специалиста-ядерщика» Тейбла, и его переводчика.

Чтобы показать, что чекисты - гариповцы из Димитровграда не зря свой хлеб ели, «прочесывая» промплощадку, курируя делегации или выезжая в составе спецов НИИАРа за рубеж, - достаточно, наверное, сообщить, что в нашем городе были выявлены и разоблачены двое разведчиков из Англии.

Было установлено, что, например, один из них, будучи в командировке на ДААЗе, брал образцы почвы, что-то много и мелко записывал в продолговатый блокнотик, который хранил в специальном пояске под брюками. Абдулла Касимович и сегодня тщательно скрывает техническую сторону операции. Но известно, что одному молодому сотруднику КГБ удалось на время завладеть блокнотиком и сделать фотокопию так, что англичанин ничего не заметил...

Об этом доложили лично Андропову, передали материал на дешифровку. Брали агента уже в Москве...

О том, что работа Гарипова с профессиональной точки зрения ценилась высоко, говорит тот факт, что перед выходом на пенсию Абдуллу Касимовича на Лубянке принимал сам Андропов. Он же отмечал в приказах эффективное разоблачение димитровградскими чекистами английских агентов. Гарипову Андропов подарил кинокамеру с дарственной надписью от КГБ СССР, а в 1974-м Абдулла Касимович один в Ульяновской области был награжден Знаком «Почетный работник госбезопасности» за N 549.

Еще один любопытный факт биографии А.Гарипова - наш земляк хорошо знаком с известным киргизским писателем Чингизом Айтматовым. Дело в том, что Раиса Гарипова во время войны помогала семье Айтматовых, жившим бедно.

Помогала устраиваться на работу матери будущего знаменитого писателя, помогала в учебе самому Чингизу, подкармливала его. Племянник Абдуллы Касимовича учился с Чингизом в одном классе.

Встречи двух писателей происходили во Фрунзе и Москве. Чингиз Торекулович высоко ценит литературное мастерство Гарипова. Помогал ему советами, написал большое и доброе предисловие к его повести, опубликованной в альманахе «Литературный Киргизстан». Об этом, я надеюсь, сам Гарипов еще расскажет нам в своем новом произведении...

Несмотря на то, что Абдулла Касимович начал писать поздно да и тщательно, что выливается у него в годы работы над каждой книгой, он многого добился и в этой - новой для себя - профессиональной работе. Я знаю, что дважды ульяновские писатели (поддержанные самарцами, оренбуржцами и москвичами) доказывали состоятельность писателя Гарипова на Правлении Союза писателей России. Но... находились нелепые формальные поводы к отклонению его кандидатуры. По существу же - возражений не было! Но лишь спустя десятилетия, справедливость удалось восстановить усилиями Димитровградского писательского отделения. Теперь Гарипов без задоринки прошел московское «сито». Он был с нами по достоинству и таланту в рядах членов СП России.

На снимке: автор книги в гостях у Абдуллы Касимовича Гарипова.

Горькая весть настигла нас 20 апреля 1999 года, после тяжелой и продолжительной болезни Абдулла Касимович скончался. Похороны воина, чекиста, умного и смелого человека, талантливого писателя, гражданина превратились в настоящий митинг, где было сказано много справедливых слов в адрес нашего земляка от его коллег. Ушел еще один из большой когорты мелекесских литераторов. Но его жизнь, его работа его служение Отечеству и родному краю, как служение и всех нас, - двигают вперед культуру и литературу Мелекесса. Наша литература жива и я верю - будет служить людям.

ЛЕВ ШЕЙНИН

Как бы нам не хотелось, но память людская обладает и таким свойством как затухание. Да, каким бы ни было событие по величине и значимости, если его постоянно не реанимировать в памяти людей, оно стирается временем...

Но есть в этих правилах памяти и такая вещь, как чувство благодарности потомков, что не дает утихнуть памяти, боли, совести. Наша история со временем потеряла налет своей неординарности, героичности, значимости. Сегодня разве только старожилы города, архивы, да близкие помнят о простой посадской учительнице Марии Владимировне Прониной, о том, что с ней произошло, о том, что это ее именем названа улица города, ей стоит памятник на берегу Мелекесски у площади Советов. История эта была записана модным в свое время писателем и известным юристом - следователем по особо важным делам при прокуратуре страны - Львом Шейниным. Мы знаем его небольшой рассказ о деле М.Пронной. Но хотим еще напомнить землякам о том, кто была эта женщина, о том, что не вошло в рассказ Л.Шейнина.

За какие же заслуги перед мелекессцами Марию Пронину избрали делегатом восьмого чрезвычайного съезда Советов, определили в созданную там комиссию, где она - вместе со Сталиным (!) - работала над текстом Конституции СССР? Как представляется, провинциальная учительница просто попала в квоту. Дали разнарядку - кого следует послать делегатом - от Мелекесса определили педагога, а здесь выбор пал на Пронину. Почему на нее? Во-первых, она была учительницей в школе для детей привилегированных родителей - первой, образцовой школе

(ныне Дом пионеров по ул. Куйбышева). Здесь были организованы небывалые в то время вещи: спортзал, музыкальный зал, теплица, сад, огород подсобное хозяйство, столовая, комната игр и т.д.

На снимках: героиня рассказа Льва Шейнина мелекесская учительница Мария Владимировна Пронина со своими учениками и коллегами-педагогами незадолго до своей гибели.

Во-вторых, общественность отметила 25-летие работы Прониной педагогом (она начала учительствовать почти девчонкой). Пронину - человека и педагога отличали, по воспоминаниям современников, скромность, знания, справедливость, доброжелательство и, что не менее важно было в те времена, - политическая зрелость и сдержанность.

Говорят, что Пронины жили более чем скромно. Муж ее пил, достатка в семье, жившей в скромной казенной квартирке на улице Куйбышева (рядом с нынешним крупяным цехом), не было. Современники вспоминают, чтобы поехать в Москву на съезд, Мария Владимировна заняла

у подруг блузку, платье, жакет. Естественно, что тот скромный и единственный костюм, который она надевала на работу, для этих целей уже не был годен...

Что же произошло, что верные сталинцы - руководство города и Района - не смогли обеспечить безопасность своей делегатки, работавшей в одной комиссии с Самим! Ведь они много лучше нас сознавали тогда, что могло произойти с ними за допущение на вверенной им территории убийства...

А всему этому были три причины: господин Случай, обыкновенное разгильдяйство и комчванство. Было известно, что Пронина из Москвы приехала в Куйбышев, где состоялись ее выступления о новой Конституции на предприятиях города. Мелекесское руководство послало за делегаткой автомобиль, у шофера этого авто жена должна была родить и находилась в роддоме. Он очень спешил. В Куйбышеве он взял в автомобиль родственников - погостить в Мелекесе, помочь семье на первых порах после рождения ребенка. Скромность здесь подвела Пронину. Когда она увидела, что шофер торопится, да в машине тесно от пассажиров, делегатка, не захотев отнимать у людей время и стеснять их, отпускает машину и решает добираться до Мелекеса поездом.

Вместо того, чтобы известить о ее приезде начальство или самому встретить Марию Владимировну на вокзале, шофер разместил родственников и уехал к роженице, а может быть, стал отмечать рождение ребенка. Пронина добралась до Мелекеса ночью. Случай свел ее в поезде со знакомой, тоже работницей школы. Та везла много покупок - целый узел. Она же уговорила Пронину не ждать автомобиль, а идти домой вместе, пешком - благо это не далеко от вокзала, видимо, привлеченные узлом попутчицы и чемоданом Прониной, - за ними, скрываясь в темноте, двинулись убийцы. В районе нынешнего магазина «Ива», на нынешней улице имени Прониной, бандиты напали на женщин, исполосовали Пронину ножами.

Об этом подробнее описано у Л.Шейнина. Скажу только о том, что не попало в рассказ. Прямо напротив того места, где совершалось убийство, светились окна в двухэтажном доме. Там жил председатель райисполкома и у него было собрано застолье, за которым восседали «отцы города», выпивавшие и ждавшие приезда местной теперь знаменитости - Прониной. Попутчица бросилась к этим людям, требуя позвонить в милицию, потому что «там женщину убивают»... Хозяин высокомерно заявил, что-де телефон его не для каждого, а милиция - недалеко. Женщина кинулась стучаться в соседние дома. Соседи опять же стали требовать позвонить в милицию от хозяина квартиры, где шло застолье. Была наконец произнесена фамилия Прониной... Можно только представить что тут началось. Со двора двухэтажки стали выезжать автомобили градоначальников, побежали люди, подняли на ноги врачей... Марии Владимировне помочь уже было нельзя.

III. Чем все это закончилось, мелекесцы узнали из книги Л.Шейнина «Записки следователя» и книги московской судьи Нюриной, которая вела процесс над убийцами в Мелекесе. В здание драмтеатра на процесс вход был по специальным билетам, ибо всех желающих вместить было невозможно.

Моя мама училась у Прониной и дружила с ее дочерьми. Одна была на год ее старше, вторая на год младше. Потому ее чисто детские воспоминания складываются из того, как школьники убежали с уроков, чтобы поглядеть на торжественное прощание с Прониной, как народ валом валил на кладбище, хороня учительницу. Кстати, убийцы признались потом, что они и не подозревали, что убили Пронину, один из них даже учился у Марии Владимировны. На ее похороны убийцы тоже ходили...

Это говорит о том, что Пронину уважали в городе, знали как справедливого и незлобивого человека. Потому и процесс не стал показательным политическим актом, а был обыденным уголовным. Хотя, из чемодана делегатки вместе с подарками, кружевными воротниками, детскими платьицами и обувью, - грабители изъяли тогда еще не опубликованный широко, почти секретный текст Конституции...

Вскоре Прониных переселили в большую и удобную квартиру по улице III Интернационала. Ее дочка (младшая) восторгалась подарками «добрых дядей», - видимо, «отцов» города, замаливающих грехи свои, угощала конфетами и шоколадом подруг, хвасталась, что их часто

катают на специальном автомобиле... А старшая говорила: «Не надо ничего, лишь бы мама была живая...».

Муж Прониной опустился совсем. И детей забрали в Москву в привилегированный детский дом.

IV. Еще одну примечательную деталь хранят правила людской памяти. Приговор был - смертная казнь и, как утверждала Нюрина, он был приведен в отношении убийц Прониной в исполнение.

Однако есть свидетели, которые утверждают, что после войны один из убийц - Розов - появлялся дома в Мелекесе, в военной форме, - вся грудь его была украшена орденами. Будто бы ему приговор заменили штрафной ротой и он прославился подвигами на фронте... Кстати, судья Нюрина была вскоре объявлена врагом народа, а ее книгу о Прониной изъяли у всех, кто ее хранил.

Вот и все, что мне хотелось бы сказать в послесловии к рассказу Л.Шейнина. Хочу лишь от себя добавить: давайте помнить тех, чьи имена названы улицы города, чьи имена прижились в нашем быту. И помнить о том, что до революции в Мелекесе не было таких убойных страстей, не было уголовного кошмара, пришедшего к нам с большевиками. Террор и разнузданность нравов крепили год от года. И это наше наследство аукается и сегодня всем моим землякам новыми фактами ужасных убийств.

ГЕННАДИЙ ЗИМНЯКОВ

ЛИРИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ О СУДЬБЕ РУССКОГО ПОЭТА

По имени его знали практически во всей центральной России. Его строки цитировали и пели, ими захлебывались в письмах любимым зеки из зоны, застолья балдели, когда он начинал нараспев читать им же написанное... Это книга об одном очень счастливом и очень несчастном человеке, жившем в своем особом, поэтическом мире. Кем только на Руси не были поэты! Скоморохами и плакальщиками, лизоблюдами и иконописцами, солдатами и каторжниками. И редко кому из настоящих талантов удавалось стать самим собой. А уж то, что муза не кормила и кроме душевной радости ничем не одаривала нищих поэтов - это точно. Так уж мы устроены в нашем мире. Такова судьбинушка русских тру- бадуров.

История нашего героя - не исключение. Это повествование о неприкаянном поэте. Это горестная исповедь сына русского народа, ушедшего от бытия нашего в свой мир поэтических грез. Его конфликт с миром, страдания его души. Благодаря доброй фее-хранительнице (о, сколько было их подле любого из русских талантов, спасавших их своей преданностью и добродетелью!), не исчезло втуне после отбытия в мир иной поэта его творческое наследие. Валентина Павловна - наша землячка и народный учитель, ставшая для поэта алтарем исповедальным, исполнила перед историей русской свой гражданский долг, бережно сохраняя все писанное рукой своего друга. Она же позволила мне использовать в этой повести свой личный архив. Поклон вам, русская женщина-хранительница!

И пусть строки эти станут памятником над судьбой жившего среди нас и не признанного нами же поэта, призванного Богом исполнить свое предназначение в мире ином, более терпимом и разумном. Я пишу о тебе и тебя, Гена Зимняков, как знали мы тебя в миру. Пусть вслушаются в твой голос. Гена Потемкин - поэт, герой этого повествования.

По дачам,
Подстегнутый ветром,
Ударил,
Стремглав налетя,
В зеленом свечении лета
Зеленый крыжовник дождя.
Вихрятся, качаются ветки.
В них плещется ливневый свет.
На синей слюде табуретки
Размыт васильковый букет.
Вдруг дождь оборвался,
И с крыши
И алые бусины
вишни,
Как лампочки,
Солнце зажгло...

«Добрый день, Валя! ... Вернусь к твоему письму. Ты там случайно познакомилась в автобусе с моим дядей Петей. Когда это он стал бойким, да разговорчивым - не знаю? В Русском Мелекесесе-то он всегда был грустным тихоней. Может, в городской толчее пообтерся... Вообще-то я с ним редко общался. И стихи мои, о которых ты вспоминала, не с ним связаны, а с другим дядей (материнным братом Василием Петровичем).

Ну а настоящая фамилия у меня, как и у того дяди Пети, действительно - Потемкин. Зимняковы, Земляковы - это уличное. Да ведь ты про это должно быть знаешь... Что ты знаешь о И.Резковой?

Казанцева подписывает газету?... Еще осенью услал стихи Корженевскому. И Ларину. Что-то не дают. Примерно догадываюсь о причинах. Да - плевать! Мелочи все это. Книжки бы двинуть поскорее...»

Лесная тропка вывела его к просеке. Места в округе стали узнаваемы. Вот раздвинул руками жесткие прутья подлеска, перешагнул через пропаханную борозду и очутился на заброшенной делянке. Да-да - именно здесь и начинал он свою работу в качестве сучкореза в бригаде лесорубов. Боже мой! Выдохнулось из груди. Вся деляна, как и десять лет назад, была такой же искореженной, какой они оставили ее, выбрав из леса весь строевой сосняк. Уже черным пятном и гнилью истлел бывший подлесок, заваленный ими в ту пору, сквозь него прорастали и загнивали шершавые бостылы сорняков, кое-где пробивалась кривая поросль чернолесья, перепутавшая и пни, и траву, и тропы так, что ногой не ступить, не пробиться к другому краю деляны...

А ведь тогда он, воодушевленный лесорубской работой, припер в редакцию свой очерк «Привыкли руки к топорам...», где писал о том, как после грубого труда по вырубке леса придут сюда лесничие со школьниками, помогут леспромхозу очистить делянку и стройными рядами высадят здесь ельничек. Высадили... пришли... Сердце тягостно защемило от этой порухи, от того, что он, поэт, всегда знавший, любивший, боготворивший лес - тоже приложил руку с топором к этой деляне... Задохнулся, присел на заросший ствол, стал торопливо растирать грудь. А ведь только из больницы вышел...

Снег под черными дубами -
Не побелочный ли мел?..
Зарешеченный ветвями
День проснулся. Засинел.
Из пречистенькой больницы
На него смотрю в окно,
Как из пасмурной темницы.
Из гробницы ль - все равно.
Мне не страшно, лишь тоскливо:
Сердце может отказать

В день и час любой... счастливый,
Если грудью всей дышать.

Какое застолье могло быть у поэтов? Пара бутылок портвейна, да пара плавленных сырков... Именно так в какую-то из встреч сидели мы с Димой Лескиным в его комнатухе в общежитии сельхозтехникума, когда в распахнутом дверном проеме возник Потемкин. Окинул нас взглядом из-под измятой черно-серой фуражки, широко шагнул своими изморщиненными сапогами к столу, молча обнялся с каждым из нас, привставшими ему навстречу, весело гоготнул:

- Сидите, субчики? Без меня начали? Ну-ну!

И выбухнул из-под фуфайки еще один пузырь вина на стол. - Вот - в райгазете гонорар отхватил, решил с вами его и пропить...

Да, гонораров из газет местного масштаба за наши вирши, сочиняемые бессонными ночами, отчаянно отшлифовываемые во встречах с собратьями по перу, за наш труд и талант - едва хватало на бутылку-другую вина, чтобы отметить это событие - публикацию стихов, что бывало - хорошо - раз в месяц...

Крамолили безудержно и далеко за полночь. Больше всего стихов читал Лескин - до прослезения. Мы с Геней вновь и вновь уговаривали его поехать с рукописью в Саратов, прямо в издательство, нельзя, мол, работать вхолостую...

И только изрядно хлебнув, да пригорюнившись, как мог только он один, Потемкин поведал нам, что и сам он и одежда эта странная его - только что отпущены из заключения, куда он влип за неуплату алиментов.

- Самое паскудное, - нестрашно сердился он, - то, что моя благоверная никак в толк не возьмет, что, засадив меня, как безработного, она те же копейки получит. Ну никак не хочет ждать выхода моей книги - вот где бы уж ей кусок прибыл. А как я могу книгу собрать, если она же с ментами меня заставляет работать чер-те где и кем?

Зарабатывал он тогда на алименты в зоне, сооруженной на окраине совхоза имени Крупской, на строительстве жилого поселка, что сегодня так красиво смотрится при въезде в совхоз со стороны Димитровграда. Видимо, не очень сладко было там, что и для нас он повспоминать о зоне не хотел. Только хлопнул меня по плечу: - Слушай, - и нараспев начал читать стихи из зоны:

«Овчарка жалобно скулила, к солдатским жалась сапогам. Вот над бараком солнце всплыло...»

Закончил он застолье своей «фирменной» шуткой:

- Мужики, вот есть коронный анекдот: заходит как-то Паустовский к Багрицкому, а у того в аквариуме рыбки плавают... - и вырубился, уронив голову на стол.

Наутро мы знали, что Гена заскочит только с матерью повидаться в деревню, и - долой из наших мест, скрываться от доставших его бывшей жены и ментов.

Он грезил Грузией, где, побывав однажды, был так потрясен увиденным, что потом всю свою жизнь рвался туда вновь. Но мы-то знали, что дальше Арзамаса ему уехать не удастся. Там постоянно обитала и ждала его «голубушка Сима», любовь к которой он пронес с собой всю жизнь. Да и она его понимать старалась, жалела.

Есть жены - лишь для мужниной
души.

В годах супруги. Страсти им не
надо...

Ты женщиной такую дорожи,

Как в стужу - теплотой,

в жару

прохладой,

Как верным другом, доброю

сестрой,

Когда после житейского ненастья

Нужны бывают солнце и покой,

И чье-то милосердное участие.

Но ты в рубашке, - как в ромашке
Был вежлив с темным вахлаком.
И - пал! И нож его вонзился
Твоею смертью в сердце мне!
И вот... ко мне ты возвратился
Рябиной горькою в окне.

Хотя блатной со странной для России кличкой - Новый Орлеан - и не был рецидивистом, попав в обычную зону - «бытовку» - авторитетом пользовался особенным. За ним, видимо, тянулся немалый «хвост» из уголовного прошлого, где, как шептались «петухи», была и мокруха. Но зоны избегать ему всегда помогало чисто звериное чутье и пруха, которую Потемкин про себя окрестил напыщенное - провидение урки.

Бывает так, что люди, порой, только взглянув в глаза друг другу, сразу же понимают, что они ярые антиподы. Ну - мало им двоим места на этой грешной земле, а уж тем более в замкнутой, и в прямом, и в переносном смысле, зоне. Так случилось и здесь. Потемкин, ранее пользовавшийся особым авторитетом и покровительством у товарищей по несчастью, человек не злобливый, уединенный, пишущий не только в свою заветную тетрадку стихи, но и никогда не отказывавший всем, кто хотел бы «покрасивше марухе в стихатах отписать», или «заспывать блатняка» - всегда находил время сочинить и зековскую лирику. Тем и был пригож и храним в межнаровом пространстве.

Новый же Орлеан, появившись в зоне и увидев Потемкина - «мужика с винтом в башке» - то есть получекнутого на стихах бытовика, - невзлюбил его люто. Конечно, рассуждал он по-своему, «мужика» можно было бы и «опустить», но уж больно дохл он был, да морщинист годами. И от одного видения запрокинутого тощего и мосластого зада Новый Орлеан зло и брезгливо плевался в углы. Здесь, понимал он, нужен был иной метод - постепенного пришибания «мужика» до той поры, когда для него благом станет руки на себя наложить. Этим и занялся блатной в первую же неделю своего «сидения на нарах».

Заступить было некому. Даже и те, кто «шишковал» в бараке и покровительствовал Геннадью, не решались остеречь Нового Орлеана. Выбор издевательств последнего был широк. От облизывания параша - до выдергивания зубами гвоздей из досок, специально для спектакля заготовленных Новому Орлеану шестерками.

За каждый отказ от спектакля бил его блатной нещадно. Все тело покрылось синяками и гематомами. Он не мог нормально есть - верхний мост во рту лопнул и до крови расцарапал небо, зубы были расшатаны. Потемкин понял - его забьют до зверского состояния. Им - обоим «здесь не жить. Можно было бы подать жалобу воспитателю - но после этого акта ты становился отверженным - стократно хуже опущенного в глазах сокамерников...

Выхода не было. Лишь шепотливый совет соседа по спальному месту вчерашней ночью позвал единственный выход из тупика. «Коси в санчасть, а там просись в другую зону!»

Но и здесь была некая безысходность...

«Привет, Вапюша! Вчера заболел неожиданно. Стал приподнимать на работе очередную лопату с бетоном (набрасывал на носилки) - и вдруг хватил радикулит, мгновенно свалил с ног. Поднялся кое-как с помощью товарищей, провалялся где пришлось, до конца работы, с большими усилиями и напряжением, в холодной испарине приехал в автобусе на зону. Теперь вот вроде бы как на больничном сижу. В медчасти издеваются, вы-ещают злобу (рады - случай представился)... Мне бы лежать надо, а заставляют ходить из-за всяких никчемных анализов, обследований и малоэффективных процедур. Лечащий врач так ехидничает, что даже склонна заподозрить меня в симуляции. А мне притворство ни к чему. Работал я до вчерашнего дня легко и даже весело. Сидеть же, лежать, передвигаться крадучись - тошно! И как докажешь недалекими бездушным людям свою истинность?..»

«У меня тут, Вапюша, обстоятельства к 5 апреля резко изменились, драматически обострились и вот уже больше недели дурно пахивают - вроде бы предчувствую какую-то катастрофу. Дело в том, что мне коварно и несправедливо отказали в досрочном освобождении. Я вспыхнул, вежливо, но резко, с подковыркой, высказал свое недовольство главному врачу, который не далее,

как в конце февраля, обещал мне выпустить меня к маю (я работал под его началом), затем я хлопнул дверью кабинета, в котором просиживал по 14-15 часов в сутки, напрягая мозги и нервы, и перешел в строительную бригаду разнорабочим. Езжу теперь в один совхоз за 50 километров. Собираюсь крупно поговорить еще с двумя начальниками с тем, чтобы все-таки вырваться отсюда поскорее, но на положительный результат не надеюсь: слишком, говорят, возмутился моим уходом из медчасти гл. врач, воспринял это, как пощечину, а он тут - вторая шишка после главного начальника. Так, пожалуй, и придется тянуть лямку на каторжных работах до сентября. Но черт бы с ними, с этими работами (я ко всему давно привычен)! Беда - здоровье у меня не очень-то надежное. Да и всякие черные случайности могут произойти и в дальней дороге, и на строительных объектах...»

«Но ничего, Валя! Я тут еще подерусь за себя, а потом уж стану крепиться. Духовно (да и физически) я пока не совсем ослаб».

«Жизнь у всякого смертного складывается по-всякому. В ней всякое может случиться. Есть люди, которые умеют как-то управлять своей жизнью, осторожничают, приспособляются к обстоятельствам, к окружающим, к любым общественным порядкам и мнениям. Они могут идти против своего ума, души своей, лишь бы жилось им спокойно, ровно и, чтобы о них говорили, что они безупречны во всех отношениях.

Что это за люди! Стоит ли так жить!.. Я знал таких людей и знаю, даже из числа литераторов. Они такие причесанные, прилизанные, смиреннькие ну, как манекены в промтоварных магазинах! Обязательно партийные, т. е. благонадежные. Такие литераторы легко и много печатаются, встречаются с читателями, выступают по радио, телевидению. Лезут, как говорится, во все щели. И вроде бы, пока существуют, приобретают известность. А пишут серенько, пресно, холодно, бездушно. Читатель это видит, чувствует и отворачивается от них, позевывая, - скучно, казенно!

...Что это за литераторы, что за авторитет, что это за известность?! Да тьфу - на них!

Настоящий литератор (особенно поэт) - человек мятежный, неподатливый, даже самолюбивый (гордый), обидчивый (легко ранимый), печальный и веселый, безалаберный, бескорыстный и добрый, безбоязненно пропускающий через свое сердце все токи жизни. Он не может быть ежедневно одинаковым. Он постоянен только в одном - в любви к родной земле, к простому люду. Пишет и пробивается к читателям он трудно (за редким счастливым исключением). Еще труднее живет, презирая спокойствие.

У меня так все и получается (за исключением спокойствия). А чем все это кончится - не ведаю. Но я живу по совести, по чувствам, не прибегая к умственным изощрённостям. Кто-то пытается меня обуздать, подтравить... Пусть! Всякие сволочи не заслонят мне людей светлых. Я вижу этих людей, верю в них и прорвусь к ним. Прорвусь - и они поймут и поддержат меня. Сегодня же я живу только верой в себя. Да еще ты... Ты - единственная сейчас, кто искренне болеет за меня, верит в меня, делает мне добра и этим прибавляет мне сил и вдохновения. Спасибо, голубушка.

А смотри, Валюша, какой парадокс получается... Общественные идеалы затолкали меня в отбросы общества, думали я тут задохнусь. Да, мне плохо тут живется, но зато хорошо работается, думается.

Не попади я сюда - у меня не было бы того, что уже написано за эти месяцы... Идолы и тут остаются в дураках. Пни с глазами! Вот выйду на волю - и опять стану печататься (так плевать им в хари)! Пусть утираются...»

«Добрый денек, Валюша!

Наконец-то добралось до меня твое последнее письмо, отправленное из Лермонтова. Славное письмецо! Какое-то трепетное, очень теплое и проникновенное. Спасибо сердечное тебе за него.

Ты, наверное, уже догадалась по моему новому адресу, что я нахожусь в другом месте. Да, за месяц до срока меня (и еще пятерых) перебросили вдруг чуть ли не из конца в конец области, с учетом, как сказали нам, того, что раньше мы были судимы. Целый день везли на машине. И вот я уже полмесяца нахожусь среди бывших уголовников. Ничего. Обстановка мне тоже знакомая. А главное - я могу ладить с любыми людьми...

Конечно, и здесь каждый день чреват всякими неожиданностями, которые могут по всякому кончиться. Но, если у меня все обойдется благополучно, и через 17 дней я вновь обрету свободу -

немедленно возьмусь за компоновку сборника стихов для Москвы... И твердо решил придерживаться трезвости, иначе ничего не сделаю, не успею сделать. Выпивать буду только в редких, исключительных случаях и то лишь хорошие виноградные вина, и так, чтобы после не чувствовать никакого похмелья.

Как же прав был Володя Пырков! Говорил:

«Не уезжай из области, от нас. Встанем за тебя горой, отстоим твое право на издание книжки... ну, хотя бы в Саратове!» А я все-таки уехал, за Симой потянулся... Здесь же, в Арзамасе, меня по-прежнему мало кто знает, да и сам я что-то не хочу показываться: суета все это, возня мышинная...

Но ты не беспокойся: единственной моей читательницей не останешься, первой - будешь всегда!

Мне надо опять показать тебе целых 8 стихотворений, но не хочется переписывать их в этих условиях...

Помнишь, я писал тебе, что услал Марго (М.Н.Казанцевой) в последних числах июля 10 стихотворений? Может быть, их осмелились там уже напечатать? Должны бы все 10 опубликовать... Там ты найдешь для себя три новейших. А если еще не напечатали, то следи за следующими номерами газеты.

Дружески тебя обнимаю.

P.S. Да, какую фон Мекк Н.Ф. ты упоминаешь в своем письме? Ту, которая долгое время заочно покровительствовала Чайковскому? Ну-ну, припоминается. Удивительная была женщина. Я еще подумывал как-то давно стихи о ней написать. Да тут и поэма вышла бы. Надо снова подумать...»

Лиловая и белая сирень,
Две прелести у молодого лета.
Две женщины стоят в погожий день,
В лиловое и белое одеты.
Та что в лиловом, - краше и нежней,
Повеселей, надушена сильней...
А та, что в белом, - более простушка,
Но, приглядитесь, тоже не дурнушка.
У первой что-то есть от госпожи,
А у второй - от скромницы-служанки.
Влюблен в обеих. Обе хороши.
Но предложил бы стать женой белянке...

«В Мелекесс при первой же возможности обязательно приеду: надо повидаться с сестрой, вас навестить, старых друзей, дорогих мне людей и родные места. Заодно хочу на всякий случай прозондировать почву для работы (опять, наверное, газетной)... А стихи мои опять о матери, опять печальные. Ах, мама, мама... Как жаль мне ее, Валюша, как жаль...

Все печали на одной сошлись.
Плачет память пигалицей-птицей...
Думал - буду с матерью всю жизнь,
Думал - ничего с ней не случится.
А случилось. И четвертый год
Писем мне своих она не шлет.
И моих не ждет. И, как бывало,
Если встреч со мною поджидала,
Не стоит у стареньких ворот.
Нет ее. И дома тоже нет.
Только от пожара черный след.
Зарастет кипреем и крапивой...
Да стоит, в ожогах, сиротливый,
Наш веселый, наш тенистый клен.
(Был таким. Теперь-то сохнет он...)
Я гляжу на пожилых крестьянок,

Где ни встречу, с теплотой гляжу,
И, бывает, у таких волжанок,
Мамины черты вдруг нахожу.
Как тогда стесняется дыханье!
Замирает сердце. И глаза
Людям выдают мое страданье:
Скороспела горькая слеза».

Он часто задумывался - как это полуграмотная деревенская баба, какой была его мать, настояла, чтобы он получил образование. Сумела привить ему и чувство достоинства, и любовь к окружающему, дала редкий талант на мысль, слово, слог. Да, отношения у них были странные. Она, выпустив его из родового гнезда, никогда не попрекнула беспутством жизни или бытовой неприкаянностью, всегда он был желанным в ее доме. Это был и его дом, где он убегал от самого себя. Тешил себя надеждой, что вот здесь-то все и образуется, зарубцется, засверкает по-иному. И знал твердо - мать любит его любого. В ней всегда его опора и надежда, даже если он вновь, как в студенческие годы в Мелекесском учительском институте - потянет из матери «последние жилы», не цenia этого ее самопожертвования.

«Привет, Валюша! Как Ира Резкова прочитала мое стихотворение о сирени и двух женщинах? Ты для нее переписывала его и посылала с письмом? Или она сама приезжала в Мелекес и навещала тебя?

Да, хорошо бы, конечно, нам встретиться в этом году. Вы хотите, чтобы это произошло летом? А я - за раннюю осень, за сентябрь, за ясный, тихий, теплый День... Уехали бы куда-нибудь на лесную поляну - за Тиинск, за Хмелевку, в окрестности, кажется, глухой деревеньки Васильевки, где помню, как сегодня, в первую свою студенческую осень рыли колхозную картошку. И именно там мы как то пировали в чудесный день на лесной опушке. А у Иры на картофельном поле часто капала кровь из носика. А ты в минуты отдыха сидела лермонтовской Бэлой, в другие какие-то моменты напоминала мне толстовскую Катюшу Маслову. А я бредил тогда Наполеоном. Набрасывал на плечи дядину трофейную румынскую шинель, отходил от вас в сторонку, взбирался на какую-то старую копешку соломы и стоял на ней, скрестив руки на груди, глядя вдаль. «Штурмовал» как-то в вечерних сумерках одну какую то деревенскую деваху-толстуху. «Крепость» сия, помнится, была податливой... Римма Межевова тогда мне глазки строила (тепло так все и мечтательно смотрела на меня). А Саша Финкер все арии из опер напевал. А Гатин старался казаться гордецом и красавцем, большие виды имел на Иру и к тебе подкатывался, и к Тамаре Софроновой...

Электрона Григорьевича (кажется, потом от меня пошло второе его отчество - Протонович) я тоже при случае вспоминаю с благодарностью. Замечательный был джентльмен, забавный и, конечно же, - умница. У меня с ним уже на втором и особенно на третьем курсах были близкие отношения.

Вспомнилось сейчас, как я однажды бегал к нему на квартиру, чтобы позвать его на очередную, его же, лекцию по зарубежке. Зимой было дело. Собрались мы всем курсом на его лекцию. Сидим, ждем, а его все нет. Кто-то пошел к Лонгину Розину (он тогда был деканом), тот послал за Э.Г. меня. Я прибегаю к нему, стучусь, вхожу (дверь оказалась не запертой). Вижу - Э.Г. спит, укрытый с головушкой. Бужу его, отходя от порога. Он вскакивает, спрашивает: «В чем дело?» «Ждем вас на лекции», - отвечаю. «А разве у меня сейчас лекция?» - спрашивает. «Да», - говорю. «Тогда - бежим!» - спохватывается Э.Г.

Начинает что-то быстро искать по углам, под мебелью...

«Где же у меня портфель? - спрашивает. - Вы не знаете, где у меня портфель?» - Потом резко взмахивает рукой и устремляется к двери: «Айдайте!» А сам - в нижнем белье. На пороге уже опять спохватывается: «Стойте! Ведь надо же, наверное, сначала одеться!. Вы... вы-то бегите, а я - следом, я сейчас... Где же у меня портфель?..»

А как он всегда влетал в аудиторию! Веселый был.

И вообще у нас хороший был институт, хотя и провинциальный. Пора была хорошая. Вспоминать все в грустную минуту - заплакать хочется...» «...

А бывшие наши студенческие вечеринки - все-таки бесподобны! Как-то в недавнем твоём письме промелькнула улица Садовая и мне опять вспомнилась Ира Резкова, живо почувствовались наши с ней отношения, и (уже не в первый раз) особенно отчетливо всплыла в памяти и резанула по сердцу одна моя встреча с ней неподалеку от Садовой, в детском парке (помнишь, был такой - за первой городской головой). Очень хорошо мы с ней постояли тогда на таявшем снегу у какой-то зеленой скамейки, под кленами, с которых обильно падали, сверкая на солнце, крупные капли талой влаги (помнится, на ветках кленов была ледяная корка, и обледенелые гроздья семян с них свисали, и сосульки...) Но по-весеннему тепло было, тихо, ослепительно солнечно. И вот у меня сегодня такой «Романс» появился

Капли звон - совсем не новый,
А мне волненья не унять.
Студентка с улицы Садовой,
Ты мне привиделась опять.
Опять с обледенелых кленов
Стекает солнце в талый снег
С тобой мы сходимся влюбленно
На час какой-то и - навек.
Навек! - так думалось, решалось,
И пелось в молодой крови.
Но... тонкой льдинкой оказалось
Все в той весне, в твоей любви,
В любви, катившей на свиданья,
Под ту капель в апрельский снег.
И лишь мои воспоминанья
С горчинкой талою - навек!»

Жаль, что мы практически потеряли в лице Г. Потемкина народного учителя для наших ребятишек. Но приобрели Поэта. Все его творчество пронизано какой-то щемяще-грустной лирикой, сентиментальными мотивами. Его приверженность сирени, клену, березе, женщине, осени, голубому и лиловому - продукт не только его внутреннего мира и душевных чувств, это и внутренний мир его матери, ее влияние на сына. Потому так горько переживал Геннадий ее кончину. Это обрело воплощение в его стихах к сестре.

СЕСТРЕ

Нет у нас мамы. Ушло наше счастье.
Нет у нас мамы - она умерла.
Из песни.
Скорей бы весны быстрокрылой прилет.
Село навестим дорогое.
Крестами погост из-под снега взойдет,
Покроется вновь муравою.
Три деревца выберем в теплом лесу
И к маме придем на могилку.
Березоньку я и дубок принесу,
А ты принеси-ка рябинку.
Посадим их тихо. Пусть дружно растут.
Мы тоже ведь смерти сдадимся.
Но долгие годы деревья живут,
И в них мы втроем превратимся.
И будем на том косогоре стоять...
Я вижу уже, как над нами
Береза встает - беспокойная мать -
И нас прикрывает ветвями...

«Валюша! На воле я! На пути в Горький останавливался в г. Семенове (на родине известного нам поэта Бориса Корнилова). Останавливался специально затем, чтобы побыть у памятника Корнилову, да и сам Семенов хотелось оглядеть хоть бегло. Написались такие стихи:

Прими, земляк, поклон и эту
Еще рассветную сирень.
Одну раскурим сигарету
И на двоих поделим день.
Он синь и солнце льет на город
И только при тебе горчит...
Ах, это прошлое, в котором -
Впаялась пуля в твой гранит.
Но снова молодо, красиво
Глядишь ты, как тогда - удал,
Когда с ухмылкой горделивой
Ты шторм каспийский
повстречал!..

Сейчас уже за полдень, снова сижу в электричке, только что отъехал на Горький, а там - в Арзамас. Трудно, Валюша, писать: вагон качается, сам какой-то не свой. Дружески обнимаю всех вас».

«...Сима встретила хорошо. Посидели мы с ней поздний вечер за венгерским шампанским, тихо-мирно все обговорили. Умница все-таки она у меня, Сима. И - добрейшая... трогательная... Сразу принялась накармливать меня всякой вкуснятиной, а с утра сегодня - приодевать, печалиться - видит мое нездоровье, истощенность. Чувствую, все для меня сделает, лишь бы я придерживался трезвости. Говорю ей: «Баста! Никаких пьянок больше не будет. Будет разумный режим дня, при котором бы я мог многое делать...» - не верит, усмешливо нагоняет на глаза себе слезы, сердце мне ранит. Как при этом проникновенно люблю я ее! И люблюсь: дай Бог, чтобы никак она не болела и пережила бы меня, постояла бы над моей могилой... В Грузию ехать со мной (предлагаю - в сентябре) не решается...

... Снова письменный стол до глубокой ночи... Сердце не подвело бы. Да и с легкими (отбитыми) опять чувствую что-то не то»

СИМЕ

Посумерничаем, подруга.
Ночь в бору за двором пока.
Улеглась под окнами вьюга,
Поглядим на ее шелка.
Посидим задумчиво рядом,
Изумрудных звезд подождем.
Ни о чем говорить не надо,
От всего давай отдохнем.
Приостывшим сердцем теплея,
Молча я могу подтвердить,
Как ценю тебя, как жалею,
Как с тобой хорошо мне быть.
На плечах твоих шаль поправлю,
Нежно к ней щекою прильну.
Никогда тебя не оставлю
В стылый, сумрачный час одну!..

Вспоминаю одну горькую, еще моих курсантских времен армейскую шутку. когда на вопрос «Да кто же такой в училище курсант?» - мы со смехом отвечали: «Унитаз!»

Горько вдвойне и уже не шутейно, когда задумываюсь сегодня над судьбами Русских поэтов, над их неприкаянностью в жизни, над их горестями, отвержением, над их необходимостью в этой

жизни сохраниться самому, обеспечить семье быт. А в это время еще и творить нежное, непредсказуемое чудо и быть при этом в нашем обществе именно всем - то есть унитазами...

«Добрый день, Валя. Вот, как тяжело мне, а пишу. Раньше было еще хуже, потому и молчал. Буду краток (плохо себя чувствую). Всю вторую половину лета и осенью (до середины октября) работал грузчиком. Потом как-то враз обессилел, почувствовал приближение сердечного приступа, решил перейти на другую работу, полегче. Но сразу ее не нашел. Ничего это время не писал, не читал толком, редко смотрел телевизор, иногда садился за пиш. машинку...»

«...Уже час ночи доходит. А я с семи вечера дежурю. Сажу вот в своей огромнейшей котельной один. Мой ближайший помощник, слесарь, забаламутил и не вышел на смену. Черт с ним! Мне и без него пока не худо. Сборничек стихов кемеровских поэтов прочел, три письма написал тебе, пишу четвертое... Кот отирался тут возле ног. Хороший такой кот, солидный. Обжора только и увалень. Сейчас куда-то исчез. Наверное, завалился в теплое место, дрыхнет. А мне сидеть надо. До семи утра сидеть. Зато потом двое суток буду свободен. А там - день отдежурю - и снова свободные сутки. Ничего работенка. Как раз для современного поэта. Как я боялся ее не обрести. Учился на курсах операторов газовых котелен. Очень боялся не сдать экзамен. Но обошлось.

Я даже тут в этой котельной стихи приноравливаюсь писать (по ночам). Уже написал два-три. И, представь себе, недурно, кажется, получилось. Надо начинать решительное наступление. На жизнишку свою плохо надеюсь: может подвести в любой день и час. Хотя говорят, что выгляжу пока еще молодцевато. Но это - со стороны. А если бы кто влез в меня! Да если бы кто посмотрел моими глазами на все окружающее, на всю нашу жизнь со всеми ее порядками!..

Возможно повезет - обещали здесь на одном заводе в цех художником оформить меня...»

«.. Все равно Спокойно жить мне в Арзамасе не дадут (те же злоязычники, есть и завистники). А мне решительно надо засесть за рукописи, успеть составить основную книгу. На это уйдет месяца полтора-два.

Валюша, присмотри мне там угол! Может быть с дачкой Богдановых что-то выйдет или еще с чьей? У вас-то своей нету... Чтобы какой столик был, стул... Спал бы я на полу. Мне ведь никакого комфорта не надо. Согласился бы и работником быть у хозяев дополнительно - сторожем. Приеду в Мелекес - деньги на первое время у меня будут, а потом - разживусь. Главное - под твоим-то присмотром дело у меня лучше пойдет, быстрее и, наверняка, уже до конца доведется. Только не слишком ли я вероломен в этих своих намерениях, не пахнет ли тут наглостью, а? Тогда - извини великодушно. Сам все устрой...»

СКАЗ

Дед рассказывал как-то мне...

Был вельможа один на войне:

Все играл со страхами в прятки,

Пировал в походной палатке.

А вернулся в имение с войны -

Тут ему - и почет, и чины...

Возомнил о себе - герой!

Плечи - крыльями, грудь - горой.

Вспомнил, как солдат поучал,

Если тихий случался привал.

Стал крестьян своих поучать:

Как землю в поле пахать,

Сеять рожь и картошку рыть,

И как избы лучше рубить...

Удивлялись, смеясь, мужики:

Ай, у барина-то - мозги!»

И подумал барин всерьез -

До мужей я великих дорос!

И пошел про себя сочинять,

Борзописцев заставил писать.

Те свои напрягали умишки -

Появились у барина книжки.
 Живописцы им были пригреты,
 Что писали с него портреты.
 А когда он уже поседел -
 И зимою хворал, бледноликий
 Вдруг в бреду, будто в яви, узрел:
 Скачет бронзовый Петр Великий!
 Он не раз в Петербурге видал
 Этот памятник величавый;
 О таком - в свою честь - он мечтал,
 И хотел на вершину той славы.
 И, встряхнувшись, теперь же велел:
 «Эй, вы, слуги, проклятые черти!
 Отвлекитесь от будничных дел,
 От допрежде моей близкой смерти!
 Взгромоздите-ка памятник мне -
 Чтоб сидел я на царском коне,
 И указывал сильной рукою
 К той вон... рощице, что за горою!»
 Слуги памятник взгромоздили:
 Снег скатали, водою облили.
 Медью он отражен на дворе -
 При вечерней, холодной заре.
 Поглядел из окна тот вельможа
 На него: «Ну, так что жа... Гожа!»
 Просиял он от счастья в душе...
 А весна приближалась уже...
 Барин вновь занемог, угасал
 («Снежный памятник» оседлал).
 Во дворе - посерел, покосился,
 А затем и совсем развалился.
 Долго-долго смеялись в селе:
 «Наш герой-то сидел... на осле!»
 15111-79 г.»

«Мне надоело и нельзя больше бытовать как-нибудь, надо серьезно заняться творчеством - последний рубеж. Или - или. Пойду по восходящей - добро, по нисходящей грибы буду запасать летом, а зимой - продавать. Как-нибудь проживу (доживу)... Наши раздоры с Симой - это ерунда! Наиважнейшее другое: нет более-менее литературного окружения. Рачков с Плотниковым (арзамасские поэты) забились в свои раковины, осознают, что дальше этих раковин не проползут и довольствуются этим. Делают только вид, что что-то хотят сделать для других пишущих. Остальные - тоже сами по себе: кто-то - в пьянке, кто - в домашнем хозяйстве погрязли... Что они мне дадут? Есть тут один - Геннадий Макаров (лет ему под 60), неплохой поэт, но отчужден давно, озлоблен. А волевой мужик... Не понимаю я его.

В Мелекесе среди старых, добрых друзей мне будет и дышаться легче, да и писать, печататься. Кстати, отчебучил мне Ларин. К моим (давно пересохшим у него) «Цветам» присобачил стихи «Звезды Ильича» какого-то совершенно другого автора. Ну и ну! Написал я ему сердито, да разумеется, новые стихи послал, с просьбой и их опубликовать. Еще отдал стихи и прозу в «Арзамасскую правду», а также послал новые подборки Ларину и Казанцевой, несколько стихов в газету «Правда» и журнал «Смена». Готовлю книги, которые, надеюсь, пойдут через Пыркова в Саратове и Толю Жукова в Москве...»

«...Съездил, наконец-то, в Москву. А Толи Жукова в издательстве «Советский писатель», где он работает, не оказалось... Как выяснилось, находился дома после операции. Поехал к нему в Люберцы. Встретил он меня просто и мило. Простой и приветливой у него оказалась вторая жена,

с которой раньше я не был знаком. Посидели за обедом, потом перешли в его кабинет. Толя сразу стал просматривать мою рукопись. В целом, как я понял, рукопись произвела на него впечатление. Он сам отвезет ее в «Современник» и поговорит там, чтобы к ней отнеслись повнимательней, а то, заметил он, там всякие люди подвизаются, порой «слепо режут» (рукописи). Уехал от него с хорошим настроением и со светлой надеждой...

О Толе Жукове я тебе однажды писал. Это профессиональный прозаик (из наших, мелекесских), окончил в свое время литинститут, работает в «Советском писателе», хочет как-то помочь мне издать сборник там, в столице. Я познакомился и подружился с ним еще в студенческую пору. Ты из его вещей ничего не читала? Попытайся, спроси в библиотеке, хотя бы его книгу «Надежда». Интересно и светло пишет. Талантлив, а вот поди ж ты, тоже не гремит... Странная какая-то эта штука известность. Без конца лобызает тех, кто ее и не заслуживает, а от достойных отворачивается. Капризная мадам...

...Однообразно все, скучно, утомительно... Что поделаешь! Такую жизнь дал нам Боженька. И мы с ней вроде бы уже смирились, притерпелись к ней и не хотим с ней связываться, чтобы как-то переделывать ее. Я ведь тоже давно живу не так, как мне хотелось бы. Не та работа, не та квартира, не те друзья-товарищи... Но я еще не утратил надежды на перемены к лучшему. Дождаться бы только книжки. Дождусь ли? Скоро она не появится... Но если и пройдет, то выхода-то ждать надо 3-4 года...

Рукопись очередного сборника все еще «плавает» где-то в Горьком. Когда перед ней покажется издательство - неизвестно. Я давно заметил, судьбой художников будто бы извечно управляют какие-то духи, добрые и злые. Добрые быстро приводят к славе даже не ахти какого художника, злые же и большого мастера заставляют долго влачиться осенней, дождливой дорогой каторжника... долго - порой всю жизнь! Я вот частенько думаю о Благове. Ведь мощный поэт! Шаляпин в поэзии. И поддержки у него со стороны влиятельных людей (московских и прочих) - хоть отбавляй. Греметь бы ему, а он не гремит. Зато иные, которые ему и до пояса не достают, гремят!

Творческих дел - масса. Не алименты - бросил бы всякую работу, только бы писал, писал... Перебивался бы гонорарами, даже делал бы газетные статьи. Но это малоосуществимая мечта.

В горьковской писательской организации состоялось обсуждение рукописи сборника моих стихов. Там только выступило человек 12-13. Заставили меня много читать (чуть ли не всю рукопись стихов - а их там около 80 и поэма «Встреча с родиной»), решающий разбор делали старейший горьковский поэт Борис Ефремович Пильник (известный в российских литературных кругах) и восходящий поэт Валерий Шамшу-рин... . Общее мнение такое: я - бесспорно - поэт, где-то промедливший в прохождении к литературным высотам; работающий профессионально и потому требующий к себе со стороны самого взыскательного отношения; хорошо знающий деревню - ее быт, природу, людей... чувствующий, живописный, но далеко не ровный, небрежный. В общем, и хвалили и ругали. Больше было доброжелательности. Дали срок поработать над рукописью... Так, что, Валюша, если не при жизни, то вскоре после моей смерти сборники у меня выйдут - в Горьком, в Москве, а там - Бог даст, - в Саратове или Ульяновске. Правда, из Москвы пока ничего нет...»

АВБАКУМ

Стужей и пламенем

Дух тот пытали;

Голодом грузность его

Истошали;

Били кнутом

По его красоте!

Думали: - Сгинет в глухой темноте!

Он же - Не клялся,

Пуще грозился,

Гроном

Над сумрачной Русью

Ярился;

В ямине сидя,
На слякотном дне!
...Так и распяли
В гулком огне.
Но и поныне -
В оковах бунтуя,
Тучами, ливнями, ветром бушуя,
Оком сверкучим
Сквозь дебри веков -
Смотрит он -
Бог
Необузданных слов.

«...И еще хочу составить из наилучшей своей лирики сборничек стихов для Ульяновска. Перетасовываю и пропускаю через машинку около 400 стихов. Готовлю поэмы, иные крупные вещицы...

С публикациями в периодике - одна морока! Окончательно убеждаюсь: нужны личные контакты. Почта - плохой, почти безнадежный конек для безвестных. Даже у Толи Жукова в «Новом мире» ничего не вышло с моими стихами. Он отдавал их зав. отделом, поэту Коваль-Волкову, а попали они к тем, кто (судя по двум фамилиям, стоящим под ответами) распяливал на заре человечества Христа! А я ведь - насквозь Русский. «Стихи, - ответили они мне, - имеют определенные достоинства, но «планка» критериев поэтических публикаций в редакции сейчас значительно поднята (видишь - этакий «спорт»!). Ваши стихи «не прошли по конкурсу». А вот из «Огонька» (тоже какая-то Анна Гедымин): «...Пишете Вы умело, профессионально владеете словом, формой... ряд строк, образов побуждают видеть в Вас художника, способного на многое...», а между всем этим - до тошноты надоевшие всякие «но», «к сожалению»... Вот из «Сельской молодежи» (опять за подписью некой Л.Гейдеко): «Ваши стихи привлекают своей образностью, поэтической-фантазией, искренней душевной интонацией. Однако...» - дальше вежливо-наставительная мура, противопоставление пучку травы - кирпича!

Так и хочется прокричать всем этим В. Сикорским, А. Мете, Аннам Гедымин, Л. Гейденам:

- Не надо трепаться! Говорите короче и честнее: мы-де Вас, тов. Потемкин, не знаем и знать не хотим. Напечатайтесь у других, а мы потом поглядим...

Жду, что еще мне ответят из «Невы» (посылал туда стихи на известного Анат. Чепурова), и из «Нашего современника». Жду, конечно, майский номер «Волги». В газетных киосках он появится, пожалуй, в начале июня...

...К январю подготовил большое письмо Толе Жукову и Симе написал. Симе письмо ушло, а Жукову не пропустила цензура из-за содержащихся там стихов! Вместе с этим письмом, по той же стихотворной причине, спустя целый месяц, - черт знает что! - вернули и декабрьские письма к Рачкову, Пыркову, Благову, предупредив: стихами-то де больше не писать! (Далее в письме идут затушеванные строки, видимо, той же цензурой - авт.) Единственная отдушина была, теперь и ее дерьмом забили...

...Жалуешься, много у вас - учителей - всякой служебной писанины. А вы боритесь с ней, сокращайте ее! Взять, планы уроков - на кой они черт! Рутинка! Шпаргалки же своего рода. Ученикам они запрещены. А учителям дозволены?.. Я, например, когда работал в школе, ими не пользовался, пока на меня не донесли, но и потом без них обходился; экспромтом проводил уроки и, говорили, удавались они, даже интересными, оригинальными получались. Вот школьная реформа (какая-то, правда, несладкая) происходит. Планы уроков она, вроде, не затрагивает, а зря.

Что там с Риммой Межевой? Не поправилась, не выздоровела вдруг? Очень, конечно, мне ее жаль. С горечью вспомнилось: начиная с первой нашей студенческой осени, с колхозной картошки, долго она намекала на интимные отношения ко мне, а я, словно бы не замечал этого, и так уж она грустно смотрела порой на меня, щемя сердце мне жалостно. Но ответить ей взаимностью я не мог. Я тогда заглядывался на Иру Резкову, к тебе присматривался-присматривался...

Лишь однажды, на какой-то нашей праздничной вечеринке, я танцевал с ней, с Риммой, вальс (в ее родительском доме), раскружился с ней и в какой-то момент влетели вместе в затемненную спальню, что ли... взял там ее в свои тиски, ловя ее удивленно-растерянный взгляд, и сильно поцеловал в губы. Но это был просто хмельной заскок.

...Так-то вот, Валюша, мурашки по коже от воспоминаний. И вдруг понял отчетливо: не видать мне настоящей своей книжки, а значит, и - СП, скорее всего не дожить до этой поры... Главное - успеть хотя бы одну (главную) книгу сделать, остальные и без меня от нее пошли бы, она бы все осветила... Как зябко мне! Как пусто и мглисто вокруг.

Будь здорова. Держи связь с Лариным. Может быть, придумае там с ним что - нибудь к моему 50-летию...»

ПОРТРЕТУ ПУШКИНА РАБОТЫ КИПРЕНСКОГО...

В том весь поэт. Его природа...

Багряный с позолотой лес,

Холодные поля и воды

Под мглой волнистою небес...

И зимний вечер, и дорога

С кибиткой в полевых снегах,

Следящее за тройкой око

Луны в летучих облаках;

Усадьба: дом в сугробах, ели,

В окошках красноватый свет...

Покойно все. И до дуэли -

На Черной речке - десять лет.

...Сулящий вдохновенье вечер.

И няня в доме... И камин...

И - стол, бумаги, перья, свечи...

И только он - их властелин.

Он взор и вдаль, и ввысь бросает, -

Не видя стен и потолка.

И, кажется, к нему слетает

Звездой заглавная строка».

«Милая Валя! ...Спасибо тебе за литстраницу. По-новому взглянул на свои стихи. По-прежнему удовлетворен ими. И публикация на сей раз хорошая, без всяких помарок. Сразу же пошарил взглядом вокруг нее - нет ли лескинских стихов. Их, к сожалению, не оказалось...

Оказывается, жизнь Диму тоже каким-то образом изрядно потрепала, подорвала здоровье и теперь держит его, как я понял, в тягостных тисках быта: алименты, долги, болезни... Зовет меня в Мелекесс. Я, как мог, взбадривал его, пообещал всячески помочь ему, как только окажусь в Мелекессе. Думается мне, что он там совсем одинок, но - хуже, если окружит себя собутыльниками; в последнем случае надо его из этого круга выводить...

У меня новостей почти никаких. Мозолей на ладонях прибавилось. Ничего особенного с Нового года не писал, только два приличных, на мой взгляд, стихотворения...

Когда буду в Мелекессе, приведу в порядок имеющиеся у меня письма, записки, заметки - верю, составитя любопытная книга. Возможно, примусь за крупный роман. Давно его уже обмозговал, уже приступил к нему урывками. Постараюсь добиться командировки в Узбекистан (г. Навои), чтобы сделать там очерковые (документальные) повести. Думаю, что этим заинтересуется издательство «Молодая гвардия».

...Я лежу в тубдиспансере. Еще летом обнаружили очаговое поражение легких. Два раза срывался с лечения, а то бы сегодня был бы уже здоров... Трезвость. Настроение хорошее. Пишу, читаю, режусь в шахматы. Из болезни своей трагедии не делаю».

Где-то ходит изредка в кино,

Вечер одиноко коротает.

Смотрит в сад, в осеннее окно,

Блока и Есенина читает...
Любит облака и серый день,
Первый снег и пегие березы,
Утреннюю росную сирень,
Как туман,
И тихой грусти слезы...
Все глядит на дверь, кого-то ждет,
Кинуться готовая навстречу,
Но очнется, косы расплетет,
И плечами зябко поведет -
Женщина, которую я встречу.

«...Тут жесткая медицина. Никого в ней подолгу не держат, ни с кем не церемонятся. Малость оклемался - пошел вон! Вкалывай опять на паразитические элементы общества. Упадешь, сдохнешь - уберут, как падаль, спишут. Каторга - есть каторга...

Вот и Виктора своего ты слишком не брани. Гусаристый он у тебя (писал как-то тебе об этом). Пусть таким и остается. Таким, очевидно, ты его и полюбил?. Умный, душевный, веселый, с виду, мужик. А жизнь - сплошная слякоть. Он это понимает.

Спасибо за газетный лист. Помешались они на этих моих стихах! А ведь у меня есть и другие, даже быть может, лучше. Впрочем, всего моего архива никто не знает, ты, пожалуй, - тоже... ..

Только что вернулся после прогулки по городу и прочел твое письмо. Сразу же вспомнил четверостишие Ярослава Смелякова. Вот оно: «...Как сердце бедное унять? Скорей бы пушкинская сила его наполнила опять или совсем остановила».

Горько!.. Ты, конечно, во всем права, только, извини, банальна. «Пушкин в 37 лет погиб, Лермонтов - в 27. Высоцкий - в 42 года...» Известно все - как дважды два... Но были еще «поздние» - Тютчев, Некрасов, Никитин, Дрожжин... А сколько было иных, до смерти безвестных, а потом занявших достойное место в литературе или искусстве: умершего в нищете Саврасова, Ефима Честнякова. Или возьми очень мало кому известных авторов широко известных песен, таких, скажем, как «Однозвучно гремит колокольчик...», «Живет моя отрада...»

Эх, Валюша. Валюша... Важно создать! Я к этому и стремился. Сохранить дело и честь других, которые знают меня и переживут меня. Я только должен оставить им все лучшее свое в наилучшем виде. И это теперь стараюсь сделать».

ПОРЫВ

Так было...
Дождь. Перрон. Пивная.
Я вышел из пивной -
Стальная
Глаза мне режет полоса.
И горечь грустная, хмельная,
Переполняет мне глаза.
И - грохот!
И - состав пролетный
бьет по мозгам:
К чему, к чему?
А рельсы,
Словно сабли, слету -
по взгляду хлещут моему!
Рывок!
Тесня меня к забору,
Сказал седой путеец:
«Ишь!..
Ступай отсель без разговору!..
Не слишком рано ли шалишь!!»
И я пошел...

Ему - ни слова.
А вот теперь - благодарю.
И если в сердце горечь снова, -
Под поезд больше не смотрю!

«...Чувствую себя ненадежно. Ведь лечение было так себе... А это уже третий инфаркт. Выглядываю из больничного окна - все кругом пусто, серо, одиноко. Врачи колют сердечное, витамины, велют лучше питаться, а главное - не перегружать сердце...»

Многое думалось ему в ту пору. Вот он, Потемкин, пусть пока не очень признанный, но поэт - этого не могут отрицать даже сверхпристрастные, коррумпированные по своим кланам, не совсем с русскими фамилиями (а -душой?) критики, рецензенты... Против него же - восстоит вся его неприкаянная (но уж точно не неудавшаяся жизнь), совершенно дурацкие обстоятельства, свора полудиких в своей безграмотности совпартчиновников, невежды, злопыхатели... Но всему этому не перевесить его стремления к добру и свету, к людям, которых у нас миллионы, в которых он верит, любит их.

А вся эта элитарная замкнутость издательств и журналов, прихваченных людьми изощренными, которым плевать не только на настоящее русское слово, но и на саму Русь тоже, вся эта литературщина их, погань - ничего не стоят! Это было его неколебимой уверенностью, ибо русские таланты неукротимы, как и бессмертны. Он часто любил размышлять над этим феноменом в мировой литературе. От дум этаких даже на сердце становилось покойнее. Вот об этаким бы, да книгу - «Книгу жизни» в воспоминаниях и размышлениях - но на подходе была книга стихов, правда, сквозь тревожные и смутные пока обстоятельства, глухие обещания. Но он верил в нее, мысленно дописывая, даже здесь, на больничной койке.

Сквозь серое за окном, сквозь еле слышный в его умиротворенной душе и через подсознание несся призывный журавлиный клич...

«В сырой рассветный час, в холодной тишине - осенний красный вяз в туманной седине...» Он облизнул усушенные от лекарств губы, чуть приподнялся на подушке, опершись на нее лопатками, и, не замечая вокруг тихой, истомленной болями, лениво-бытовой круговерти десятка соседей по палате, уже начал пришептывать все новые строки:

«Нахмурился, один... Я тоже одинок. Мне тоже до седины уже не долг срок. Теперь я лишь во снах бываю молодым. А наяву, в глазах - как папиросный дым. И не проходит он уже который год. В груди - чуть слышный стон - и давит в сердце лед. И мерзну я сейчас без дома, без друзей... Собрат мой, добрый вяз, хоть ты меня согрей...»

«...Стихи Дмитрия Кедрина вышли-таки к большому читателю, их включают в свои программы актеры-чтецы, поэту посвящаются монографии, о нем пишутся диссертации...

Как известно, литературная судьба Дмитрия была тяжелой. При жизни он печатался редко. Рукописи его произведений, ныне вошедшие в антологии и хрестоматии, в свое время возвращались поэту. Он был горд, впечатлителен и терпеливо сносил обиды, безусловно, незаслуженные. Единственная вышедшая при жизни книга «Свидетели» очень невелика по объему и не дает полного представления о нем. Признание таланта Кедрину пришло слишком поздно - после его смерти...

Об этом (и его трагической смерти) я был наслышан и раньше (еще в студенческие годы), о чем в 65-м году Лев Озеров написал: «Ах, медлительные люди, вы немножко опоздали!» - хочется сказать словами, взятыми из кедринской поэмы «Приданое...» Теперь же это меня особенно огорчает. Словно предвижу собственную сУдбу, лишь конца ее не знаю. Ну, и Бог с ней!

...Хочу решительно вторгнуться в большую литературу. Уже есть с чем делать это уверенно, и я уже знаю, как это начать. Ну, а загнусь - прибирай к рукам весь мой архив (про письма не забывай, особенно береги те, что от близких мне литераторов Благова, Жукова, Рябинина (Сидорова), Рачкова, Еремеева... Разбери этот архив «по косточкам» с Лариным, или с каким-то другим толковым и чистосердечным писателем, отберите все лучшее и не дайте этому пропасть, будь хозяйкой публикаций, вплоть до сборников...

Читал тут как-то Плеханова (два старых тома брал в библиотеке). Интересный! Искусствовед, литературный критик первоклассный. Писал превосходно. В одном месте прочитал у него из Гейне: «Они потихоньку пьют вино, а вспух проповедуют воду» - как современно!

.. Попроси Диму сходить в городскую редакцию, узнать судьбу моей подборки. Правда, он, мне кажется, туда не ходок. Почему, интересно бы знать? Может быть из-за скопления там поэтесс? Я и сам Отчего-то их не терплю. Никаких! Даже - давно усопших: Анну Ахматову, Цветаеву. Никогда от их стихов не был в большом восторге. А о более поздних - о нынешних - уже и не говорю. Все мне думается, что всякие поэтессы, - прежде всего девицы, барышни, дамы и, так же, как и в жизни, больше чепурятся, жеманничают, кокетничают в поэзии, чем откровенничают. Такова женская природа и ничего тут не поделаешь. Вот приходилось читать Бэллу Ахмадулину, видеть ее на телеэкране. Какая-то наигранно истомно-усталая, под маской какой-то драматической унылости. Тьфу! Игрушечная обезьянка на резинке (были когда-то такие игрушки, я еще мальчишкой был)...

Да, дочитал я до конца «Ягодные места» Евтушенко - и не увидел в них романа. Повесть какая-то, даже записки, не более. Следом прочел «Грядущему веку» Маркова. Тут все просто и ясно, хотя и написано не столь густо и ярко. Тут роман марковский...

...Есть что-то общее у меня с Буниным, но и разнись мы с ним основательно (как, между прочим, и с Есениным, сходства с которым я тоже боялся). Можно сказать, что я какими-то гранями развиваю Бунина, однако, в иной, своей плоскости, в совершенно иной, нашей эпохе. Бунин - академичнее, аристократичней... я - много проще, мужикастее. Он - философичней, я - больше психолог... Живопись у Бунина, на мой взгляд, брюлловская, а я вот, как раз, близко к левитановской. У меня больше народности, напевности, разнообразия ритмов. Словом, я - это я. Пусть не самобытен - традиционен, предан русской классике и народному творчеству, но - самостоятелен. И теперь уже и сам себе признаюсь - состоявшийся поэт. А кто и как меня расценит - Бог им судия! Бунина же при жизни высоко ставили. В одном только завидую ему - прожил он более 80 лет! Мне бы хоть до 60 дотянуть... Сближает нас, что стихи и его и мои «лучшие» - пошли после 40 лет. Но у него, кажется, не было поэм, - у меня есть.

...Ты усмехаешься, поди там, иронизируешь? Читаешь - и - такое сопоставление: всемирно признанный Иван Бунин и... мало кому ведомый и уже бесславно собирающийся на тот сеет Геннадий Потемкин? Но я привык быть прямым, предельно откровенным во всем. Открытым, хотя это часто вредило и вредит. А потом - я делал это сопоставление - поверь мне! - без малейшей тени пристрастия и самолюбия, очень трезво и ответственно.

На сердце - камень.
Стынет кровь.
И углубляются морщины.
В мучительном изломе бровь
У терпеливого мужчины.
Он смотрит в светлое окно,
А там - как будто бы ненастье,
Как будто ночь.
Темным-темно.
И черным кажется вино,
В котором нет ни капли сласти.
И хмеля вроде тоже нет...
И представляются мужчине
Висок его и пистолет,
Пустяк,
Таящийся в кончине!
Пошарит по столу рука.
Потом раздумчиво сожмется,
И лоб к железу кулака,
Взбухая венами, приткнется...
Это из Зазеркалья виделось, прости...»

Он писал Ей: «Давай поговорим без политики. По-человечески. По-душам. Так вся эта чехарда надоела...» И следом шли стихи, будто кровавая истерзанное болями его сердце. Он их выхаркивал из больных легких вместе со словами, слезами, бессильем:

Железо - понятно. А золото?
Железо - рабочий металл.
Оно - для серпа и молота.
А меч... Он потом засверкал.
Но злато - его сиятельство!
- Извечно - господский металл.
И подлость оно, и предательство,
Кто цену ему набивал!
За что?
За его лежание,
Коварство и скупость его,
Прикрытые чинным блистанием?
Да больше в нем нет ничего!
Но люди с кубышками носятся
И сходят над ними с ума.
Что люди! Народы заходятся,
Штурмуют его закрома.
Когда же оно будет проклято,
В какой исцеляющий век,
Проклятое это золото, -
Чтоб истиной стал - Человек!

Не терпел он и фальши, особенно там, где надрывно должна была сверкать изломом своим сама душа человеческая. Размышляя над феноменом Владимира Высоцкого, он прозорливо гвоздил: «Приходилось мне мимолетно слушать его пение. (И это после отсидок-то в зоне!) Не потрясло. Казался мне горлопанистым. Смотрел на него в фильме «Место встречи изменить нельзя». Там Высоцкий мне нравится. Как актер, как мужчина (правда, любящий порисоваться). Слышал от москвичей, что похороны его были многолюдными, бурными... Видимо, он был значительной личностью. Но, как он выглядит, какое место занимает в нашей литературе - не знаю, не знаю...»

И - тут же - без перехода, всем своим нежным и израненным сердцем, выдохнул стихи: «Голубушка... Из тающих снегов я рвусь к тебе, весною окрыленный.. С работы в сумрак возвратишься ты - и удивишься весело, с порога: мои на подоконнике Цветы - подснежники! Ты нежно их потрогай...»

Уже задыхаясь в защемившем душу приступе, хватая, казалось, открытыми глазами воздух, мир, его горизонты, он вдруг ясно представил себе, что в Грузию-то нужно было бы ехать хотя бы и ради отдохновения душе и сердцу, но стихи не отпускали, держали цепко рукописи книги. Он уже бредил:

Весенней Грузии туманные сады
В цветенье бело-розовом...
Когда-то
Дышал я их рассветным ароматом,
Далекий от российской лебеды.
Я эту лебеду и листопад лесной,
И снег неласковый... потом познаю..
Но под черемухой, рябиной ли, весной -
Припомню те сады.
И забываю...

«...Мы, Валюша, еще попразднуем с тобой. Обязательно! Только бы не испортила все какая-нибудь черная нелепость. Но будем верить в солнечность...» Его не оставляла боль, слезы по неудавшемуся текли по впалым изморщиненным щекам. От своей отчужденности, одинокости и неприкаянности ему впервые стало неспокойно.

Больной хрипел, вырываясь из плена костлявой, отступая от близкого погоста, а ему казалось, что он летит со стихом к людям, в которых верил до последнего вздоха:

Умирал в нищете и безвестности,
В тусклом свете холодного дня,
Одиночества, мрачности, бедности, -
Ничего, никого не кляня.
Только виделось:
Поле в проталинах,
Небо сизое в рваных прогалинах,
И грачи, и сырой березняк...
Только думалось:
Все ль оно ладное -
На полотнах его торжество!
Свет-Россия, заря незакатная,
Как помянет певца своего?

И что же делать нам, други мои, с тем бесценным наследством, которое он свалил нам на руки. Как помянем своего земляка? Чем? Устыдимся ли его и своей неприкаянности? Он ставит на белом, чистом листе перед нами свою завитую подпись: «Потемкин».

Дописывать - оставил нам.

